

LIBRARIES

UNIVERSITY OF WISCONSIN-MADISON

1905 год в сатире и карикатуре [1905 god v satire i karikature]. 1928

Isakov, S. K. (Sergeĭ Konstantinovich), 1875-
Ленинград [Leningrad]: Прибой [Priboi], 1928

<https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/ZRJ2NXVRUIM5P8U>

<http://rightsstatements.org/vocab/CNE/1.0/>

For information on re-use, see

<http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/Copyright>

The libraries provide public access to a wide range of material, including online exhibits, digitized collections, archival finding aids, our catalog, online articles, and a growing range of materials in many media.

When possible, we provide rights information in catalog records, finding aids, and other metadata that accompanies collections or items. However, it is always the user's obligation to evaluate copyright and rights issues in light of their own use.

С. ИСАКОВ

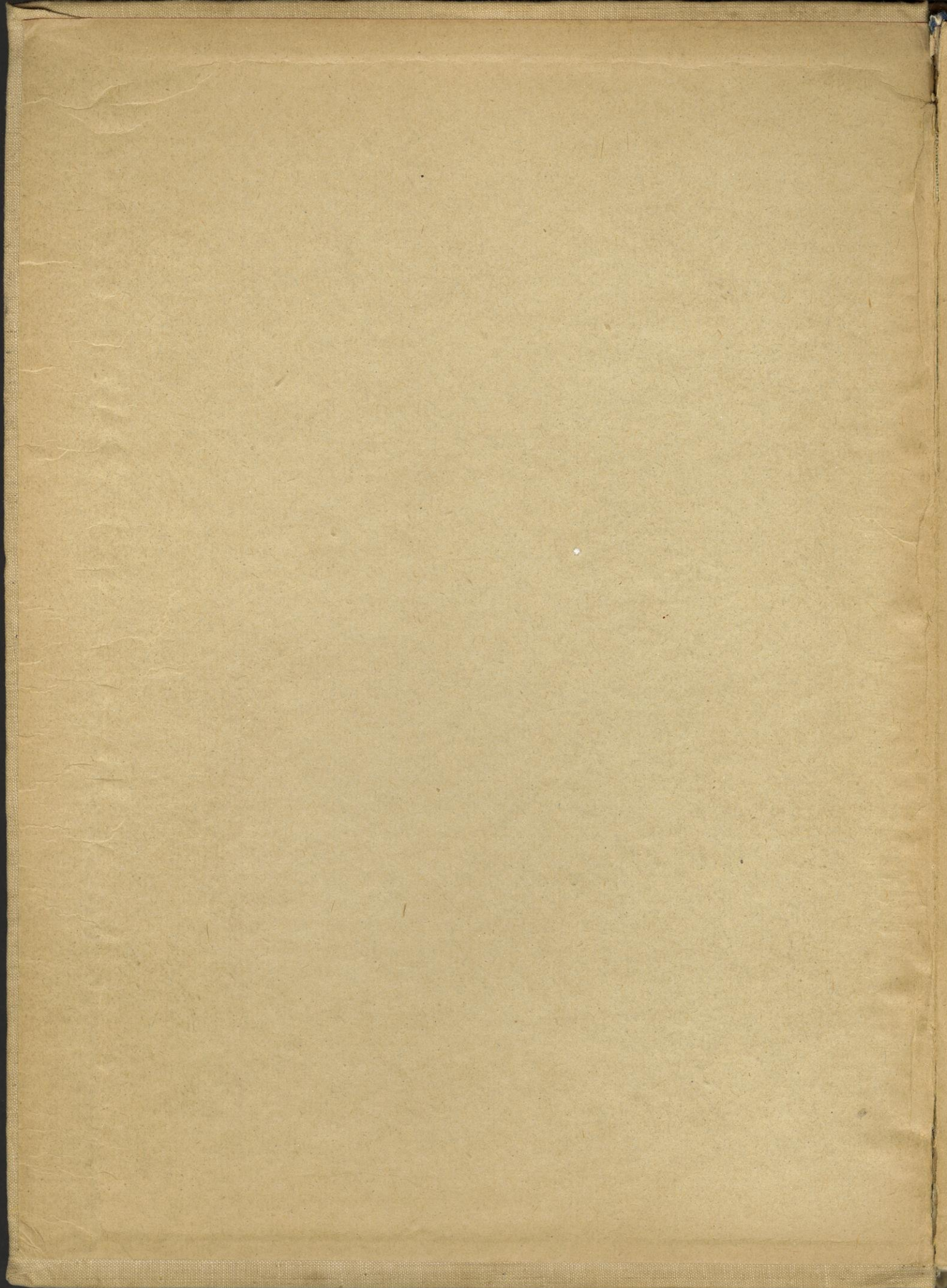
1905

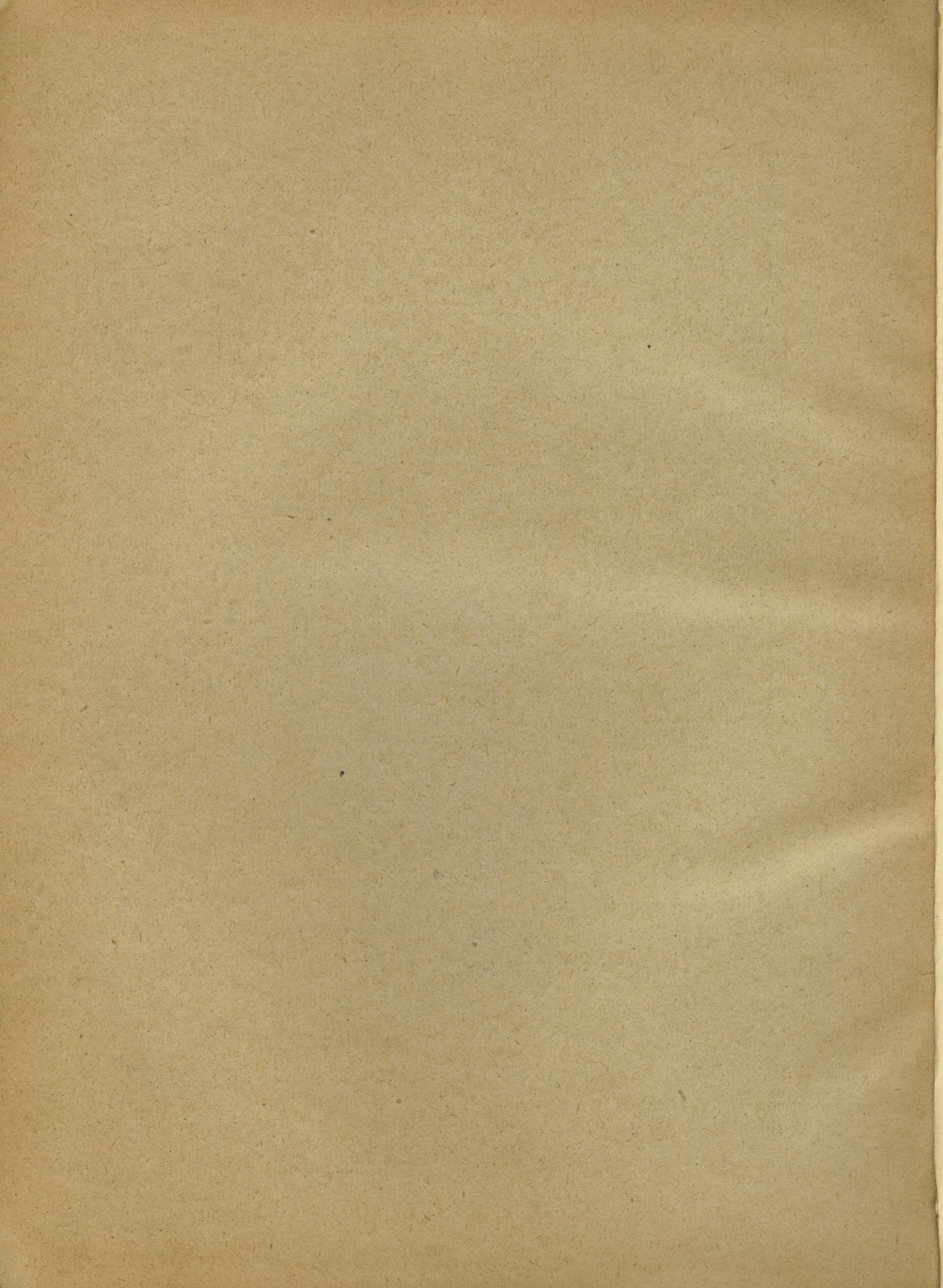
Г О Д

В САТИРЕ
И КАРИКАТУРЕ

«ПРИБОЙ»

1928

С. ИСАКОВ

1905

Г О Д

В САТИРЕ
И КАРИКАТУРЕ

1 9 2 8

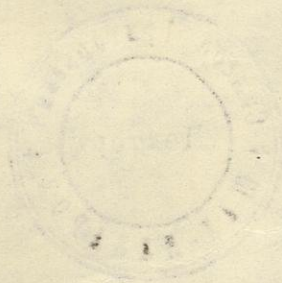
«П Р И Б О Й»

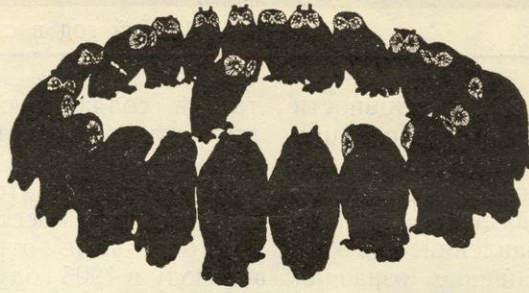
СОКОЛОВ

1905

В. САДНЕР

Н. КАРЯКАТНЕР

(„Маски“, 1906 г., № 1).

Предисловие.

Не зная истории первой русской революции, невозможно понять и хода дальнейших событий русской политической жизни; не имея представления о движущих силах революции 1905 года, этой генеральной репетиции подготавливавшейся в течение десятилетий великой октябрьской драмы, невозможно понять и самой пьесы, разыгранной великим двигателем истории, пролетариатом, в октябрьские дни.

Вот почему большевики, марксисты и прежде всего вождь революционного крыла международного социализма В. И. Ленин неустанно твердили о необходимости изучения этой славной эпохи бури и натиска, революции 1905 года.

Изучить опыт этого года, выяснить себе характер движущих сил революции, понять те причины, которые вызвали невиданное еще массовое движение пролетариата и крестьянства, выяснить все те формы организации и борьбы, к коим прибегали классы и партии, это означает выяснить во многих отношениях ход и характер нашей Октябрьской революции. Теперь неустанно повторяют, что нельзя быть марксистом, не принявши Октябрьской революции, и это, без сомнения, верно; но, если это верно, то не менее верно и то, что, не понявши и не изучивши хода и столкновения движущих сил первой революции, нельзя представить себе отчетливо, почему именно так, а не иначе, пошло развитие переживаемой нами эпохи.

Революция 1905 года, как выразился В. И. Ленин, была буржуазной по сути и пролетарской по методам.

Это означает прежде всего, что задачи, которые ставились объективным ходом развития, ходом вещей на определенном уровне развития производительных сил страны, которым было тесно в отживших рамках полуфеодального политического строя, задачи, стоявшие перед борющимися классами, состояли в уничтожении именно этого полуфеодального строя. Уничтожение самодержавия и, стало быть, экономически прежде всего уничтожение той опорки, на какой покоилось это чудовище, уничтожение феодального земельного оплота самодержавия, раскрепощение деревни от пережитков старой докапиталистической России — вот какая задача дана была историей на разрешение пролетариату, главной революционной силе эпохи, ибо не разрешив этой задачи, пролетариат не мог до конца сломить и самодержавия, а не сломив его, он не мог расчистить себе и прямой дороги к социализму.

Это прекрасно понимали борющиеся классы в лице их передовых отрядов, их партий, этих генеральных штабов классовых армий.

Но, в то время как пролетариат и его генеральный штаб, революционная социал-демократия, понимая это, шли в своей борьбе за демократизацию общественного строя до конца и выдвигали как самый основной вопрос революции осуществление диктатуры пролетариата и крестьянства, другие классы и их партии сознательно отмахивались от такого решения вопроса, суживали свои задачи, ограничивая их половинчатым соглашательским решением. О либе-

ральной демократии, о ее склонности к компромиссу, к измене делу революции, к соглашению со старым порядком большевики говорили давно, предостерегая пролетариат и разоблачая либералов всяческих оттенков и направлений, ибо этот компромисс, это соглашение означали не что иное, как только видоизменение старого строя, а не уничтожение его.

Политически и экономически это выражалось в том, что предлагала и за что соглашалась бороться либеральная демократия в крестьянском вопросе, — окончательное уничтожение помещичьего землевладения или оставление его в новом рафинированном виде с наделением землей крестьянских верхов „по справедливой оценке“.

Довольно большие слои мелкой городской и сельской буржуазии в лице своих партий выдвигали более или менее радикальные проекты разрешения крестьянского вопроса на словах и в то же время на деле шли за либеральной буржуазией. Отсюда и получалось то удивительно драматическое положение для пролетариата, что, борясь с самодержавием и ведя за собой крестьянство, он все время вел борьбу за крестьянство, за гегемонию в революции, за коренное, решительное, безоговорочное доведение демократической революции до конца.

Все великие битвы, которые дал пролетариат в 1905 г. издыхающему самодержавию, все они были окрашены борьбой за крестьянство: и 9-го января передовые слои пролетариата на практике показали отсталым его слоям, еще очень тесно связанным с деревней, что надежды на царя — пустые надежды, что борьба с царем — единственный путь освобождения; и летом во время великих битв, которые разыгрались в Иваново-Вознесенске, а затем в Лодзи и на юге в Одессе, пролетариат вел борьбу за крестьянство, вовлекая его в движение, руководя им, пытаясь его руку, вооруженную винтовкой, направить в грудь старого строя; и в октябрьские дни, когда вслед за рабочими и крестьяне принялись за устройство советов, шла борьба пролетариата за крестьянство; и наконец, в декабре, когда стоял вопрос, пойдет ли на помощь рабочему, стоявшему на баррикаде, оде-

тый в солдатскую шинель крестьянин, это была борьба пролетариата за крестьянство.

Победить в этой борьбе, сдвинуть всю толщу крестьянства, а не только его отдельные отряды, как это было повсюду в 1905 году, особенно в октябре и декабре, это и означало победить в революции 1905 года, это и означало разоружить до корня самодержавие — отобрать у помещиков землю, демократизировать весь строй, провозгласить диктатуру пролетариата и крестьянства.

Политически, на арене политической борьбы, в „идеологии“, так сказать, это выражалось в сотне платформ, комбинаций, проектов, суть которых сводилась к тому, что революционный пролетариат в лице его передового отряда ставил вопрос о вооруженном восстании и его органе в результате победоносной революции, временном революционном правительстве, а все остальные классы и классовые группы в лице своих партий ставили вопрос о соглашении, выражая его политически в той или другой форме, — булыгинская Дума, конституция, Государственная Дума и т. д. и т. п.

Советы рабочих депутатов, боевые революционные комитеты, как органы восстания, и были той организационной формой, якобинские способы — забастовка, восстание, баррикадные бои, расстрелы командиров, захват власти — и были теми формами и методами борьбы, какие Ленин назвал пролетарскими методами революции 1905 года.

Плач об „издержках революции“, возгласы о неприменении оружия (плехановское „не нужно братья за оружие“), призывы меньшевиков, эс-эров и кадетов забыть о разногласиях (плехановское изречение „взять за скобки эти разногласия“), попытки к соглашению — это и были буржуазные методы революции 1905 года, отражавшие ограниченную сущность буржуазных сил в этой революции.

Литература — одно из самых могучих средств борьбы; а та отрасль литературы, которая носит название политической сатиры, быть может, самое острое оружие, каким когда-либо располагало борющееся за свое освобождение человечество.

Действительно, великие открытия, великие истины этих открытий, производящие революцию в мировоззрении, очень медленно проникают в классовых обществах в народные массы; господствующие классы сознательно препятствуют проникновению таких идей в массы. Известно изречение Вольтера, что бога нужно было бы выдумать, даже если бы его не было, ибо религия нужна для народа. „Бога, может быть, и нет, но бог — славная штука для порабощения этого зверя-народа“, — так, примерно, рассуждал Вольтер.

Но, как бы ни рассуждал Вольтер, сам он прекрасно уничтожал и дикие религиозные суеверия и веру в бога сатирой, смехом. Когда в остроумной, полной блеска и смеха сатире, карикатуре, также иногда в полном страшного яда сарказме, — и все это в образах, обаянных печатью истинного гения, — массе преподносятся те „святыни“, те идеалы, те фетиши, которым поклонялись веками, когда вместо неприкосновенных богов, царей, величеств и высочеств, вождей и героев, непогрешимых и недоступных, выступают обыкновенные гнусные, пошленькие, маленькие людишки, ничтожные фигурки, как манекены, поставленные на место заинтересованными классами и партиями, или звери и хищники, отвратительные сгустки животного классового эгоизма, когда все это сопровождается то добродушным, то ироническим, то брызжущим сарказмом и ядом смехом, тогда не остается и следа и от святости, и от почтенности, и от неприкосновенности, и человек оголяется, и выясняется его истинная природа и сущность.

„Дайте мне одно слово, написанное вашей рукой, — говорил какой-то юрист, — и я приговорю вас к смерти“. „Дайте мне свободный сатирический карандаш, — может сказать художник, — и я совлеку вас с вашего пьедестала, как бы он высок ни был“.

И буржуазия и пролетариат в лице своих передовых слоев прекрасно понимали это революционное значение сатиры. Но у пролетариата, еще не завоевавшего власти, у его партии, только что пытавшейся выйти из подполья, не было в руках всего аппарата печати:

печать принадлежала буржуазии. Газеты, журналы, перья беллетристов, карандаши и кисти художников — живописцев и графиков, резец скульптора — все это было куплено буржуазией. Пролетариат имел массу неотложных задач: бросить в толщу пролетариата и крестьянства организационные лозунги, внедрить идею о вооруженной борьбе, разъяснить соотношение классовых сил, указать путь и методы борьбы, ведущие к победе, — и на разъяснение одних этих вопросов не хватало сил и средств.

У нас не было своих сатирических органов совсем не потому, что мы, пролетариат, его партия, не умеем смеяться, а потому, что все наши силы и средства мы отдавали тому фронту борьбы, где уже не до смеха, где льется кровь и где критикуют уже не перьями и карандашами, а винтовкой и пулеметом.

Как и во всей печати, и в той ее области, которая носит название сатирической, господствовала буржуазия, и вот чем объясняется тон, характер, настроение всей, за малым исключением, сатиры 1905 года. Мало того: то соотношение движущих сил революции, та политика борющихся классов, какая вытекала из этого соотношения, та проповедь соглашения, тот плач об издержках революции, те советы вынести за скобки разногласия, не братья за оружие, что раздавались из всех углов буржуазного лагеря, — все это красной нитью проходит почти во всех произведениях сатиры 1905 года. Скажут: а „Пулемет“? а „его величество пролетариат всероссийский“ на вывеске этого журнала?

О, вывеску повесить можно какую угодно, а вот что находится под вывеской, это вопрос другой. „Смех, но во имя чего?“ — совершенно правильно говорит т. Исаков в своем очерке.

Нельзя, конечно, сказать, что сатира 1905 года была не революционной. Она, несомненно, была революционной, ибо подвергала осмеянию, бичевала, разоблачала, низводила с пьедестала фетиши самодержавия, и в этом ее великое значение. Но, делая это, она не шла до конца, она не выдвигала того, что нужно было пролетариату и крестьянству. Она и не могла этого сделать, и совсем не

потому, что задачи сатиры только отрицательные. Совсем нет. Возьмите Бомарше. Разве из-за его сатиры, из-за его остроумных диалогов, из-за смешных коллизий не вырисовывается образ того человека, контуры того нового строя, во имя которого написано бессмертное произведение? Возьмите „Письма темных людей“: разве из-за их беспощадной, частенько грубой сатиры не выглядывает контур нового буржуазного общества? Возьмите мрачный сарказм Щедрина: разве вы не видите, как в воображении автора и помимо его воли выглядывает идеальный строй русского просвещенного радикала?

Точно так же и сатира 1905 г., буржуазная по своему существу, не могла нарисовать никаких иных перспектив кроме буржуазных, не могла дать штрихов, горящих отблеском восстания.

Наоборот, она вся пропитана буржуазной двойственностью, половинчатостью, нерешительностью, боязнью революции до конца, боязнью сказать последние слова. В самом деле, напр., „Адская Почта“, где участвовали лучшие литературные силы передовой буржуазной литературы и даже наш Горький, дальше мелкобуржуазного анархизма не пошла, как совершенно правильно замечает г. Исаков. Больше того, мелкобуржуазная интеллигенция и на страницах этого журнала выявляет свою беспомощность, свою боязнь революции. А что, как эта самая революция, „его величество пролетариат всероссийский“ вместе с „деревенской беднотой“ да ахнет дубьем по культуре? Что тогда?

... Замирая, кликом бледным
Кличу я: „Мне страшно, дева,
В этом мороке победном
Медно скачущего гнева“.
А Сивилла: „Чу, как тупо
Ударяет медь о плиты...
То о трупы, трупы, трупы
Спотыкаются копыта“.

Это стихи Вяч. Иванова в № 1 „Адской Почты“. Они характерны не только для журнала, но и вообще для буржуазной интеллигенции, — верховодившей в сатире 1905 года. „Мне страшно“, — вот чувство того российского интелли-

гента, который ненавидел самодержавие, но боялся и пролетариата. Вместо того, чтобы сказать себе: „Этот «медно скачущий» гнев навалит горы трупов, но бояться я его не боюсь, не убегу от него, а пойду вместе с ним, не убегу за пределы досягаемости, а останусь с ним и выпью чашу до дна, дойду вместе с ним до победы — хорошо, погибну, зато — в борьбе“, вместо того, чтобы сказать и сделать это, мелкобуржуазная интеллигенция стонала и плакала:

Кто встал на Каина-убийцу, должен
часть...
(„Адская Почта“, № 2.)

Отсюда же, из буржуазной сущности сатиры 1905 года, вытекала и та критика, та насмешка над „ограниченной“ якобы непримиримостью, какой страдал пролетариат и его партия. В этом отношении единодушно выступали все сатирические журналы вплоть до немногих эс-эровских, какие тогда существовали.

Не говоря уже о либеральных „Стрелах“, которые постоянно подсмеивались над социал-демократами и эс-эрами, которые не успели, мол, сойтись, как уже передрались, но даже эс-эры — и те всячески стремились посярмить социал-демократию.

Вот, например, „Ерш“, томский сатирический журнал эс-эровского толка. Сначала он чуть ли не проповедывал прекраснородное единение социал-демократов и эс-эров. В номере третьем на его страницах напечатано, например, сентиментальное стихотворение „Они уж не стали врагами“, смысл которого в том, что вот-де, хотя и спорят эс-деки с эс-эрами, а за свободу умирают одинаково доблестно и смерть, мол, их примиряет. Но прошло немного времени, и в № 18 „Ерша“ появляется гнусный рассказ „Смелость социал-демократа“, мораль которого сводится к тому, что эс-эр смел, решителен и обладает прочими доблестями, а социал-демократ ради своей догмы готов, мол, отдать мужичка на растерзание волку — самодержавию.

Но, раз так, раз в борьбе классов в революцию 1905 года выявилась главным образом буржуазная сатира, то

зачем и знакомить с ней пролетариат, скажут некоторые.

Прежде всего, уже одно то обстоятельство, что даже в такой области, как сатира 1905 года, мы очень хорошо можем наблюдать отражение борьбы классов за гегемонию в революции, обязывает всякого познакомиться с сатирой этой эпохи. Что, как не отражение борьбы за крестьянство попытки „Ерша“ доказать, что эс-эр друг крестьян, а эс-дек нет? См. например, также стихотворение-сатиру на социал-демократов „Ранним утром встает социал-демократ, член великой российской единой...“), кроме этого необходимо признать, что в натиске на самодержавие сатира 1905 г., даже буржуазная, дала блестящие образцы, знакомство с которыми обязательно для всякого изучающего историю революции 1905 года. В самые решительные моменты борьбы наиболее радикальные журналы 1905 года возвышались, действительно, до высот истинно-революционного пафоса:

Приходи, боец желанный!
Я ж молчу... топор точу...
Жду: кому-то он придется
По рукам да по плечу!

Это восклицал Амфитеатров в № 1 журнала „Зритель“, ожидая восстания. Даже буржуазные „Стрелы“—и те иногда зывали о победе, не говоря уже о таких журналах, как социал-демократическое или, вернее, признающее программу социал-демократии своей программой, радикальное „Жало“.

В номере первом этого журнала, почти накануне декабрьского восстания (29 ноября), помещен, например, прямой призыв к вооруженному восстанию:

Кровью улицы залиты,
Дым стоит пороховой.
Вырывай скорее плиты
Обагреной мостовой!
Из-за серого завала
Залп ответный прогремит...
Смерть за смерть! Пора настала,
Сердце мщением горит.
Глухо пламя тлело годы,
Но желанный день настал—

И вчерашний раб свободы
Зная красное поднял.

За насилье, за презренье,
За нужду, за долгий гнет,
Воздаянье и отмщенье
Этот день с собой несет.

О, клянемся, иго наше
Мы сегодня разобьем.
Смерть для нас бесправья краше,
Победим или умрем!

Было бы, конечно, в высшей степени важно проследить детально, как отразилась на сатире 1905 года та борьба классов, которая кипела тогда повсюду, чьи интересы, каких классов и групп отражали и защищали сатирические журналы; но это—дело будущего. Предварительно необходимо проделать ту черновую работу, без которой невозможно разрешить указанную только задачу, — собрать хотя бы полный комплект этих журналов, так как нигде такого полного собрания нет, добиться от деятелей этих журналов, еще здравствующих ныне, статей и воспоминаний, опубликовать документы цензурного характера и т. п.

Одной из таких подготовительных работ является выпущенная Гизом в 1925 году книга В. Боцяновского „Русская сатира первой революции“. Сейчас мы даем воспроизведение наиболее ярких карикатур и вообще произведений сатирического пера и карандаша 1905—1907 г.г. с сопроводительной статьей т. Исакова.

О важности и необходимости библиографической работы в этой области распространяться нечего: она ясна всякому.

Понятна и попытка дать воспроизведение наиболее ярких рисунков сатиры 1905 года. Только посмотревши рисунок, прочтя его подпись, впитав в себя весь яд насмешки, злой иронии и беспощадного сарказма иллюстратора и того, кто сопровождал рисунок подписью, читатель почувствует ту огромную силу, какую представляет сатира, и тот огромный пробел, какой представляет наша жизнь, где нет места сатире, ибо заглушить смех—это вырывать у самого себя почву здоровой критики и исправления.

Понятно, что наше издание не претендует на полноту: мы, например, совер-

шенно не дали образцов черносотенной сатиры, — была и такая. И сделали это мы совершенно сознательно, совсем не потому, что боялись ее, а потому, что и для оппозиционной сатиры нехватало места, — слишком велик тот материал, образцы которого хотелось бы дать издателю. Нельзя забывать, что в нашем указателе перечислено около 350 названий, из которых на долю Петербурга приходится около 150, на долю Москвы около 100 и на долю провинции тоже около того.

Это обилие материалов не позволило в настоящее время более пропорционально распределить материал. Когда-нибудь в будущем, в большой научной работе, когда будет накоплено достаточно материала, какой-нибудь усердный исследователь подробно рассортирует по классовым признакам все сатирические журналы, и „сатирическая идеология“,

если так можно выразиться, предстанет пред читателем как в высшей степени любопытное „Кривое зеркало“, довольно прямо отражающее действительность.

Наша задача в данный момент скромнее — показать, как могучие удары пролетариата по твердыне самодержавия дали возможность буржуазной сатире использовать свой карандаш и перо в борьбе с общим врагом. Изучение материала, предлагаемого нами, в любой школе только ярче и живее подчеркнет то обстоятельство, как борьба, кипящая в толщах народа, отражается даже в таких отвлеченных областях, как искусство, в частности как живопись и графика.

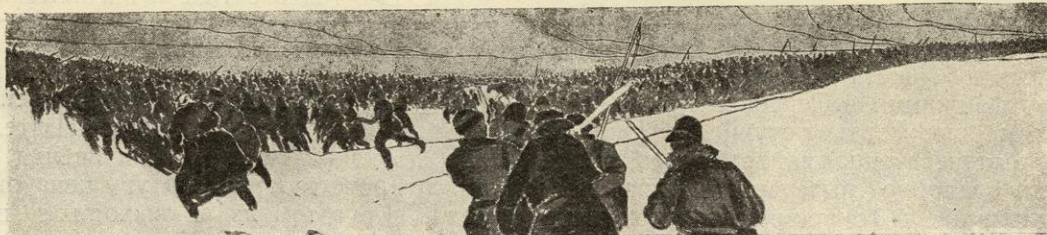
Сатира в 1905 году играла слишком большую роль, чтобы при изучении истории 1905 г. пройти мимо нее: одну из первых попыток в этом направлении делаем мы.

В. Невский.

(„Адская Почта“, 1906, № 2)

Рис. И. Билибина.

В глубине России.

(„Зритель“, 1905 г., № 18.)

Общий очерк.

Никогда,—ни до 1905—6 г., ни после,— не было у нас такого обилия сатирических журналов. Меньше, чем за 12 месяцев, возникло свыше 300 новых изданий. Не только обе столицы того времени — Петербург и Москва, но и провинция, все крупные центры ее откликнулись на революционные события выпуском иллюстрированной сатиры. Подлинного понимания смысла революционного момента, значения основных движущих сил свершавшегося грандиозного переворота не было у подавляющего большинства этих органов. Только два-три журнала, как показано будет в дальнейшем, давали себе ясный отчет в том, что творится, умели правильно ориентироваться и делать проекции в будущее. То были „программные“, социал-демократические журналы. Но цензура лучше других оценивала их роль и значение и незамедлительно пресекала их выход. Больше двух-трех номеров выпустить им не удавалось. Прочие же издания не в состоянии были широко разобратся, что к чему, почему так, а не иначе. Программы партийных органов казались им какой-то обузой, шорами на глазах, мешающими свободно смотреть и широко, беспристрастно оценивать все стороны, все крупные и мелкие явления стихийного, именно стихийного — и только стихийного, — таким и только таким оно им и представлялось, — народного восстания. Естественно, все внимание их сосредоточено было не столько на строительстве будущего или хотя бы на выяснении основных начал, на которые строительство это должно

опираться, сколько на критике отживающего свой век строя, в предсмертных судорогах особенно ярко выявлявшего подлинное существо свое.

Робкая, осторожная вначале, печать после октябрьской забастовки с каждым днем становилась все более и более дерзкой и в литературном своем отделе и в карикатурах.

Можно без всякого преувеличения сказать, что такого массового обучения началам сатиры у нас никогда еще не было. Если оглянуться назад, то на всем протяжении от „дней александровых прекрасного начала“, т.-е. за целое столетие, мы с трудом насчитаем несколько десятков изданий с сатирическим уклоном, причем большинство из них не поднимаются над уровнем пошлой юмористики. А подлинные художественные журналы с серьезным содержанием, с наличием едкой критики, меткой издевки — все наперечет. Застрельщиком следует признать „Журнал карикатур на 1808 год в лицах“ известного художника А. Г. Венецианова. Журнал удостоился всемиловейшего внимания монарха, который и отдал распоряжение закрыть его. „...Он (Венецианов) мог бы обратить свое дарование на гораздо лучшие предметы и временем мог бы воспользоваться с большей выгодой к приучению себя к службе, в коей находится...“, — гласит „высочайшая“ резолюция. Венецианов был землемер лесного департамента. Так державный меценат поощрял художника своего царствования. Иначе отнеслись власти предрержащие к последующей по-

пытке того же Венецианова, совместно с художниками Ив. Тереховым и А. Ивановым, выпускать летучие листки на тему „отечественная война“; здесь авторы очень задорно высмеивали французов и царившее в то время в русском обществе преклонение пред всем западным и в первую очередь французским. И это пришлось как раз ко двору „высочайшего двора“. Издание встретило отклик вверху и несколько пониже.

Так положено было начало издательской деятельности в области карикатуры - сатиры.

Если помянуть: 1) „Листок для светских людей“ (1839—44), в котором работал В. Ф. Тимм, уже показавший себя отличным карикатуристом с сатирическим уклоном в своих иллюстрациях к „Сенсациям госпожи Курдюковой за границей дан л'этранже“; 2) „Ералаш“ Неваховича (1846—49), крупным успехом своим обязанный в значительной степени известному карикатуристу Н. А. Степанову; 3) „Весельчак“ (1858—59), выдвинувший М. О. Микешина и А. И. Лебедева и вызвавший ряд подражаний себе, не шедших однако дальше 3-4 №№; 4) сатирический журнал „Искру“ (1859—1873), получивший небывало широкое распространение благодаря главным образом участию того же Н. А. Степанова; 5) „Занозу“ (1863 г.), давшую всего 12 №№; 6) „Будильник“, основанный Н. А. Степановым еще в 1865 году, когда ушел он из „Искры“, и 7) „Развлечение“, выходившее в Москве с 1859 года,—то, собственно, мы перечислим почти все, заслуживающие серьезного внимания и более или менее длительно выходившие, сатирические журналы за три четверти XIX столетия.

А с 70-х годов русская карикатура становится в общественно-политическом отношении весьма бесцветной. Интерес юмористических журналов исчерпывается участием в них ряда талантливых рисовальщиков. Так, прекрасный рисовальщик П. М. Шмельков помещал свои бытовые сценки в „Развлечении“, „Зрителе“, „Смехе сквозь слезы“. Афанасьев А. и П. Е. Щербов работали в „Шуте“, но карикатуры их не носили широкого общественно - политического характера.

Прочие же журналы, как „Стрекоза“, „Осколки“, „Будильник“, „Развлечение“ и т. п., являются ярким показателем того, до какой степени обезличения довел сатирическую литературу цензурный гнет¹. Круг тем их не выходил за пределы плоских острот и анекдотов насчет тещи, дачного мужа, женского непостоянства (с определенным уклоном в сторону игривой „клубнички“), причудливости мод, „невинных“ шалостей и слабостей „их превосходительств“ — господ Помпадуров и т. п.². Казалось, завет Александра I „приучать себя к службе“ усилиями заботливой администрации прочно внедрился в сознание российских обывателей. Казалось, выдохлось даже самое воспоминание о страстном выкрике Чацкого:

Служить бы рад,
Прислуживаться тошно.

Даже война с Японией, обнаружившая всю несостоятельность правящей камарильи, вызвавшая глухое всеобщее недовольство, приведшая к ряду аграрных волнений и рабочих забастовок, не дала толчка к возникновению серьезного сатирического журнала. Недостаточно для этой цели было и кошмарного расстрела 9-го января.

Прошло еще целых пять месяцев, прежде чем появился наконец журнал политической сатиры.

¹ О работах талантливых иллюстраторов Агина А. А. (1817—1870) (к „Мертвым душам“ Гоголя) и Боклевского П. М. (1816—1896) („Гоголевские типы“), так же, как о рисунках и картинах одного из крупнейших русских художников П. А. Федотова (1816—1852) и Лебедева, поскольку деятельность их не связана тесно с сатирическими изданиями, говорить здесь не приходится. Отдельные произведения, посвященные едкой критике обывательской пошлости, давали от времени до времени все наши большие художники. Но это были лишь единичные, случайные явления. При всей своей яркости и талантливости, они все же не получали серьезного значения „сатиры“ и рассматривались как „шутки“, как своего рода „Милостивый государь, проба пера“ серьезных крупных мастеров.

² Одни только упомянутые летучие листки на тему „отечественная война“ поощрялись властью, ибо в них все жало сатиры, все острие штриха направлено было не против своих не порядков а против французов, чем, наоборот, как бы противопоставлялось чужеземному свое национальное.

№ 8

31 июля

5 коп.

ЗРИТЕЛЬ

ГОДЪ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

1905.

Только 5 июня вышел первый номер „Зрителя“.

Но какой же это был робкий голос протеста!

В рассказе „Она прозрела“ высказывалась предрезостная идея: „Как чудно все видеть и обо всем говорить!“. Рассказ „Кошмар“ рисует ужас отца, когда он вдумался, какую гнусь, какой разврат вносили в душу молодежи официальные учебники типа Иловайского. А рассказ „Ужас и безумие“ выводит двух чиновников — графа и статского советника, потрясенных до глубины души постановкой в „Церковном Вестнике“ вопроса: „Допустимы ли при поминовении усопших титулы графов, князей, княгинь и т. п.?“.

Столь же осторожна „сатира“ и остальных литературных произведений первого № „Зрителя“.

В басне „Цензор-Кот“ журнал сам дал весьма злую и меткую характеристику литературного языка первых своих номеров, сравнив его с чириканьем воробья:

Ты, серый, очень мил!
Твое услыша пенье,
Пришел я в восхищенье!
Чирик-чирик... И не поймешь,
О чем поешь...

Однако публика понимала, в чем дело. Понимал и Кот-цензор:

А по закону
Ты должен петь по камертону.

И был неумолим:

„К мольбам я глух!“
Сказал — и серый пух
Понесся к небесам...
Писатель, брат, а ты не там?

И все же, даже при такой осторожности, это была не только сатира, но сатира бодрая, даже бодрящая. Достаточно сравнить ее с ноющим, безнадежным тоном хотя бы „Аргуса“, журнала тоже „сатирического“, начавшего выходить почти в то же время. Так, в № 1 от 3 июля 1905 г. „Аргус“ писал:

Дай слез мне, о боже! Чтоб мог я
поплакать!
Слеза облегчает — слеза благодать!
Горемыка.

и в № 2:

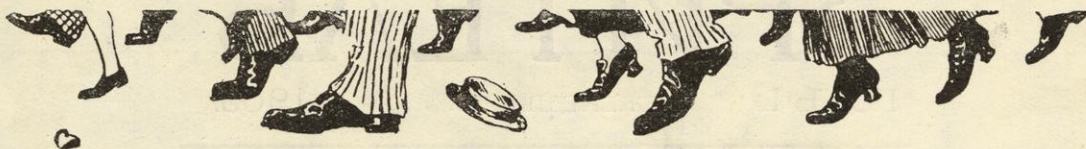
Я хотел бы сегодня от горя рыдать,—
Только слез у меня больше нет!..
Вл. Новиков.

Редактор-издатель „Зрителя“ Ю. К. Арцыбушев дает верную характеристику условий, в которых пришлось начинать работу свою „Зрителю“:

В первых номерах „Зрителя“ сатиры в прямом смысле слова было не много, осторожная и внимательная предварительная цензура старалась вытравить все, что касалось хотя бы слегка политической жизни... Борьба с цензором Савенковым и председателем цензурного комитета Катениным понемногу превратилась в идейную борьбу за свободу слова... Старались перехитрить цензора и получить его разрешение чего-нибудь с их точки зрения нецензурного. Цензор в свою очередь проявлял исключительную подозрительность. Отношения в борьбе дошли до того, что при личных объяснениях видно было, как в глазах старика Савенкова, избалованного покорностью, загорался дикий огонек ненависти. Да и было отчего ненавидеть журнал. В первом же номере „Зрителя“ он поставил свое разрешение на двух виньетках, посланных ему в разные дни: ноги марширующих солдат и ноги бегущей в беспорядке публики. По-

ставленные рядом виньетки эти намекали на то, что бывшие беспорядки, о которых строго запрещено было писать.

сходством изображены были Николай II, Александр III, некоторые великие князья, Иоанн Кронштадтский и целый ряд министров. Под

(„Зритель“, 1905 г., № 1.)

Рис. Ю. Арцыбушева.

Но еще хуже пошло дальше: в № 2 разрешен был под видом иллюстрации к рассказу портрет Гапона, а в № 3 прошел даже Каляев, сидящий в лаборатории.

Все это, вместе с целым рядом других намеков, с точки зрения цензуры было ужасным преступлением.

Подозрительность цензуры дошла до последней степени. Цензор Савенков в отчаянии отказался иметь дело с этой редакцией, и цензуровать материал стал весь комитет. Дошло до того, что не разрешали, например, такую вещь, как горящая небольшая свечка, стоящая на подоконнике на фоне ночного неба. Весь рисунок имел чисто декоративное значение.

Пришлось ехать объясняться к председателю цензурного комитета Катенину: придирки цензуры перешли всякие границы.

Катенин, конечно, стоит на своем, и на вопрос, почему же запрещаются такие невинные вещи, как виньетка со свечкой, с лукавым видом отвечает: „Что же, мы не понимаем разве, что это намек на догорающее самодержавие?“. И тут же любезно подает процензурованный и разрешенный рисунок. Взглянув на него, в редакции не хотели этому верить: он разрешил рисунок, который был послан в цензуру только в шутку, так как серьезно думать не могли, чтобы они не догадались, в чем тут дело. В то время только что появилось модное выражение: „черная сотня“. Но вскоре упоминать о нем в печати было запрещено. На рисунке было 25 черных фигур, при чем с достаточным

рисунком была подпись: „25 силуэтов“, потом знак умножения и цифра „4“.

Читатели сразу поняли, в чем дело. Номер прошел в четырех изданиях.

Понял рисунок и цензурный комитет, но поздно. И, несмотря на все свое желание, ничего сделать не мог: ведь они разрешили, они почти сообщники... И если раздуть, наказывать, то от высшего начальства, конечно, попало бы и цензурному комитету.

Пришлось молчать, но отношение стало еще хуже, и наконец журнал „Зритель“ был приостановлен на номере семнадцатом¹.

Эта борьба с цензурой символически выражена на обложке № 10, где изображена женщина с перстом молчания на устах. Она же очень выразительно сказала и на № 8. На первой странице этого номера красуется оповещение:

По независящим обстоятельствам рисунки и виньетки, назначенные для настоящего номера, не могут быть помещены.

И весь номер заполнен рисунком, изображающим самого издателя „Зрителя“, съездившегося, ссутулившегося, озираясь, пробирающегося, словно бы возле него, даже когда он и один, все же незримо присутствует где-то поблизости неутомимый враг его — цензор. На последних страницах номера этот цензор и дей-

¹ Ю. Арцыбушев, — „Сатирическая литература и подготовка к перевороту“. 1917.

(„Зритель“, 1905 г., № 10.)

25 силуэтов . 4.

Рис. С. В. Чехонина.

ствительно выступает в виде хлыщева-того джентльмена, в цилиндре, открытой манишке, плаще. „Независящие обстоятельства“ и тут оказались высмеянными.

Городовой, смотри однако,
Чтоб он ее не укусил¹.

Цензура очень боялась этих „укусов“, а Арцыбушев систематически изводил

(„Зритель“, 1905 г., № 1.)

Рис. Ю. Арцыбушева.

Скромный, тихий по внешности, Ю. К. Арцыбушев был очень даже зубаст. В искусстве обходить цензурные рогатки проявил он большую изобретательность. Так, в разное время получил он разрешение от цензуры в виде штампа: „С.-Петербургский Цензурный Комитет“ (число и год) — на три рисунка: здание Государственной Думы, кот и китаец с подписью „бой“, а в № 17 поместил

ее. Так, с первого номера оставлял он на обложке пустое место с указанием: „Это место занято, см. № 5“. А в пятом номере на этом пустом месте появилась буква „Р“; в шестом к ней прибавилась буква „Е“ — „РЕ“. В седьмом уже

Редактор „Зрителя“.

Рис. Л. Евреинова.

(„Зритель“, 1905 г., № 8.)

Цензор.

Рис. Л. Евреинова.

(„Зритель“, 1905 г., № 8.)

их все вместе на одной странице, и получилось: „Государственная Дума — бойкот“ — боевой лозунг предоктябрьских дней (речь идет о булыгинской Думе). Товарищи недаром перефразировали по адресу своего „Юрочки“ эпиграмму Ми-наева:

По Невскому идет собака,
За нею Юра тих и мил

стояли три буквы — „РЕВ“. Читатели нетерпеливо ждали, как будет дальше разворачиваться запретное слово „РЕ-ВОЛЮЦИЯ“. Произнесение его было тяжким преступлением. Журнал „Маска“ уже много позднее, в феврале 1906 г., когда период свобод сменила злостная реакция и создалась та же приблизительно цензурная атмосфера, что и пред октябрем, острил по этому поводу:

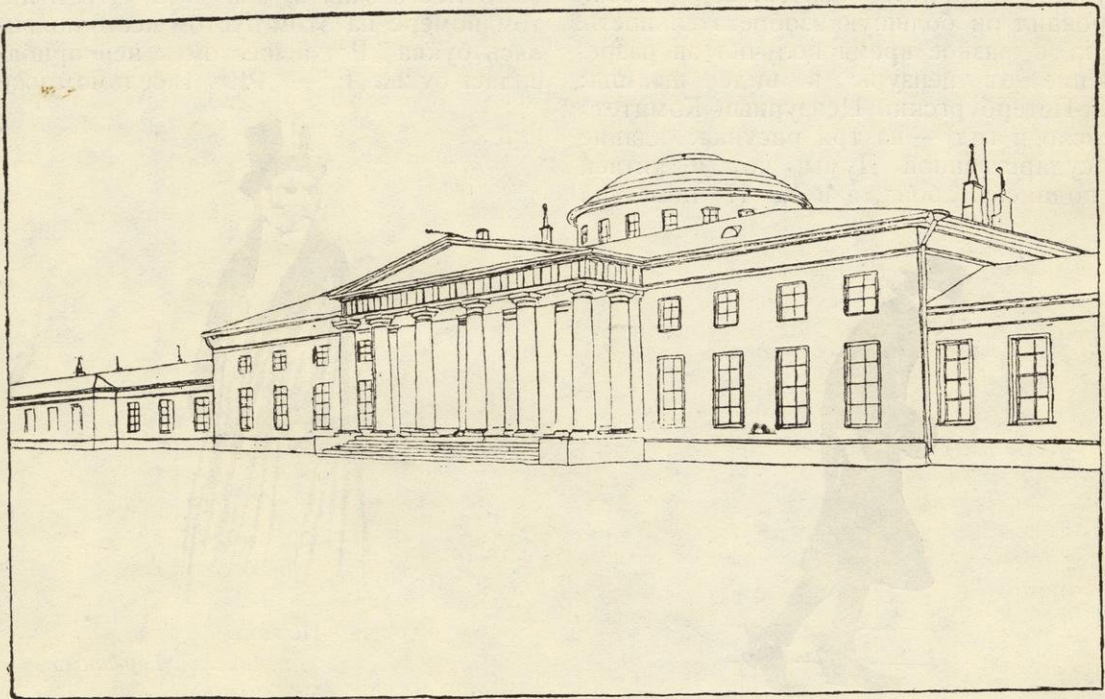
¹ См. Вл. Боцяновский, „Карикатура и цензура в начале XX в.“ „Былое“, книга 26—1924 г.

Всем давайте конституцию
(И откуда эта пруть?!),
Даже слово революцию
Стали вслух произносить...

С напряженнейшим интересом ждала цензура, скоро ли прибавится наконец буква „О“ — „РЕВО“. Очень уж хотелось ей проучить нахала, прихлопнуть издание. А редактор номер за номером долбит все то же „РЕВ“ да „РЕВ“, и только пять недель спустя, в номере двенадцатом, пишет полностью: „РЕВЕЛЬСКИЕ КИЛЬКИ“.

Ясное дело, как читались эти строки. И хотелось бы цензуре стукнуть, да конец стихотворения говорит: „Ангел мира! Собирай дружины!“... — ну, и опять — с миром изыде.

Остроумный прием измыслил „Зритель“ в целях обхода цензорских рогаток в своем специальном отделе „Неделя зрителя“. От себя он не говорил почти ничего, разве одну, две фразы для связи текста, а весь матерьял брал из официальных изданий и телеграмм печати и, сопоставляя воедино разрозненные сообщения, достигал в результате

Гаврицкий дворец, предназначенный для

Государственной Думы

Выскользнул из рук. И часто ускользал он от кар недреманого ока. Придраться было трудно. В разгар аграрных беспорядков печатал журнал:

Оглянулись тучки грозовые:
Далеко чернеют где-то нивы,
Кровью пахарей политы, молчаливы...
Трупы... кости... вороны чужие...

(№ 2, от 12 июня.)

весьма-такияркой характеристики подлинной картины происходившего. Так, в № 5 дал он описание „прискорбного и беспримерного в летописях русского флота события“ — восстания черноморского флота. И тут же вставляет попутное замечание:

Кстати о наших телеграфных агентствах.

В то время, когда жизнь дает так много нового, агентские телеграммы отличаются особой лаконичностью, выражающейся в двух словах: „все спокойно“.

Возьмем как образец телеграмму, разосланную официальным С.-Петербургским агентством 21 июня. Приводим ее целиком: „Тифлис, 21 июня. Магазины закрыты; в городе спокойно. По ночам постовые городовые охраняются солдатами“.

Зачем понадобилось охранять постовых городовых, читателю осталось неизвестным до тех пор, пока в „Прав. Вестн.“ не появился Высочайший указ, объявляющий гор. Тифлис и Тифлисский уезд на военном положении.

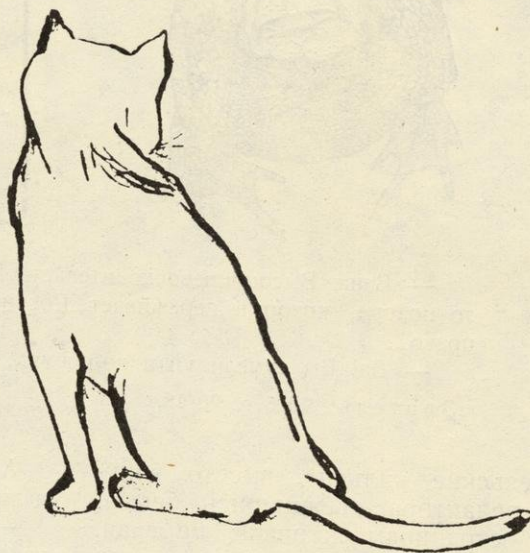
Есть еще и другого сорта телеграммы, особенно культивируемые „Российским тел. агентством“, тоже подцензурным.

Так, за минувшую неделю как официальное, так и неофициальное телеграфные агентства принесли сообщения о забастовках из Батума, Бобруйска, Белостока, Варшавы, Верхнеднепровска, Казани, Ковны, Кременчуга, Калиша, Екатеринослава, Орши, Томска, Минска, Тифлиса, Ревеля, Ростова-на-Дону, Славянска, Сосновиц и Харькова.

В Иваново-Вознесенске фабрики продолжают бездействовать. Между рабочими и администрацией идут переговоры. На р. Талке продолжаются сходки рабочих. В город прибыли войска.

БОЙ

КОТЪ

(„Зритель“, 1905 г., № 17.)

В них с той же лаконичностью сообщаются сведения о передвижении войск.

„В Екатеринослав отправлены из Павлограда два батальона керчь-еникальского полка“ или „в Оршеев прибыл эскадрон драгун“...

При беглом просмотре телеграмм ежедневной периодической печати, внимание останавливается на обилии известий о возникающих и отчасти кончающихся то здесь то там забастовках, протекающих по большей части довольно мирно.

Подобные обзоры, где умелыми вставками „своего“ текста давалось освещение официальному материалу, очень косо встречались цензурой. Но придаться было трудно.

Весь первый период выхода журнала, до 17 №, подвергнувшегося конфискации, окрашен вот этакой игрой кошки и мышки.

Манифест 17 октября в ряду других свобод принес и „свободу печати“.

Так, по крайней мере, гласил текст манифеста. Во что претворился бы он в жизни, сказать трудно, ибо печать не пожелала у „моря сидеть и погоды поджидать“, а на собрании редакторов постановила: цензуры не признавать, материала на просмотр цензорам не посылать. „Зритель“ не замедлил воспользоваться этим решением, и 30 октября вышел в свет его 18-й номер.

Характер журнала резко изменился. Он почувствовал опору под ногами. Вместо заикающегося „р...р...ре...рев...

свинью“, с приказом, отданным, когда выяснилось, что „его высокопревосходительство господин министр пытался выкрасть (но, увы, неудачно)“ секретные письма бразильского посланника, за что последний вlepил ему полновесную пощечину. Тут же и Витте — канатный плясун, и Трепов — Лжедмитрий, и труп студента на мостовой, и разгон манифестантов. Изменился и характер литературного содержания. Вместо всякого рода „тучек“ пустили в ход весьма прозрачную игру слов:

— Ваше Высокопревосходительство! И вы решились дожить до позора, который переживает Россия?! Не ожидал от вас... право...

— Да! Вы сумели уйти во-время...

(„Зритель“, 1905 г., № 18.)

Рис. С. Чехонина.

рев...ревельские кильки“, вместо запуганного редактора, съездившись бегающего по страницам журнала, не зная, где укрыться от взора неумолимого цензора, вместо всякого рода „обиняков“, намеков — ясное и определенное: „революция идет“. На обложке № 18 развевается красное знамя, и городской почтительно отдает ему честь.

„Долой недомолвки и полунамеки“, заявила редакция и безо всяких оговорок дала портрет Победоносцева в виде „жабы“ и Дурново в виде „кабана“. „Кабан“, „свинья“ — это уже не полунамеки, а намек полный, что называется „не в бровь, а в самый глаз“. Он связан с приказом Александра III по адресу того же П. Н. Дурново: „Убрать эту

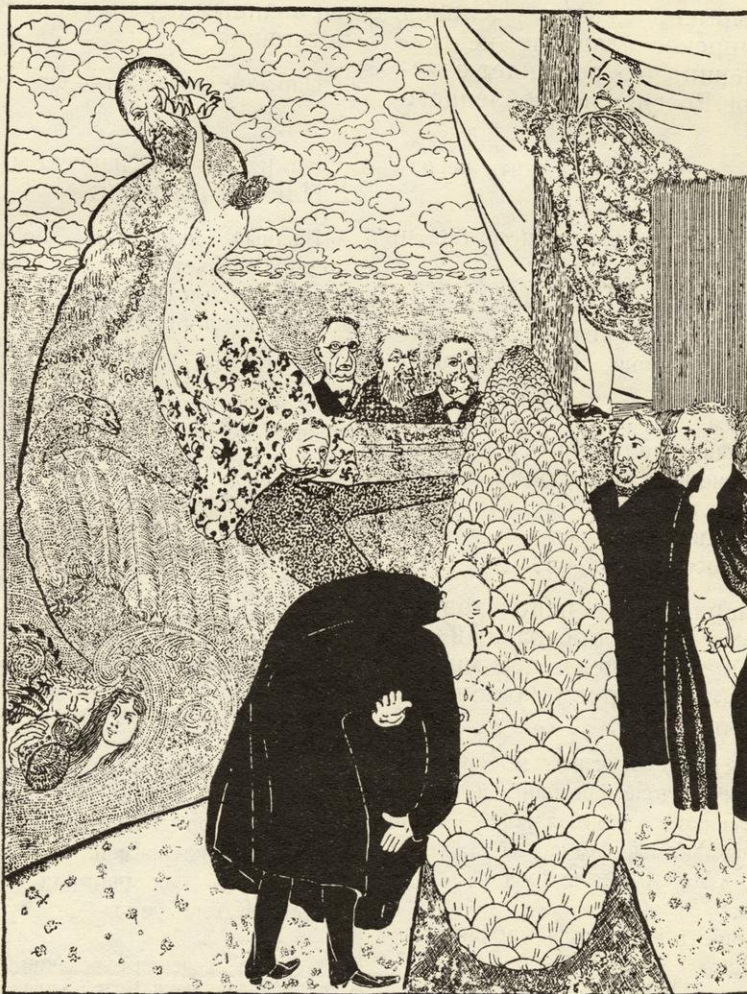
Аль дурней не нашли, что дурного при-
слали?...

— Давай, Пров, акации ей займемся! —
сказал лесник Кузьма своим детям. И стали
бить сучьи дети...

С каждым номером тон журнала креп,
рисунки становились все едче и выра-
зительней. Министров костили во-всю.
Только царя открыто трогать не реша-
лись, не могли. Тут попрежнему при-
бегали к намеку: вместо Николая гово-
рили о „шишке“. Когда-то, во время
путешествия Николая II по Японии, еще
в бытность его наследником, его довольно
непочтительно треснул японский городо-
вой палкой по голове. Воспоминание
об этой неприятности сохранилось у Ни-

колая на всю жизнь в виде „шишки“¹. Вот эту „шишку“ и пустили в ход. И когда в № 21 появился рисунок, изо-

бражавший „мамашу“ (Витте) и „нечистоплотного мальчика“ — „мальчик ростом с пальчик, пальчик сосал, людей ку-

Нечто фантастическое, или черная сотня, провожающая еловую шишку, которая садится на корабль для плавания по морю внутренних волнений.

(„Маски“, 1906 г., № 6.)

Рис. В. Траубенберга.

¹ В. Боцяновский в своих, очень живо написанных воспоминаниях („Былое“, № 26) приводит популярное в свое время стихотворение, связанное с этим эпизодом:

Приключением в Отсу
Опечален царь с царицею.
Тяжело читать отцу,
Что сынок побит полицией.
Цесаревич Николай,
Если царствовать придется,
Никогда не забывай,
Что полиция дерется.

сал“, и у мальчика этого на голове изображена большая „шишка“, — всем ясно было, о ком речь идет. Тот же мальчик „с шишкой“ выведен и в № 22. Стоит он меж порванных телеграфных проводов и „пальцем копает в носу“. А в № 24, в проекте „медали (см. стр. 29), выбитой в память нового закона о свободе печати“, закованный в цепи художник кисточкой, которую держит

во рту, рисует... еловую „шишку“. Что шишка, елова голова, это и есть Николай II, это все понимали прекрасно, и, когда в № 6 журнала „Маски“ изображен был момент отъезда „еловой шишки“ в заморское плавание, не требовалось пояснений, что речь идет о выезде из пределов России „возлюбленного монарха“.

Есть и двор, есть и дом, а жить невозможно“ („Зритель, № 25).

Эта „шишка“ всплывает позднее в журнале „Пламя“ (1905, № 3):

Членами археологического комитета недавно были произведены в центральной России любопытные раскопки, при чем найдены:

ноздря Пугачева,
две лапы (какой-то птицы), которые держали 137 миллионов душ свыше тысячи лет, и

фиолетовая шишка, поставившая втупик се лучшие умы России.

Слово „монарх“ тоже использовано было как довольно-таки прозрачный намек. Пускали в ход и не менее многочисленные словечки вроде „колюшка“, „ромашка“, „Коленька“.

Из агентских телеграмм: Забастовали младенцы, кричат: долой ромашку! (№ 20).

В музыкальном магазине.—Есть у вас граммофоны фирмы „Монарх“?

— Извините, „Монарха“ не имеем...

— Почему же?

— Сильно хрипит и очень непрочен. Самая плохая фирма!

(№ 24.)

Митинг.

Однажды на митинге собрались лягушки...

„Нам, — квакали, — жить невозможно!

Долой из пруда кровопийцу-колюшку,

Что колет нас всех так безбожно“.

(№ 24.)

Иносказательно, но довольно-таки прозрачно, прохаживались и насчет царя:

Две сучки — заморские штучки; за морем — цена грош, а у нас голой рукой не возмешь.

(№ 24.)

Непочтительность к царской фамилии и к самому имени царя выливалась в тем более едкие формы, что издевательства оставались очень остроумно замаскированными игрой слов. Вот, например, „пословица“:

Царский манифест — для известных мест.

(№ 24.)

Каких таких „известных“?

Или вот загадки:

Важный дворянин — большой семьянин; в тереме гуляет, столом гадает: Стол мой, столишко, один сынишко, семь дочерей, бабка да мать, куда бежать? (№ 24).

И другая:

Золотая храмина, важная образина, сверху держава, зеркало — вправо, на тряпице — рыло, в рыле — сила. Рожа, ты рожа, на что ты пожожа? (№ 24).

Как же, спрашивается, допускала такие вещи цензура? Чего она смотрела?

Да дело в том, что, как гласит прилагаемое объявление, —

ДЕВИЦА ЦЕНЗУРА

В БОЗЕ * скончалась 27 ноября сего года на 1905 г. своей жизни. Друзья и родственники покойной, оплакивая преждевременно умершую, просят пожаловать на панихиду в Цензурный Комитет.

* По сведениям редакции, д-ца Цензура скончалась не в Бозе, куда ездят умирать только люди высокопоставленные, а в С.-Петербурге, в Главн. Управл. по Дел. Печати.

(„Звон“, 1905 г., № 1. — Одесса.)

Увы, ошибся „Звон“. „Девушка Цензура“ — „умереть не умерла, только время провела“. Правда, согласно правилам, изданным 24 ноября 1905 года, „предварительная цензура“ приказала долго жить, но только „предварительная“, а цензурное-то око сохранилось. Попржнему следило оно за „преступными деяниями“ крамольной печати, с тем, что-

бы уже *post factum*, по выходе номера в свет, привлекать дерзких к судебной ответственности. А полиции предоставлено было право конфисковать отдельные номера изданий и до решения суда. И само собой разумеется, рвение блюстителей порядка не остановилось бы перед искушением прихлопнуть беспокойный журнал, да придрататься к нему было очень трудно: почему „рожа“ — непременно царь Николай II? а может быть, это и не о нем речь идет? Настроение в обществе было крайне приподнятое, а форма сатирических выступлений — до безобразия двусмысленная. Ну, как, например, отнестись к стихотворению „Сомнение“ (№ 24):

„Без царя в голове“ — говорят про того,
Головою кто слаб иль недужен. . .
Я ни против, ни за не скажу ничего:
В голове царь, быть может, и нужен.

А журнал не унимался и в том же № 24 поместил „Письмо в редакцию“:

М. Г. В №№ 20 и 24 вечерней „Руси“ упоминается о каком-то маленьком корейце Николае Романове.

Не откажите выяснить, что это за маленький Николай Романов? не самозванец ли он? Вопрос этот необходимо решить, чтобы не вызвать нежелательных толков, тем более, что в „Руси“ пишут, что этот маленький Николай уже арестован.

Абиссинец Василий Гогенцоллерн.

В номере 25, в рубрике „Мелочи“, давался и такой „советишко“:

Когда зуб, хотя и крепко сидящий, прогнил до основания, его следует удалить; если при выдергивании слетит корона, то этого недостаточно, непременно надо рвать с корнем, как бы трудно это ни было.

Не вынесла душа „цензуры“. Злым издательствам положен должен быть конец. Особо зловредные номера 24 и 25 были конфискованы и уничтожены. Редактор-издатель Ю. Арцыбушев привлечен к суду по 103, 108 и 129 ст.

Но и с судом сыграл Арцыбушев шутку. На разбор дела, вопреки ожиданиям, привел он доподлинного живого маленького „корейца“, с документами, удостоверявшими, что кореец этот — действительно Николай Романов.

Однако, — пишет в своих воспоминаниях Арцыбушев, — как на суде ни доказывали, что никто не имеет права говорить, что „известные места“ не нужно толковать обязательно в плохую сторону, что „письмо“ относится к настоящему корейцу Николаю Романову, который и был вызван как свидетель, Петербургская Судебная Палата стояла на своем, и редактор был приговорен к 2½ годам крепости.

Для характеристики общественного настроения тех дней интересно отметить, что сенат, куда обжаловано было решение судебной палаты, стал на сторону аргументации защиты и дело „Зрителя“ производством прекратил¹.

Впрочем правительство, — говорит Арцыбушев, — осталось себе верным и дало лишнее доказательство „независимости“ русского суда: сенаторы Шидловский и Смирнов за такое решение были переведены из уголовного департамента в общее присутствие, о чем во второй Государственной Думе был даже сделан запрос министру юстиции.

Но история последних номеров „Зрителя“, очень любопытная и занимательная для нас теперь, в то время мало обратила на себя внимания. Всероссийская забастовка, не имевшая равной себе во всей истории мирового рабочего движения, показала воочию, что словоиздательства, как бы изобретательны они ни были, далеко не достаточно. После манифестации 17 октября в связи с объявлением свободы печати, прежний так называемый „эзоповский язык“, весь построенный на двусмысленности: пишется — „Ливерпуль“, читается — „Манчестер“, говорится — „ромашка“, и все догадываются, что это — Николай Романов, — язык этот стал ненужен. Все вдруг заговорили, — правда, очень не надолго, — открыто. На смену остроловию выступил пафос негодования.

¹ П. М. Дульский в книге „Графика сатирических журналов 1905 и 1906 г.г.“ (Казань, 1922 г.) говорит (стр. 30), будто № 25 был уничтожен весь без остатка и ни один экземпляр этого номера не увидел света. Это не верно. В перечне сатирических журналов, составленном С. Р. Минцловым и приложенном к книге Дульского, указано о № 25, что он „особенно редок“. Номер действительно редок, но „свет увидел“. В Публичной Библиотеке его нет, но в Музее Революции в Ленинграде он имеется.

В этом новом тоне написан уже и „экстренный выпуск“ „Зрителя“ к номеру 24 от 24 октября. Его тема — „Долой Дурново“.

Только рабы могут так унижаться, как унижается наше буржуазное общество.

Оно боится революции. . .

. . . И если даже теперь либеральные морицы готовы целовать руки у начальства, — теперь, когда наступил новый акт революционной борьбы, когда обманная политика режет глаза, когда замирает жизнь и надвигаются страшные кошмары, насилия, — тогда мы должны исключить буржуазное общество из списков индифферентных болячек и считать их своими врагами. . .

Пусть господин Дурново берет с собой и буржуазию!

Вам найдется место.

Оттого-то хочется
Без конца кричать:
— Прочь! Довольно сыщиков,
Сыщиков убрать!

(Из стих. „По Мойке“ *Силы Дворяниновича*).

— „Долой!..“ — возопил и первый номер „Пулемета“ от 13 ноября. Такова подпись под рисунком на обложке, где изображен студент, бросающий на митинге пламенный призыв „Долой!..“

И „Тост“, которым открывается номер, насыщен революционным пафосом:

Лейте влагу благородную —
Наш застольный тост готов:
Пьем бокал за жизнь свободную
От тиранов и рабов.
Шлем проклятья слабым, раненым,
Гнетом скованным судьбы. . .
Ненавистней, чем тираны, нам
Покоренные рабы! . .

Задорный, вызывающий тон „Пулемета“, его лубочная, красной краской залитая обложка, шумный скандал, связанный с выходом первого номера, привлекли к журналу внимание широкой публики, и он надолго заслонил остальные сатирические журналы. Правда, их в то время и было-то еще очень не много. Кроме „Зрителя“ выходили еще „Стрелы“ (с 30 октября), одновременно с „Пулеметом“ — 13 ноября — появился „Сигнал“, а несколько позднее стали

выходить „Дятел“ (с 21 ноября), „Буревестник“ (с 26 ноября), „Свобода“ (с 27 ноября), „Жало“ (с 29 ноября).

Только с первых чисел декабря

начался ливень из сатирических журналов. Они сыпались один за другим, как звезды в августовскую ночь, одни — остроумные и язвительные, другие — пошлые и тупые; их ловили на улицах, кромсали на куски в типографиях, но они, как „неизвестные“ в бытине, всё росли и росли в числе и на „витязей“ в бой шли¹.

При всем разнообразии этого потока сатиры, нетрудно уловить в ней общую черту как для хороших, так и для никуда негодных журналов: все они, кроме определенно-черносотенных и не-

Марка журнала „Жупел“.

Рис. И. Билибина.

скольких недолговечных изданий, о которых будет сказано особо, лишены ясно выраженного политического критерия. Дальше либерализма оппозиционно настроенной интеллигенции, совершенно растерявшейся перед лицом внезапно разразившейся революции, большинство из них не шло. Лишенные широкого охвата совершавшегося, они все внимание свое распыляли по бесконечному калейдоскопу мелких эпизодов. Не видя общего процесса, цеплялись за отдельных высокопоставленных лиц. Отсюда целое море карикатур и острот по адресу министров. Витте, Дурново, Трепов, Дубасов, Победоносцев — излюбленные ми-

¹ С. Р. Минцлов, 14 месяцев „свободы печати“. „Былое“, № 3, 1907 год.

1905 Воскресенье 13 Ноября. 5 коп.

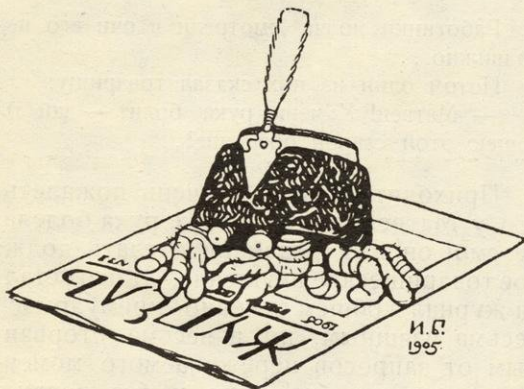
СИГНАЛЬ

ВЫПУСКЪ 1.

Спб. Б. Назачій. 4

шени для едкого слова. „Жупел“, в состав сотрудников которого входили лучшие литературные силы того времени: Леонид Андреев, А. Амфитеатров, К. Бальмонт, И. Бунин, М. Горький, А. Куприн, Тэффи, Е. Чириков, С. Юрицын, А. Яблоновский и др., так и определял задачу свою:

Завладев весами Фемиды, мы „Жупелом“ будем наказывать грешников здесь же, не ожидая, когда подземный жупел (расплавленная сера. С. И.) обожжет их в крошечном аду.

Марка журнала „Жупел“.

Рис. И. Билибина.

Даже такой, казалось бы, ультра-квалифицированный журнал не выходил из рамок персонификации, замыкаясь в тесном кругу судилища над „грешниками“.

Мы будем, — писала редакция, — справедливы, но злы, и наши чернила и краски пойдут на то, чтобы слово „Жупел“ стало страшным не только купчихам, живущим за Москвой-рекой.

„Поджупелить“ грешников, поджупелить купчих — вот программа журнала. „Волшебный Фонарь“, выходявший под редакцией И. Н. Потапенко, в своем литературном „credo“ останавливается только на характеристике слова „смех“:

Теперь мы получили право смеяться и будем смеяться сильно, громко, беспощадно.

И пусть всякий, кто владеет этим тонким и острым оружием, приходит к нам и смеется вместе с нами. Будь то слово или рисунок, страницы нашего журнала к его услугам. Смех громкий, смелый и беспощадный. Но избави нас бог от грубого, площадного смеха, он — достояние улицы, мы же работаем в храме искусства. . .

Редакция не позаботилась определить, во имя чего призывает она смеяться, но очень энергично сделала ударение на „храме искусства“. Это не помешало ей, правда, давать гнуснейшие, безграмотные, антихудожественные рисунки, но в смысле „программы“ она осталась верна себе — смеялась, а во имя чего?

„Фонарь“ (красноярский орган 1906 г.), так тот прямо даже недоумевал:

От нас требуют направления. Какое же может быть направление у смеха?

Столичные журналы, разумеется, далеки были от провинциальной наивности, не различавшей зубоскальства, действительно чуждого какого-либо „направления“, от юмора — смеха сквозь слезы — и бичующей сатиры. Но и здесь, что касается программы, царила большая неразбериха. „Адская Почта“, например, точно так же как и „Волшебный Фонарь“, ставит ударение на „храме искусства“, но одновременно и очень настойчиво подчеркивает и отношение свое к общественно-политическим запросам:

„Адская Почта“ — журнал художников: их духу, свободолюбивому и мятежному (а они истинно свободолюбивы и мятежны явно или скрытно, если они—истинные художники), тесны грани и цели освободительных стремлений переживаемого нами исторического момента. Они хотят последней свободы и мятежны до конца.

Одни, как „Жупел“, не дотянулись до „целей освободительных стремлений переживаемого момента“, другие, как „Адская Почта“, мнили о себе, что уже перемахнули через них, и погружались в атмосферу чистейшего анархизма.

нашего, мы хотим всего, что уже есть, мы хотим создать то, чего нет еще!

— Человек! — сказал мудрец, снисходительно усмехаясь. — Заблуждение — имя слов твоих. Ограниченно познание людей, и не будут они знать более, чем могут. И не все ли равно тебе, как погибнешь ты — голодный или пресыщенный, подобно... тем, против которых ты направляешь столь слабое жало мудрости твоей? И не все ли равно, невеждой ляжешь ты в гроб твой, или оденешься в холодный саван жалких учений владык твоих? Подумай, — всё на земле, и сама земля, будет свергнуто в черную пропасть забвения, в бездонную пучину смерти...

А ведь состав-то сотрудников в обоих этих журналах был один и тот же. „Адская Почта“ — лишь продолжение „Жупела“, только под новым названием. И к чести журнала надо отметить, что „программы“ своей в смысле анархической сверхполитичности он полностью не выдержал. В первом же номере поместил он сказочку М. Горького „Мудрец“, в лице которого как раз и выведен носитель идей редакции.

На митинге работников услышал мудрец, как говорил оратор:

— Товарищи! Мы лежим в грязи труда нашего, подобно камням на дне реки, а над нами быстро катятся волны жизни владык наших. Мы для них — как ступени, и по нашим телам они поднимаются вверх, на высоту истины, и оттуда обращают силу разума своего против нас, дабы поработить еще и душу нашу. . . Они всё знают, — мы ничего; они живут, — мы еще не жили; им введена вся мудрость, — нам только сказки; все светлое в их руках, в наших — ничего, и даже хлеба мало, чтобы сытыми жили мы. . . Мы хотим насытить алчущий дух наш всею мудростью земли, созданной на твердых терпения

Работники молча смотрели в очи его неподвижно. . .

Потом один из них сказал товарищу:

— Матвей! У меня рука болит — дай ты в шею этой старой обезьяне! . .

Приходится очень и очень пожалеть, что у Матвея, видимо, тоже рука болела, не смог он всей редакции сделать должное товарищеское внушение, — так и остался журнал в общем отменно „премудрым“, весьма изящным, но и весьма оторванным от запросов переживаемого момента, журналом без руля и без ветрил, эстетски наджизненным. Спасали его мелочи, разные „жупелы“, на замоскворецких купчих рассчитанные, да прекрасные иллюстрации Е. Лансере, Кардовского, заставки Добужинского, Билибина и других.

„Пламя“ весьма ясно выразило свое политическое „кredo“:

Чтобы быть „убежденным“ журналистом, — писало оно в номере 3-м, — надо, подобно губке, пропитаться программой какой-нибудь партии. Но жизнь еще не разделила людей партийными перегорками. Читатель чувствует, что

сатира свободно шагает через эти перегородки. . .

И „Жгут“ (1906 г., № 1) ставил задачей своей „быть органом всесловным и интернациональным“. ¹ Стремление отгородиться от „классового“ понимания истории и государства характерно для большинства органов сатирической печати.

Прочь, жрецы ненавистной мне розни,— горячо вопиял „Булат“ (1906 г., № 1). Теорию вселенской внеклассовой примиренности клали в основу программы своей „Голос“ и „Митинг“:

Борьба с произволом во всех его проявлениях. Борьба за свободу, равенство и братство. Выпуская газету, мы имеем в виду пойти навстречу всем слоям свободомыслящей части общества. . .

В наивности своей „Митинг“ писал (№ 2, от 9 декабря):

. . . А ведь как легко было предупредить все это (забастовки. *С. И*)! стоило только поступиться малой дозой своих барышей и дать рабочему право голоса в своих внутренних распорядках. . .

Нет ничего удивительного, что, при таком подходе редакций сатирических журналов к вопросам „программным“, центр тяжести всех выпадов печати пал на определенных лиц и на отдельные эпизоды.

„Нагаечка“ (1905 г., № 1),—та, как и „Жупел“, избирала своей мишенью „грешников“, „действия наших общественных деятелей, стоящих у кормила власти и решающих судьбы многомиллионного населения России“. А „Бомбы“ смотрели на дело еще проще: „Будем

¹ Само собой разумеется, „всесловный интернационализм“ с подлинным „интернационалом“ ничего общего не имеет. Программа журнала „Жгут“ хорошо выражена следующим „лирическим“ стихотворением А. Георгиевского (№ 1):

Я родины моей совсем не знаю,
Отечества совсем не признаю,
Я, как орел, свободно ввысь взлетаю,
Как соловей, свободно я пою.

„Пой, пташечка, пой!“ — это, разумеется, тоже программа, только не для журнала политической сатиры.

стрелять нашими бомбами в отдельных личностей“. И на страницах журнала преподносилась самая невообразимая мешанина плохого зубоскальства над городскими, чиновниками, обывателями, с блестящими, подчас очень острыми, подлинной политической сатиры. Очень характерен в этом отношении журнал „Стрелы“. Чего стоит один девиз его: „Лучше маленькая свобода, чем большой пулемет!“ (№ 3). Призыв к крохоборчеству! И это в разгар революционного подъема! Весь запас богатого остроумия своих сотрудников направил журнал на нарушителей этой „маленькой свободы“, на рядовых губернаторов, на черносотенцев, на бюрократию. По адресу „конституции“, истинный провокационный характер которой ясен был с самого момента ее опубликования, льют „Стрелы“ горькие слезы — почему не проводят ее в жизнь?

Ты обманут, бедный край,
Ты предательски обманут. . .

А „идейные“ споры крайних партий, борьба „серых“ (с.-р.) и „седых“ (с.-д.) — для них только ругань, только мотив к зубоскальству:

Оставив затхлое подполье,
Они открыто повстречались
И первым делом на приволье
Переругались. . . (№ 3.)

В стремлении завоевать рынок, решили „Стрелы“

привлечь к сотрудничеству в журнале неофициальных остроумцев и, памятуя о роли денежной заинтересованности, назначили конкурсы с премиями ценою от 10 рублей до 1 рубля ¹.

„Пули“ еще дальше пошли по пути гешефта и объявили в № 1:

„Платформа нашей редакции основывается и думает создаться всеобщим равным и прямым влиянием подписчиков и покупателей нашего журнала.

Совсем открытое „чего изволите?“ по адресу „покупателей“.

¹ Московский журнал „Жало“ в № 1, — он же и единственный, — от 29 ноября 1905 г., дал крепкую отповедь „Стрелам“.

При таком политическом облике даже выдающихся сатирических журналов, выражавших мнение широкой публики, разве не в праве был „Леший“ поставить вопрос:

Граждане . . . но какие же вы граждане?..

И надо ли удивляться, что „Пулемет“, — взявший самый высокий тон в смысле дерзости по адресу „власть имущих“, на обороте обложки первого же номера напечатавший текст „Манифеста 17 октября“, а поверх его наложивший красной краской отпечаток кровавой руки с надписью: „К сему листу свиты его величества генерал-майор Трепов руку приложил“, за что номер и был тотчас же конфискован, а редактор посажен в крепость, что — „Пулемет“ своей скандальной славой заслонило более глубокие по содержанию и освещению, более выдержанные программные журналы? К тому же последние, усилиями администрации, оказывались исключительно недолговечными. Так, московское „Жало“, ставшее задачей своей „всестороннее обличение и осмеяние буржуазного строя, общества и мирозерцания“, было закрыто на первом же номере.

В противовес мешанине оппозиционно-либеральных журналов выступило оно в рассказе Максима Горького с горячим протестом против „серости“, серединности, соглашательства:

На земле спорят Красный и Черный.

В этом споре светлого рыцаря правды с черным чудовищем власти — вся жизнь, вся красота ее и мука, ее поэзия и драма.

Между Черным и Красным суетливо и робко мечется однообразный и маленький Серый. Он любит только жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь уютную, и ради этой любви треплет свою душу, как голодная уличная женщина дряблое тело свое. . . Его душа — трон скользкой жабы, которую зовут пошлостью, его сердце — вместилище трусливой осторожности. . .

. . . Эта маленькая двоедушная гадина всегда занимает средину между крайностями, мешая им своекорыстной суетой своей развиться до конца, до абсурда, до идеала. Расплываясь в середине, он бездарно смешивает два основных цвета жизни в один тусклый, грязный, скучный. . .

Серый задерживает смерть отжившего, затрудняет рост живого, он-то и есть вечный враг всего, что ярко и смело.

(„О Сером“. М. Горький.)

Всего лишь один номер мог выпустить и „Дятел“, а продолжение его „Клюв“ вышло лишь в двух номерах. На втором номере прикрыта была и „Свобода“ и продолжение ее „Девятый Вал“.

По адресу партийной печати администрация была особенно внимательна. Об этом красноречиво говорит „эпифансия“ томского журнала „Ерш“:

Здесь дерзкий „Ерш“. Шутит он смело...
Ему поставлен „крест“ за дело:
Шути-шути, но знай и меру,
В приятели не лезь к эс-эру!

(„Ерш“, 1906 г., № 2, — Томск.)

Не поощрялось и приятельство с „эс-деком“. „Свобода“ в передовице второго номера так определила свое credo:

Мы всецело берем программу, принятую на втором съезде социал-демократической рабочей партии. Цель нашего журнала — жестокое осмеяние буржуазных идеалов и заклеивание капиталистического строя.

Мы будем неустанно твердить о вопиющем неравенстве классов в современных эксплуататорских государствах, построенных по принципу: с одного вола дери десять шкур! . . .

Мы верим в близкую победу русской революции, которая отзовется во всех концах Европы и подымет рабочий народ на великую борьбу с хищниками, сосущими его кровь; мы верим, что современному поколению суждено быть свидетелем и активным деятелем знаменательных исторических событий.

День близок!

В том же номере журнал поместил воззвание:

Граждане!

Требуйте освобождения председателя Совета Рабочих Депутатов тов. Хрусталева!

На этом втором номере журнал и был закрыт.

„Страна Мечты“ в № 1, в январе 1906 года, поместила:

Некролог.

4-го января тихо скончалась „Свобода“. Знаменитый доктор С. П. Марголин испробовал все средства медицинского искусства, чтобы спасти ее, но, увы, смерть была безжалостна.

Ее единственный сын „Девятый Вал“ не пережил этой тяжелой утраты и 9 го января впал в летаргию, в какой-то находится и поднесь.

Родилась „Свобода“ в ярких лучах солнца, умерла в черных объятиях ночи, горько плача о разбитой мечте.

Она честно и смело исполняла свой долг, служа живым словом родному краю.

Она храбро возвысила свой голос, несмотря на то, что ей сдавили горло.

Бедная страдальца „Свобода“! В „Стране Мечты“ искренно оплакивают твою кончину!“

(„Страна Мечты“, № 1. Янв. 1906 г.).

За что закрывали журналы, дает некоторое представление следующий факт. Судебная палата решением от 16 марта 1906 г. постановила приостановить издание „Фонаря“ за напечатанное во втором номере его нижеприводимое стихотворение:

Край ты мой, родимый край!

Тюрьмы вместо воли...

Всюду вой казачьих стай,

Недороды в поле!..

Гой ты, родина моя!

Произвол могучий!

Свист веселый палача,

И жандармов тучи!

(„Фонарь“, 1906 г., № 2. В. Вл.)

Положение сатирической печати было исключительно трудное.

Печатай книги и брошюры,

Свободой пользуйся святой,

Без предварительной цензуры,

Но с предварительной тюрьмой,—

писали „Сигналы“ (1906 г., № 1).

Подписчик. — Почему это вы сюда перевели вашу редакцию?

Редактор. — Для свободы слова! В частных помещениях, видите ли, нельзя ни о чем писать, ни о деятельности должностных лиц, ни об общественных нуждах, ни *прочих иных событиях*. (Sic.) Ну, а здесь я, по крайней мере, не рискую помещением!

(„Стрекоза“, 1905 г., № 51.)

Рис. Овода.

Печать, само собою разумеется, уделила этому вопросу много внимания и места. Вот ряд образчиков ее „смеха сквозь слезы“:

Он был прокурор из палаты,
Она же—родная печать.
Она о свободе мечтала,
А он—как бы крестик поймать.
И с горя она побледнела,
Померкнул сатиры задор...
И грезится ей беспрестанно:
„Сто третья“, арест, прокурор.

(„Маски“, 1906 г., № 9.)

„Пули“, „Бомбы“, „Пулеметы“, —
Все готово для войны.
По „Сигналу“ „Пулемета“
„Жупел“ „Пламенем“ объят,
И в изменников без счета
„Стрелы“ с „Пулями“ летят.
Даже „Зритель“ безучастный
Им устроил „Бурелом“,
Словно „Кровью“, краской красной
Обагрив все кругом...

К. Чуковский.

(Экстренное приложение к „Сигналам“,
1906 г.)

Торговля произведениями печати в С.-Петербурге.

(„Гудок“, 1906 г., № 5).

ЖУРНАЛИСТЫ И КАМЫШАНСКИЙ ¹.

— Журналисты что такое? —
Камышанский спросил. —
Правда ль, это племя злое
Не боится наших сил?
Так раскаются ж нахалы!
Объявить редакторам,
Чтобы „Стрелы“ и „Сигналы“ —
Все несли к моим ногам! —
Нам сдаваться нет охоты,
Нам угрозы не страшны:

¹ Камышанский—тов. прокурора Спб. судебной палаты, выступавший обвинителем по делам печати.

— Все на свете временное! — воскликнул приехавший в Россию иностранец. — Вот и у вас: временные мосты, временные правила...

— Нет, уж извините, — ответили ему: — это у нас вечное...

(„Зритель“ № 15, 1905 г.) Уж.

— Садитесь, пожалуйста! — сказал прокурор, узнав, что у редактора нет залога.

(„Зарницы“, № 1, 1906 г.) Тэффи.

— Печать должна быть свободной, — сказал пристав и, накладывая печать на двери типографии, обошелся без веревочки.

(„Сигнал“, вып. 2, 1906 г.) О. Д. (Осип Дымов).

Окончательная свобода печати.

(„Стрекоза“, 1907 г., № 3.)

Вот эти - то „временные правила“, изданные 24 ноября 1905 года, и создавали положение

Без предварительной цензуры,
Но с предварительной тюрьмой...

Отмена цензуры возмещалась предоставлением полиции права конфисковать отдельные номера изданий, чем полиция и не преминула широко воспользоваться. Администрация по адресу лиц, привлекавшихся к судебной по делам печати ответственности, применяла и меры предварительного заключения. А самый суд был суд не присяжных, а суд словных представителей. „Бурелом“ в № 2, 1905 г., весьма едко указал:

О ЧЕМ МОЖНО ПИСАТЬ.

Нельзя писать о бюрократе,
Об офицерстве, о солдате,
О забастовке, о движенъи,
О духовенстве, о броженъи,
О мужике, о министерстве,
О казни, о казачьем зверстве,
О полицейских, об арестах,
О грабежах, о манифестах,
Но остальное все печать
Должна сурово обличать.
Когда ж напишешь — просмотри
„128“ и „103“.

... ов.

128 и 103 — это статьи об оскорблении императорской фамилии и покушении на свержение самодержавия.

Льготами „временных правил“, как результатом „свободы“ печати, объясняется появление „Афоризмов Фомы Пруткова“:

Редактор редко наслаждается природой.
(„Зарницы“, № 6, 1906 г.)

Жена редактора склонность к одиночеству имеет.

(„Сигнал“, № 2, 1906 г.)

Как выходили редакторы из жестких рамок бесцензурной цензуры, — хорошо рисует рассказ:

В РЕДАКЦИИ.

Редактор устало поднял глаза и сказал сотруднику:

— Что? Вы принесли статью по внутренним вопросам? Нет, уж, благодарю покорно... Вы не слышите? Позвонили? Это, наверно, пристав.

— Вы ошибаетесь, никакого звонка не было. Вот материал.

— Знаю я ваши статьи! Не оберешься с ними хлопот. Что это у вас? Какие-то цифры? Опять из статистики? Нельзя!

— Это не статистика, а самое простое расписание поездов.

— Расписание поездов?... Это хорошо (редактор улыбнулся), это очень хорошо! И злободневно и интересно. А главное — не попадешь в тюрьму. Вы не знаете, до чего мне надоели тюрьмы! Кажется, звонят.

Оба напряженно прислушались.

— Нет, кажется, пронесло на этот раз! — облегченно сказал редактор. — Ну, давайте, посмотрим вместе.

— Помилуйте, что тут смотреть? Расписание поездов Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. Ведь здесь комар носу не подточит.

— Вы думаете? Ох, как вы молоды, как вы молоды!

И редактор развернул перед собою статью:

Внутреннее обозрение.

Расписание поездов Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д. Поезда, отходящие из Пе-

тербурга — с 15 (28) октября. В Витебск: 10 ч. 30 м. у. (тов. — пасс.), 6 час. 30 м. (почт.) и 10 час. в. (скор.); в Киев (через Витебск—Жлобин—Бахмач) — 10 ч. 30 мин. у. и 10 ч. в.; в Жлобин (через Витебск): 10 ч. 30 м. у. и 10 ч. в.; в Псков (через Дно): 10 ч. в.; в Ст. Руссу (через Дно) — 6 ч. 30 м. в.; в Павловск (стар. вокзал): 7 ч., 8 ч., 9 ч., 10 ч., 11 ч. 10 м. у., 1 ч., 3 ч., 4 ч. 15 м., 5 ч., 5 ч. 45 м. д., 7 ч. 30 м. (1—4 кл.), 9 ч. 30 м., 11 ч. веч. (1—4 кл.), 12 ч. 15 м. и 1 ч. 5 м., (новый вокзал): 10 ч. 30 м. у., 6 ч. 30 м. в.

Редактор взял в руки карандаш и стал вычеркивать.

— Принесенная вами статья очень хороша, но ее необходимо сократить: у меня дети и мать. Ну-с, начать с того, что слово „расписание“ употреблено здесь вами совершенно не у места.

— Но ведь...

— Не у места. Ведь это ясный намек на государственную роспись доходов. Нет, подобные шутки совершенно неуместны. Вычеркиваем. „Поездов“ — ну, это можно оставить. В крайнем случае, если придерутся, скажем, что такая фамилия — г. Поездов. Слово „Московско“, конечно, устраняется.

— Почему? Ведь это не преступление. Вон и Пушкин сказал: „Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось“.

— К чорту Пушкина! Звонят? Что мне Пушкин? Мне нужна розница в Москве, а не Пушкин!

— А „Виндаво“?

— И Виндаву к чорту. Вы забыли, что делается в Прибалтийском крае?

— Этак нельзя. Я получаю построчно, и если...

— Вы меня под нож подводите — какие там построчные? Нас обвинят в возбуждении части населения против другой. Вам же хуже. Кто писал статью? Такой-то. А позвать сюда такого-то.

— Помилуйте, я этого не писал, это в „Указателе дорог“.

— Ага! Значит, кроме того, еще и кража чужой собственности, плагиат. Лучше уж молчите.

— Ну, вычеркивайте, — уныло согласился сотрудник.

— Далее: „Рыбинской ж. д.“. Что это значит „ж. д.“?

— Это...

— Знаю, знаю. Но надо пояснить, надо написать полностью — „железной дороги“, а не „же де“. „Же-де“ — это вроде „ка де“, это партия. А раз партия, то, значит, обыск, тюрьма, высыл... У вас хороший слух — не звонят?

— Какая же партия?

— Этого я не знаю. Это с ними поговорите. „Поезда отходят из Петербурга“ — послушайте. Это смелая фраза. Вы слишком смело выражаетесь. Так нельзя. Замените ее.

Номер выпущен.

(„Секира“, 1906 г., № 7.)

— Да чем же я ее заменяю?

— Ну, как-нибудь вроде: „Движение к культурному Западу“, или „Направление его внутрь страны“. А то брякнули: „Поезда, отходящие из Петербурга“. Для чего они отходят? Как отходят? Куда отходят? Кто в них уезжает? Из Петербурга? Для чего? Надолго? А? Не-ет, я старый воробей, меня не проведете. Вон всю фразу! Не потерплю крамолы... Положительно, звонят...

— Да нет же, это часы...

— Проклятые часы. Ну-с, а это что? Что это такое? — с торжеством ткнул редактор.

— Ничего.

— Ничего? Сами вы ничего. Прочтите всю фразу.

— Ну... „Поезда, отходящие из Петербурга с 15 октября“.

Медаль, выбитая в память нового закона о свободе печати.
 („Зритель“, 1905 г., № 24).

Рис. С. Чехонина.

— Ясно, что вы поклялись сгноить меня в тюрьме.

— Да почему же?

— При чем здесь „с 15 октября“? Зачем 15-е октября? Я вас спрашиваю, для чего вы написали число 15-е октября? Ведь это явная уголовщина. Ведь это ясный намек на 17-е октября!

— То 17-е, а здесь 15-е.

— Рассказывайте сказки. Теперь эзоповский язык во как понятен стал!

— Можно другое число.

— Хорошо. Какое?

— 18-е октября.

— С ума сошли! Забываете — Томск, Киев.

— 19-е.

— Одесса, Минск.

— Ну, 20-е.

— Владивосток.

— Этак действительно трудно подобрать. Перейдем на ноябрь.

— В ноябре была забастовка, нас привлекают к ответственности.

— Декабрь.

— Чудак: Москва! забыли Москву?

— Январь.

— Еще скажете — 9-е? Вы совершенно младенец. Лучше бросим. После подберем что-нибудь... „В Киев через Витебск, Жлобин и т. д.“ Совершенно лишняя фраза: в Киеве военное положение — и ездить публике туда незачем. Если же захочет поехать начальство, то оно без ваших статей найдет свой поезд... „В Павловск“ и проч. — это, конечно, вычеркивается. Впрочем мысль „новый вокзал“ можно оставить. Ну-ка, что получилось?

Сотрудник наклонился к своей рукописи и прочел:

Внутреннее обозрение.

. . . г. Поездов Рыбинской железной дороги.

.
 с . . . мартабря, числа не было
 . . 6 ч. 30 м. и 10 ч. в.

 в Ст. Руссу (через Дно) 6 ч. 30 м.

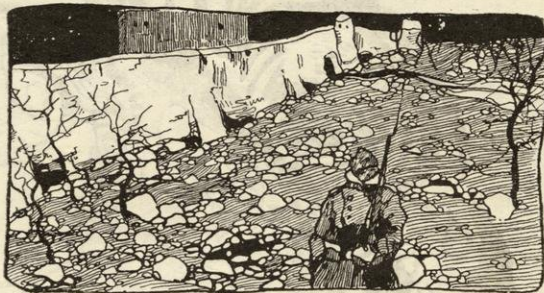
.

 (новый вокзал)

.

Оба остались очень довольны и, в ожидании звонка пристава, отправили статью в типографию.

(„Сигналы“, № 4, 1906 г.) О. Дымов.

(„Ювенал“, 1906 г., № 1.) Рис. Н. И. Фешина.

Недаром „Гвоздь“ в № 2 1906 г. поместил афоризм:

Язык до Петропавловки доведет.

В итоге при новых „временных правилах“ получалась:

СТАРАЯ ПОГУДКА НА НОВЫЙ ЛАД.

Был дом,
 Где под окном
 И чиж и соловей
 Висели и пели.
 А то еще был дом,
 Где за решеткой под замком
 Редакторы газет
 Сидели,
 Но те... не пели.

(„Забияка“, № 2, 1906 г.)

— Какая разница между подцензурной печатью и печатью свободною?

— Подцензурная печать сначала осматривается, а потом конфискуется, а свободная — сначала конфискуется, а потом уже подлежит осмотру.

(„Дятел“, № 1, 1905 г.) Буревестник.

А полиция и цензура тем временем усиленно, „днем с огнем“, крамолу искали.

ИЩУТ!

„Полиция ищет газету «Начало»... Из газет.

Полиция ищет газету „Начало“,
Но где же к „Началу“ прямые пути?
Однако, ведь было „Начала“ не мало
И публика очень „Начало“ читала.
Так как же газеты такой не найти?

— Однако-с! Позвольте-с! Газету-с „Начало“-с

Извольте немедленно нам передать! —
Кричит полицейских ретивая рать.
— Да этой газеты у нас не осталось,
Не знаю я сам, где „Начало“ сыскать!
Ведь вслед за началом пошло продолженье
(Не даром у многих дрожали сердца!),
И были стремленья, и были волненья...
Теперь не начала — ищите конца!

(„Забияка“, № 1, 1906 г.) S.

Хорошо натасканные „ищейки“ делали
„стойку с анонсом“. Как свои пять пальцев — знали они

ПАРТИЙНЫЕ РАЗЛИЧИЯ.

Коль нашли у вас в жилище
Крупный апельсин,
Не годящийся для пищи,
Нитроглицерин,
Бомбу с гибельной начинкой,
Формул длинный лист,
Или адскую машинку, —
Ясно: анархист.
„Сын Отечества“ газету
Коль нашли у вас,
Иль земельную анкету,
Небольшой запас
Прокламаций для матросов,
„Жупел“, револьвер, —
Тут не может быть вопросов
Ясно: вы эс-эр.
Если найдено „Начало“,
Бебеля портрет,
Фолианты „Капитала“,
Длинный винегрет
Всевозможных комментариев,
„Мысли о труде“,
„Буржуа и пролетарий“, —
Ясно: вы эс-де.
Роскошь.. фарфор и портьеры...
Много серебра...
Снимки Ниццы и Ривьеры...
Бронзовые бра...

Русских классиков творенья...

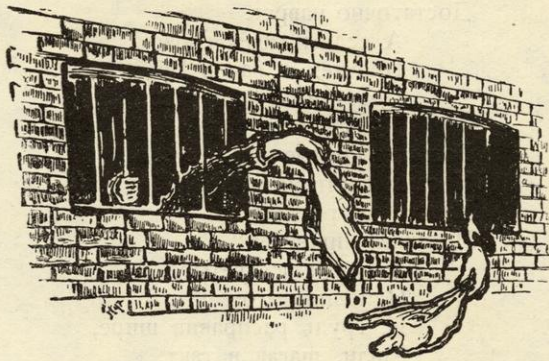
Теплый кабинет...

Тут не может быть сомненья, —

Ясно: вы кадет.

В. Михайлович.

(„Зарево“, № 3, 1906 г.)

(„На распутье“, 1906 г., № 6.)

К тяжести административных кар
присоединялись еще никем и ничем не
предусмотренные репрессии со стороны
разнуздавшейся в период реакции воен-
щины. О терроре печати, учинявшемся
разного рода Минами, Риманами, Фро-
ловыми и Сиверсами, дает понятие
стихотворение:

ЧЕТЫРЕ.

Четыре офицера
В редакцию пришли,
Четыре револьвера
С собою принесли.
Они сказали грозно,
Схватившись за мечи:
„Пока еще не поздно,
Покайся, Русь, молчи.
Писаньями обижен
Полковник храбрых мин,
Который столь приближен
К вершинам из вершин.
Коснулись вы чести
Геройского полка,
Так страшной ждите мести,
Отложенной пока.
Наш храбрый полк, писаки,
Достоин русских войск,
В гороховой атаке
Был дух его геройск.

Был сразу враг сконфужен,
 Чуть щелкнули курки.
 И даже стал ненужен
 Лихой удар в штывки.
 Итак, не сочиняйте
 Про славу наших рот:
 „Казенный Вестник“, знайте,
 Достаточно наврет.

А если правды слово
 Прочтем о нас в Руси,
 Поступим так сурово,
 Что боже упаси.
 Возьмем крутые меры
 И сами вчетвером
 Не только револьверы —
 И пушку принесем“.
 Умолкли все четыре,
 Исполнив этот акт,
 И, грудь расправив шире,
 Ушли, шагая в такт.

Федор Сологуб.

(„Зритель“, № 24, 1905 г.)

Идут на защиту чести мундира.

Рис. Н. Шестопалова.

(„Зритель“, 1905 г., № 24.)

Но, как ни свирепствовала цензура,
 жизнь все же брала свое. Печать оста-
 валась „красной“. Муки цензора при
 виде бесплодности всей напряженной
 работы его хорошо переданы в сти-
 хотворении:

ХРАНИТЕЛЬ ПЕЧАТИ.¹

(Басня.)

О, Муза, помоги мне сей рассказ начать!

В стенах — какого, уж не знаю — учрежденья
 Приставлен был хранить печать
 Почтенный экзекутор. От рожденья
 Тяжелою рукою он
 Был одарен
 И потому не мог противиться желанью, —
 Коль припечатывал он что-нибудь, — давить
 На бедную печать своею мощной дланью.
 Ну, что же? Этим нас не удивишь!
 Но вот что странно:
 Хранитель наш терзался неустанно.
 Хотя б оттиснутой вполне являлась им
 Казенного орла почтенная фигура,
 Он все же был отчаяньем томим
 И, на печать посматривая хмуро,
 Так думал: „Ах, за что я сей афронт терплю?
 Как ни стараюсь я, как ни давлю, —
 Вся мощь моя является напрасной
 И все ж, в конце концов, печать выходит...
 красной!“.

Бенедикт.

(„Пламя“, № 2, 1905 г.)

Один за другим садились редакторы
 в „узилище“, один за другим оповещали
 они своих читателей:

... Судебные следователи неизвестно по-
 чему установили залог в 10.000 руб. и, по-
 видимому, решили каждого литератора рас-
 ценить не ниже этой таксы. Итак, перед
 нами перспектива — или арест, или 10.000
 рублей. За эти деньги мы до суда получили
 бы право работать, не покидать наши семьи,
 жить в обществе... Нам ничего более не оста-
 валось, как напечатать в газетах объявление:

¹ Эта басня была написана еще во времена цен-
 зора-душителя Соловьева... Выпускаем ее на свет
 божий: для нынешней „свободы печати“ она будет
 кстати.

Ходит птичка весело
По тропинке бедствий,
Не предвидя от сего
Никаких последствий.

(„Маски“, 1906 г., № 5.)

Рис. Н. Шестопалова.

10000 рублей

нужны литераторам, попавшим по недоразумению в узилище.

Помощь нужна скорая.

(„Пламя“, 1906 г., от 15 дек.)

Некоторым, не очень, правда, бодрящим утешением являлось то, что конфискация, арест и т. п. создавали около журнала шум, усиливали тираж его.

КАК „СИГНАЛУ“ ДЕЛАЛИ РЕКЛАМУ.

(Истинное происшествие.)

Видит Витте, — мы этого не хотели. Но только 1-го декабря нам подают записку от следователя по особо важным делам В. И. Обух-Вошатынского с просьбой, если можем, не отказать правительству ссудить десять тысяч рублей. Нам это показалось подозрительным. Во-первых, не указано, на какой срок; во-вторых, просит человек чужой и мы ни разу с ним не встречались; в-третьих записка изложена в странном тоне, без „многоуважаемый“ или хоть бы „милостивый государь“. Принес ее нам околоточный: ну, это, конечно, по случаю почтово-телеграфной забастовки. Хорошо еще, что Куломзин не явился.

На другое утро редактор К. И. Чуковский и говорит:

— Пойдем к следователю, узнаем. Может-быть шантаж, так ведь это общественное дело, раскрыть надо.

Пошли. Пришли. Курьер наверху говорит этак свысока:

— Обождите.

Ну, мы сейчас ему тон посбавили.

— Мы не какие-нибудь, — говорим, — а у нас десять тысяч просят, мы по 103-ей.

Как шелковый сделался: видит, — господа настоящие.

— Позвольте, — говорит, — вам в третьей приемной обождать. — Но редактор обиделся.

— Почему это, — спрашивает, — в третьей?

— А поэтому это, — отвечает курьер, — что первые две по этому самому делу заполнены, — местов нет. — Пришли в третью приемную, кругом потеснились, местечко нашлось. Оглянулись этак, как бы нечаянно: господи! Почитай вся свободная пресса сидит!

Наконец позвали нас к прокурору, спрашиваем мы:

— Это вы просите у нас десять тысяч рублей?

Прокурор сразу сознался:

— Не я, а один человек. Словом, необходимо.

— Извините, — говорим, — таких денег у нас нет. Разумеется, если крайность, мы согласимся... сами понимаем, входим, так сказать, в положение правительства.

И редактор к кошельку жметя.

Но прокурор остановил его:

— У нас, — заявляет, — цены без запроса, — *prix fixe* (очень чисто так выговорил), а уступить не могу. Впрочем, ежели вы не желаете, так позвольте вам идти в тюрьму.

Но тут Чуковский возразил, что вовсе не желает в тюрьму, однако прокурор оказался упрямым.

— В тюрьму! В тюрьму!

Видим мы, — человек односторонний, не стали спорить: таких людей все равно не переубедишь.

Однако спросили:

— За что в тюрьму?

— А за то, что у вас нет десяти тысяч.

На это Дымов (тут же был) — заметил:

— Но ведь и у вас их нет. Значит...

Тут Чуковский и говорит:

— Вот что. Я — так и быть — пойду в тюрьму, а вы, г. прокурор, пожалуйста сотрудничать в „Сигнале“.

— Спасибо, — говорит прокурор, — хотя я уж работаю у Шебуева в „Пулемете“

А Чуковский, пока Камышанский сотрудничал в „Стрелах“, „Пламени“, „Дятле“, „Жупеле“, „Зрителе“ и „Буреломе“, сидел в доме предварительного заключения, что на Шпалерной, где свел обширное литературное знакомство.

Видит Камышанский, не получить ему десяти тысяч, поубавил жадность и к Чюминой пристал:

— Позвольте тысячу! Вы писали в № 3, что некая принцесса шампанское с итальянцем пила, так это вот про кого...

И ляпнул! Мы так и ахнули! Заберут его когда-нибудь за эти слова, вот увидите — заберут.

Пока Чуковский сидел в тюрьме, О. О. Грузенберг созвал судебную палату и объяснил ей:

— Деньгами от Чуковского правительству не разжиться, очень уж он туг на карман, а что касается преступления, то в № 3 „Сигнала“ его нет. Поглядите сами.

(„Невод“, 1907 г., № 1.)

ЗАБРОШЕННОЕ КЛАДБИЩЕ.

Рис. П. И. Ассатурова.

Палата посмотрела, действительно: нет никакого преступления, но дабы Чуковский мог в этом раскаяться, решила продержатъ его еще неделю.

Но все-таки деньги правительству были очень необходимы. Камышанский и предложил: перенести преступление с № 3 „Сигнала“ на № 4.

Уважили, перенесли; № 4 арестовали, типографию запечатали, а этак через денька два явились в редакцию: пристав, четыре околоточных, три дворника и еще разные. Принесли сургуч и запечатали оставшиеся №№ 3 и 2, которые были невинны как Дурново в овсе.

Запротоколировал О. Дымов.

(„Сигналы“, 1906 г., выпуск I).

Одним из первых открыл полосу редакторских отсиживаний Н. Г. Шебуев, издатель „Пулемета“, приговоренный к заключению в крепость на год. Симон

Дрейден в книге „1905-й год в сатире и юморе“¹ дает этому журналу чрезмерно суровую оценку. Шебуев, это правда, проявил не мало и „самодовольства“ и „высокопарного пустословия“, но на ряду с этим был в журнале его налицо и подлинный пафос искреннего негодования, „был в нем,—как говорит Дульский,—истерический смех сквозь слезы, вызванный плачем наболевшей души, оскорбленной и поруганной произволом и насилием власти“². Своим успехом обязан журнал в значительной мере публицистическому таланту Шебуева. Как эс-эр, Шебуев в первом же номере выдвинул на первый план момент крестьянский.

¹ „1905-й год в сатире и юморе“, составил Симон Дрейден. Издат. Кубуч. Ленинград, 1925 г., стр. 3.

² П. М. Дульский, „Графика сатирических журналов 1905—1906 гг.“.—Казань, 1922 г., стр. 32.

МАРСЕЛЬЕЗА.

— Вставай, подымайся, рабочий народ! —

(„Пулемет“, 1905 г., № 3.)

Рис. Грабовского.

„Свобода слова“, говорится в „Марсельезе“, началась у нас свободой песни...

Красное море флагов залило весь Невский проспект. Там и тут вспыхивали свободные, гордые речи.

Но все заглушила, над всем доминировала рабочая марсельеза:

Кулаки, богачи жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд,
Твоим потом жиреют обжоры,
Твой последний кусок они рвут.

Голодай, чтоб они пировали,
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб глумились они над тобой.

Вставай, подымайся, рабочий народ...

Рабочей марсельезой начались дни „четырех свобод“. А окончились они крестьянской марсельезой.

24 губернии охвачены сейчас аграрными беспорядками.

24 губернии поют:

Вставай, подымайся, крестьянский народ,
Иди на господ, люд голодный!
Раздайся клик мести народной...
Вперед, вперед, вперед...

И звуки крестьянской марсельезы заглушат рабочую марсельезу.

Так говорил в Шебуеве эс-эр. И очень не понравились эс-эровские речи цензуре. Не понравилась ей и „Сказка о весне“.

В сказке этой речь идет о том, как „взгрустнулося“ царю „на почетном пиру“:

Как прочел я вчера на печатном прянике,
из-за тридцать земель мне царем Поганым
присланном, что Весна к нам в царство со-
бирается. И что будто знает тот царь до-
подлинно, появилась в моих владениях ласточка.
А и горе будет гореваньнице, ни проехать, ни
пройти люду православному ни в царев кабак,
ни в церковь божию... Тут позвал царь
двух действительных тайных советников —
Донос Иваныча и Недоноса Пантелеевича —
и сказал свое слово могучное:

№ 3.

Цѣна 10 коп.

— Я хочу, чтобы Весны вовсе не было!
И послали Донос свет Иванович да и тот ли Недонос Пантелеевич гонцов во все стороны.

Наказали - приказали губернаторам: „Не пущать Весны из заморских стран!“ Губернаторы — исправничкам, да и тем ли добрым молодцам, по прозванию земским начальничкам. А от тех изошли предписания волостным старшинам, сельским старостам:

— Прилетят грачи из заморских стран, — заковать их в цепи крепкие. Если ласточки белогрудые про Весну-красну щебетать начнут, изымать, не зная жалости, и в тюрьму их ввергнуть мрачную. Если где трава зеленеть начнет, ту траву с корнями выдернуть. Если где ручьи взбунтуются, заморозить их циркулярами! А коль где злой человек обозначится, да вздохнув привольно-радостно, скажет прочим зычным голосом:

— Слава господи, на радость нам из заморских стран к нам Весна идет! — отрубить ему буйну голову.

И по всей земле стоном стон пошел.

Как пришел во сне к царю-батюшке... старичок седой жизни праведной... „Ты хотел все делать по-доброму, а вышло не по-хорошему. Из окна твоего из косящата тебе крыши видны лишь да маковки. А что там под ними деется—невдомек тебе, православный царь... Не видать тебе, как природа вся истомилась, исстрадалась, поджидаючи Весну красную“.

... И в душе у царя что-то сделалось, случилося. И позвал он своих тайных советничков...

— Я хочу Весны. Быть по-моему. Дать-подать мне Весну, хоть куцую.

И Весну подали куцую. Как с военными положениями, да с погромами еврейскими, да с погаными казаченками, да и с тою ли черною сотнею.

И по всей земле стоном стон пошел.

За эти статьи и за „Манифест“, к которому „Трепов руку приложил“, попал Шебуев в крепость.

Однако он не унялся. Сидя в крепости, выпустил он второй номер „Пулемета“, где поместил статью „Они“.

„Они“ — это те, кто засадил меня в тюрьму за первый номер „Пулемета“.

Я не знаю, как их зовут.

Да и не все ли равно, как их фамилии: Дурново, Победоносцев, Сипягин, Плеве, госпожа фон-Штейн, Булыгин, Иоанн Кронштадтский, Держиморда, Бабенко, или даже сам граф Витте?

Они пожелали скрыть свое имя. Пусть.

Да, я совершил государственное преступление.

Я напечатал в „Пулемете“, что они обкургузили, заморозили циркулярами нашу весну, я наглядно показал, как они запятнали кровью манифест 17 октября, я обвинил их в том, что они виноваты в оскорблении величества, — я „оскорбил“ их.

И вот теперь они посадили меня без суда и следствия за... оскорбление величества.

Я оскорбил их ничтожества, а меня будут судить за оскорбление его величества...

Разве не смешно, не уморительно видеть, как они сами себя возвели в величества и требуют, чтобы и все их считали величествами...

Я черные типографские буквы манифеста залил красной типографской краской. А они самую душу манифеста залили кровью.

И в тюрьме не они, а я.

И тут же, среди текста статьи, поместил Шебуев и точное воспроизведение своей личной политической карточки, на свободном пространстве которой напечатал стихотворение:

№ 2.

Воскресенье, 4 Декабря 1905 г.

Цѣна 10 коп.

БУРЕЛОМЪ

Редакция: Спб., Невский 1 2. Для личныхъ
объявленій открыта по средамъ и по-
недѣльникамъ отъ 6 до 8 ч. вечера.

Выходить еженедѣльно

Рукописи, доставленныя безъ обознач. гонимара,
считаются безплатными. Мелкія статьи и стихо-
творенія не возвращаются. Исправленіе рукописей
по усмотрѣнію редакціи.

Я вышел на битву, я вышел вперед,
Быть может, и очень уж смело.
И скоро бой силы мои надорвет,
Но—риск благородное дело!
Я вышел вперед. Сколько храбрых бойцов
На этом пути ослабело!
Я смертный удар встретить грудью готов,
Ведь риск—благородное дело.
Лишь в сердце раба червь раздумья живет!
Мной счастье борьбы овладело.
Бичуй, хохочи, разрушай, Пулемет,
Твой смех — благородное дело!

(„Пулемет“, 1905 г., № 2.)

Я не могу себе даже представить, что
будет со мной, если меня упекут сразу по
всем по трем.

Семь городов спорили о чести быть ро-
диной Гомера.

Три области будут спорить о чести быть
местом моего успокоения: Сахалин, Сибирь
и Шлиссельбург.

В конце концов меня раздерут на части:
одну отправят экспрессом на Сахалин, другую
этапом в Сибирь, а третью будут хранить
под стеклянным колпаком в Шлиссельбургской
крепости.

1906.

СВѢТЪ

№ 2.

5 Марта.

Цѣна 10 коп.

Захваченный „счастьем борьбы“, Ше-
буев, как эс-эр, понесся на парусах
индивидуального самолюбования и со
второго номера сорвался с пути обще-
ственно-политической сатиры, направлен-
ной на совершавшиеся кругом события.
Однако, его кичливое, высокопарное
„яканье“ насыщено было едкой издевкой.

3 декабря вышел номер — „Экс-
пресс“ „Пулемета“ с указанием:

Текст арестанта Н. Шебуева
и
прокурора П. Камышанского

Арестант Шебуев поместил статью
„По всем по трем“.

Сегодня меня судят. По всем по трем
статьям зараз: по 103 статье (наказание —
каторжные работы), по 128 статье (ссылка
на поселение), по 1038 статье (тюрьма до
2-х лет).

Последняя часть после всеобщей амнистии
поступит в зоологический музей, в ту камеру,
где хранятся петровские монстры...

.....

Меня судят с сословными представителями.

.....

Время народного суда еще не наступило.
Оно идет, это время. Оно не замедлит явиться.
И тогда не будет ни таких министров,
как Манухин, ни таких процессов, как мой...
Слушайте, слушайте...

И дальше идет уже „произведение“
прокурора П. Камышанского — Обвини-
тельный акт.

С третьего номера журнал снова
выпрямляет свою линию и сохраняет
среди массы сатирических изданий по-
октябрьских дней позицию наиболее

ЕГО РАБОЧЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ПРОЛЕТАРИЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ.

(„Пулемет“, 1905 г., № 2.)

Рис. Грабовского.

яркого по тону выразителя общего настроения. Именно настроения. Ибо, при разности идеологии и программы было нечто общее у всей прессы того времени.

Старый год — не старец хилый,
 Не согбенный и седой, —
 Он — рабочий, гордый силой,
 Смелый, дерзкий, молодой... —
 писал Шебуев на „Новый год“.

Граждане, помогите, кто как может и кто чем может, нашему хилому, бледному, бедному, беспомощному Правительству!“ —

взывал „Пулемет“ в номере 5.

Пожалейте Его!

Вот Оно стоит перед вами, осмеянное, обруганное, оплеванное, лишенное доверия и у нас на родине и за границей.

Вглядитесь в Его лицо. Неужели никакого другого чувства, кроме чувства презрения и негодования, не вызывает в вас его растрепанный и общипанный вид?

Неужели вы в состоянии напомнить Ему, что сегодня 9-е января, то-есть стукнул ровно год с тех пор, как Оно впервые вступило на роковой кровавый путь?

Неужели вы и сегодня крикнете Ему:

— Кровопийца!

как кричали триста шестьдесят пять дней 1905 года...

Этому пафосу обличения, негодования вполне соответствовала и иллюстративная сторона изданий, тоже броская, яркая, рассчитанная на улицу. И в этом отношении журнал „Пулемет“ резко выделялся среди других сатирических изданий.

На внешнем облике его лежала та же печать стремительного, нервного отклика на совершающиеся кругом события, какая характерна и для литературного содержания „Пулемета“. Небрежно выполненные технически, плохо оттиснутые рисунки обложки с отпечатанными в два цвета—черный и красный—изображениями—Гапона („За мной“), „Его рабочего величества пролетария всероссийского“, студента на трибуне („Долой!“), девушки („У баррикады“), матроса („Русская свобода родилась на море“)—сразу приковывали к себе внимание ударностью своих тем, той смелостью, с какой журнал „брал быка за рога“. В рисунках этих почти не было элемента карикатуры. Не в преувеличении, не в утрировке, не в доведении определенных черт изображаемых лиц и событий „до смешного“ кроется сила воздействия иллюстраций „Пулемета“, а в той страстности, какою насыщены они.

Тут мы подходим к основному вопросу: как оценивать иллюстративный материал сатирических журналов? П. М. Дульский в книге „Графика сатирических журналов 1905—6 гг.“ признает

ценной только ту карикатуру, которая нам доставляет остроту впечатления без всяких разъяснений воспроизводимого мотива. Карикатура должна совершенно самостоятельно и без суфлера, метко и красноречиво клеймить все, что заслуживает бичевания; слова же, растолковывающие рисунок, несколько не

обогащают сатиру, а только ее обесцвечивают¹.

С такой постановкой вопроса вряд ли можно согласиться. Что карикатура должна быть красноречива, остро выразительна сама по себе,—это, несомненно, правильно, иначе какая же это и карикатура? но, чтобы сопроводительный к ней текст ее „обесцвечивал“, как это утверждает П. М. Дульский, это совершенно неверно. И сам же Дульский в дальнейшем дает опровержение своему критерию. Обсказывая иллюстративный материал журналов „Жупел“ и „Адская Почта“, он упоминает „набросок“² на тему „9-е января“, набросок, выполненный с тем мастерством, какое свойственно было только В. Серову; вещь эта, несомненно, вполне отвечает требованиям художественной выразительности и в дополнительном словесном сопровождении, казалось бы, нуждаться не должна, однако П. М. Дульский сообщает, что под „наброском“ имеется и текст:

Солдатушки, браво, ребятушки,
Где же ваша слава?³

И что же? Разве „набросок“ от этого истолкования его содержания обесцвечивался?

А разве портрет-шарж Горемыкина работы Кустодиева не усиливается в своей едкости благодаря сопроводительной цитате из характеристики героя „Мертвых душ“ Ноздрева:

Но щеки его так хорошо были сотворены и вмещали в себе столько растительной силы, что бакенбарды скоро выростали вновь, еще даже лучше прежних.

Не привносит ли этот текст особую остроту тонким напоминанием про зло-

¹ П. М. Дульский. „Графика...“, стр. 19.

² Определение это — „набросок“ применено неудачно. Все произведения В. Серова, за редкими исключениями, могут оставлять впечатление некоторой внешней незаконченности. Такова уже манера письма, индивидуальный стиль данного мастера. „Набросок“ „9-января“ представляет собой картину, исполненную темперой, размером 47 с. на 71 с. Хранится она в Русском музее.

³ Стр. 38.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ, и печаль народная—Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое востроение народное и угроза цѣлости и единству Державы Нашей.

Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повелѣны подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраниенію прямыхъ проявленій безпорядка, беззаконствъ и насилій въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга. Мы, для усѣбнѣйшаго выполненія общихъ предначертаній Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣры признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанность Правительства возлагаемъ Мы исполненіе непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населенію неизбѣжныя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной невпркосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2. Не останавливая предначертанныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соответствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставить, засимъ, дальтѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку.

и 3. Установить, какъ неизбѣжное правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйсвіи поставленныхъ отъ Насъ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ Нами направить всѣ силы къ восстановленію тишины и мира на родной землѣ.

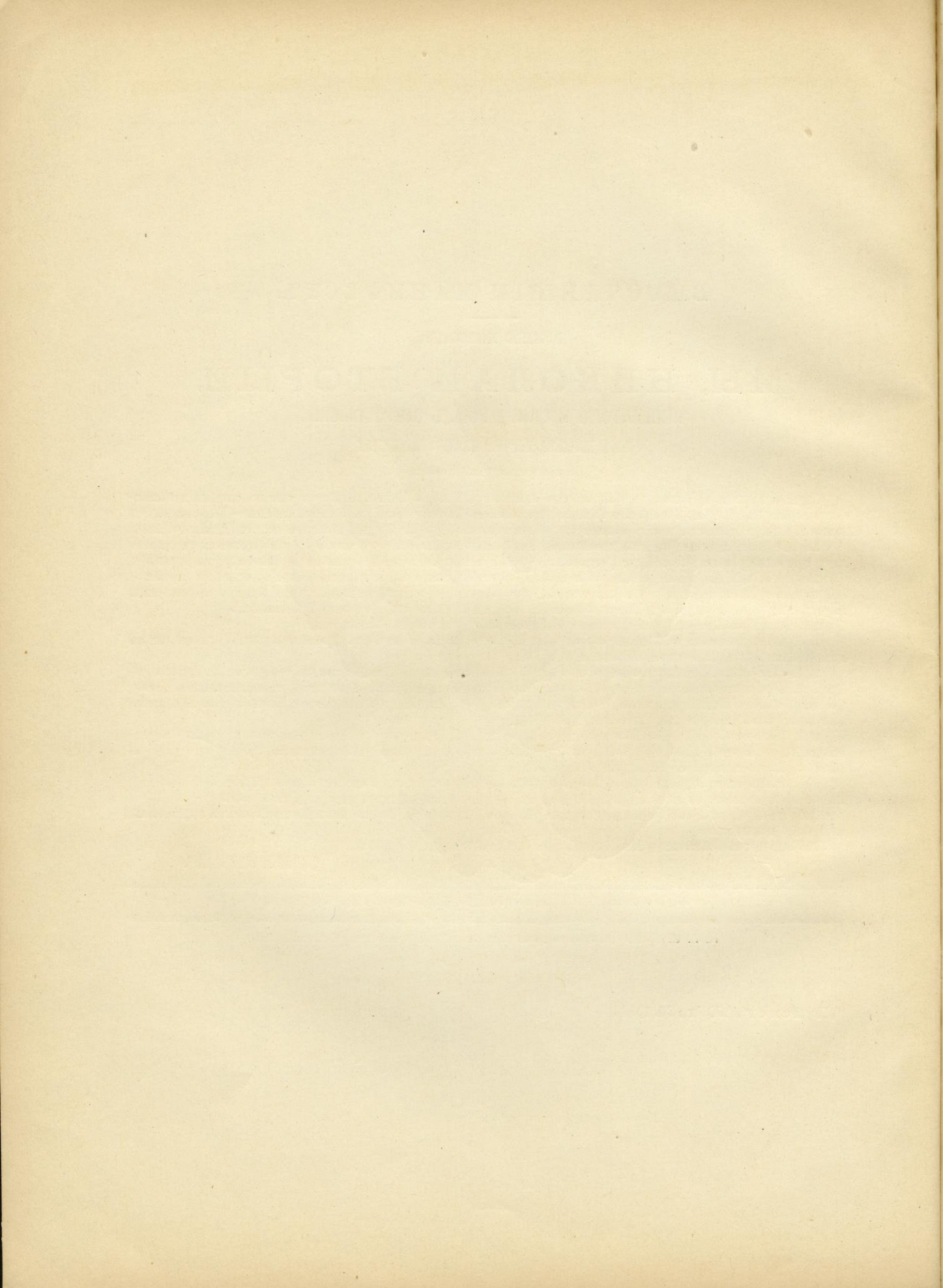
Данъ въ Петергофѣ, въ 17-й день октября въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятное, Царствованія же Нашего одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано.

„НИКОЛАЙ“.

Къ сему листу Святи Бго Величества Генераль-Маіоръ Треповъ руку приложилъ.

Н. Г. Шебуевъ принимаетъ ежедневно отъ 12 до 1 часу дня. Ковенскій. 14.

ГОРЕМЫКИН.

„Но щеки его так хорошо были сотворены и вмещали в себе столько растительной силы, что бакенбарды скоро выростали вновь, еще даже лучше прежних“.

(Гоголь, „Мертвые души“, т. I, стр. 69.)

(„Адская Почта“, 1906 г., № 2.)

Рис. Б. Кустодиева.

ключения пышных бакенбард в связи с беспардонным шулерством счастливого их обладателя?

Нет, в этой части своей характеристики П. М. Дульский, очевидно, неправ.

Сатира по самой природе своей, поскольку откликается она на злобу дня, на преходящие моменты, зачастую даже и непонятна становится позднее без пояснения, какую мишень она перед собою ставила. Учитывая это, П. М. Дульский приведенное выше определение свое сопровождает указанием на необходимость принимать во внимание „условия, в каких рождалась политическая карикатура, и те события, с каковыми все иллюстрации тесно переплетались, отражая жизнь как в зеркале“. И сам же дает весьма убедительный пример сказанному, когда приводит к рисунку-лубку М. Добужинского „Как наш славный генерал нашу крепость покорял“ — сопроводительный текст:

Эх, матросы, будет худо,
Разобью вашу посуду,
Разнесу до тла! (2 раза).

Вас и крейсер ваш „Очаков“
Я заставлю ловить раков,
Всех перепоплю! (2 раза) (Стр. 40.)

Без этого, пожалуй, и неясно было бы, что речь идет о подавлении беспорядков на Черном море.

Итак, утверждать, будто „слова, растолковывающие рисунок, нисколько не обогащают сатиру, а только ее обесцвечивают“, не приходится. Несостоятельность такого положения ясна и теоретически. Синтез различных видов искусства всегда ведет к усилению эмоционального охвата, а отнюдь не к ослаблению его. Песня, в основе которой лежит музыкальная выразительность, только выигрывает от умелого словесного оформления. Архитектура обычно выступает в сопровождении пластики и живописи. Театр — сочетание всех видов искусства. Даже кино, преодолевая слово, крепит связь свою с музыкой. Только в тех случаях, когда та или иная отрасль искусства обращается всецело к ее лишь воздействию доступным сторонам психики че-

ловека, не терпит она присутствия обычных соседей своих. Сатира, карикатура к таким рафинированным видам искусства не принадлежат. Естественно, что тут даже самая распрекрасная иллюстрация только выиграет от удачного меткого слова.

Рассматривая иллюстративный материал сатирических журналов 1905—6 гг., приходится прежде всего установить, что он далеко не однороден по своему составу. На ряду с карикатурой и шаржем,¹ в нем имеются и произведения, которые, при ясно выраженном сатирическом характере, все же совершенно свободны от какого бы то было уклона в сторону утрировки, а также ряд вещей, не имеющих ничего общего ни с карикатурой ни с сатирой. К последней группе относятся: 1) иллюстрации, представляющие собою объективную фиксацию отдельных моментов революционных событий. Таковы зарисовки И. А. Владимирова, в которых стремится он к документальной фотографической точности². Таковы некоторые рисунки Н. В. Пирогова, Н. И. Шестопалова, А. де-Пальдо, И. М. Грабовского и др. Из книги сатиры

¹ Различие между карикатурой и шаржем не всегда может быть резко проведено. В основе своей шарж исходит из принципа резкого нарушения пропорций: при большой голове совсем маленький корпус и карликовые ножки; или несуразно увеличена часть физиономии — колоссальный лоб и т. п. Карикатура же строится на подчеркивании особо характерных черт без особо резкого их преувеличения. А так как всякий художественный портрет неизбежно связан с подчеркиванием характера натуры, то естественно, что многие произведения, исполненные автором без всякого намерения выдвигать именно смешные стороны, все же подвергались упрекам в карикатурности. Так В. А. Серов в письме к С. Мамонтову писал: „Я по крайней мере внимательно вглядываясь в человека, каждый раз увлекаюсь, пожалуй даже вдохновляюсь, но не самым лицом индивидуума, которое часто бывает пошлым, а той характеристикой, которую из него можно сделать на холсте. Поэтому меня и обвиняют, будто мои портреты иногда смахивают на карикатуры“. (С. Мамонтов, „В. А. Серов“, „Путь“ 1925 г., декабрь, № 3). С другой стороны, стирается грань и между карикатурой и шаржем. Резко выраженная карикатура естественно приближается к шаржу. Портреты, данные „Олимпом“, особым номером „Адской Почты“, принадлежат как раз к этой категории.

² Владимирова делал их для журнала „Graphic“. Там помещали их в перепечатанном на английский язык виде.

часть их изъята и включена в книгу живописи; и 2) концовки и заставки книжно-декоративного характера, исполненные Билибиным, Чемберсом, Анисфельдом, Бродским, Добужинским, Каревым, Шестопаловым и др. Они использованы для обеих книг.

Что касается собственно „сатиры“, т.-е. вещей, все содержание которых насыщено горячей, едкой критикой явлений окружающей действительности, то и из этой категории часть вещей пришлось включить в книгу живописи, несмотря на то, что они были в свое время помещены в сатирических журналах. Формально это, быть может, и не совсем правильно. Но дело в том, что самое деление материала на живопись и сатиру идет по двум не однородным признакам. Сатира—это особый характер содержания, а живопись—специальный вид исполнения. И ясно: сатирическим содержанием, ядом сатиры может быть пропитана и картина и рисунок, так что по этой линии грани раздела не установить. Совершенно естественно, что картина Геллера „Погром“ была воспроизведена в сатирических изданиях. Столь же естественно, что для сатиры использована была и картина Серова „9-ое января“ с подписью „Солдатушки, браво, ребяташки!“ и ряд других вещей. С другой стороны, рисунок Ежа „Загубили моего кормильца“ из „Сатирического Обозрения“, или „Кошмар“ Добрынина из „Лешего“, при всей едкости своей, в художественном отношении столь строго „академически“ выдержанны, что с полным правом могут быть отнесены к книге „Живопись“. Если несколько шире подойти к постановке вопроса, то ведь, пожалуй, и ряд фотографий пришлось бы признать за сатиру, настолько убийственны для старорежимного строя выявляемые в них факты. Революция сама по себе, противопоставляя безобразие того, что есть, тому, что быть должно, преломляет все явления окружающей жизни в зеркале сатиры.

Но, раз нельзя отделить „живопись“ от „сатиры“, так не правильнее ли принять за критерий формально-технический признак, противопоставить „живопись“ не „сатире“, а графике? Масло, темпера,

акварель—категория живописи; рисунок, гравюра, литография—область графики. П. М. Дульский в своем исследовании так и подошел к вопросу. Оставив живопись в стороне, он все свое внимание сосредоточил на „графике сатирических журналов“. Однако и это деление тоже очень зыбко. И Дульскому пришлось оговариваться, что ряд лучших работ, использованных им в его книге, в сущности разрешены „с чисто живописным подходом“¹. Он так и отнес их к категории „живописной графики“². А он, надо заметить, подошел еще к рассмотрению вопроса чисто-внешне: ввел художник акварельную раскраску, значит—живопись.—Подход—по существу совершенно неправильный. Ибо, строго говоря, многие работы, выполненные средствами графики—карандаш, перо, игла и пр.,—все же по самому подходу автора к разрешению поставленной задачи остаются живописными. Градации силы краски, противопоставления света и тени могут вызывать совершенно такое же по сути своей живописное зрительное впечатление, как если бы вещь исполнена была в красках. Офорты Рембрандта—явление чисто живописного характера. Подкрашенная карикатура Щербова—графика. Если с этой точки зрения подойти к рассмотрению „графического“ материала сатирических журналов 1905—1906 гг., то окажется, что значительная часть его, и притом самая острая, наиболее интересная, отойдет в область „живописи“. Так что и этот критерий оказывается очень условным. Вот почему при разбивке изобразительного материала на „живопись“ и „сатиру“ пришлось руководствоваться признаком не столько качества, сколько количества: если центр тяжести того или иного произведения лежит в его сатирическом содержании и выражено это путем явной утрировки, путем карикатуры, шаржа, то вещь относится к „сатире“; вещи же, которые не выходят из рамок строгой выдержанности художественной формы своей, не впадают в нарочитую подчеркнутость, в гротеск, в утрировку,—отнесены

¹ Дульский, „Графика...“, стр. 80.

² Стр. 82.

к „живописи“. Однако и этот принцип не выдержан строго. Так, некоторые рисунки, коим, как, например, „Октябрьской идиллии“ Добужинского или „Смерти“ Кустодиева, с полным правом могло бы быть отведено место в книге „живописи“, все же включены в „сатиру“. Очень уж ярко выражен в них момент глубокой острой издевки, очень уж насыщены они ядом сатирического обличительства.

На последней вещи интересно несколько остановиться, чтобы выяснить значение „формы“ в графическом произведении. Вопрос этот, вообще весьма сложный, применительно к сатире 1905—1906 гг. был в художественных журналах того времени поставлен очень остро. Так, „Золотое Руно“ говорило вполне определенно:

Человеческую пошлость бичует ничуть не содержание насмешки, но метко подысканная к данному содержанию художественная форма. Яд любой остроты таится не в давным-давно известной мысли, но в насмешливом тоне вовремя вставленной удачно сказанной фразы. Над пошлостью более всего издевается не истина, не справедливость, а красота.¹

Чтобы проверить это утверждение приоритета формы над содержанием, рассмотрим иллюстрацию Кустодиева „Смерть“. „Золотое Руно“ совершенно право: тема эта, тема смерти, торжествующе шествующей над жертвами войны, далеко не новая. Достаточно вспомнить, как сильно выразил ее Франц Штук в своей знаменитой картине „Война“. Если рисунок Кустодиева все же оставляет впечатление новизны и врезывается в память, то не в остроте ли найденной формы кроется сила его воздействия?

Эту же тему смерти, пробегающей над землей, трактовали в сатирических журналах вслед за Кустодиевым и другие художники. Так, в „Волшебном Фонаре“ (№ 5) от 5 февраля 1906 года дана тоже очень сильная иллюстрация „Долина скорби“ (стр. 45).

Верх ее очень близок к кустодиевской композиции: так же, почти совершенно в той же позе, бежит над землей смерть, только не одна, а в ряде преломлений. Использовал эту тему и Н. Клюев для обложки № 3 „Пчелы“. У него та же „кустодиевская“ смерть пробегает по пустынному зимнему пейзажу. Тема везде одна, а эффект разный. И пальма первенства, не в смысле приоритета авторского, а в смысле художественной силы, бесспорно остается за Кустодиевым, хотя по силе оформления „Долина скорби“ не уступает „Смерти“. Почему же так?

Тут перед нами как раз случай, указанный „Золотым Руном“: „давным-давно известная мысль“ и два прекрасных образца „метко подысканной к данному содержанию художественной формы“. Почему же перевес на стороне Кустодиева? Увы! утверждение „Золотого Руна“ не оправдывается. Не из-за большего совершенства формы и не из-за более меткой подысканности ее оказывается лучшей иллюстрация Кустодиева, а благодаря более глубокому, более острому проникновению в содержание вот этой самой „давным-давно известной мысли“. У автора „Долины скорби“ верх иллюстрации взят, пожалуй, даже сильнее, чем у Кустодиева, а низ — слабее. И не по неспособности оформления, а благодаря особенностям подхода автора именно к содержанию. Текст к рисунку хорошо это поясняет:

И ходили они скорбные среди могил, в которых были зарыты близкие и дорогие им люди...

Когда же подымали головы и смотрели на небо — оно посылало им страшные тени губительных чудовищ...

Потому что слишком много на земле развелось убийц и вся она напоена братской кровью...

Тут пред нами тупая скорбь надломленности, настроение безнадежности, охватившее общество после разгрома декабрьского восстания... Вчерашний

¹ „Золотое Руно“ 1906 г., № 4, стр. 82.

¹ См. Дульский, стр. 56. Цитата взята им из „Золотого Руна“, 1906 г., № 4, стр. 82.

ДОЛИНА СКОРБИ.
(Говорящие тени.)

И ходили они скорбные среди могил, в которых были зарыты близкие и дорогие им люди...

Когда же они подымали головы и смотрели на небо, оно посылало им страшные тени губительных чудовищ...

Потому что слишком много на земле развелось убийц и вся она напоена братской кровью...

Потому что в аду нехватает уж места для грешников...

(„Волшебный Фонарь“, 1906 г., № 5.)

герой-революционер снова стал обывателем... Плачут вдовы, как плакучие ивы никнут к дорогим могилам... Это февраль 1906 года.

А у Кустодиева — декабрь 1905 года. Борьба. Энтузиазм. Красное знамя над баррикадами. Пусть смерть по колена в крови, пусть кровью окроплены руки ее. Красным заревом великой борьбы за свободу пылает все небо

Надо мертвым пасть, не раненым
Не уставшим от борьбы...
Ненавистней, чем тираны, нам
Прирожденные рабы!

Над формой работает художник. Но оформляет-то он содержание. И острота формы — прямое следствие глубины проникновения в содержание.

Правильность положения этого по отношению к сатире, центр тяжести которой вообще лежит на содержании, вряд ли может быть оспариваема.

„Золотое Руно“ — право только в том отношении, что художественная форма должна быть „метко подыскана“ именно к данному содержанию. Но и данное содержание должно быть правильно и остро понято художником. Без этого нет подлинной сатиры, вскры-

вающей до корня, до последних глубин все зло подмеченного явления. Без этого она превращается в случайное искажение, в ничего не говорящую гримасу, в то, что по отношению к литературе довольно метко определяется словом „зубоскальство“.

(„Молот“, 1906 г., № 2.)

БАРРИКАДА ВЗЯТА.

Рис. Н. Герардова.

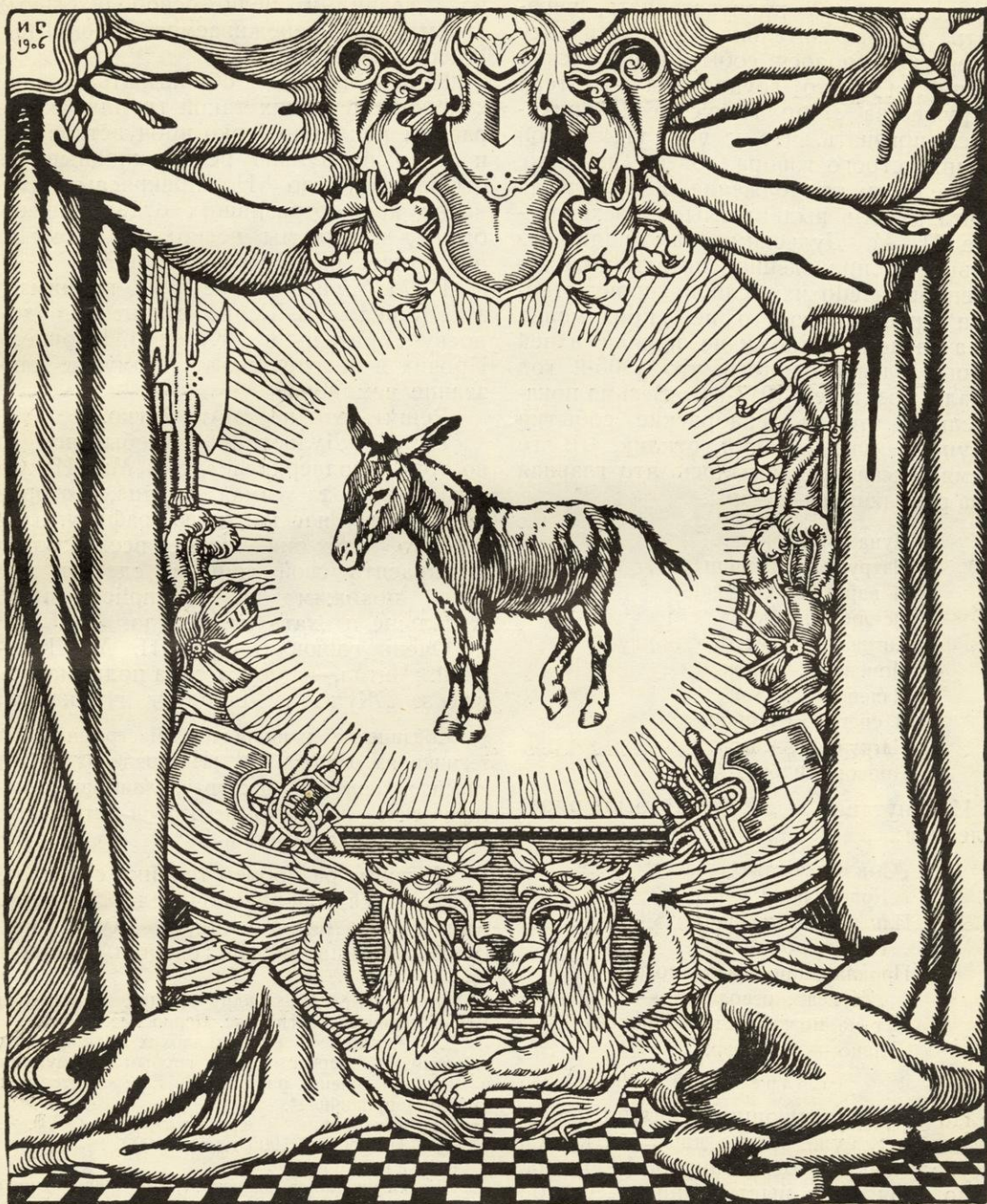
Опасность измельчать, опошлиться, грозящая сатире, особенно хорошо видна на примере карикатуры. Последняя дает массу примеров того, как „смех“ из исключительного по силе воздействия своего оружия сатиры превращается в недостойного спутника сальной порнографии, кабацкого шутовства. Причина — оскудение содержания. И никакое совершенство художественного оформления не спасет, раз нет основного, нет остроты в выборе темы и ее истолковании.

„Le ridicule tue“ — смех убийственен, — говорят французы. Особенно страшен он для всего, в чем кроется стремление казаться не тем, что есть на самом деле. Недаром говорит пословица: „От великого до смешного один шаг“. Бакенбарды придавали особенную величественность министру Горемыкину. Но, когда художник путем искусной утрировки придал им „ноздревский“ вид, от величия не осталось и следа; хоть брейся. На протяжении ряда столетий приучался весь народ, сверху до низу, почтительно относиться к пышно декорированной рамке, в центре которой помещался портрет „самодержца всея России, Николая II“. В сотнях тысяч экземпляров распространялся гравированный портрет этот по градам и весям, и вдруг на почетном царском месте оказывается — осел! Да, да, самый что ни на есть обыкновенный осел. В $\frac{1}{20}$ величины оригинала, как сообщает подпись (см. стр. 49)... Или такая карикатура: двуглавый орел. Правда, несколько своеобразно переработанный, стилизованный, но все же орел как орел, все как быть должно, на официальном „русском гербе“. А под рисунком подпись: „Орел, оборотень или политика внешняя и внутренняя“. Оборотень? Так надо обернуть. А обернешь — и пред тобою царь Николай, стоит он к зрителю задом и спускает свою горностаевую мантию ниже того места, откуда ноги растут; а место-то это самое совсем так-таки даже и не прикрыто. Это называется „конституция“. Если кому сие непонятно, так для тех слово это на мантии полностью прописано. Вот тебе и „Манифест для известных мест“!

После таких „шуток“ только безнадежно заскорузлые тупицы могли сохранить прежнюю почтительность к монарху и его двуглавой эмблеме.

В чем лежит сила воздействия карикатуры? В доведении до смешного. Когда вам говорят: „В Париже пожарная команда приезжает на место пожара пять минут спустя после его начала, в Лондоне — две минуты спустя... а наша Казанская часть приезжает — за пять минут до пожара“ — это смешно... и едко. Это содержательно, это заставляет среди смеха задуматься. Это — смех сатиры. Но сатира может и совсем без смеха обойтись: в „Октябрьской идиллии“, в „Смерти“ Кустодиева нет и тени смешного. Там жуть. Там внутреннее противоречие, заложенное в усмотренном явлении, воздействует не через смех, а через чувство негодования, возмущения. Однако и смех сатиры всегда связан с глубокой скорбью. Юмор — это смех сквозь слезы. Вот это „сквозь слезы“ и говорит о том огромном значении, какое имеет для карикатуры глубина понимания содержания взятой темы.

События 1905 — 06 гг. только очень немногими журналами, как это указано было выше, поняты были достаточно глубоко. И как раз журналы эти оказались чуть ли не однодневками, не успели развернуться, окрепнуть. Естественно, и художественная часть их бедна. Это тем более естественно, что тут нужна была известная политическая подготовка, усвоение так пугавшей многих „партийной программы“. А этого от художников труднее всего можно было ожидать. Они либо по примеру красноярского „Фонаря“, поставившего вопрос: „Какое же может быть направление у смеха?“, столь же простодушно наивно недоумевали: „Какое же может быть направление у художника?“, либо, как „мироискусники“ — сотрудники „Адской Почты“, гордо заявляли, что „их духу свободолюбивому и мятежному тесны грани и цели освободительных стремлений переживаемого нами исторического момента“. Вот почему, — вопреки утверждению П. М. Дульского, будто у нас была все же группа художников,

ОСЕЛ (EQUUS ASINUS). В $\frac{1}{20}$ нат. вел.
(„Жупел“, 1905 г., № 3.)

Рис. И. Я. Билибина.

„сумевших ярко прочувствовать, пережить и выразительно передать эту интересную полосу событий в русской жизни“, и будто группа эта — мастера содружества „Мир Искусства“, — приходится признать, что у нас, увы, такой группы, строго говоря, совсем не было. „Жупел“ и продолжение его „Адская Почта“, столь выдвигаемые и восхваляемые П. М. Дульским, как видно из только-что приведенной цитаты художественного сredo их, если и „прочувствовали“ революцию, то не „продумали“ ее, а следовательно и не поняли в ней самого главного, того, что 1905-й год делало предтечей 1917-го. Весьма показательно, что на декабрьские события „Жупел“ дал горячий отклик. В то время обывателю казалось, что главная сила революции — эс-эры.

Луна... Балкон...
 Патруль... Шпион...
 И вдруг... О, миг!
 Эс-эрский лик!
 Сигнал... свисток...
 Момент... курок...
 Паденье... стон...
 В снегу... шпион...
 Патрули... снег...
 Проворный бег...

И репутация у „Жупела“ была определенная:

„Сын Отечества“ газету
 Коль нашли у вас,
 Иль земельную анкету,
 Небольшой запас
 Прокламаций для матросов,
 „Жупел“, револьвер, —
 Тут не может быть вопросов,
 Ясно — вы эс-эр.

(„Зарево“, № 3, 1906 г.)

Но на последующие события „мир-искусники“ уже не дают отклика. „Жупел“ закрыт был в январе 1906 года, и до мая, до выступления „Адской Почты“, мастера этого „содружества“, столь „ярко якобы переживавшие интересную полосу событий“, так-таки и не откликнулись, как не откликнулись они и на весь период с января 1905 г. до его декабря. А в „Адской Почте“ они, как мы видели, сверху вниз смотрели

на „границы и цели освободительных стремлений переживаемого момента“. Им стало „тесно“.

Нет, — к чему себя обманывать? — среди художников наших такой группы, которая бы подлинно „ярко прочувствовала“ и остро продумала революционные события, не было. Но прекрасных журналов, ярко отразивших отдельные события, имели мы несколько. Кому из них отдать пальму первенства?

П. М. Дульский обе руки поднимает за „Жупел“. В. Серов ставит на одну доску „Зрителя“ и „Жупел“¹. Прочие... Прочих я не спрашивал. Кому же дать звание чемпиона?

Решить это не так-то легко.

П. М. Дульский, захлебываясь от восторга, подчеркивает, что „Мир Искусства“, — это та самая группа, которая возродила у нас книжную графику; естественно, что она лучше всех смогла и украсить свой журнал, сделать его столь похожим на „Simplicissimus“. А дальше и ехать уж некуда.

Очень горячо говорит П. М. Дульский. Читал, — и рука сама поднималась уже за „Жупел“. Да вдруг натыкаюсь:

Соединение живописной и графической техники на одних и тех же страницах печати вносило, конечно, пестроту, лишавшую сатирические журналы некоторой строгости, стройности и стильности...²

И таким разнообразием техники страдает, оказывается, в первую очередь, „Жупел“. Анисфельд, Кардовский,³ Кустодиев, Гржебин — живописные графики. А рядом

¹ В письме Александру Бенуа, с февраля 1905 г. жившему в Париже, Серов писал:

„... Масса зато (у нас) плохих сатирических журналов с посредственным грубым остроумием и плохими очень рисунками. Еще «Зритель» и «Жупел» приличнее“.

(См. монографию Сергея Эрнста, „В. А. Серов“, Петербург, 1905 г., стр. 109.)

² Дульский, стр. 80.

³ Квалификация Кардовского, как живописного графика, неверна. Живописной признается та графика, в основе которой лежит светотень, которая поэтому зрителем невольно переводится в красочные сочетания. Рисунки Д. Н. Кардовского такими свойствами отнюдь не обладают. Даже подвеченные акварелью, иллюминированные, они не становятся живописными. Вот некоторые анисфельдовские иллюстрации — те, действительно, определенно насыщены живописным подходом.

ЖУПЕЛЬ

ЦЕНА
15К.

1906 ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ № 3

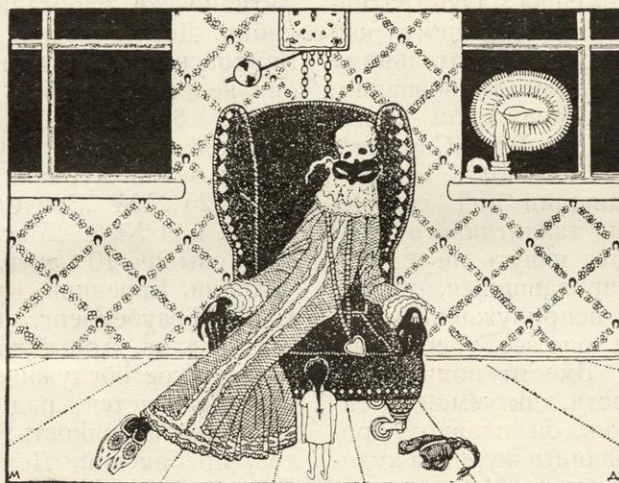
1905
1906

Рис. М. Добужинского.

с ними—представители чистой графики: Билибин, Добужинский, Чемберс...¹ Я руку - то и опустил. Ведь и правда, если подходить к иллюстрации сатирических журналов вот так, как П. М. Дульский, с точки зрения декорирования книги, то ведь „Зритель“, а особенно продолжение его „Маски“, выходявшие под редакцией С. В. Чехонина, лучшего графика наших дней, куда выдержаннее. Они — строже в смысле книгоукрашательства.

Однако, кого ни спросите, всякий согласится, что „Жупел“ сильнее „Масок“. Требования книжно-декоративного порядка не решают еще, значит, вопроса. „Жупел“ бьет „Маски“ именно потому, что иллюстрации его гораздо сильнее, крепче, ударнее по взятым темам и по

подходу к ним авторов. В то время, как „Маски“ ткали тончайшие аллегорические узоры на тему „еловых шишек“ (рис. Траубенберга, стр. 17), „Сказок о Свободе“ (обложка Николаевского к № 3)¹ да „Представлений представительных представительств“ (обложка С. Чехонина к № 9),—„Жупел“ довольно-таки недвусмысленно показывал „места не столь отдаленные“ у „Орла-оборотня“, бил в набат по поводу декабрьской бойни (серия прекрасных и по содержанию и по форме иллюстраций на тему „Москва“), соединял знаком равенства царя и осла. Перевес иллюстративной стороны „Жупела“ над „Масками“ обусловлен именно большим удельным

¹ Дульский, стр. 82—84.

¹ В книге Симона Дрейдена она ошибочно приписана С. В. Чехонину.

весом взятых тем, большей силою проникновения ими. А отсюда уже и соответственные художественные их достоинства.

В сущности говоря, только два эти журнала „Жупел“ — „Адская Почта“ и „Зритель“ — „Журнал“ — „Маски“ ставили перед собою определенные задачи быть не только органами политической сатиры, но и разрешать новую по тому времени для русского искусства проблему художественного украшения книги. Другие журналы, помещая иллюстративный материал, подходили к нему как к некоему совершенно самостоятельному элементу, не подчиненному требованиям, выдвигаемым общим характером книги. Таковы журналы „Леший“, „Светаёт“, „Гамаюн“, „Ювенал“, „Молот“. Последний журнал, выходивший под художественной редакцией талантливого гравера Н. Н. Герардова и чуть не единолично им иллюстрировавшийся, характерен как раз той непринужденностью, с которой нарушал он все требования книжной графики. Вместо подчинения строгой выдержанности, диктуемой строгими колоннами букв, он словно нарочито вводил на страницы журнала художественный беспорядок, ломая ряды, залезая частями рисунка в гущу столбцов и т. д. Это сообщало даже внешности журнала характер некоторой повышенной нервности, что очень гармонировало с духом того времени. Ведь это сейчас нам импонирует хорошая бумага „Жупела“, его в несколько красок исполненные иллюстрации, выдержанные, четкие концовки, заставки, разбивка шрифта и пр. А в обстановке революционного напряжения — не до эстетства. Тут надо орудовать, засучив рукава, а не отходить в сторону, не созерцать. Вот почему „Пулемет“, бывший на революционную неряшливость, имел определенный успех.

За остальными журналами 1905—06 гг. нельзя признать определенной художественной физиономии. Среди иллюстративного материала их попадает не мало очень острых вещей, но в целом они настолько не связаны с общим видом издания, что не придают ему ясно выраженного характера.

Если обратиться к разбору, кто же именно из художественного мира, какая группировка приняла в 1905—06 гг. более активное участие в сатире, то и тут нельзя согласиться с П. М. Дульским, безоговорочно выдвигающим на первое место „Мир Искусства“. Из длинного списка имен сотрудников „Жупела“, приводимых им, фактически работали в журнале всего лишь человек 12. К тому же многие из них дали всего лишь одну-две случайные вещи. Активно же работали: Анисфельд, Библин, Добужинский, Лансере, Гржебин, Кардовский, Кустодиев. И работали они недолгое время. Всего-то выпущено было: 3 №№ „Жупела“ да 3 №№ „Адской Почты“. Группа же, сплотившаяся около журнала „Зритель“, выпустила 25 №№ „Зрителя“, 2 №№ „Журнала“, и 9 №№ „Масок“. Насчитывала она свыше 10 активных участников: Чехонин, Евреинов, Кудинов, Николаевский, Траубенберг, Плеханов, Карев, Шестопапов, Арцыбушев, Гинц. И среди художников, обслуживавших другие издания, выделяется ряд имен, развивших большую активность: Бродский, Герардов, Грабовский, Демьянов, Де-Пальдо, Добрынин, А. Иванов, Любимов, Пирогов, Горюшкин-Сорокопудов, Шестопапов.

Если подвести итог, то перевес-то окажется как раз не на стороне „Мира Искусства“. А при более детальном рассмотрении оказывается, что Кардовский — не член „Мира Искусства“, Кустодиев — не чистый мироикусник; насыщенный тягою к быту, он более близок был к „Союзу русских художников“ и, вступив с большим запозданием в „Мир Искусства“, оставался в нем „сам по себе“, как яркий представитель передвижнических традиций, лишь осознавший всю важность формального начала в живописи. С передвижниками связан был и Серов. И — через отца своего, — Е. Е. Лансере. Как раз вот эта-то группа, сохранившая от предшествующего поколения реалистов-публицистов интерес к общественности, и сообщила „Жупелу“ тот несвойственный „Миру Искусства“ характер, который так подчеркнул П. М. Дульский. В массе своей члены „со-

дружества“ „Мир Искусства“ являлись приверженцами той сверхполитичности, о которой оповещала „Адская Почта“, и, естественно, не могли они дать должного отклика на запросы политической борьбы. Максимум отзывчивости исходил таким образом из кругов, так или иначе связанных с передвижниками.

Справедливость требует выделить тут два имени — Любимова и Шестопалова — и именно потому, что оба эти художника, оставившие нам ряд прекрасно исполненных острых карикатур и зарисовок, канули в лету забвенья, словно участие их прошло совершенно бесследно. А между тем работы А. Любимова воспроизведены в книге Симона Дрейдена (на обложке и на стр. 26) и у Дульского (стр. 79, 81, 83). Только имя автора там не выставлено, само собою разумеется — отнюдь не намеренно, а по незнанию его. Любимов нигде не подписывал своей фамилии полностью, а ограничивался двумя буквами А. Л., довольно — таки мудрено оформленными. Воспроизводя три работы Любимова, П. М. Дульский, несомненно, и не подозревал, что дает три вещи одного автора, того самого, о котором он лишь вскользь упоминает, перечисляя на стран. 58 со-трудников „Лешего“. Количество работ, исполненных Любимовым, очень велико. О характере их дают представление репродукции, помещенные в настоящей книге.¹

Очень плодovit был и Шестопалов. Но и его инициалы (полной фамилии он также не писал) остались нераскрытыми. Так П. М. Дульский, выделяя, как довольно жуткую, иллюстрацию „На заре“ (стр. 318), изображающую расстрел приговоренных к казни политических преступников ротой солдат, не знал, кому приписать ее.

Среди провинциальных журналов в художественном отношении выделяется только киевский „Шершень“, где принимали участие местные художники: Бабенко А., Красицкий Ф., Сластион О., Яковлев М. (Косин), Заступец (псев-

доним П. С. Наумова) и другие. Ярославский „Колокол“, „Оса“ (Екатеринбург), „Фаланга“ (Ростов-на-Дону) дали несколько недурных иллюстраций.

Огромное же большинство сатирических изданий не представляло никакого интереса — ни художественного, ни литературного. Временный успех их объясняется, с одной стороны, крайне приподнятой общественной атмосферой, а с другой — той вакханалией конфискации, какую развила цензура. Запретный плод сладок, и публика жадно набрасывалась на конфискованные издания.

Почти на каждом углу Невского проспекта (в Петербурге), — рассказывает Минцлов,¹ — неподалеку от газетчиков, торчали горьковского пошиба фигуры с папками в руках, где хранились для предъявления бдительному оку полиции №№ „Русского Знамени“,² и со свертками другого товара за пазухой. В нескольких чайных были устроены „склады“ конфискованных номеров журналов и газет; поговорив с заказчиком, субъект горьковского типа исчезал и через несколько минут возвращался к требуемому.

— Витте пляшет, Трепов барабанит! — выкрикивали мальчишки, размахивая „Виттовой пляской“,³ удирая от приближавшихся околоточных...

Но золотые дни Аранжуеца были непродолжительны, полиция все лютела; заподозренных в продаже запрещенных изданий отволакивали в ближайшие дворнички и там любознательно исследовали; при находке личного отправляли в тюрьму.

Редакторы и авторы направлялись туда же непрерывной чередой, и сатирические журналы становились все бледней и неинтересней; к марту — апрелю месяцу публика, бравшая их сначала у газетчиков чуть не с боя и по повышенной цене, охладела к ним; немногие не приконченные „свыше“ журналы стали умирать естественной смертью. Боевая роль сатирических журналов на этом периоде нашей революции была окончена.

¹ С. Р. Минцлов, „14 месяцев свободы печати“. „Былое“, 1907 г., № 315, стр. 129.

² Орган „Союза русского народа“. Известное черносотенное издание.

³ „Виттова пляска“ — черносотенное сатирическое издание, особенно яростно нападавшее на Витте.

¹ В статье В. Боцяновского („Былое“, 1925 г., № 26) воспроизведена более поздняя карикатура Любимова, указано и имя художника.

Подводя итоги обзору сатирических журналов 1905—06 гг., приходится признать, что выдержанных и в смысле политической программы и в смысле литературного и иллюстративного материала изданий мы не имеем. Но отдельных блесток, искорок, метких

слов и карикатур, бьющих не в бровь, а прямо в глаз, рассыпано в этих журналах пропась. Собранные воедино, систематизированные, они дают живое представление о том, как реагировало интеллигентное общество на ход событий первой пролетарской революции.

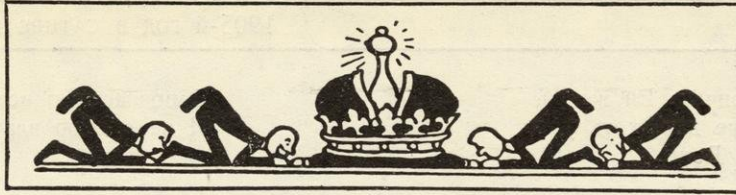

Уходящие. Скорей, скорей, друзья мои! Пойдемте по-доброму, по-здорову. А то еще запрут границу, и тогда мало ли что может случиться? Вспомните 1789 год.

(„Волшебный Фонарь“, 1905 г., № 3.)

Вернувшиеся. Идите, идите... Испытайте на своей шкуре, каково жить на чужбине, вдали от родины и близких людей...

Рис. Мигуэля.

ПОКЛОНЕНИЕ ЦАРСКОЙ КОРОНЕ.

(„Der wahre Jacob“, Штутгарт.)

До 9-го Января.

Одним из самых ранних сатирических стихотворений, связанных с 1905 г., является анонимная печатная листовка, ходившая по рукам в январские дни:¹

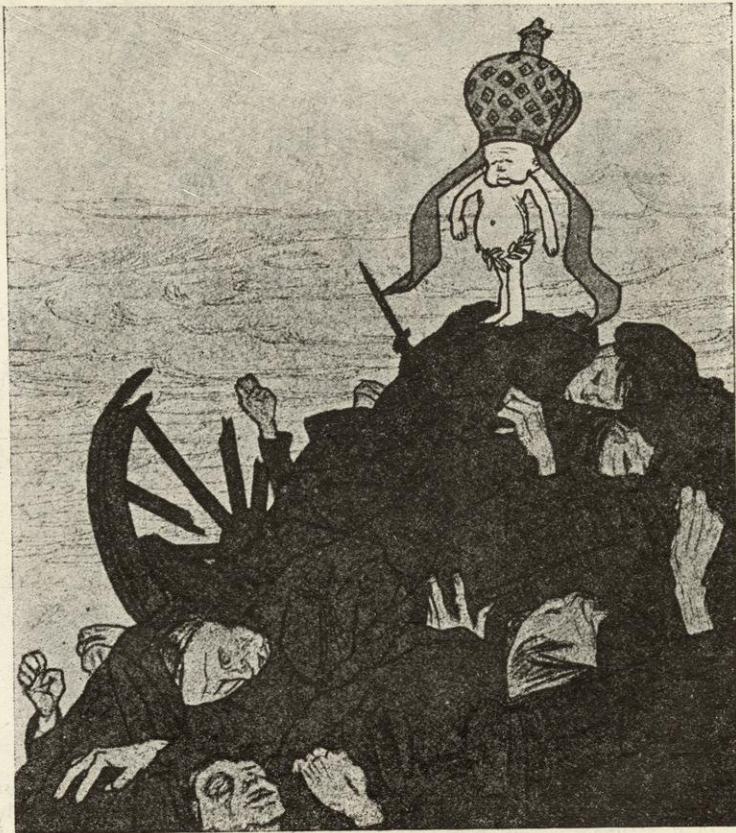
НИКОЛАЙ ВТОРОЙ и ЗЕМЦЫ.²

Был у нас в городке
На Неве на реке
Ника.

Из себя вышел вон,
Ножкой топает он
Дико.

¹ См. „Голос минувшего“, № 11—12, 1917 г. Дневник С. Р. Минцлова, 24 января 1905 г.

² Как известно, „Съезд земских и городских деятелей“, происходивший в Петербурге 6—8 ноября 1904 г., высказался за народное представительство. Специальная делегация из пяти лиц направлена была к министру вн. дел кн. Святополк-Мирскому с тем, чтобы через него довести до сведения царя о постановлении съезда. Однако Святополк-Мирский делегацию принять отказался, принял одного лишь председателя Д. Шипова и не дал ему никакого ответа. Симон Дрейден в книге „1905-й год в сатире и юморе“ ставит данное стихотворение в связь с ответной речью Николая II земцам при вступлении его на престол (1895 г.). Намеки на нее есть, но земцы данного стихотворения, несомненно, участники съезда 1904 года.

У ЦАРЯ РОДИЛСЯ СЫН. РАДОСТЬ РОССИИ
НЕОПИСУЕМА.

(„Simplicissimus“, 1904 г.)

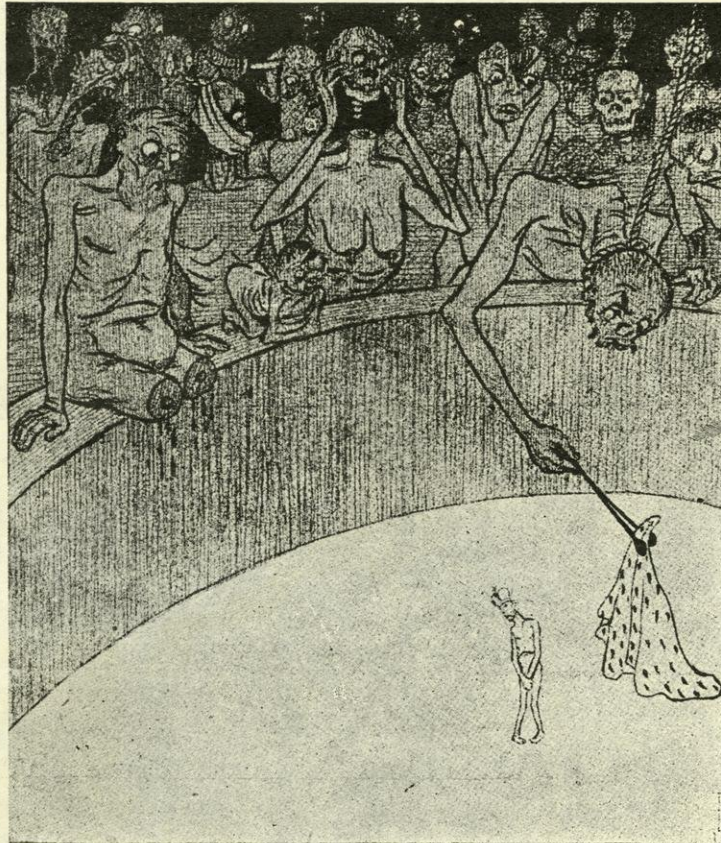
Рис. О. Гильбрансона.

И кричит: Ей же ей,
Им не дам, хоть убей,
Воли.

Будет все, как и встарь,
Аль я больше не царь,
Что ли?

Я повластвую власть
И не сделаю власть
Куцой.

Прикажу все смести,
Но не дам завести
Конституций. ¹

ЦАРЬ ПЕРЕД ТРИБУНАЛОМ СВОИХ ЖЕРТВ.

(„Simplicissimus“, 1904 г.)

Рис. Т. Гейнг.

¹) Выражение „куцая конституция“ пошло в ход с легкой руки известного остряка-поэта Д. Д. Минаева. „Фонарь“ (в № 2, 1906 г.) рассказывает, при каких обстоятельствах обронил это крылатое сочетание Минаев. Принимая литераторов, граф Лорис-Меликов, только-что назначенный министром внутренних дел, улыбаясь, сказал поэту: „Очень рад видеть вас, милейший и остроумней-

ший Дмитрий Дмитриевич... и жду, что вы скажете...“. Минаев прокашлялся и своим хриплым голосом продекламировал:

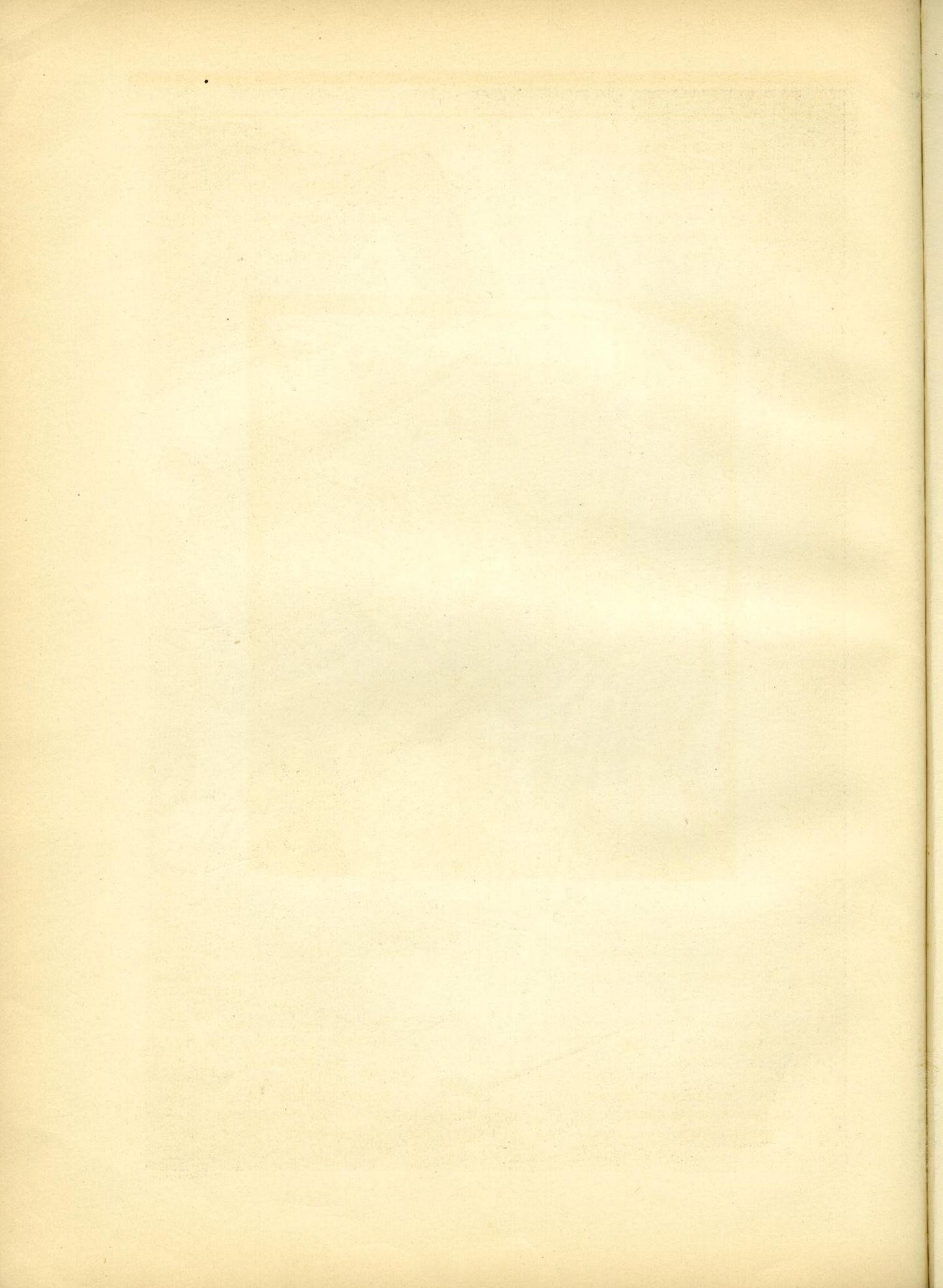
Держась порядка строго,
Мы просим, граф, немного:
На первый раз хоть куцую,
Но дайте конституцию...

„СОЛДАТУШКИ, БРАВЫ РЕБЯТУШКИ!
ГДЕ ЖЕ ВАША СЛАВА?“

(„Жу́пел“, 1905 г., № 1)

Кар. В. Серова.

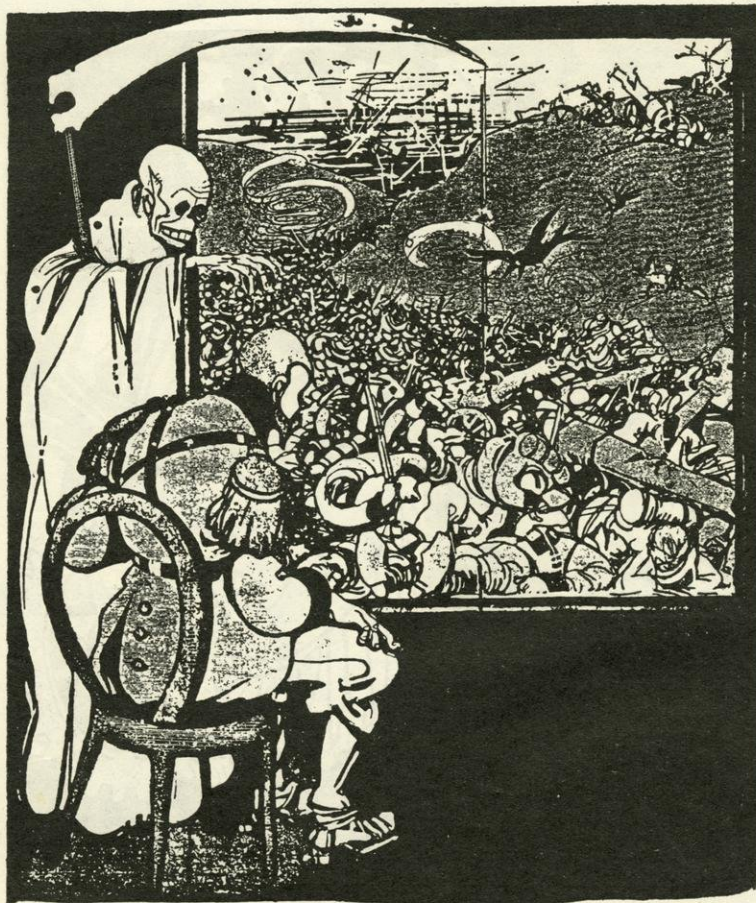

Мне сказала та тётё,
Чтобы я брал пример
С папы.

И задам я трезвон
Всем, кто тянет на трон
Лапы.

Ведь по дудке моей
Тянет много людей
Очень,

Хоть и молвит молва,
Что моя голова —
Кочень.

КАРТИНА „СМЕРТЬ И ЦАРЬ“.

— Прекрасная картина, не правда ли, государь?

— О, да! великолепная! Я предложу ее мирному трибуналу в Гааге.

(„L'Asino“, Рим, 21 августа 1904 г.)

Карикатура *Рамы Ланга*.

Земцам будет беда,
Ишь полезли куда,
Шутки.

Им парламент? Да нос
Еще ваш не дорос,
Дудки.

Мне же нос, господа,
Я клянусь, никогда
Не утрете.

Я скажу напрямки:
«Пошли вон, дураки!»
И пойдете“.

Ох ты, царь Николай,
Ты на земцев не лай —
Ишь задорник!

Ты б их слушал совет,
А ругня не ответ, —
Ты не дворник.

Лучше земцам внемли,
Они люди земли
Нашей,

А не то путь иной —
К немцам с сыном, женой
И с мамашей!

ПОЗДНО ПРОЗРЕЛ.

Царь. — Витте, да знаешь ли ты, что женщина,
которую ты ввел ко мне в страну, — социалистка!

(„Der Wahre Jacob“, Штутгарт, 20 октября 1905 г.)

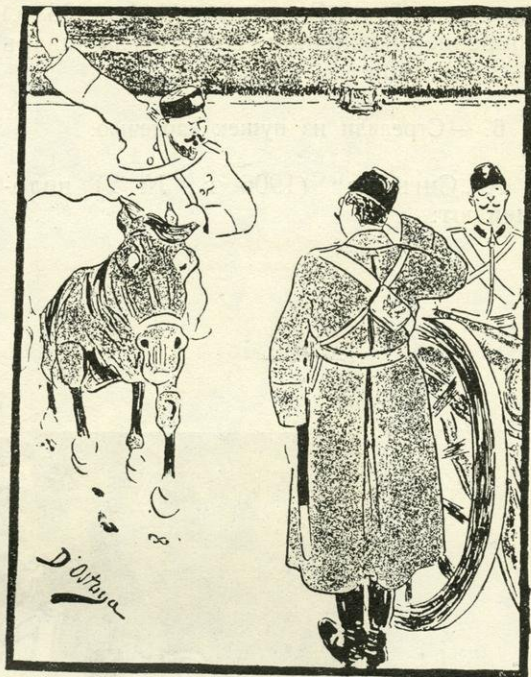
Затрагивать царя иначе, как обиняком или путем изворотов эзоповской речи, нельзя было даже в недолгие дни „свободы печати“. Мы уже видели, как изощрялся в этом направлении изобретательный „Зритель“. Но его выпады, так же как и знаменитая карикатура

„Жупела“—„Царь-оборотень“, появились уже значительно позднее. Наша печать в начале 1905 года не дерзала дерзить. Только в иностранных журналах находим мы ряд острот и едких рисунков по адресу Николая. Иностранная пресса вообще уделяла очень большое внимание

представителям царствующих домов: Николай II — на ряду с Вильгельмом и Эдуардом — любимые персонажи карикатуристов Франции, Германии, Австрии, Англии и Италии. Известный исследователь истории карикатуры — Картрэ (J. Grand-Carteret) выпустил в 1908 году целую книгу, посвященную Николаю II, под заглавием: „Николай, ангел мира, царь кнута“.¹ В ней собран воедино богатый материал, рассеянный в иностранной печати. Из этой книги, а также из собрания иностранной карикатуры Музея Революции в Ленинграде, заимствуем мы ряд воспроизводимых здесь

— Сидеть на троне, опирающемся на штыки, подчас бывает не совсем удобно.
(„Kladderadatsch“, 1906 г.)

Вел. кн. Сергей Александрович. — Мерзавцы, вы стреляете в своего государя!

Капитан Давыдов. — Ваше высочество, полному властелину полный почет.

Композиция *д'Остойа*.

(„L'Assiette au Veugre“, номер „Красный царь“, 4 февраля 1905 г.)

произведений заграничных художников. В то время как у нашей прессы был крепко зажат рот и она никак не могла откликнуться на поразивший все русское общество расстрел 9-го января, иностранная сатира уделила ему большое внимание. Она отметила даже и усердно замалчивавшийся у нас факт выстрела боевым снарядом, произведенного в помост, на котором находился царь с семьею 6-го января в день Крещения.

Среди наших журналов имеется всего лишь одна иллюстрированная заметка, связанная с этим событием, да две-три литературные ремарки и

¹ John Grand-Carteret, „Nicolas Ange de la paix, Empereur du knout“, Paris, 1908.

остроты. Так, „Зеркало“ (№ 1, 1906 г.) в перечне „важнейшие события за январь 1905 г.“ пишет:

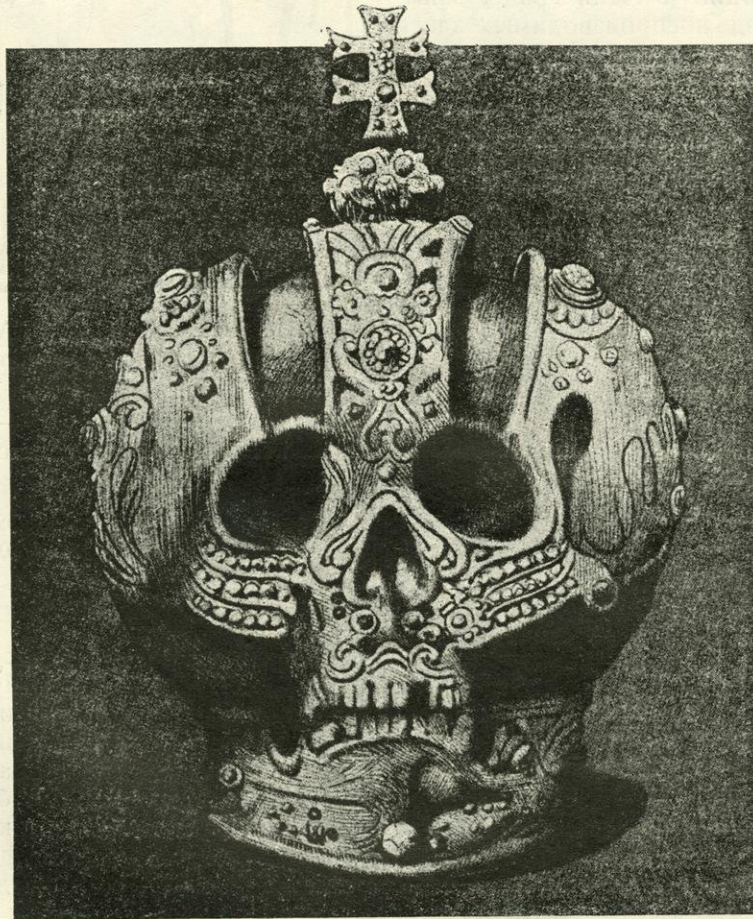
6. — Стреляли из пушек картечью.

А „Сигналы“ (1906 г., № 2) недоумевают:

Не совсем понимаю, почему говорят — „из пятого в десятое“, а не с „6-го на 9-е“? это гораздо остроумнее.

Андрей Леонидов.

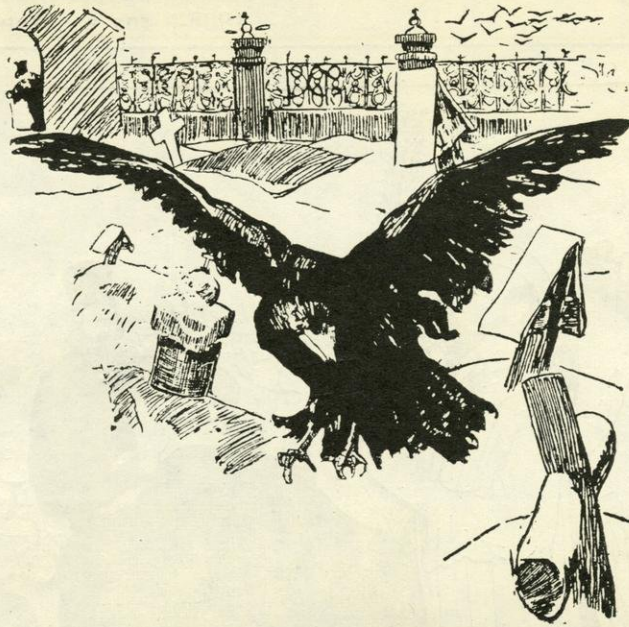
Самый же день „кровавого воскресенья“ — 9-е января — было отмечено лишь в годовщину 1906 года.

РУССКАЯ КОРОНА.

(„Руск“, Нью-Йорк, 1905 г.)

Рис. *Hassmann.*

(„Бурелом“, 1905 г., № 2.)

Рис. А. Де-Пальдо.

9-е Января.

Их расстреляли...
Утро морозное было.
Солнце, не зная, беспечно всходило,
Тихо смеялись прозрачные дали...
Снег был такой серебристый и чистый!
Час был такой молодой и лучистый!
Их расстреляли...

Измятой, бессильной толпою
Сомкнулись они на снегу.
Пылают их очи тоскою
И скорбной любовью к врагу.

Зловеще безмолвны солдаты,
И слышат: их манят, зовут...
Но в душах не смолкли раскаты
Безумных и близких минут...

И слышат и слышат: „О, братья!
Мы гибнем за волю и свет“...
Но глухо сорвались проклятья,
И грянули залпы в ответ...

А солнце не знало! Солнце всходило!
Тихо смеялись лучистые дали,
Утро такое беспечное было...
Их расстреляли.

Дмитрий Цензор.

(„Молот“, № 2, от 8 янв. 1906.)

9 ЯНВ. 1905 г.

С душой безоблачной и ясной,
С открытым взором, грудь вперед,
С надеждой пламенной и страстной,
Он шел — доверчивый народ.

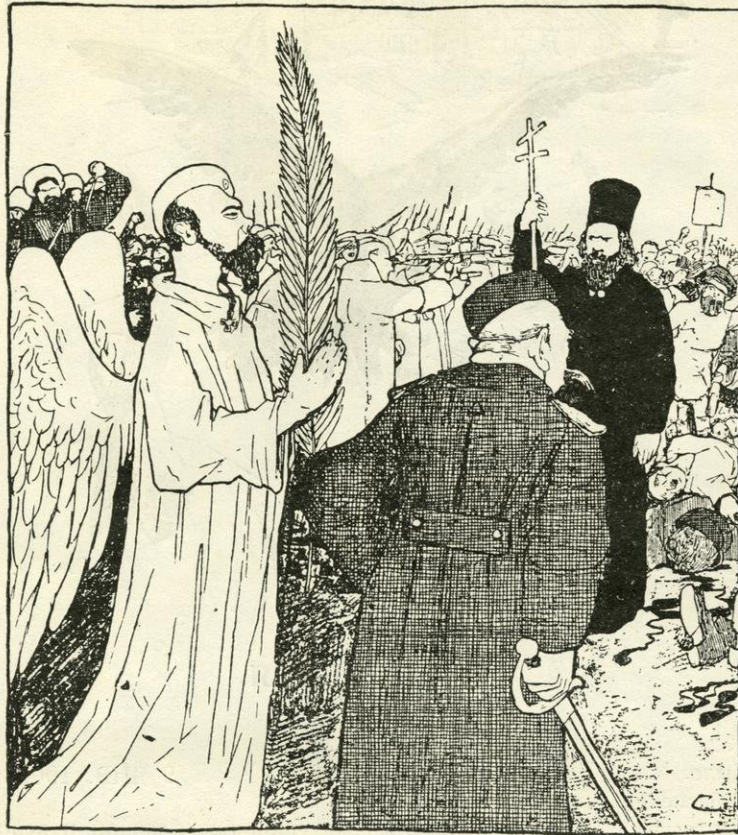
Ступая твердо и спокойно,
Он к высшей правде путь держал,
И шел торжественно и стройно,
И чистым сердцем уповал.

Вдруг залп... другой... смятенье, крики...
Грохочут ружья... вновь и вновь...
И свищут пули, блещут пики,
Несутся стоны, льется кровь...

Народ, как громом пораженный,
В оцепенении стоял,
И — братской кровью обгаренный —
С тех пор он верить перестал.

К. Р.

(„Волшебный Фонарь“, № 2, от 8 января
1906 г. Перепечатано в № 3 „Журнала
Журналов“ 1906 г.)

ЦАРЬ - БАТЮШКА ПРИКАЗЫВАЕТ СТРЕЛЯТЬ.

— Если бог не со мной, я буду стрелять в крест.

(„Wiener Caricaturen“, Вена, 29 янв. 1905 г.)

ГОДОВЩИНА.

(9-е января 1905 — 9-е января 1906 г.)

.....
 Прошли недели — целые года, —
 Уснули мертвые, проснулись живые...
 И вновь толпы, как и тогда,
 Пошли вперед — теперь уже иные!
 Суровый лик, горит их взор,
 Но жадной мести — не любовью...
 Поют... И мощен дивный хор...
 И вьется флаг, — он красный с этих пор,
 Ведь он окрашен вашей кровью!

(„Знамя“, № 1, 1906 г.)

* * *

.....
 И стоны раздались. И крик и смятенье...
 И в ужасе громко рыдали одни,

Другие молчали; для мертвых — забвенье.
 Так созданы силы грядущего мщенья
 В январские страшные черные дни.

Сергей Беспросветный (Руденко.)

(„Девятый Вал“, № 2, от 9 Янв. 1906 г.)

В НОЧЬ НА 10-Е ЯНВАРЯ.

.....
 В голове обрываются мысли:
 „Да... к царю шел просящий народ...“.
 Что ж за звуки во мраке повисли?
 Плач ли, стоны, иль вьюга поет?
 ... Шел просящий народ, нес иконы...
 Много баб и невинных ребят...

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ТЮРЬМЫ 9 ЯНВАРЯ.
(„Журнал-Зритель“, 1906 г., 8 янв.) Рис. Н. Шестопалова.

А потом — безобразные стоны:
Я их слышу, они все звучат.

Нет, кровавого дня воскресенья
Уж теперь не забыть никому,
Разожгли вы пожар возмущенья
И задохнетесь в этом дыме.

Андрей.

(„Спрут“, № 3, 12 Января 1906 г.)

9-Е ЯНВАРЯ.

Промчался год, как дикий год кошмарный:—
Безумный бред измученной земли.
Справляем тризну мы... Вступая в бой не-
равный,

Товарищи, — вы первыми легли!
Вы пали жертвою своих туманных снов;
Мечты наивные и сказки вас сгубили,
Но пули деспотов, сразившие отцов, —
Детей от сказок излечили!
Растрезанные сворой одичалой
Убийц и палачей, младую жизнь губя,
Вы положили грань свою кровью алой
Меж верой в деспотов и верою в себя.
И родина все брызги вашей крови
В свой шлем воинственный, рыдая, собрала,
Горстями полными по нивам разбросала...

Абдул-Гамид. — Дорогой Николай, я
душевно счастлив, что в Европе есть у меня
коллега, и не такой еще турок, как я.

Карикатура Рата Ланга.

(„Der Wahre Jacob“, Штутгарт, 1905 г.)

И капля каждая героя родила!
 Поднялась смелыми и гневными рядами
 Борцов уверенных бесчисленная рать,—
 Не с верой в призраки, но с гордыми мечтами
 Весь мир завоевать,
 Срыть тюрьмы, крепости с их ржавыми
 цепями,

Дворцы преобразить в народные дома...
 Смотрите, деспоты! Уж меч взвился над вами
 Свободного и гордого ума!
 Пигмеи, карлики, ничтожества творенья!
 Вы—блохи черные! Вы—безобразный сброд!
 Не вам остановить великое движенье!
 Не вам остановить проснувшийся народ!
 Стреляйте, вешайте, казните, жгите, режьте,
 Купайтесь в крови!.. Ваш час уже пробил,—
 И месть суровая над вами меч заносит
 Из глубины безвременных могил!
 Покойтесь, павшие, в могилах мирным сном!
 Вы пали первыми бесстрашными рядами...
 Клянемся вам: свободными споем
 Мы „память вечную“ над вами!..

С. Гусев-Оренбургский.

(„Жупел“, № 3, 1906 г.)

* * *

Вам память вечная, подвижники труда!
 Народ, преодолев все грозные невзгоды,
 Девятым января пометит навсегда
 Исходный пункт своей свободы.

Алеша.

(„Паяц“, № 3, 9 Янв. 1906 г.)

„Зеркало“ (№ 1, 1906 г.) в списке „важнейших событий за январь 1905 года“ отмечает 9-е января как день „победы петербургского гарнизона над мирными жителями столицы“, а „Спрут“ (№ 4 1906 г.) поместил „телеграмму“:

Елисаветград. С 9 января исполнение духовных треб возложено на полицию. На панихиду по павшим 9 января 1905 года за свободу рабочим, вместо священника с причтом, явились полицмейстер с городовым. Полицмейстер начал богослужение словами: „Разойдитесь, мерзавцы!“. Служба проведена торжественно, с впечатлением. Убитых нет.

В С.-ПЕТЕРБУРГЕ. ПОБЕДА 22 ЯНВАРЯ.

— Переодеть всех этих молодцов японцами.
 — И детей, ваше величество?

(„Le Rire“, февр. 1905 г.)

Рис. Германа Поля.

ОРЕЛЬ-ОБОРОТЕНЬ
или
ПОЛИТИКА ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ

(„Жупел“, 1905 г., № 1.)

Рис. З. Гржебина.

(„Сигналы“, 1906 г., № 3.)

Духовенство.

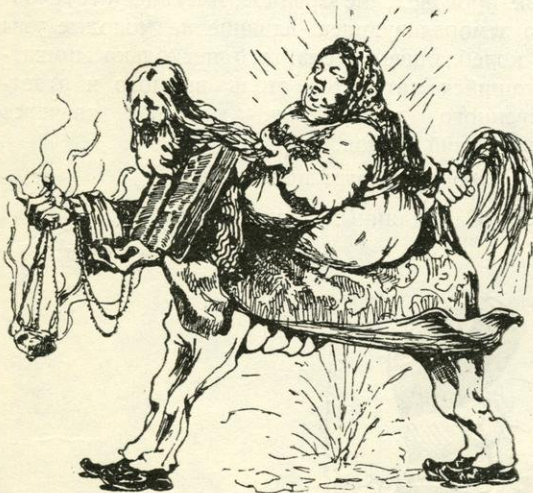
— Почему, — спрашивает тот же „Спрут“ (№ 4, 1906 г.), — Синод запретил 9 января молиться об усопших?

— Потому что в наши дни необходимо молиться о живых.

Парламентер.

Духовенство, в лице „Святейшего Синода“ нагло-лживо откликнувшееся на событие 9 января, неоднократно удостоивалось благосклонного внимания сатиры. Это оно лобызается с жандармерией, оно во всеоружии плетей провозглашает „свободу совести“.

Крупнейший кандидат тех дней в „святые“, отец Иоанн Кронштадтский, не мог жаловаться на недостаток внимания со стороны сатиры к его особе.

Кронштадтское чудо.

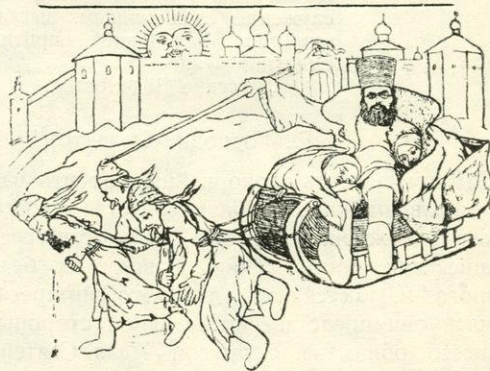
(„Вампир“, 1906 г., № 1).

1905-й год в сатире и карикатуре.

ОТЕЦ
ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ
за смертью прежней Кронштадтской
„БОГОРОДИЦЫ“
ищет новую.
Со вставными зубами просят
не приходить.

(„Звон“, 1905 г., № 1. — Одесса.)

Не забыла сатира осветить и нравы провинциального духовенства.

МОНАСТЫРСКИЕ УТЕХИ.

Зима... Монахи от безделья,
Убить чтоб скуку как-нибудь,
В часы „невинного“ веселья
На дровнях обновляют путь.
Сугробы снежные взрывая
Белогостицких палестин,
Вот мчится вдаль, не унывая,
Их монастырский властелин!
Для них повсюду перепутье:

На дровнях „клади“ полный воз,
Летят от келий к речке „Устье“,
Потом к „Николе-Перевоз“!..

Гвоздило Иерихонский.

(„Лихорадка“, № 9, 1906 г. — Ярославль.)

(„Спрут“, 1906 г., № 4.)

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Харьков. Синод воспретил служение священникам, высказавшимся в „Волне“ против смертной казни.
„Русские Ведомости“.

М. Г., Господин Редактор!

Сим имею честь покорнейше просить вас дать мне возможность при посредстве вашего уважаемого журнала предать гласности следующие мои соображения, в виду их бесспорного и, так сказать, двойного интереса, который они представляют, с одной стороны, для всего общества, с другой — для Святейшего Синода.

Исходя из безусловно компетентного и вполне определенно выяснившегося взгляда Святейшего Синода на смертную казнь, я предлагаю сему высокому учреждению отчислить от лика святых преподобного Николая Чудотворца, так как он был не только против смертной казни вообще, но однажды собственной своею властью воспрепятствовал оной, удержав за руку палача, честно исполнявшего свои непосредственные гражданские обязанности. Таким образом святой Николай Чудотворец с очевидным своеволием пошел вразрез с ясно выраженным и обязательным для всякого истинно русского человека мнением Святейшего Синода. Отсюда с очевидностью вытекает, что в среде святых Николай Чудотворец отныне не может считаться безгрешным.

Далее, в Музее Императора Александра III, что на Михайловской площади, на одной из стен висит картина некоего художника Ильи Репина, изображающая Николая Чудотворца в вышеописанный момент, когда он препятствует совершению смертной казни.

Я предлагаю гг. представителям синодальной власти возбудить против вышеупомянутого художника Ильи Репина законное преследование, как учинившего преступное деяние, имеющее целью намеренно представить в ложном освещении заведомо противозаконный поступок святого угодника.

Самую же картину я предлагаю уничтожить, как произведение вредное, имеющее безусловно деморализующее влияние на молодые умы и колеблющее и без того несколько пошатнувшийся авторитет столь важного и ответственного учреждения, каковым является Святейший Синод.

С совершенным почтением X.

С подлинным верно: „Спрут“.

(„Спрут“, № 6, 1906 г.)

(„Огни Жизни“, 1907 г., № 1.)

В РОССИИ ЦАРСТВУЕТ ПОРЯДОК.
Композиция худ. Сорануса. („Eulenspiegel“, Роттердам, 13 янв. 1906 г.)

Николай II.

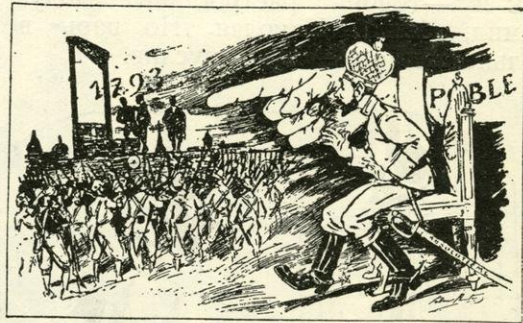
Иностранная карикатура, отмечая избиение 9-го января, все свое внимание сосредоточила на Николае II как главном виновнике кровавой бойни. Вот он — миротворец, ангел мира, с лавровой ветвью в руках, стоит во главе войск, расстреливающих народ, лицом к лицу со священником в камиллавке, возглавляющим толпу рабочих, и говорит: „Если бог не со мной, я буду стрелять в крест“ (стр. 62).

А вот совершает царь обход мест побоища и отдает приказ: „Переодеть всех этих молодцов японцами“. Японцами! Наконец-то победа! (стр. 64).

Недаром в годы войны ходили по рукам шуточные стихотворения, в которых высмеивалась доблесть наших войск:

Скажи-ка, дядя, ведь не даром,
Подобно ракам и омарам,
В душе с отвагой, в сердце с жаром,
Мы пятились назад?
Ведь после каждой жаркой схватки
Мы от японцев без оглядки,
Хоть в полном боевом порядке,
Бежим, бежим, как куропатки, —
Пускай нам целят в зад.

Ну, что ж, мой друг, чего же проше,
Мы понадеялись на мощи
И клали низкие поклоны,
А вместо пуль для обороны
Везли с собой одни иконы!
Подвел нас Серафим! ¹

УРОК ИСТОРИИ.
— Смотри, вдумайся... и сделай вывод!
(„La Campaña de Gracia“, Барселона, 21 июля 1905 г.)

¹ Мощи Серафима Саровского открыты были как раз во время войны. По цензурным условиям стихотворение это напечатано было только в 1908 г. с № 8 „Голоса Минувшего“.

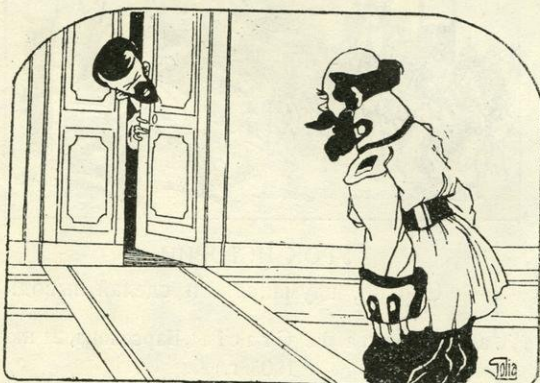

КОНЕЦ ИГРЕ.

Пляшущий медведь. — Я не могу дальше тянуть эту глупую игру.

(„Evening Standart and St. James's Gazette“, London, 1906).

Дикое варварство январской расправы отмечено было в карикатурах, где Николай II сопоставлялся с властелином рабовладельческой Дагомеи и с турецким султаном. „Ты и не такой еще турок, как я!“ — говорит растроганный Абдул-Гамид, обнимая Николая. Но царь не только жесток, — он и труслив.

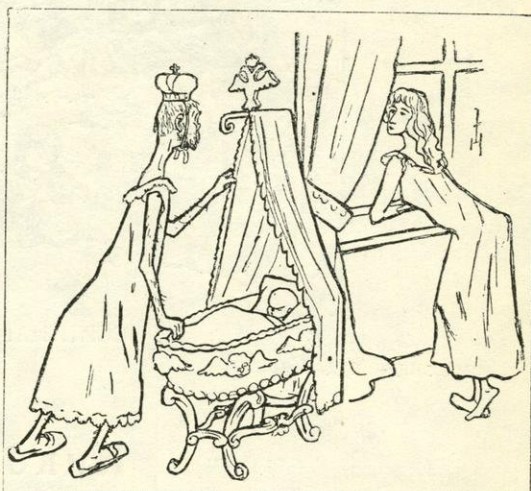

ХРАБРОСТЬ НИКОЛАЯ.

— Осторожнее, ваше величество, огонь затих, но дыма еще много.

Кар. *Golia*. („Pasquino“, Турин, 12 февр. 1905 г.)

Вместо заботы о благе подданных, на уме у „императора всея России“ только опасения, как бы вопли избиваемых на улице не разбудили его ребенка...

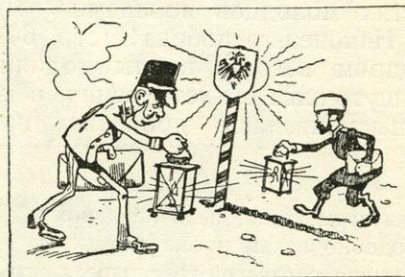
ВОЗЛЕ КОЛЫБЕЛИ ЦАРЕВИЧА.

— Взгляни-ка, Николай, наружу. На улице сотнями режут народ.

— Ах, своими криками и возмущениями они еще, чего доброго, разбудят мне ребенка!

Карикатура *Т. Гейне*.

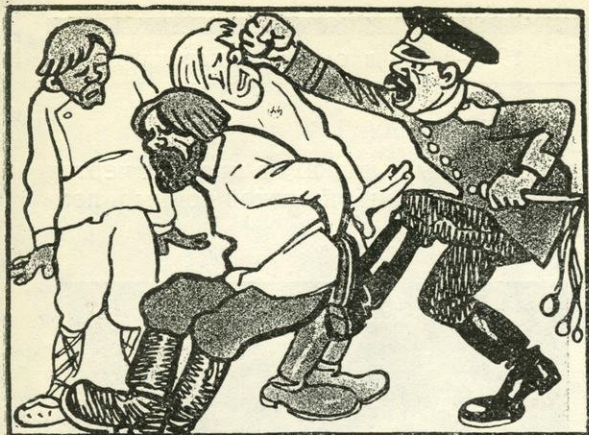
(„Simplicissimus“, Мюнхен, 26 февр. 1905 г.)

Австрийский Диоген возобновляет свою прогулку и замечает, что по ту сторону границы кто-то блуждает в таких же поисках, как и он.

(„Kladderadatsch“, Берлин, 1 июля 1903 г.)

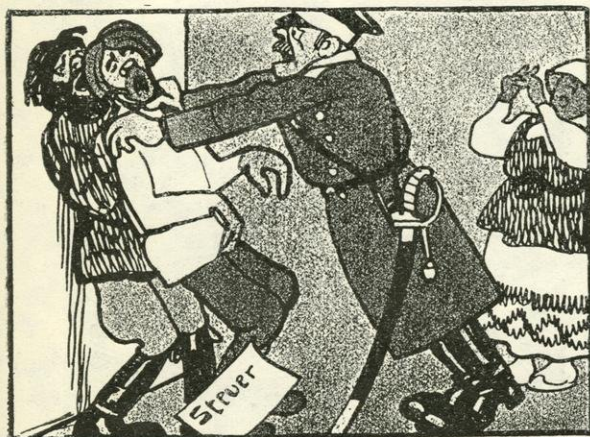
„ЧТО ТАКОЕ РОБУРИТ?“ спросил как-то с любопытством царь.

„Робурит,—это масса, которая позволяет себя колотить, бить,

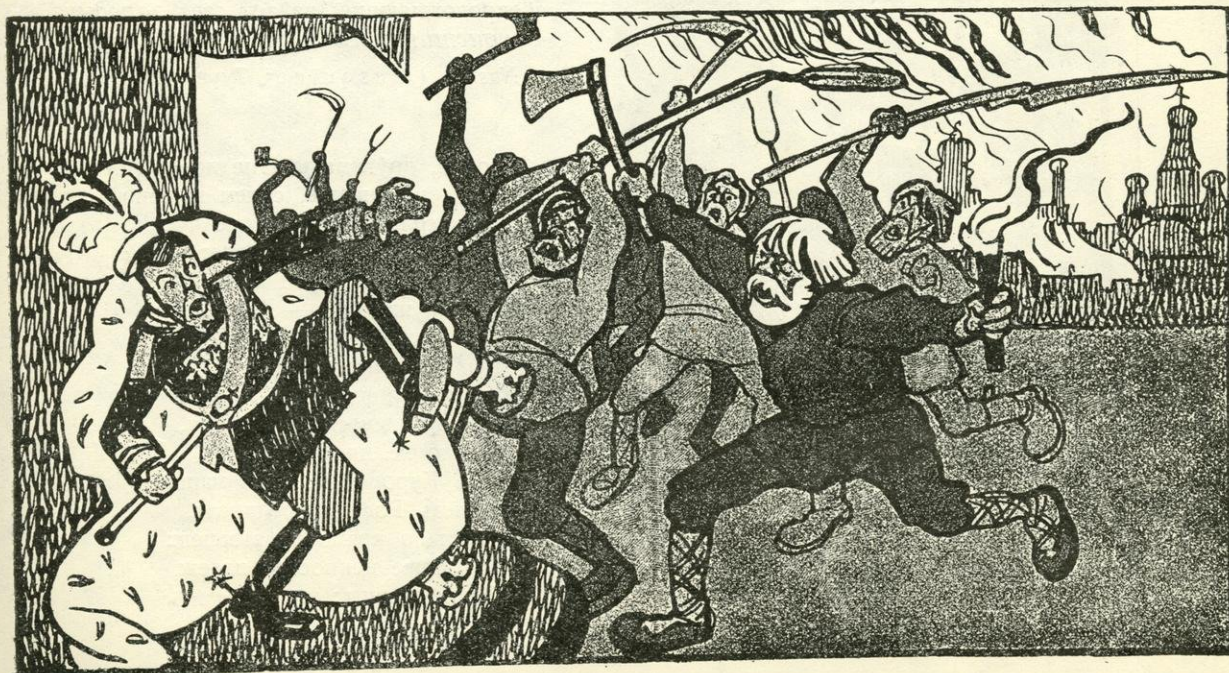
ногами топтать,

давить,

которую можно безопасно перевозить по железной дороге

и которая, при всем том, внезапно бьет сама вас по лицу“.

(„Lustige Blätter“, 1906 г.).

ПИСЬМО НИКОЛАЯ II К ВИЛЬГЕЛЬМУ II.

(В 1905 году было широко распространено в рукописных списках; в кратких чертах рисует оно роль, выпавшую на долю „самодержца“ в годы японской войны и первой революции.)

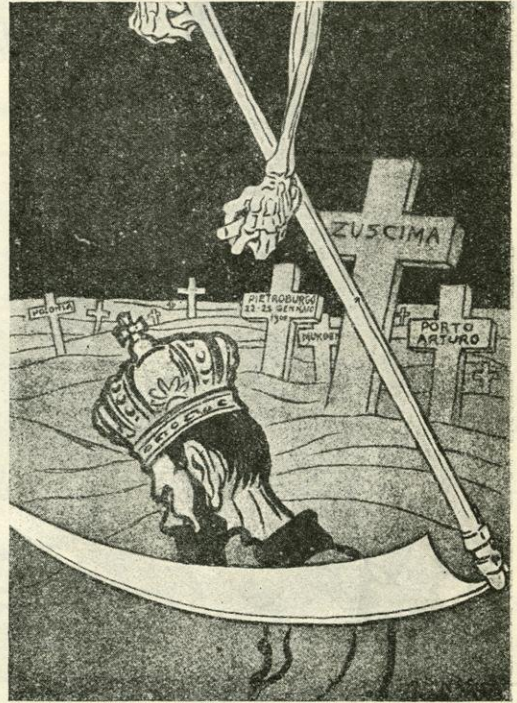
Ах, дядя, я тебе пишу
Тревоги и печали полный,
Но об одной судьбу прошу:
Куда б обманчивые волны
Ее ни бросили меня
В години этих треволнений,
Когда без страха и сомнений
Оставлю я опасный трон,
Пусть из России возмущенной
Я унесусь скорее вон
К тебе, мой дядя просвещенный.
Ведь я тебе вдвойне родня:
И по жене и по мамаше,
И немцы будут дети наши,
Что очень радует меня.
Но это все пока мечты...
Теперь же прочитай-ка ты
О том, в каком я состояньи
И каковы мои страданья...
Начну тебе издалика...

ВИДЕНИЕ ЦАРЯ.

Рис. Rata Langa.

(„Der Wahre Jacob“, Штутгарт, 1905 г.)

ДАМОКЛОВ МЕЧ,

препровожающий на тот свет *зародыш конституции* и *почетный мир*.

Рис. Nasica. („Pasquino“, Турин, 1905 г.)

Война, друг милый, не легка,
Когда не знаешь, с кем воюешь,
Коль сил противника не чуешь,
Коли в финансах недочет,
Коль дядя обокрал весь флот,
Другой же дядя — Вольдемар
(Ах, укуси его комар!),
Что собирают в красный крест,
Все он пропьет или проест.
Меж тем воюем целый год,
А дело не идет вперед.
Хоть Куропаткин, мой маршал,
Терпеть России предписал,
Но стало прямо не втерпех:
На бирже ценностей падеж,
Народ кричит: «Constitution!»

ПОХОРОНЫ ЖЕРТВ ТЕРРОРА.

- После взрыва нашли все остатки его тела, кроме руки.
- Руки? Ее надо поискать в государственной казне.

(„L'Indiscret“, 1907 г.)

Рис. D'Ostoya.

А коль не хошь: «Revolution!»
 Я долго думал, чем помочь,
 Не пил, не ел, не спал всю ночь,
 И только к утру осенило:
 Пошлю кузенов я—Кирилла
 С Борисом—в помощь на войну.
 В бараний рог тогда согну
 Лукаво-дерзкого врага.
 Хоть жаль кузенов мне родных,
 Но честь России дорога...
 И вот отправили мы их...
 Но что же вышло? Ах, скандал!..
 Борис в вагон к себе забрал,
 Как милосердия сестриц,
 Шесть шансонеточных певец,
 Да так с толпой распутных баб
 И влез спьяна к маршалу в штаб.

За подвиг сей неаккуратный
 Поехал Боря в путь обратный.
 Хотя не ранен, не убит,
 Но кем-то где-то сильно бит,
 Вернулся он с одной сестрицей
 И отдыхает за границей.
 А вот другой кузен—Кирилл,
 Тот паром шею обварил,
 Когда наткнулся он на мину,
 И—говорят—попортил спину,
 И тоже возвратился вспять
 Свои недуги поправлять.
 Меж тем всё лупят нас японцы
 И тают русские червонцы,
 А на победу нет надежд...
 От горя не смыкал я вежд,
 Все думал, как и отчего,—

РУССКИЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ.

- Вчера, волею господи бога.
- Сегодня, милостью божией и волею народа.
- Завтра... волею народа.

(„L'Asino“, Рим, 1905 г.)

Рис. Rata Langa.

РУССКИЙ АБСОЛЮТИЗМ.

Царь. — Прошу вас, дайте же и мне немножко подержаться за скипетр.
(„Der Wahre Jacob“, Штутгарт, 1905 г.)

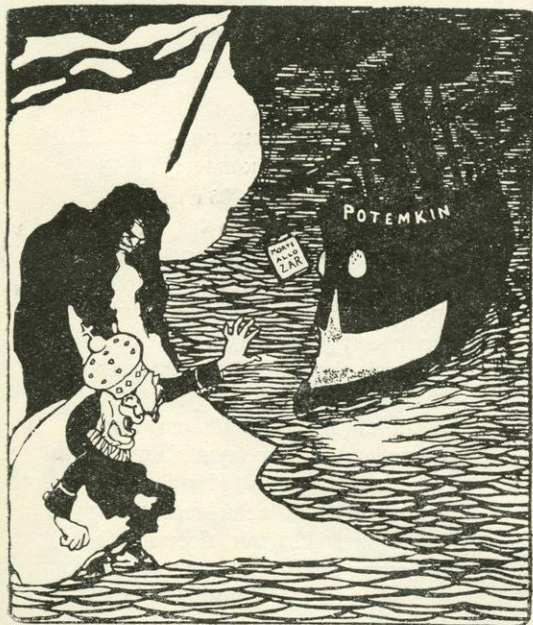
Намек на жалкую роль пленника, какую царь играл в руках великих князей, императрицы-матери, святейшего синода и главных вождей реакции. Одна из любимых тем иностранных карикатуристов.

ОСВОБОЖДЕНИЕ РОССИИ.

— Стойте! стойте: Я вам дам конституцию!
Рис. Th. Heine.

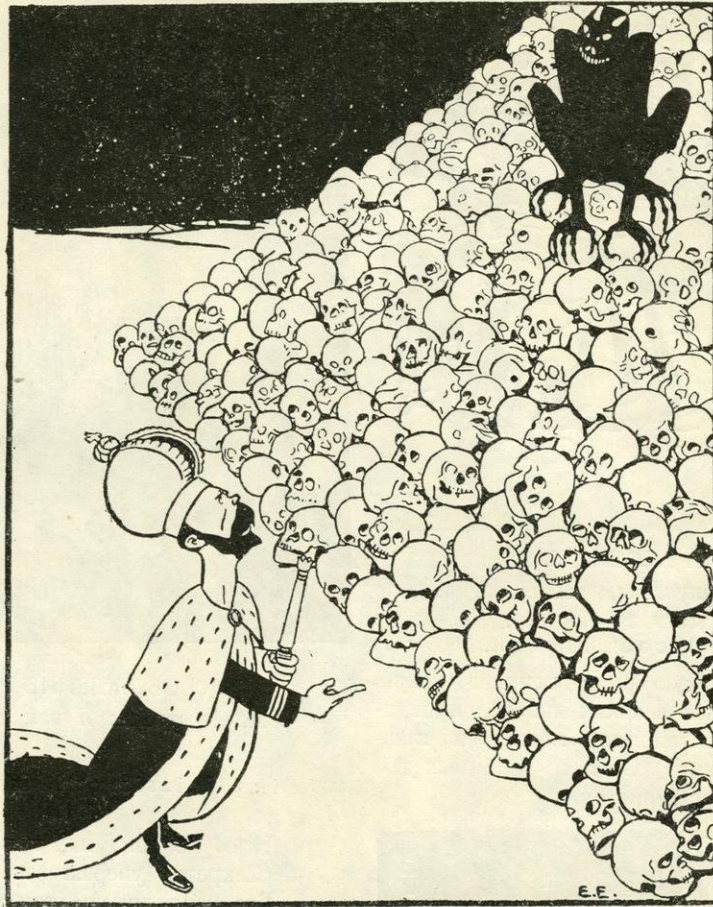
(„Simplicissimus“, Мюнхен, 1906 г.)

КОРАБЛЬ - ПРИЗРАК.

Революция. — Я еще тебя не настигла?
(„Pasquino“, Турин, 2 июля 1905 г.)

Но... не придумал ничего.
(Секретно уверяю вас:
Где надо думать, там я пас.)
И все решают пополам
Победоносцев и Матап,
Сей обер-прокурор Синода
Так ловко пишет для народа
Монаршие предначертанья,
К тому же с богом он в ладах
И у меня в больших чинах.
Приятно мне его читать —
Все любит так он начинать:
„Признав за благо для Руси“...
Прочтешь и скажешь: «Grand merci».
И вот для мудрого совета
Ко мне пришла персона эта.
На мой вопрос: „Ну, как нам быть?
Иль уступить, иль победить,
Иль на врагов нам плюнуть внешних
И поскорей спастись от здешних,
Или составить новый флот
И снова двинуться в поход? —
„Мой царь, не надо броненосцев, —
Так мне сказал Победоносцев, —
Я вам составлю манифест,

ДАГОМЕЯ В РОССИИ.

Николай. — Прекрасная пирамида — во славу моих подвигов! На этот раз я, наконец, поднялся выше моего коллеги Бехандзина. („Der Wahre Jacob“, Штутгарт, 17 марта 1905 г.)

Чтобы народный весь протест
 Нам потушить, сказав народу,
 Что будет все ему в угоду,
 Что будут новые порядки,
 Что в корне уничтожим взятки,
 Дадим свободную печать
 И вовсе перестанем драть;
 Что земство снова возродится,
 Ну, словом, все переродится.
 Лишь манифест такой прочтет
 Наш добрый, искренний народ,
 Как все крамолы, возмущенья
 Мы прекратим без замедленья.
 И не придется так уж быстро
 По внутренним делам министра
 Нам назначать три раза в год:
 Своею смертью он помрет.

Так успокоив дух народный,
 Войной займешься ты — свободный,
 Бразды правления подтянешь,
 Кто возмутится — вешать станешь.
 А в манифест народ поверит,
 Обструкционный дух умерит.
 Настанет всюду гладь да тишь,
 На деле ж все получат шиш“.

Я согласился. И об этом
 Велел печатать всем газетам.
 И что же? Стихли беспорядки...
 Так мирно встретили мы святки,
 А с ними вместе новый год.
 И чинно вел себя народ.
 В подарок к новенькому году
 За поведение народу
 Хотел я совершить добро

И рубль набавил на ведро.
 Мой бог! Какая вышла штучка!
 Согнись, перо! Сломайся, ручка!
 Но что писать? Сказать нет сил,
 Какой скандал в столице был...

Я был с мамашей и женой,
 И все придворные со мной.
 Лишь только воду осветили,
 Нам поднесли и мы отпили,
 Хотел сказать владыка речь...

„ЗАЧИТАЛСЯ“.

(„Бурелом“, 1905 г.)

Рис. *Homunculus* (Г. Эрастова).

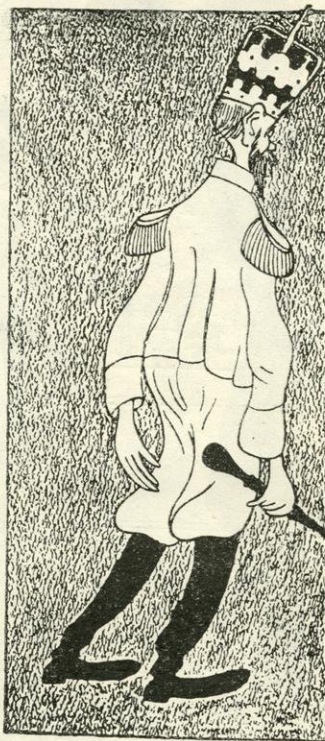
Вот слушай: января шестого
 Был день Крещения Христова...
 Платя обычаем предков дань,
 Пошел и я на иордань,
 Чтоб видеть, как митрополит
 В Неве водицу освятит,
 Попы молитву пропоют,
 А пушки грянут мне салют.

Вдруг... трах... и взвизгнула картечь,
 С зловещим свистом над Невой
 Несясь смертельною струей.
 В дворец ударила, в помост,
 Снесла городовому нос,
 Сломил знамя моряков
 И всполошила всех попов.
 Смотрю я в страхе, все ли тут,

И в страхе жду еще салют...
 Да... с каждым пушечным ударом
 Меня охватывало жаром...
 Но кончилось салютованье,
 С ним вместе и мое страданье.
 Всей церемонии конец...
 А я—скорее во дворец.
 Я сам-то цел, но вот супруга
 С Матап хворают от испуга:

И керосину даже нет.
 Торговцы лавочки закрыли,
 Щитами окна их забили,
 Везде погасли фонари...
 Ужасно, что ни говори!..
 Меж тем валит толпа рабочих
 (До выпивки весьма охочих),
 Покупщиков казенной лавки,
 На водку требуя прибавки.

О ВРЕМЕНА, О ПРАВЫ!

„Царь-батюшка“ 1-го января 1905 г. и „Царь-батюшка“ 1-го января 1906 г.
 („Die Wotbe“, Вена, декабрь 1905 г.)

Рис. *Отто Фрей.*

У них расстроился живот,
 И лечит их профессор Отт...
 К чертям подобные салюты!
 Не рассуждая ни минуты,
 Семью с собой свою забрал
 И тотчас в Царское удрал...
 Да, дядя, водочным налогом
 Я очень грешен перед богом,
 Им возмутился весь народ
 И разом двинулся вперед.
 Не слышно с фабрики гудков,
 Там пусто стало у станков.
 Нет телеграмм. Нет и газет.

Кричат: „Набавил на вино,
 Прибавку выдать нам должно!“.
 И вот составили петицию
 И наплевали на полицию.
 Их предводитель — поп Гапон
 (Чорт знает, что такое он:
 Не то он — просто плут отпетый,
 Не то — жандарм переодетый).
 Такое видя наступленье,
 Градоначальник мой Фулон
 Пришел в понятное смущенье,
 Не ожидал восстанья он.
 Пришел к министру, поднял крик:

„Подайте ружей, дайте пик!
 Что тут один городской
 С селедкой, да еще тупой!“
 И тотчас Мирский-Святополк
 Призвал к защите Конный полк,
 К нему пехоты шесть полков,

То кто же водку будет пить,
 Давать правительству доходы
 И покрывать мои расходы?
 Нет!.. Лучше бойню прекратить...
 Ну, в чем-нибудь и уступить —
 Прибавить плату... или нет:

Нерон от имени своих коллег подносит царю диплом на звание почетного члена **Общества убийц...** в отставке.

(„L'Asino“, Рим, 1905 г.)

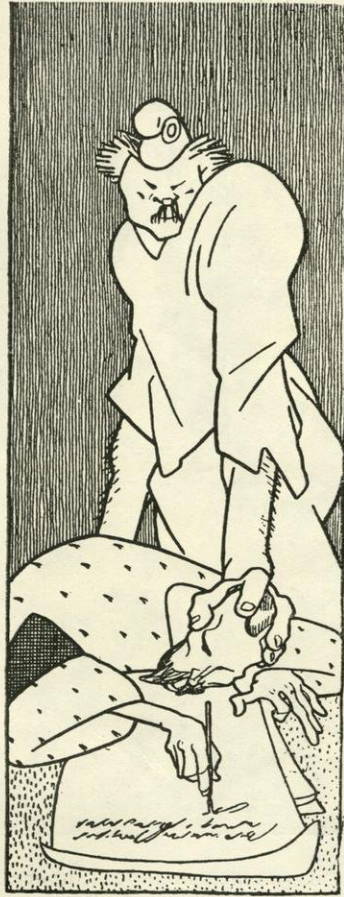
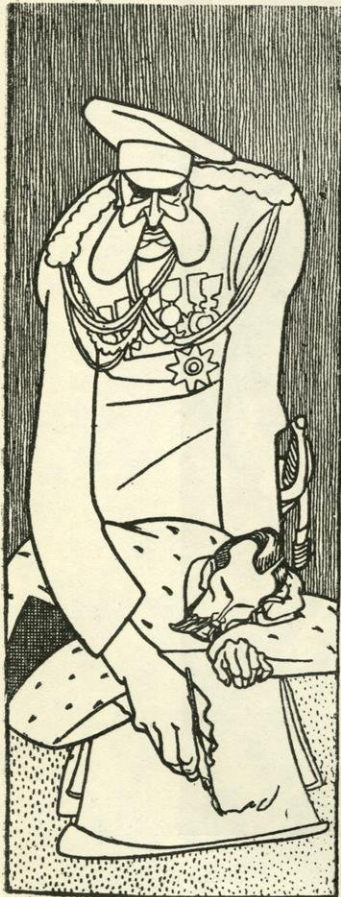
Рис. *Rata Langa*.

Всех, сколько было, казаков,
 Гусар, драгун и кирасир,
 Две сотни пушек и мортир.
 Хотели взять еще конвой,
 Да я сказал: „Шалишь, он — мой!“
 Вот вся бесчисленная рать
 Пошла рабочих усмирять.
 Тут и стреляли и рубили,
 А поздней ночью хоронили.
 И били б долго, без сомненья,
 Но взяло тут меня смущенье:
 Коль всех рабочих перебить,

Раздам им лучше свой портрет...
 Чтоб каждый это оценил,
 Насколько я и добр и мил.
 Как посоветуешь ты, дядя,
 Со стороны на это глядя?
 Быть может, их к себе позвать
 И слово милости сказать?..
 Но страшно говорить с толпой:
 Хоть я и царь, но не герой.
 Вот прадед — Первый Николай —
 Поговорил бы, так и знай!
 А я... я — Николай Второй

И — повторяю — не герой...
 Однако, чтобы напредки
 У нас работали станки
 И чтоб на фабриках гудок
 Всегда будил рабочих в срок,
 Я в Питере своим указом

Он и жесток, он и нахал, —
 Будь губернатор-генерал,
 Рескрипт его уполномочит,
 И пусть творит, что только хочет...
 Мне нужен самому покой...
 Прощай, мой дядя дорогой!

БЕДНЫЙ ЦАРЬ.

— Ты напишешь, что мы тебе продикуем, а не то!..
 — Ты и так напишешь то, что нам угодно.

(„Simplicissimus“, 1905 г.)

Рис. О. Гильбрансона.

Все беспорядки кончу разом.
 Во мне признают реформатора,
 Дам генерала-губернатора,
 Притом же самого свирепого,
 Вот например Митюшу Трепова.

„Kladderadatsch“ уделил внимание и приему царем 21 января той депутации „от рабочих“, про которую Витте пишет в своих „Воспоминаниях“:

Поузнав имена таких рабочих, на которых можно было вполне положиться, которых можно было даже сделать сыщиками по самым видным политическим делам, Трепов неожиданно взял десяток таких человек, повез их в Царское Село и представил государю как представителей петербургских рабочих.¹

— Не бойтесь, он сыт, — успокаивает хищный Трепов, вводя группу рабочих-зайцев к владыке, восседающему на горе черепов.

— Кто выше полковника?

— Генерал...

(„Зритель“, 1905 г., № 24.)

Без пояснений и не поймешь, в чем тут острота. Вся соль в том, что полковник — Николай II, а генерал — Трепов. Тот самый, что в дни октябрьской забастовки издал приказ: „Патронов не жалеть!“. Он был фактическим диктатором пооктябрьских дней.

¹⁾ Витте, „Воспоминания“, т. I, стр. 285.

ПРИЕМ РАБОЧЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В С.-ПЕТЕРБУРГЕ.

Трепов. — Не бойтесь, он сыт; входите спокойно и почтительно изложите ему ваше приветствие.

Карикатура Л. Штутца („Kladderadatsch“, Берлин, 12 февраля 1905 г.).

„Полковника“ печать, памятуя совет:

Когда ж напишешь — просмотри

„128“ и „103“,

не очень-то задевала. Так, изредка появлялась

ТЕЛЕГРАММА.

Копенгаген. На посланную по датскому кабелю родственную телеграмму: „Скоро ли выезжаете?“ — ответа не получено.

(„Дятел“, 1905 г., № 1, пробный.)

Или давалось маленькое интервью на эзоповском наречии:

— Нужна ли крестьянам земля-ника?

— Порка им нужна, а не земляника, как я слышал от дяди дурново...

(„Дятел“, 1905 г., № 1.)

Либо приводились некоторые наблюдения литературно-академического характера:

КАК МЕНЯЕТСЯ СТИЛЬ.

Прежде: Благодарить.
Отрадно читать.
Прочел с удовольствием.
Выразить мою признательность.
Благое дело.

Теперь: Не верится.
Грустно, но верно.
Куда же смотрела полиция.
Вот до чего доводит нерадение властей.

Скверное дело.

(„Пламя“, 1905 г., № 1.)

Далеко не столь осторожно, как мы видели, подходила к „полковнику“ сатира заграничная. Еще в 1904 году, когда по инициативе Николая II созывалась мирная конференция в Гааге, итальянский журнал „L'Asino“ поместил царя-миротворца вместе со смертью перед грудой трупов.

— Ваше величество! Вот единственный верный друг ваш!

(„L'Asino“, 1905 г.)

Рис. Rata Langa.

БОЛЬНАЯ РУСЬ.

Царь. — Больному стано ится мчого лучше, он уже больше не кричит.
 („Die Sonntags-Zeit“.)

Рис. Carl Josef.

С тех пор жалкий, безвольный „самодержец“, умоляющий свору своих дялюшек и прочих власть загребущих: „Дайте же

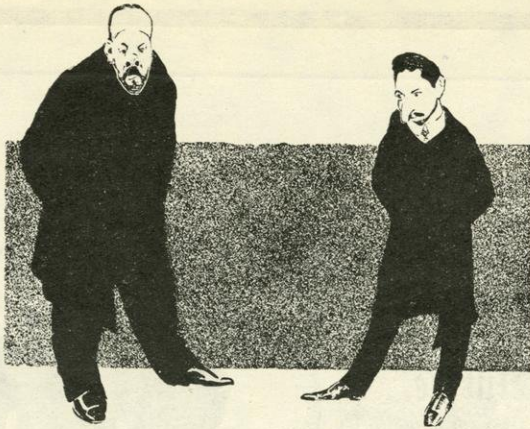
и мне немножко за скипетр подержаться!“ (стр. 73), не сходит со страниц сатирических и юмористических журналов.

МАРТОВСКИЙ УРАГАН.

Что случается, когда пытаются ухватиться за старые привилегии.
(„Süddeutscher Postillon“, Мюнхен, февр. 1905 г.)

Революционное движение марта 1848 года глубоко потрясло старую автократическую Германию. Всякий раз как в той или иной стране вспыхивает революция, сатирики и карикатуристы вспоминают мартовские дни.

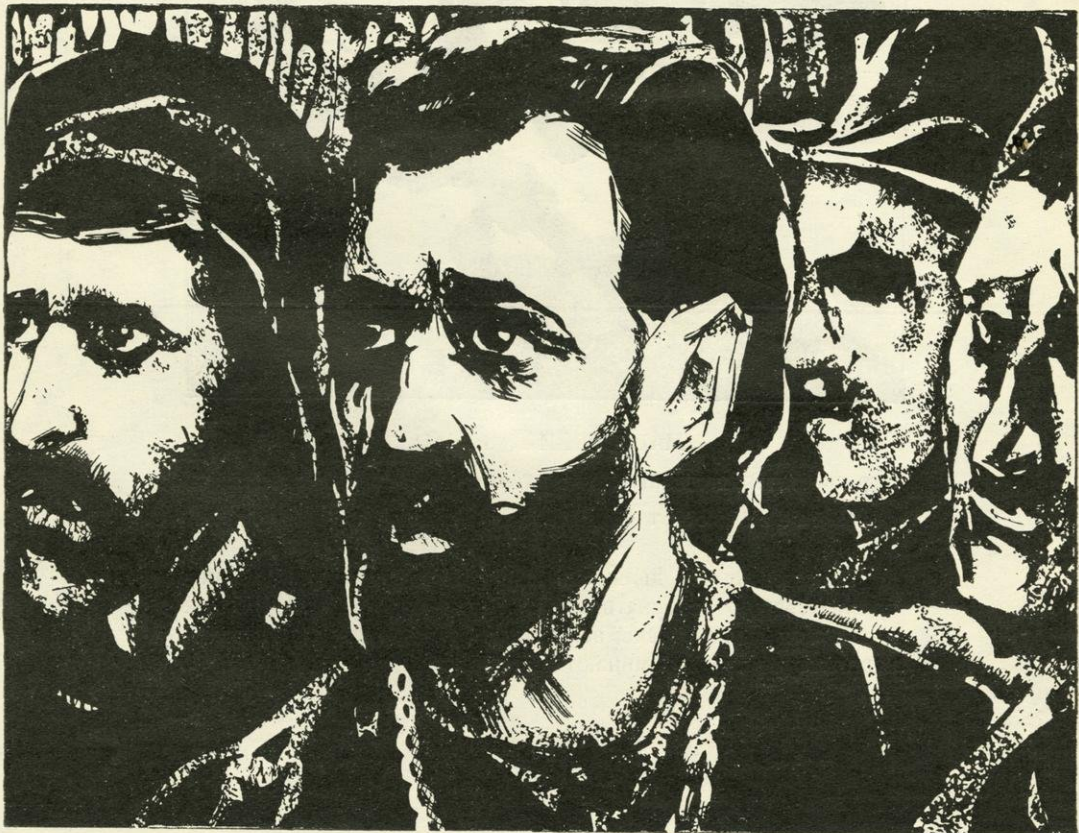
К сведению публики:
 се — Витге, а се — Гапон.
 („Спрут“, 1906 г., № 9.)

Гапон.

Неизмеримо больше внимания уделила сатира „герою января 1905 года Георгию Гапону“ (так гласит надпись на намомгильном кресте его)¹. Даже большин-

ство иллюстраций, вышедших в день годовщины 9-го января, не говоря уже о более ранних, как, например, помещенные в № 4 „Пулемета“, рисуют Гапона как подлинного вождя народной массы. Таким выступает он на обложке № 3

¹ См. „Былое“, № 1 (29) 1925 г., стр. 65.

(„Пулемет“, 1905 г., № 4.)

ЗА МНОЙ...

Рис. И. Грабовского.

(„Паяц“, 1906 г., 9 января, № 3.)

Обложка раб. Беранже.

„ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОЛНАЯ АМНИСТИЯ!“
(„Стрелы“, 1905 г., № 5.)

Рис. Ре—ми.

„Паяца“, в № 5 „Стрел“. Однако „Шрапнель“ в № 2, от 24 декабря 1905 года, изображает Гапона уже в виде балерины с камиллавкой на голове, выкидывающей рискованные антраша. „Благой Мат“ (1906 г., № 1) поместил загадочную картинку: „Где Гапон?“ А Гапон в пьяной компании, лежа под столом, тянет за ногу „девицу“. „Секира“ (1906, № 9) выставила его приемлющим 30000 серебряников от охранки, а „Зарницы“ (1906 г., № 5) дали портрет его в рясе и жандармской шапке, вместе с Витте и Дур-

ново, припадающими под „высокую“ руку „героя“.

Если в „Занозе“ (№ 4, 1906 г.) помещен еще довольно мягкий диалог:

Рабочий (товарищу): Читал, брат, про Гапона? а? в рулетку играет?

— Верно, товарищ, на нашу нужду в другом месте заработать хочет!..

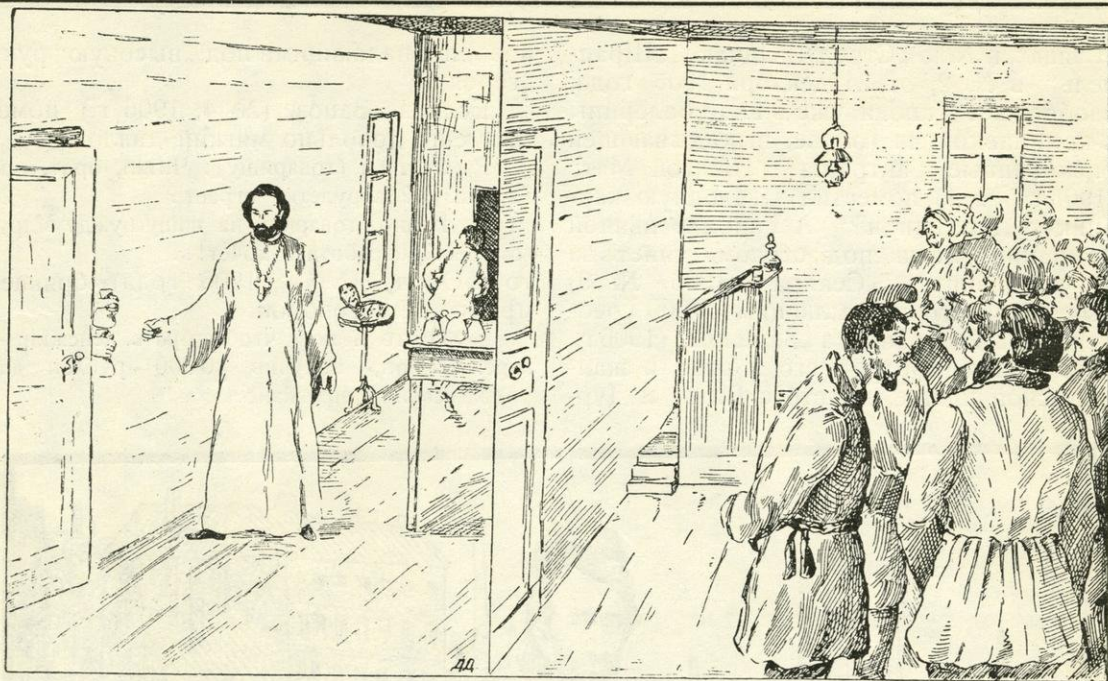
то „Овод“ (№ 4, 1906 года) брякает прямо, без оговорок:

— На то и поп, чтобы брать денежки,— изрек Гапон, получив 30000 рублей для „нужд своих прихожан“.

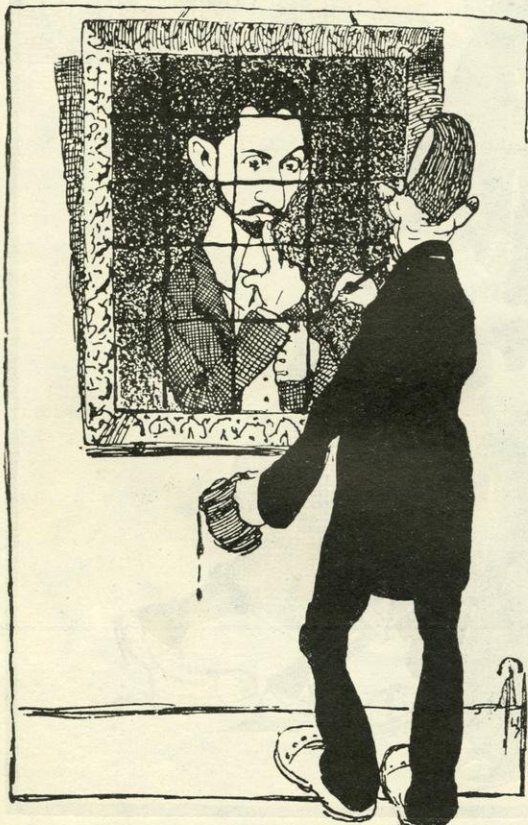
ПОСЛЕДНИЙ ОПЫТ.

(„Зарницы“, 1906 г., № 5.)

ПАСТЫРЬ и СТАДО.

(„Секира“, 1906 г.)

(„Секира“, 1906 г., № 5.)

Рис. А. Тавиц.

На ту же тему прошла и „Саранча“
(1901 г., № 1.—Оренбург.):

С.-Петербург. Безуспешность розысков пропавшего друга рабочих, отца Гапона, объясняется тем обстоятельством, что он переменил свою фамилию на „Хапон“.

КУПЕЦ (Витте) И ГАПОН.

(Игривый дуэт.)

Что ж тут худого?
Вместе мы снова!
Вместе Россию мы будем спасать!

В этой безделке —
В маленькой сделке
Есть гениальности мудрой печать.

Сметкой охочей
Вопрос рабочий
Экономической пустим стезей!

Маленьким кушем
Схватку задушим
И водворим мы в России покой!

В глазах Европы
Все мы холопы,
Но мы устроим в Европе заем.

Не грубой палке,
Русской смекалке
Песнь мы поем.

(Из оперетты „Таинственный купец или мини-
стровы деньги“, сочин. Ринальдо-Ринальдини.)

(„Вольница“, № 1, 1906 г.)

Ты, значит, братьев предавал?
Предавал!
Себя навек ты запятнал?
Запятнал!..
Не-Буква.

СУД НАД ГАПОНОМ.

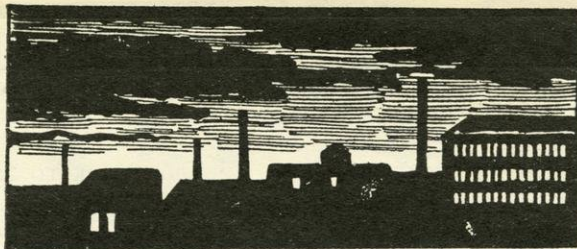
Я роль огромную сыграл?
Сыграл.
Под пули грудь я подставлял?
Подставлял.
Меня героем мир прозвал?
Прозвал.
Я эру новую создал?
Создал.
Броженье в массах вызывал?
Вызывал.
Рабочих смело пробуждал?
Пробуждал.
Я души их завоевал?
Завоевал.
На бой с насилием я звал?
Звал.
Своей я жизнью рисковал?
Рисковал.

* * *

Ты Витте тайно посещал?
Посещал.
И у него ты денег взял?
Взял!
В охранном по делам бывал?
Бывал.
И с митингов в сыскное забегал?
Забегал.
Ты для рабочих деньги брал?
Брал.
Ты у рабочих деньги крал?
Крал.
От них скрывая правду, врал?
Врал.

„А вот и я!..“
(„Пчела“, 1906 г., № 5.)

(„Сигналы“, 1906 г., № 3.)

Владимир Александрович.

Но главный вдохновитель бойни 9-го января, дядя царя, Владимир, остался почти совсем незатронутым сатирой 1905 года. „Пламя“ 1906 года в № 2, а вслед за ним томский „Ерш“ обратил „внимание участливых людей“ на „пропащих“:

Пропали жена и сын дворянина Владимира.

Не менее „эзоповским“ языком прошелся на тему „дяди царя“ „Альманах“ (№ 1, стр. 50) в стихотворении:

БАЛБЕС.

За дебоши, лень и тупость
За отчаянную глупость
Из гимназии Балбеса
Попросили выйти вон...
Рад-радешенек повеса.
Но в семье и плач и стон...
Что с ним сделать, ради неба?
Без занятий идиот
За троих съедает хлеба,
Сколько платья издерет!..
Нет в мальчишке вовсе прока.
В свинопасы разве сдать
И для вящего урока
Перед этим отодрать?
Но решает мудрый дядя,
Полный в будущее веры,
На балбеса нежно глядя:
„Отдавайте в... офицеры...
Рост высокий, лоб покатый,
Пусть оденется в мундир,—

РОМАНОВ, Б. ВЕЛ. КН. ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ, И ЕГО ДЕТИЩЕ „КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ“.

(„Bystander“, 1909, 24 февр.)

Много кантов, много ваты,
Будет бравый командир!
Про подобные примеры
Слышим чуть не каждый час, —
Оттого-то офицеры
Есть прекрасные у нас...

Саша Черный.

всего лишь единожды за всю свою жизнь
„раскинувшего мозгами“ — на Кремлев-
ской площади 4 февр. 1905 г.

ВИДЕНИЕ ВДОВИЦЫ.

(Из области таинственного.)

Некое лицо в бозе почило в один день
со своим кучером.

„ПРИКАЖИТЕ ПЕРЕБИТЬ ВСЕХ ЕВРЕЕВ?“.

(„Lustige Blätter“, Берлин).

Неискушенному человеку и не догадаться, при чем тут дядя царя, грозный Владимир Александрович. Но для цензуры было ясно, что под эпитетом „балбеса“, „повесы“ и дяди его нельзя не усмотреть самого великого князя со чады — Кириллом, Андреем, Борисом.

„Дятел“ отдал дань внимания царскому дяде, вспомнив о нем как о брате Сергея Александровича, как известно,

Вдова последнего, пребывая в непрерывных слезах, удостоилась запретного посещения мужа и вступила с ним в беседу.

— Как же ты там поживаешь, миленький, со своим князьенькой?

— Ничего, хорошо. Вот только одна беда: не признают нас здесь.

— Это почему же?

— Ордена на земле позабыли. Князьенька уже мозгами раскидывал, раскидывал, — ничего

не придумал. Никак в звании своем не утвердится.

Вдовица, хотя мозгами раскидывать поопасалась, но кое-что придумала:

— Погоди, миленький, мы к вам Владимира пришлем!

Барс.

А в 1909 году, в год смерти Владимира Александровича, журнал „Bystander“, в № от 24 февраля, дал весьма выразительный фотомонтаж с красноречивой надписью: „Романов, б. вел. кн. Владимир Александрович, и его детище «Кровавое воскресенье»“.

КРЕПКО ВЛОПАЛСЯ.

Царь тщетно ищет выхода.

(„Der wahre Jakob“, 1908.)

ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ ГРЯДУЩЕЙ ЗАБАСТОВКИ.

(„Бурелом“, 1906 г., № 31.)

Забастовка.

Грандиозная, беспрецедентная в истории рабочего движения всероссийская забастовка, разразившаяся в октябре 1905 г., не нашла себе должного своевременного отражения в сатирической литературе по той простой причине, что в то время у нас имелся всего лишь один журнал политической сатиры — „Зритель“. Но и „Зритель“, захваченный внезапно развернувшимися событиями, не облек их в форму сатиры, а в № 17 дал простую информацию о ходе московской забастовки. Вторичная забастовка объявлена была второго ноября в связи с усилением правительственных репрессий и введением в Польше военного положения.

Сатира в своих выпадах не проводила строгой грани между первой и второй забастовками.

Берлин. За блестящее содействие в деле изнасилования Польши русское правительство через своего посланника поднесло императору

Вильгельму звание почетного околоточного надзирателя. (Л. Б.).

(„Клюв“, № 2, 1905 г.)

* * *

У правительства нагайки, пулеметы и штыки.
Что же могут эти средства? Так, немножко,
пустяки.

А у нас иное средство, им орудуем мы ловко,
Лютый враг его боится. Это средство —
забастовка.

Рядом с ловкой забастовкой очень весело
идет,
Хоть и маленький, но тоже удалой и злой
бойкот.

Федор Сологуб.

(„Сигнал“, 1905 г., № 3, от 27 ноября.)

Как реагировало на забастовку буржуазное общество, рисует стихотворение Александра Блока:

СЫТЫЕ.

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они сучали и не жили
И мяли белые цветы.

И вот — в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах — желтые круги.
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так негодует все, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинута корыто,
Встревожен их прогнивший хлев.

Теперь им выпал скудный жребий;
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен.

Пусть доживут свой век привычно —
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям неприлично
Их старой скуке подражать.

Александр Блок.

(„Новая Жизнь“, 30 ноября 1905 г.)

Особо пристальное внимание уделила печать почтово-телеграфной забастовке, затянувшейся долее других и давшей богатую пищу для юмора благодаря выступлению в роли штрейкбрехеров лиц из высшего общества, профессоров и белоподкладочной учащейся молодежи, а также благодаря пропаже за время их работы нескольких ценных пакетов.

* * *

— Ну на что это похоже?

Нет ни писем, ни газет.

— Папа! С письмами в прихожей
Ожидает правовед ¹.

¹) Правоведы — ученики привилегированного аристократического училища Правоведения, ходившие в треуголках времен Павла I, в забастовочном движении явились активными штрейкбрехерами.

ДОБРОВОЛЬЦЫ.

По случаю забастовки городского ассенизационного обоза представители партии правового порядка предложили городу свои услуги.

(„Стрелы“, 1905 г., № 6.)

— Забастует Дарья наша,
Кто составит нам обед?
— Вот! — сказал беспечно Саша: —
Да на что же правовед?

(„Зритель“, 1905 г., № 24, от 4 декабря.)

НОВАЯ ИГРА В ТЕЛЕГРАФ.

В игре принимают участие министры, главноуправляющие, телеграфные и железнодорожные станции, телеграфисты, биржа и прочие. Число играющих неограниченно.

Министр или главноуправляющий, по правилам, посылает телеграмму:

„Немедленно удалить от должности X за его предосудительный образ мыслей. Одновременно с сим мною сделано распоряжение, по сношению с военным министром, об отдаче X под военный суд по правилам, установленным для военного времени“.

Телеграфная станция передает эту телеграмму так:

„Министр распорядился удалить и отдать под военный суд X. Товарищи, объединяйтесь“.

Железнодорожные станции отвечают:

„Забастовка необходима. Если до такого-то числа не освободят X, мы объявляем царскому правительству из Царского Села...“ и т. д.

С биржи телеграфируют:

„Рента падает. Банкротство на носу“.

В Главный Штаб получается донесение:

„Войска обнаруживают брожение и высказывают тенденцию присоединиться к бастующим“.

Министр или главноуправляющий получает приказание свыше:

„Дело скверное. Распоряжение не тактично. Подавайте в отставку. Преобладаю искренне уважающий...“ и прочая, и прочая, и прочая.

После этого министр чешет в затылке и уходит. Его место занимает субъект, который проделывает буквально то же самое. И так до окончательной победы революции.

Игра занимательная.

(„Зритель“, 1905 г., № 25.)

По слухам, ожидается забастовка ветеранов. Сановники, вышедшие в отставку по болезни, сильно взволнованы этим известием.

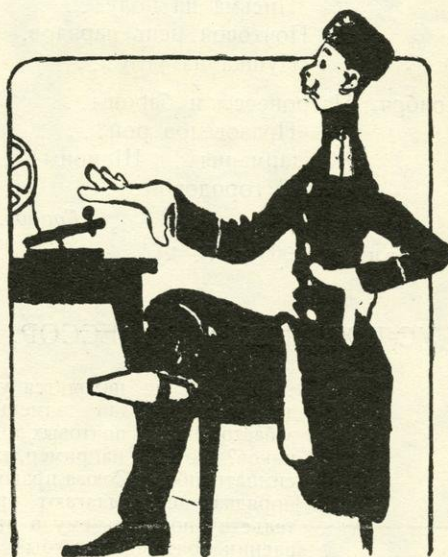
(„Сигнал“, 1906 г., № 2, 18 января.)

ЗАДАЧА.

№ 4713. 17 октября в 6 часов вечера из Петербурга по направлению к Варшаве вышел курьер с объявлением свободы. 20 октября вышел из Петербурга по тому же направлению второй курьер с объявлением Польши на военном положении. Спрашивается: когда первый курьер достиг места своего назначения, если по дороге его задержала железнодорожная забастовка?

Задачу предложил *Осип Дымов*.

(„Сигнал“, 1905 г., № 3.)

(„Сигнал“, 1905 г., № 4.)

Чтобы рассеять сомнение, а не было ли забастовочное движение и в частности почтово-телеграфная забастовка вызваны невниманием власть имущих к законным интересам трудящихся, „Дятел“ поясняет, в чем дело:

В непрестанных заботах о меньшем брате г. Дурново очень искусно организовал всеобщую почтово-телеграфную забастовку, чтобы осуществить давно лелеянную им мечту дать наконец измученным непосильным трудом чиновникам возможность отдохнуть и на досуге создать крепкую организацию для защиты своих интересов против всякой сволочи.

Понятно, г. Дурново оказал неоценимую услугу впадшим в детство профессорам (господам Мартенсу и Янжулу), которым очень хотелось поиграть в почтальоны.

(„Дятел“, № 1/VI, 1905 г.)

НА ПОЧТЕ.

(Из дневника.)

- 19 ноября. Севастьянов¹... Забастовка...
 Пусто... Темнота...
 Пулеметы и винтовка...
 Почта заперта...
- 22 ноября. Шелест юбок... Шик нарядов...
 Письма на полу...
 На Почтовой цепь нарядов,
 Пушка на углу...
- 24 ноября. Патронессы и бароны...
 Правоведов рой...
 Жандармерия... Шпионы...
 И городской...

Градов.

(„Сигнал“, 1905 г., № 4.)

УСЛУЖЛИВЫЙ ПРОФЕССОР.

Почему не находятся у нас добровольцы для замещения забастовавших почтовых чиновников? Почему, например, члены симпатичного „Союза правового порядка“ не предлагают правительству помочь ему в отправлении почтовой службы?

Проф. Мартенс.
 („Новое Время“.)

„Правового порядка поборники,
 (Либеральнее их даже дворники!),
 Разрешите почтамт вы от бремени!“ —
 Молвит Мартенс из „Нового Времени“.
 И картины такие рисуются...
 Забастовщиков сотни волнуются,
 Добиваясь уступки правительства...
 А почтамт под свое покровительство
 Мартенс взял вместе с П. П. П. членами,
 И трудятся там день и ночь сменами...
 За труды их на пользу отечества,
 За почтовое их молодечество,
 Дурново с Севастьяновым балуют,
 На чаек по целковому жалуют.

¹ Министр почт и телеграфов.

Осквернивши шинель почтальонскую,
 Образцом взяв выносливость конскую,
 Мартенс письма разносит, старается...
 Забастовщиков он опасается...

Но брезгливость у тех ведь имеется,
 На нее только Мартенс надеется.

Евгений С-о.

(„Дятел“, 1905 г., № 1.)

— Господа почтальоны, одолжите один пакетец, три дня ничего не ел.

— Ступай, ступай, мы высшее общество, и нам никакого нет дела до пролетариев.

(„Карикатурный листок Газеты газет“, 1905, № 1.)

Благодаря „патриотической самоотверженности членов партии правового порядка“ и „лучших“ представителей аристократии работа закипела.

В ПОЧТАМТЕ.

В воздухе пахнет крепкими духами. У кого-то мигрень. Кто-то жалуется на беспорядок. У генерала Бомбардоса не клеится. Графиня Журфикс обругала своего человека скотиной за „неделикатность“. Настроение приподнятое. Французский язык из кожи лезет. Барон Макао рассматривает открытые письма. Княжна Кокоткина читает и никак не может разобрать адрес заказного письма.

— Удивительно как пишут: или безграмотно, или уж так грамотно, что ничего не поймешь, — говорит княжна.

— А вы такие письма не читайте, бросайте под стол. Потом разберут, кому нужно...

Далай-Нор.

(„Волшебный Фонарь, № 2, 1905 г.)

ДОБРОВОЛЬЦЫ.

(Экспромт.)

„Профессор“ с парой папилонов
Изображают почталыонов
И не жалеют ног и сил.
Великолепных письменосцев
Благословил Победоносцев,
А мир — презрением заклеимил.

Н. Е. Дурново.

(„Стрелы“, № 5, 27/XI, 1905 г.)

— Телеграмма верно поданная?
Чиновник. Иных и не принимаем.
Мстислав.

(„Маски“, 1906 г., № 3.)

Почтово-телеграфная забастовка, говорят, дала повод графу Витте произнести следующую тираду:

Ну вот, разве можно работать с людьми, которые отрицают прогресс? Они не признают значения почты и телеграфа в свободной стране. Неужели Дурново стоит того, чтобы из-за него останавливать жизнь... „Братцы“ (тьфу!)—я им лучше скажу: милостивые государи, примитесь за мирный труд,—правительство о вас позаботится! Мы поручим г. Дурново исследовать ваши нужды, и все обойдется великолепно. (С.)

(„Дятел“, 1905 г., № 1.)

ПОЧТАМТСКИМ ДОБРОВОЛЬЦАМ.

Герои тьмы! Как ловко из себя
Вы патриотов разыграли!
Но, честный труд на почте возлюбя,
Зачем чужие деньги крали?

М. Р-н.

(„Жупел“, № 2, 1905 г.)

С великосветскими штрейкбрехерами, действительно, случился немножко конфузный казус. Сведения о нем можно почерпнуть

ИЗ ПОСМЕРТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
КУЗЬМЫ ПРУТКОВА.

„Лорды, кто две кильки взял?“

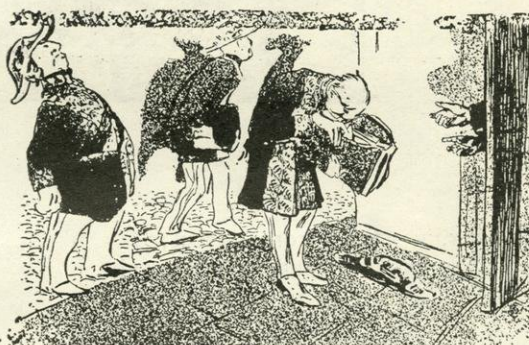
В лето от р. Х. 1905 оные мелкие чиновники ведомства почтово-телеграфного, смуту посеяв, забастовку учинили, чего ради эпитолии и деньги на почтамте горами возлежали, то лорды и лэди государства Российского, тщася патриотизма ради отечество от

скверны очистити, камергеры и фрейлины, профессора и воины из Государственного Совета и прочих высших инстанций мужи благообразны и жены их, на место оных забастовщиков усевшись, корреспонденцию простую и заказную и денежную сугубо разбирали, пакет с тринадцатью тысячами, в Москву адресованный, нивесть где запропастился. Тем наслышан некий газетчик, муж злобен, дерзок и к партии правового порядка не довлеющ и неучтив, гласом велиим возопил:

— Лэди и лорды, кто деньги взял?..

Списал Парламентер.

(„Стрелы“, 1905 г., № 6.)

Превосходительные почталыоны.

Рис. А. Де-Пальдо.

(„Пламя“, 1905 г., № 1.)

Работа доблестных добровольцев нашла отклик и в „народной“ поэзии:

ЧАСТУШКА.

(На московский мотив.)

Если хочешь носить кольца,—
Полюби ты добровольца.

Дам те кольца, серьги дам те,
Как засяду я в почтамте.

Золотую брошку милке
Разыщу я хоть в посылке.

Куплю шляпки привозные,
Как обшарю заказные.

Заведу коней, кареты,
Как поразберу пакеты...“

Добровольцы наши ловки,
Поживились в забастовке.

Рис. И. А. Владимирова.

Ах, и надо б того высечь,
Кто стащил тринадцать тысяч!

А кажись бы, все вельможи...
На воров и не похожи...

Квак.

(„Стрелы“, № 6, 1905 г. декабрь.)

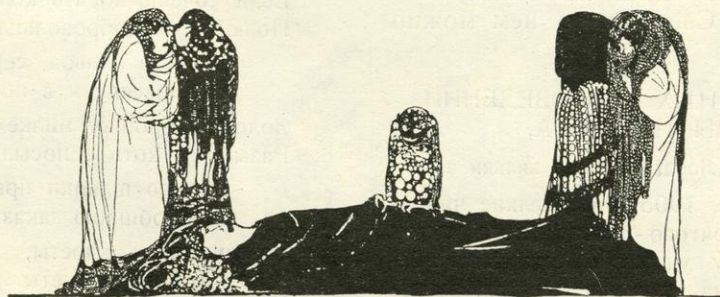
Многим лишь один раз представился
случай стать человеком. Для сего нужно
было сделаться штрейкбрехером при забастовке
официантов.

Скорпион.

(„Стрелы“, 1905 г., № 7.)

Старый, лишенный зрения и слуха профессор,
член Академии Наук, непременный член партии
Правового Порядка, убежденный Streikbrecher,
желает получить место разносчика писем.
Письменные предложения адресовать
профессору Я. Н. Жулу.

(„Дятел“, № 1, 1905 г.)

(„Адская почта“, 1906 г., № 1).

Рис. Б. Анисфельда.

В МУЗЕЕ РЕДКОСТЕЙ: СКИПЕТР И КОРОНА.

(„Маски“, 1906 г., № 1.)

Рис. Д. Невского.

Конституция.

С „времен Очакова и покоренья Крыма“ мечтали либеральные представители русского общества о замене самодержавного строя конституционным. Но вслух говорить о том, произносить самое слово „конституция“ не смели.

Твой псевдоним, о, незнакомка,
Раскрыт давно,
Но молвить имя это громко—
Воспрещено.

Ужель не снимет карантина
С тебя наш век,
И ты „женою Константина“¹
Пребудешь век?

(Из стихотворений О. Чюминой, 1905 г.)

¹ Существует анекдот, будто солдаты, принимавшие участие в восстании декабристов в С.-Петербурге в 1825 году, поняли слово „конституция“ как имя жены Константина Павловича, старшего брата Николая I. С тех пор подцензурная печать вместо запретного слова „конституция“ говорила „жена Константина“.

1905-й год в сатире и карикатуре.

Еще в 1904 г. мог Николай II заявить в „беседе с земцами“:

Я повластвую власть
И не сделаю власть
Мою куцой.

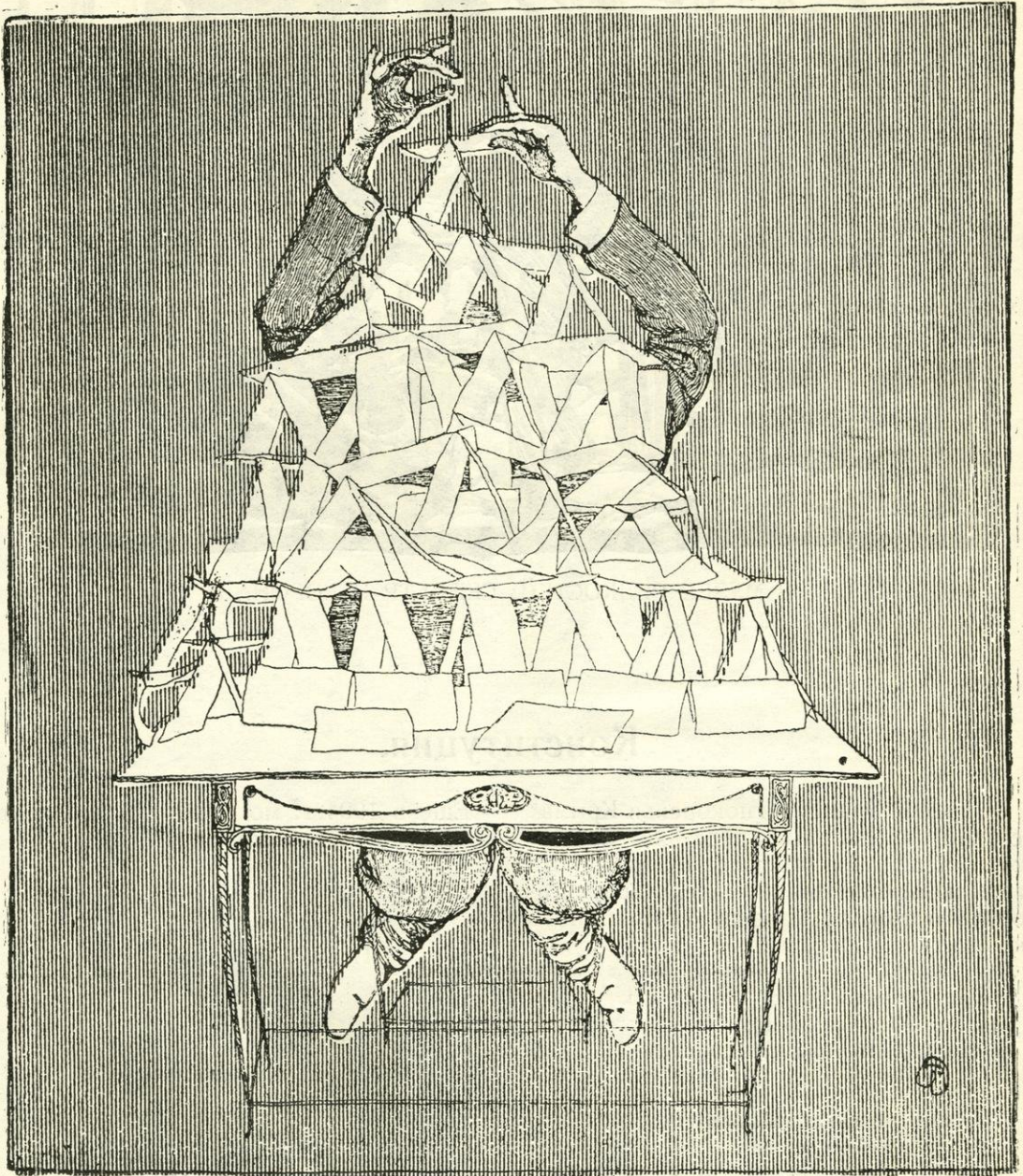
Прикажу все снести,
Но не дам завести
Конституций...

Рост забастовочного движения побудил его пойти на уступку. Был издан

Царский манифест—для известных мест.

Вопреки утверждению „Зрителя“ (№ 25, 1905 г.), будто

Ограниченный не в силах ограничиться,—

НАША КОНСТИТУЦИЯ — ПРОСЯТ НЕ ДУТЬ.

(„Зритель“, 1905 г., № 19.)

Рис. С. В. Чехонина.

Николай II, при всей своей ограниченности, актом 17-го октября ограничил пределы самодержавной власти. Дал конституцию. Зыбкую, правда, как тот карточный домик, что изображен на ри-

сунке Чехонина, и относительно которого художник предупредительно просил: „Только, пожалуйста, не дуйте“. Это Витте уверил Николая, будто необходимо дать конституцию. В минуту

растерянности Николай ему поверил. Но, оправившись, посоветовался с Треповым—и

„Свиты его величества генерал-майор Трепов к манифесту руку приложил“. (А Шебуев за это год в крепости отсидел.)

НИКОЛАЙ — МАНИФЕСТЩИК.

„Не понимаю, чем недоволен мой народ. Еще не один царь не обещал ему столько, как я!“

Рис. А. Fiebiger.

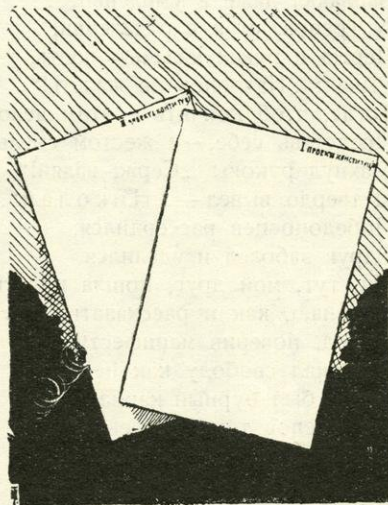
(„Jugend“, 1906, № 3.)

ПИСЬМО ВТОРОЕ НИКОЛАЯ II К ВИЛЬГЕЛЬМУ

подробно освещает всю историю с злополучным манифестом:

Плохие вести, добрый дядя,
Поведать вновь хочу я вам:
На белый свет сию не глядя,
Дав волю полную слезам.
Мой ум, и руки, и глаза,
Все, чем держался слабый трон,
И царства моего гроза,
Теперь погубило: умер он,
Великий маг и чародей,
Победоносцев — друг царей.
Я, дядя, в горе, страшном горе:
Матап уехала за море,
И я с детьми, с Alexandrine
Теперь совсем, совсем один.

Ты знаешь, я почти два года,
Какая б ни была погода,
Кляня судьбу и неудачи,
До сей поры живу на даче.
Конечно, страшно возмущен:
Мне въезд в столицу воспрещен!
Уж не стерпел я как-то раз:
Чрез задний ход, без дальних фраз
В свой электрический мотор
И в Петербург, как метеор,
Махнул, чтоб душу отвести
От часу ночи до шести.
Там с офицерами немного
Кутнули мы, и — слава богу, —
Почти никто нас не видал.
А в семь я мирно в Царском спал.
Ах, дорогой, с чего начать,
Чтоб все вам толком рассказать?
Ведь у меня такой содом,
Что голова идет кругом.
Я вам писал, как забастовка
Меня смутила. Очень ловко
Спас от нее нас Витте граф,
Свободы манифест издав.

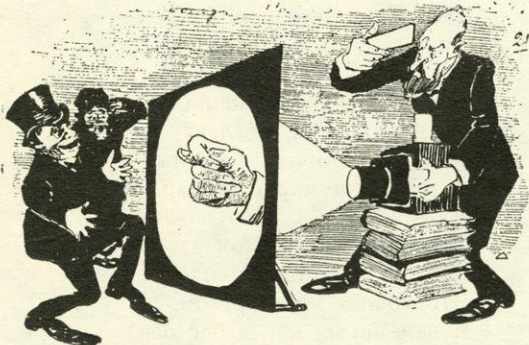

ДВА ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ.

(„Секира“, 1906 г., № 9.)

Я, помню, был в большом смущении:
Кто о военном положении
Проект суровый предлагал,
Кто говорил, чтоб я бежал...
Да, много слов, а толку мало.
Вдруг тут как с неба нам упала

Бумага Витте — манифест.
Прочел я, — страшно! Ну, как съест
Меня народ, освободясь!
Но Витте молвил: „Помолясь,
Издайте манифест к народу,
А я ручаюсь за свободу:
Ведь обещать — не значит дать!“.
Тут стал его я целовать,

— АХ, ИЗВИНИТЕ, ГРАЖДАНЕ!
ЭТО — ПО ОШИБКЕ.

(„Волшебный Фонарь“, 1906 г., № 4.)

Заплакал даже в умиленьи...
А Трепов, стоя в отдаленьи,
Держа в руках казачью плеть,
Рычал: „Патронов не жалеть!“.
Тогда, чтоб кончить с этим делом, —
Представь себе, — я жестом смелым
Махнул рукою: „Серж, валяй!“
И твердо вывел — „Николай“.
Победоносцев рассердился,
Вдруг заболел и удалился.
Ну, тут, мой друг, пошла писать...
Не знаю, как и рассказать...
Народ, поверив манифесту,
Встречал свободу как невесту,
Везде был бурный карнавал.
Но Трепов тоже не зевал:
Стрелял, рубил, полосовал...
Такою показал свободу
Он обалделому народу,
Что Питер был подобен аду.
Когда явился он к докладу,
Был весь — поверишь ли? — в крови,
Запачкал вещи все мои,
Всей пятерней своей кровавой
На манифесте сделал след,
Что служит мне теперь забавой,
Воспомянем прежних лет.
Приличной надписью снабдив,
Я так и сдал его в архив...

Однако новоиспеченные „свободные“
граждане были так наивны, что приняли-
было „манифест“ всерьез

Два русских обнялись при встрече,
Прочтя октябрьский манифест...
Один сказал: „Теперь за речи
Уж не посадят под арест!“ —
„Теперь у нас свобода, право!“ —
Другой восторженно сказал.
А Витте посмотрел лукаво —
И Дурново портфель послал.

(„Спрут“, 1906 г., № 2.)

Дух Банко.

ЗОЛОТЫЕ СЛОВА.

Царь читает манифест, золотые слова
в нем текут.

На приманку с разных мест капиталисты
с мешками бегут.

(„Humoristische Blätter“, 1906 г., 4 марта.)

Только скептики предвидели, что радоваться преждевременно.

ДО РЕАКЦИИ.

(Пародия.)

Дух свободы... К перестройке
 Вся страна стремится.
 Полицейский в грязной Мойке
 Хочет утопиться.
 Не топись, охранный воин,
 Воля улыбнется!
 Полицейский, будь покоен,
 Старый гнет вернется.

Саша Черный (А. Гликберг).

(„Маски“, 1906 г., № 3.)

И точно: подлинное содержание свобод скоро выяснилось.

НА УЛИЦЕ 18 ОКТЯБРЯ.

Околоточный. Господа, ну чего вы, право? Все, слава богу, устроилось. Собрания разрешены, говорить можно вволю, так расходитесь же!..

Термидор.

(„Зритель“, 1905 г., № 18).

Четыре свободы привели за собою пятую— свободу патронов:

„Не жалеть патронов!..“.

Вся внутренность политики России—политика патронов.

...Первый, кто воспользовался свободой патронов, был полковник Мин—в первое же утро четырех свобод.

Когда граф Витте спросил полковника Мина:

— На каком основании вы стреляли?

Он ответил:

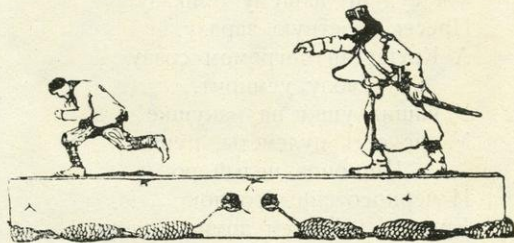
— Это мое дело...

Сам Синод признал черносотенным призывом речи митрополита московского и коломенского Владимира, произнесенные по его приказанию с высоты церковного престола под звон колокольного благовеста...

— Надо Технологический институт облить керосином да зажечь!—говорил один из христоролюбивых полковников в Петербурге.

А в Томске от слова перешли к делу: облили и зажгли трехэтажное здание Сибирской железной дороги с шестьюстами человек.

(„Пулемет“, 1905 г., № 1.)

(„Скоморох“, 1907 г., № 2.)

Ошеломленный внезапным переходом от „свобод“ к „реакции“, обыватель всюду тыкался с расспросами: как же это так? Да почему?

ПАРОДИЯ.

Скажи-ка, дядя, ведь недаром

Прихлопнули одним ударом

Вы девять штук газет?

Сыскать законные причины

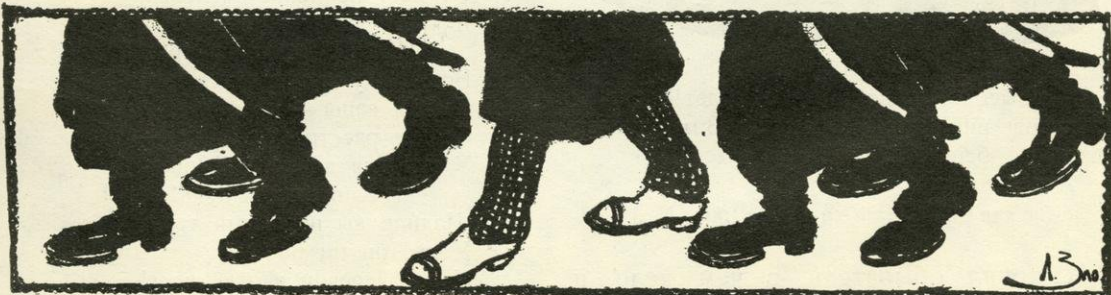
Для их безвременной кончины

Возможно или нет?

— Ну, люди стали в наше время!

На это иродово племя

Не напасешь свобод!

(„Букет“, 1906, № 2.)

Рис. Л. Злотникова

Шумят, восстанием грозятся,
 На баррикады лезут драться,
 Канальи—не народ.
 Мы занялись перестрелкой.
 И что же? Этаким безделкой
 Был возбужден протест.
 Крамола с красными значками,
 Газеты с дерзкими статьями
 Все закричали, будто нами
 Нарушен манифест!
 Но что нам вопли демократов?
 Совет рабочих депутатов
 Уже в тюрьме сидит.
 Уж суд по нашему приказу
 Пресек газетную заразу,
 А Крушеван погромом сразу
 Крамолу усмирит.
 У наших ушки на макушке!
 У нас есть пулеметы, пушки,
 Шпионов целый рой.
 И черносотенцы толпою
 Кричат: „Пойдем ломить стеною!
 Уж отстоим мы головою
 Самодержавный строй!“.
 Да, люди стали в наше время!
 Не люди — каиново племя!
 Но стойте — дайте срок:
 Плохая выпадет вам доля,
 Узнаете, что значит „воля“,
 Засевши под замок.

Бор. Тимофеев.

(„Стрелы“, 1905 г., № 7.)

— Высоко летит, где-то сядет!—сказал один советник, видя, как граф Витте щедро раздавал обещания.

А сел-то он в калошу.

(„Волшебный Фонарь“, 1905, № 3.)

И понял обыватель, в чем дело, и гордостью переполнялось сердце его, когда слышал он балладу:

ГРАФ ВИТТЕ.

(Подражание Шиллеру.)

Ну, что вы там, в земле своей
 Дерете нос подчас?
 Не мало есть богатей,
 Не мало доблестных мужей
 И на Руси у нас!..
 У вас Марат и Робеспьер,
 Дантон—и кто потом?—
 Марат, Дантон и Робеспьер...
 У нас—один министр-премьер
 Отчизне—божий гром!
 Он обещал нам пять свобод
 И клялся не надуть...
 Поверил на два дня народ,—
 А он взял в руки пулемет
 Да манифест—и в путь!
 Как верный клятве паладин,
 Наш граф блюдет закон,
 И слава богу не один:
 С ним Гросс-фон-Сиверс, Рима, Мин,
 Дубасов и Скалон.
 Орлов, Назимов—много их,
 У вас таких и нет!
 С ордой наездников лихих
 Ворвались в город,—город стих:
 Его пропал и след!..
 Фон-Сиверс? Тигра не сердит!
 Едва вошел в Феллин,—
 И смерть и ужас впереди,
 И кровь и стоны позади—
 Не спасся ни один.
 А Рима? Славный офицер!
 Не любит он шутить...
 (Им очень дорожит премьер!)
 Придет в деревню например:
 Кого бы тут убить?
 „Здесь до меня уж кто-то сек,
 Да всех не высек... Га!
 От розг не дохнет человек,
 Я крови не пил целый век,
 Пли, братцы, во врага!“
 Вот как у нас дерутся львы!
 Вандея ваша—нуль!
 Солдат расстреливали вы,—
 У нас для детской головы
 Не пожалеют пуль!..
 Щадили вы народный труд,
 У нас он ни почем:
 У нас деревни вволю жгут!
 Чего снарядом не снесут,
 То сносят в миг огнем...

А что же граф?.. В дворце сидит...
 Полк охраняет вход.
 Пред ним бумаги лист лежит:
 Он сообщение строчит
 О близости свобод...
 А кровь, что льется от его
 Отеческих расправ?
 Так это, право, ничего:
 Про это знает Дурново
 Да наш честнейший граф!
 Так что ж вы там в земле своей
 Дерете нос подчас?
 Не мало есть богатырей,
 Не мало доблестных мужей
 И на Руси у нас!..

Дух Банко.

(„Спрут“, 1906 г., № 7.)

Но, когда разобрался российский гражданин, как следует, в чем дело, со вздохом сказал он:

ДОЖДАЛИСЬ.

Верен взгляд был у великого
 Щедрина, друзья мои:
 Дождались мы царства дикого —
 „Торжествующей свиньи“!

Мирный.

(„Журнал-Зритель“, 1906 г., № 2.)

и поместил объявление:

Пропала РУССКАЯ СВОБОДА

4-х месяцев от роду.

Вид странный и забитый. Нашедшего
 просят доставить в охранное отделение.

(„Скорпион“, № 2, 1906 г.)

Ибо стало ему очевидно, что треповское „патронов не жалеть“ — совсем даже не новость. Окинул он взором весь „1905“ год — и ужаснулся:

Война на два фронта велась в этот год.
 Сначала с врагами спиной воевали.
 Потребовал прав и свободы народ...
 Стреляли!

На земские съезды была полоса.
 Они депутатов к царю посылали,
 Свободно звучали там их голоса!
 Стреляли!

С японцами мир заключили потом.
 Народную Думу созвать обещали.
 Проведал народ о желаньи таком;
 Стреляли!

Насунился тучей рабочий народ.
 Закрылись заводы, усадьбы пылали.
 Скакали казаки и взад и вперед...
 Стреляли!

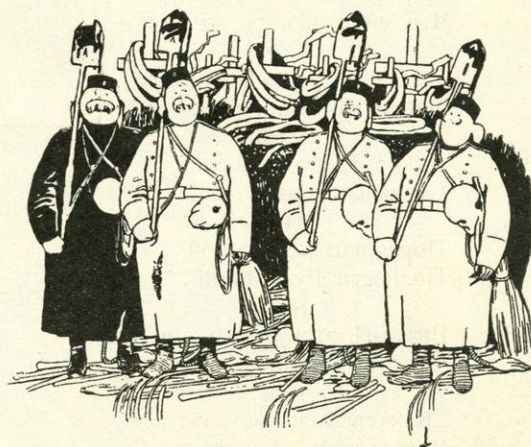
Солдаты, матросы — последний оплот,
 „Потемкин“, „Очаков“ права заявляли, —
 Им выдали мыла! И в собственный флот
 Стреляли!

Поднялся всеобщий бушующий вал!
 Тогда манифест о свободе издали.
 Упившись свободой, народ ликовал...
 Стреляли!

Потом отобрали весь ворох свобод.
 Поставили пушки. Войска разослали.
 И долго, упорно в дома и народ
 Стреляли!

Mr. Dorrit.

(„Жупел“, № 3, январь 1906 г.)

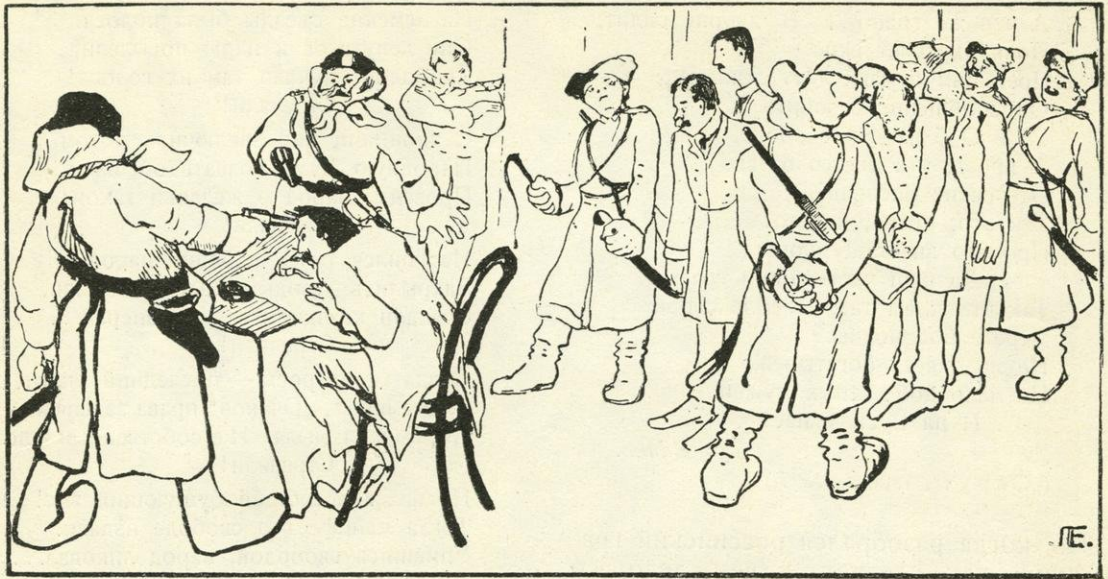
СВОБОДУ ПОХОРОНИЛИ...

(„Вампир“, 1906, № 6.)

Стреляли... Да... это — форменная

СКАЗКА - БЫЛЬ.

Я хочу вам рассказать
 Как министры управлять
 Шли...

ОБЫВАТЕЛЬ ПИШЕТ ПРАВДИВОЕ ОПРОВЕРЖЕНИЕ.

(„Вампир“, 1906, № 3.)

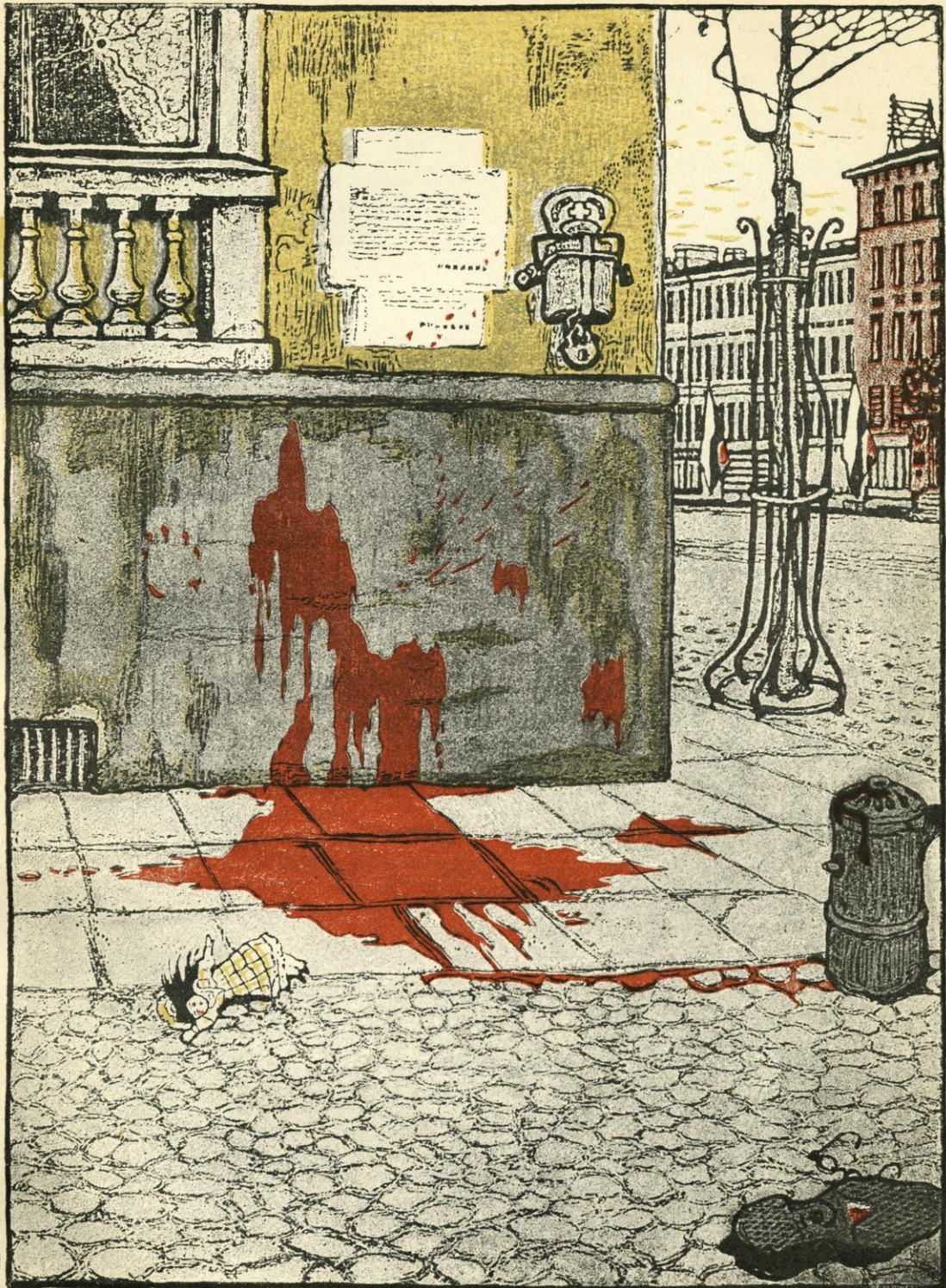
Рис. Л. Евреинова.

Первый Трепов подошел,
Он один закон завел:
Пли...
Ну, и действовал закон:
Что ни слово, то патрон —
Хлоп...
Да народ российский прост:
Вдруг как встанет во весь рост —
Стоп!..
Видит Трепов - генерал,
Сорвался и маху дал...
Ну - с?
Порешили меж собой
Поднести Руси иной
Кус...
Витте-Портсмутский пришел,
Он другой закон завел —
Ври!
„Как свободы не давать?
Я готов им обещать
Три!“
Ну и впрямь, до слов охоч,
Насвободил в ту же ночь —
Страх!
И на утро, в честь свобод,
Губернаторы в народ —
Трах!..
Тут народ как закричит:
Ог свобод спина болит —
Ой!

Мыслит Витте: „Ничего,
Позову - ка Дурново,
Стой!“.
Дурново уж тут как раз.
И закон такой припас:
„Жать!
Сдать в кутузку пять свобод,
А бунтующий народ
Драть...“.
Так и правит до сих пор
Наш министр и соусс и скор —
Страсть!
Слив в закон единый три:
„Жать“ (и „драть“) и „пли“ и „ври“ —
Власть!
Как пойдут дела потом,
Вряд ли ведает о том
Кто.
Верно, бог еще пошлет
Нам законов и свобод —
Сто.
Не сочтешь в один присест!
Но народу надоест
Ждать.
И министров перезвон
Он закончит, дав закон:
„Гнать!“.

Дятел.

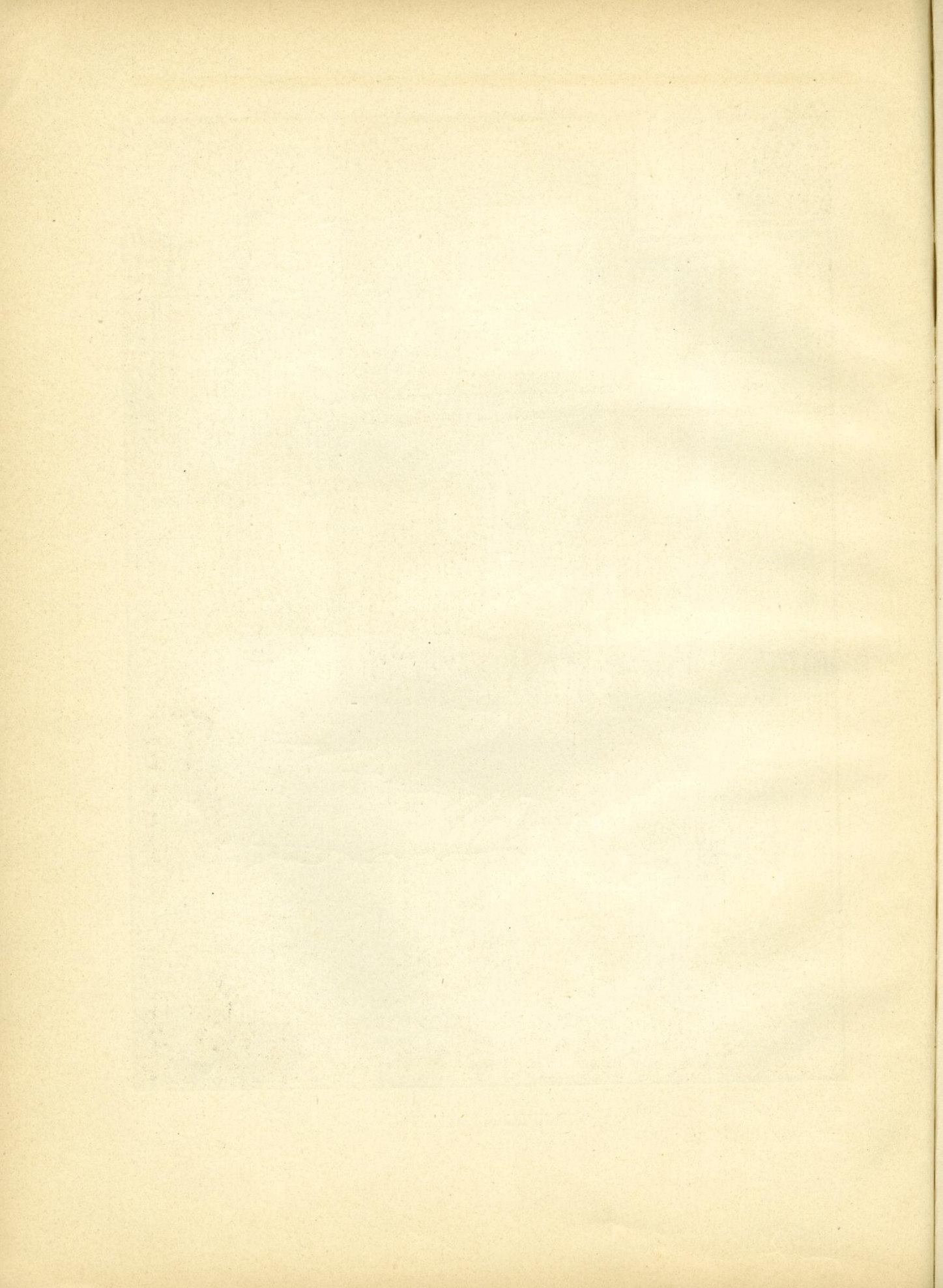
(„Клюв“, № 1, 1905 г. декабрь).

ОКТАБРЬСКАЯ ИДИЛИЯ.

(„Жупел“, 1905 г., № 1.)

Рис. М. Добужинского.

Что казалось 17 октября 1905 года:

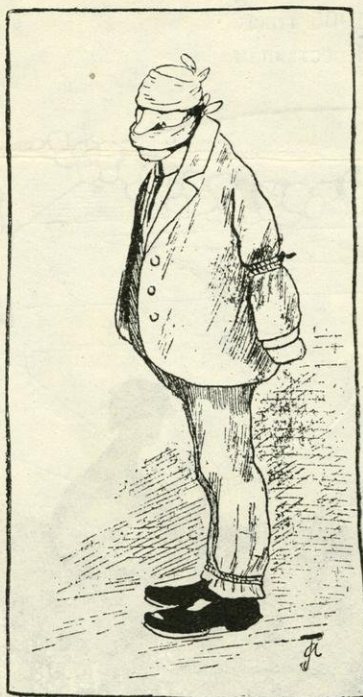
1) Русской интеллигенции.

2) Крестьянам.

Кузькина мать.
„Спут“, 1906 г., № 5.)

Макар, телят гонящий, и ворон, кости
заносящий. Рис. Перуна.

СВОБОДНЫЙ ГРАЖДАНИН,
ПРЕПАРИРОВАННЫЙ ДЛЯ
ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ.

Рис. А. Г.

(„Апельсин“, № 69.)

Недаром —

„Кто старое помянет, тому глаз вон“, —
сказал Витте, когда ему напомнили об обе-
щаниях.

(„Вампир“, 1906 г., № 3).

Какова же в самом деле была

ПРОГРАММА МИНИСТРОВ.

Мы узнали из достоверного источника, что
разработка начал 17-го октября успешно по-
двигается вперед, при чем на первом месте
ставятся требования прогрессивных слоев об-
щества.

Вот некоторые из выработанных уже основ-
ных положений:

1) Всеобщая прямая тайная и явная —
порка.

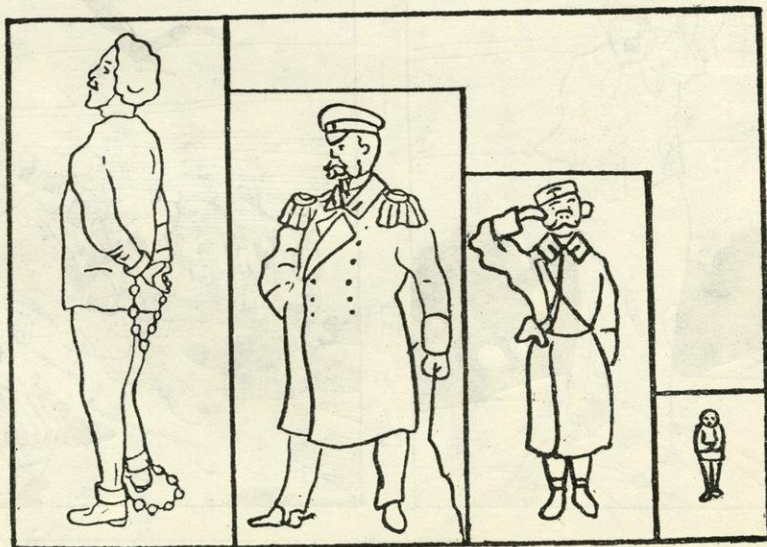
2) Привлечение населения к участию —
в погромах.

3) Неприкосновенность личности — к госу-
дарственному управлению.

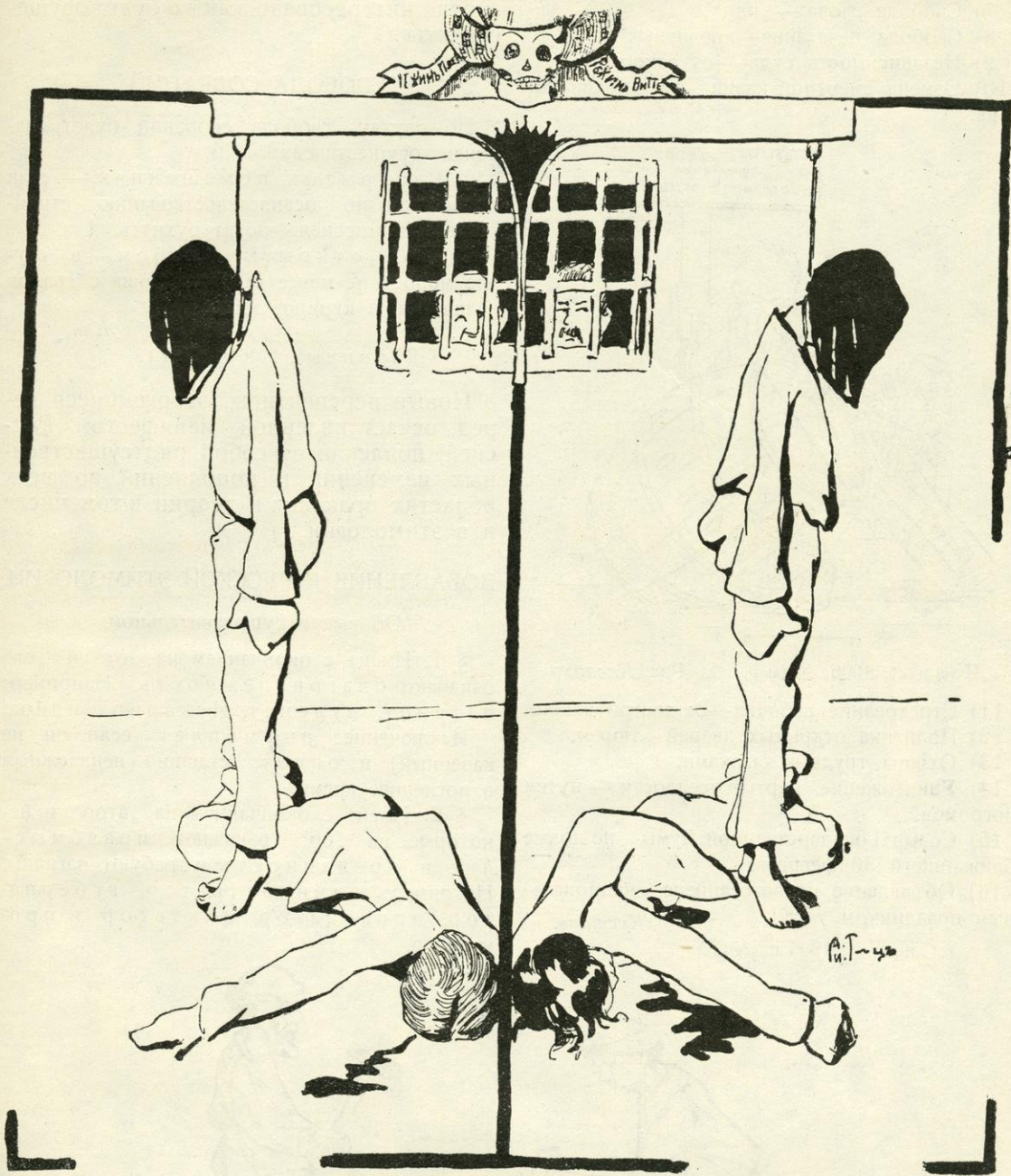
4) Ограничение самодержавия — пределами
Российской империи.

5) Усиленная деятельность по переселению
безземельного и малоземельного населения —
на кладбища.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА НАСЕЛЕНИЯ.

Заключенные. Генерал-губернаторы. Охрана. Свободное население.

При Плеве.

ДВА РЕЖИМА.
Какая страшная разница!

(„Волшебный Фонарь“, 1906 г., № 4.)

При Витте.

Рис. А. Тавиц.

- 6) Замена регулярной армии—башибузуками.
- 7) Свобода слова — „пли“.
- 8) Свобода печатания—кредитных билетов.
- 9) Независимость суда — от закона.
- 10) Отмена смертной казни—по приговорам суда.

(„Паяцы“, 1906, № 6).

Рис. Клеарха.

- 11) Страхование рабочих—от долгой жизни.
- 12) Политика открытых дверей—тюрем.
- 13) Охрана труда — казаками.
- 14) Уничтожение черты оседлости — путем погромов.
- 15) Созыв Государственной Думы—не позже ближайшего 30 февраля.
- 16) Объявление первого апреля—национальным праздником.

Кустарь.

(„Спрут“, 1906 г., № 7.)

По условиям революционного времени горячо интересовало, как же будет осуществляться

СВОБОДА СОБРАНИЙ.

По слухам, свобода собраний будет, наконец, осуществлена:

1) В закрытых помещениях, — если последние, по освидетельствованию строительной комиссией, грозят рухнуть.

2) Под открытым небом—в случае мороза не менее 50° или ливня с градом величиной в куриное яйцо.

Жак.

(„Зарницы“, 1906 г., № 4.)

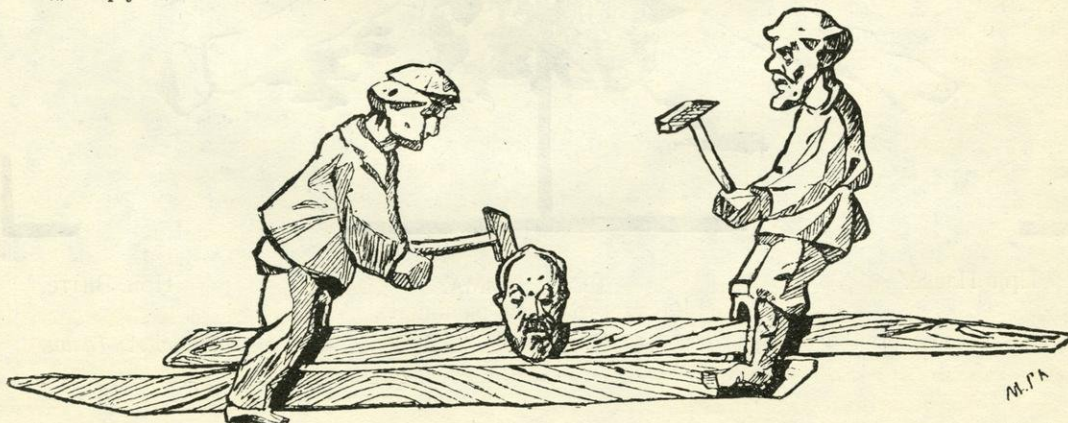
Новые перспективы, открывшиеся перед осчастливленной манифестом Россией, повлекли за собой ряд существенных изменений и пополнений во всех областях практики и теории, в том числе и в этимологии.

ДОБАВЛЕНИЕ К РУССКОЙ ЭТИМОЛОГИИ.

Об имени существительном.

§ 1. Имена с окончанием на „от“ и „ет“ означают благонадежность. Например: патриот, пулемет, Искарриот, идиот. Исключение: рифмоплет (если он не казенный) и оплот, ставший ненадежным в последнее время.

§ 2. Имена с окончанием на „атор“ и некоторые на „ор“ означают правомыслие и преданность и требуют награды. Например: администратор, губернатор, провокатор, диктатор и прокурор.

(„Пчела“, 1906, № 1).

Рис. М. Г.

Исключение составляют: оратор и агитатор, означающие вольнодумство и измену и требующие кутузки.

§ 3. Имена, оканчивающиеся на „носец“, означают принадлежность к правительству, например: звездоносец, хоругвеносец, победоносец, знаменосец. Исключение составляет: миноносец, потерявший это значение в 1904 и 1905 гг.

§ 4. Имена с окончанием на „ал“ означают „кротость“ и „законность“, например: генерал адмирал, арсенал, трибунал, зал (судебной палаты). Исключение составляют: радикал и либерал, означающие жестокость и произвол.

§ 5. Имена с окончанием на „тельство“ означают скрытую опасность для окружающих. Например: грабительство, сочинительство, надувательство, попустительство, издевательство. Единственным исключением является: правительство, от которого никакой опасностью не грозит.

§ 6. Имена, оканчивающиеся на „а“ и „я“, означают склонность к упадку. Например: рента, акция, реакция.

Исключение — революция, которая наоборот, повышается.

§ 7. Некоторые имена существительные (чаще всего собственные) неразрывно связаны с другими определенными существительными, которые, дополняя их смысл, являются их постоянными приложениями, так что первое без второго и не мыслится. Например: „Витте“ и „обещание“, „Дурново“ и „овес“, „Дубасов“ и „пулемет“, „Трепов“ и „патрон“, „правительство“ и „военное положение“, „участок“ и „истязание“, „казак“ и „зверство“, „семеновец“ и „расстрел“, „Нейдегарт“ и „погром“, „закон“ и „насилие“, „администрация“ и „произвол“, „Куропаткин“ и „отступление“ (или „терпение“), „Стессель“ и „героизм“, „Суворин-отец“ и „проституция“, „Меньшиков“ и „хамство“, „Грингут“ и „хулиган“ и пр. и пр.

Составил *Дух Банко*.

(„Спрут“, № 4, 1906 г.)

Разработана была и полная

АЗБУКА.

Аз — сказал Дурново, указывая на себя.

Буки — ответили ему забастовщики.

Глаголь — возгласил Витте.

В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ.
„ИНТЕРПЕЛЛЯЦИЯ“
(запрос правительству).

Рис. А. Кудинова.

(„Леший“, 1906 г., № 1.)

Добро — сказали буржуа, переводя свои деньги за границу.

Есть — сказал Куропаткин, получив из банка 2 600 000 рублей.

Зело — заметили газеты.

Земля — закричали крестьяне.

Иже — сказали попы.

Како — спросили их.

Люди — заявил пролетарий.

Мыслете — вывели хулиганы.

Наш — сказал жандарм, заметив провокатора.

Он — никто не говорил.

Рцы — говорили в древности.

Слово — напечатал Перцов.

Твердо — приказано губернаторам.

Уф — сказал сыщик, искавший Гапона.

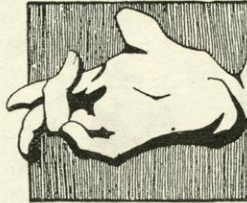
Хер — поставил кабинет на свободах.

Остальные буквы конфискованы цензурой.

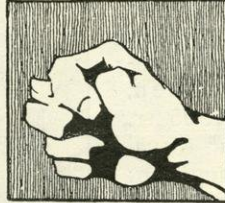
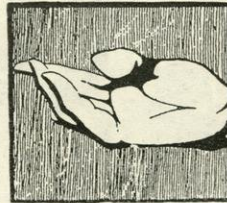
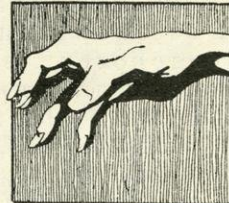
(„Спрут“, № 5, 1906 г., 25/1.)

Капля.

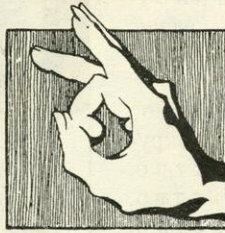
НАГЛЯДНАЯ ХИРОСОФИЯ.

Полноправный
русский гражданин.

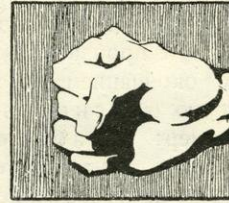
Банкир.

Министр
внутренних дел.

Министр финансов.

Японец.

Генерал-губернатор.

(„Спрут“, 1906 г., № 12.)

Рис. Перуна.

Ходил „гражданин всея России“ и
с горестью вопрошал, что же такое пред-
ставляет собою

СВОБОДНЫЙ ГРАЖДАНИН.

(На мотив „Та-ра-ра-бум-бия“.)

1.

Когда по улице идешь
В рубашке ярко-красной
И „варшавянку“ запоешь, —
Раскаешься, несчастный!
Городовой тебя возьмет
И тотчас в морду хватъ!
А губернатор заорет:
— Аррестовать!

2.

Когда ж по улице идешь
Ты в сюртуке, прилично,
И вдруг „Коль славен“ заорешь,
В миг—счастлив необычно!
Городовой тебе почет
Отдаст, не будет бить!..
А губернатор запоет:
— Благословить!

3.

„Начало“ вздумает читать
В публичном месте смело —

Ох, будешь долго вспоминать,
Мой друг, ты это дело!
Городовой тебя возьмет
И тотчас в морду хватъ!
А губернатор заорет:
— Аррестовать!

4.

Но „Время Новое“ прочесть
Захочешь, или „Слово“, —
Твоя поруганная честь
К тебе вернется снова!
Городовой тебе почет
Отдаст, не будет бить,
А губернатор запоет:
— Благословить!

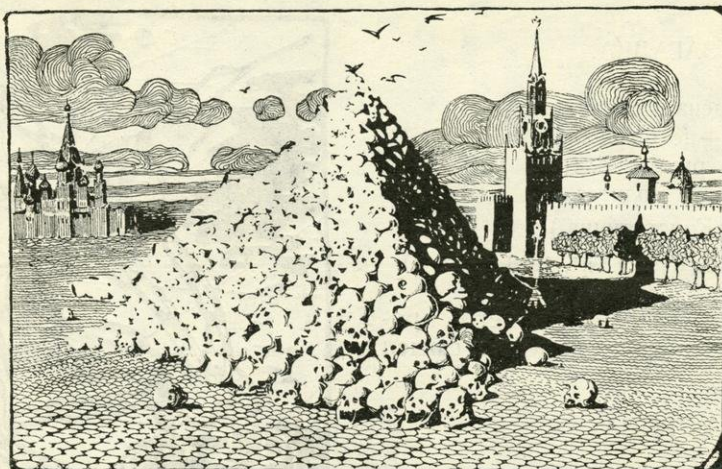
Ясновидящий.

(„Дятел“, 1905 г., № 1.)

И вставал пред „свободным гражда-
нином“ вопрос:

В ЧЕМ НАШЕ СПАСЕНИЕ?

В охранном отделении,
В тюремном заключении,
В военном положении,
В расстрелах без суда.

АПОФЕОЗ 17-го ОКТЯБРЯ.

(„Стрелы“, 1906 г., № 9.)

В бессовестном грабительстве,
В заботливом правительстве,
В агентском сочинительстве,
 Без смысла и стыда.

В хроническом беславии,
В синодском православии,
В бесхлебьи и бесправии,
 В казенном кабаке.

В министрах - целовальниках,
В родных столоначальниках,
В лихих военачальниках
 Да в буйном кулаке.

В цинизме развратителей,
В сувориных - служителей
И всех их покровителей,
 В „порядке правовом“.

В победах над крестьянами,
В союзе с хулиганами,
С насильем и обманами,
 В понятии — „погром“.

В чиновных декларациях,
В поддельных депутациях,
В „бесценных“ ассигнациях
 На каждый „сей предмет“.

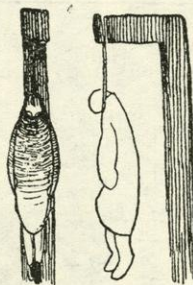
В концессиях с доходцами,
В политике с подходцами,
В сраженьях с инородцами,
 В закрытии газет.

В свирепом губернаторстве,
В бесстыдном провокаторстве,
В блистательном диктаторстве,
 В чинах и орденах.

В лакеях разукрашенных,
Да в займах непогашенных,
Да в замках семибашенных,
 В могилах и крестах!

Дух Банко.

(„Спрут“, № 6, 1906 г.)

ЦИФРА СВОБОДЫ.

(„Спрут“, 1906 г., № 9.)

Вот тебе, бабушка, и 17-е октября —

(„Овод“, 1906 г., № 2.)

сказал новоиспеченный российский гражданин, почесываясь. И было отчего.

ЗАГАДКА.

Сверху—красная, снизу—ясная,
По составу—не опасная,
Возьмешь в руки—колется,
Буржуй на нее молится.

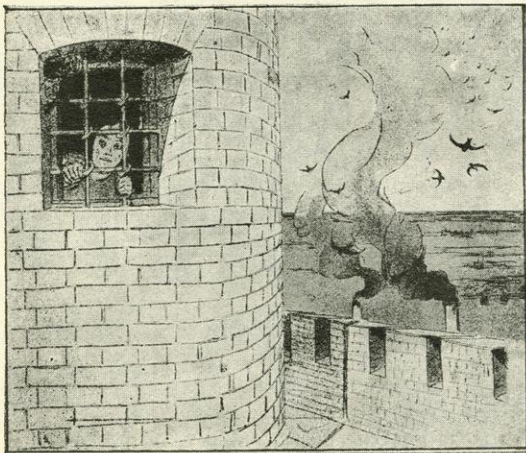
(Конституция.)

(„Скорпион“, 1906 г., № 1.)

„Загадка“ эта стала для него проясняться. Понятен стал для него и смысл басни:

ВОРОНА.

Ворона, сидя на суку,
Кукушкой вдруг закуковала:
— Ку - ку! Ку - ку!..
Смотрите, я кукушкой стала...—
Хрипит, топорщится, из перьев
лезет вон,
И хочет удивить подруг своих ворон,
Что и она
Сотворена
Вещуньей быть!
Пророком хочется не нам одним
прослыть!
Я видел много среди людей
Ворон таких — ей - ей!
Примером взять хоть наших октябри-
стов...

ДАЧА НА ДНЕПРЕ.

Рис. Ф. Красицкого.

(„Шершень“, 1906 г., № 15.)

ПЯТЬ СВОБОД.

(„Волшебный фонарь“, 1905 г., № 2.)

Кричат: „Порядок и свобода!“.
Вглядитесь: не воронья ль то порода
Из лагеря капиталистов?
Мораль: наряды одевай по праву!
Ворона если ты,—не превратишься
в пауку...
Ерш.

(„Ерш“, 1906 г., № 1,—Томск.)

Надо ли удивляться, что прошло всего пустяки времени с 17 октября, а взгляд на конституцию весьма и весьма даже изменился? „Пулемет“ (№ 1, 1905 г.) дал ей такое определение:

МАДАМ КОНСТИТУЦИЯ.

Эта дама, время было,
Слух о том упорный ходит,
Прежде всех с ума сводила,
А теперь всех просто... сводит.

Наконец, „Спрутом“ получена была телеграмма, что подлинная конституция не у нас, а в Персии.

Тегеран. Шах дал народу конституцию, которую в отличие от русской и во избежание кровопролитий назвал Домом Справедливости. Начинается эмиграция русских в Персию.

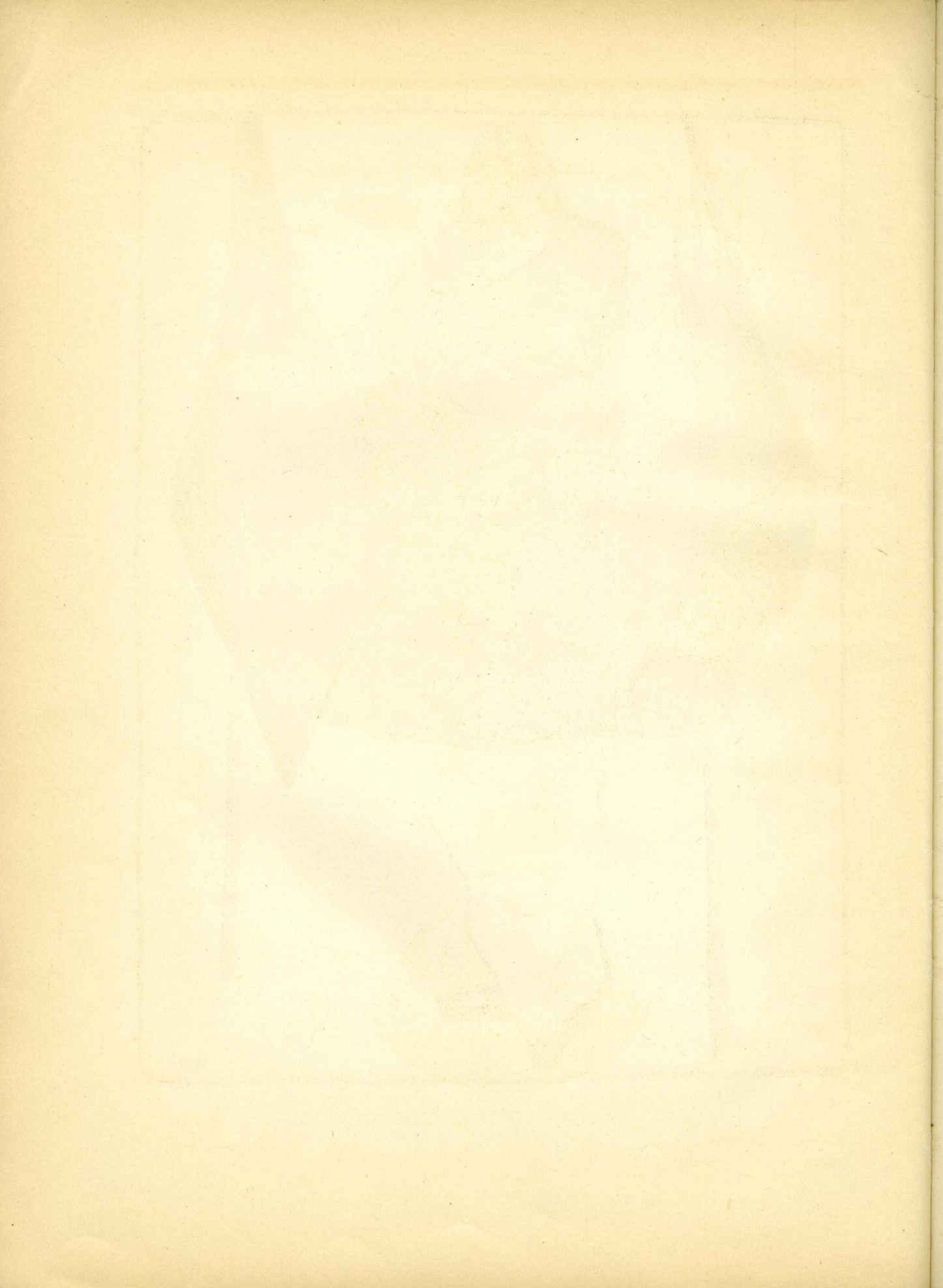
(„Спрут“, № 4, 18/X, 1906 г.)

„ОТСТАВКА. И С ЛЕВОЙ, И С ПРАВОЙ. .“

(„Жупел“, 1905 г., № 2).

Рис. Б. Кустодиева.

(„Буревал“, 1906 г., № 2.)

Рис. А. де-Пальдо.

И правда, — что было у нас?

— Жили-были люди. Пришла Конституция.

Стали людидохнуть...

Дух Банко.

(„Спрут“, 1906 г., № 8.)

От „политической погоды“
Жить очень скверно, как во тьме...
Увы! Не только нет свободы,—
Свободных нету мест в тюрьме.

(„Овод“, 1906 г., № 4.—Иркутск.)

А кто виноват, что так поздно открылся для русского обывателя подлинный смысл „манифеста“? Да кто же, как не „Спрут“? Только в январе 1906 года опубликовал он

ОТРЫВКИ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГЕНИАЛЬНЫХ СОВРЕМЕННИКОВ.

„Милые люди, они сомневаются еще в том, что я их обманул! Когда до меня доходят споры—введена ли конституция или осталось самодержавие, то меня, право, разбирает смех. О, россиянин, есть ли существо более добродушное и более наивное, чем ты? Против твоего оптимизма бессильны и нагайки, и пулеметы, и даже скорострельные пушки. Ты все еще питаешь доверие. Голубчик! Вера твоя спасет тебя“.

(Из мемуаров С. Ю. Витте. — „Русская Старина“ 1935 г.)

Virtus.

(„Спрут“, № 5, 25/1, 1906 г.)

(„Пчела“, 1903 г., № 2.)

Рис. Сауда.

С. Ю. Витте.

Имя Сергея Юльевича Витте тесно связано с конституцией 1905 года. Этот, по определению Троцкого, „плебей-выскачка“ оставил по себе заметный след

нию мирных переговоров с Японией возведен был в графское достоинство, в острый момент октябрьской забастовки убедил Николая II подписать знаменитый „манифест“, а после 17 октября возглавлял правительство в период злейшей черносотенной реакции.

Блестящую характеристику Витте, классический образец политической сатиры, дает Л. Троцкий в своей книге „1905 г.“:

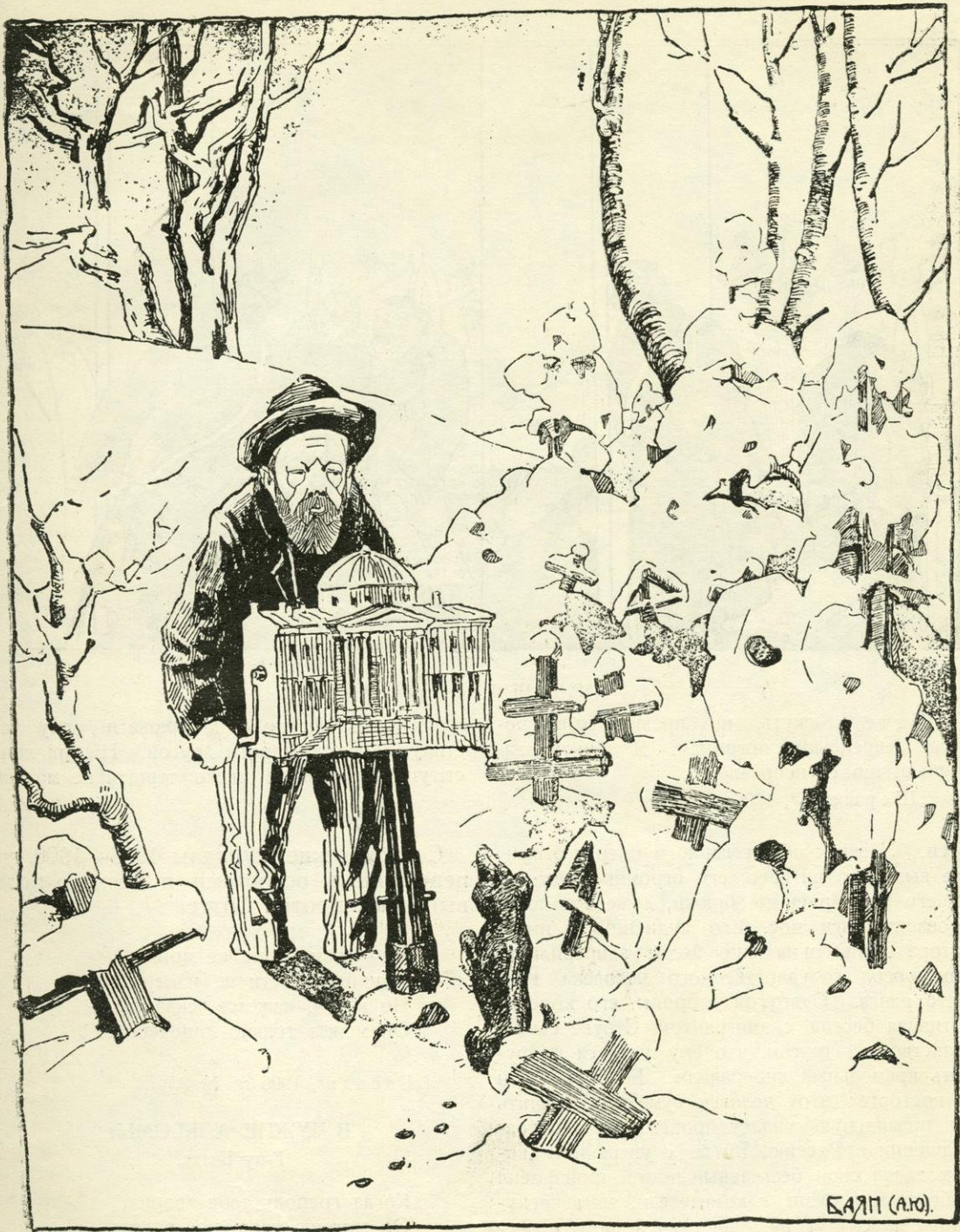

ВЕРХ ВООБРАЖЕНИЯ.

4 („Паяцы“, 1906 г., № 1.)

в истории России конца XIX, начала XX века. Начав свою карьеру по министерству путей сообщения, он выдвинулся на пост министра финансов, провел крупную денежную реформу, ввел винную монополию, за работу по веде-

Конституционная карьера графа Витте целиком построена на революции. В течение десяти лет бесконтрольный бухгалтер и кассир самодержавия, он был в 1902 году оставлен своим антагонистом Плеве на безвластный пост председателя дореволюционного комитета министров. После того как сам Плеве был „отставлен“ бомбой террориста, Витте не без успеха начал выдвигать себя через служащих журналистов на роль спасителя России. Передавали со значительной миной, что он поддерживает все либеральные шаги Святополк-Мирского. По поводу поражения на Востоке он пронизательно покачивал головой. Наконец, 9-го января он ответил перепуганным либералам: „Вы знаете, что власть не у меня“. Таким образом террористические удары, японские победы и революционные события расчищали перед ним дорогу. Из Портсмута, где он расчеркнулся под трактатом, предписанным мировой биржей и ее политическими агентами, он возвращался как триумфатор. Можно было подумать, что не маршал Ойяма, а он, Витте, одержал все победы на азиатском Востоке. На провиденциальном человеке концентрировалось внимание всего буржуазного мира. Парижская газета „Matin“ выставила в витрине кусок промокательной бумаги, которую Витте приложил к своей портсмутской под-

БЯЯП (А.Ю.)

ПЕСНЬ О СВОБОДЕ.

(„Спрут“, 1906 г., № 3.)

Гис. А. Юнгера.

ДРУКАРНЯ (типографія).

Вітте. Кажуть, що правительство по-турає єврейським погромам. Я рішучо заявляю, що се неправда!

(„Шершень“, 1906 г. № 1.)

писи. У зевак общественного мнения отныне все вызывало интерес: его огромный рост, даже его бесформенные брюки, даже его полупровалившийся нос. Его аудиенция у императора Вильгельма еще более закрепила за ним ореол государственного человека высшего ранга. С другой стороны, его конспиративная беседа с эмигрантом Струве свидетельствовала о том, что ему удастся приручить крамольный либерализм. Банкиры были в восторге: этот человек сумеет обеспечить им правильную уплату процентов. По возвращении в Россию, Витте с уверенным видом занял свой безгласный пост, произносил либеральные речи в комитете и, явно спекулируя на смуту, называл депутацию бастующих железнодорожников „лучшими силами страны“. В своих расчетах он не ошибся: октябрьская стачка возвела его на пост самодержавного министра конституционной России.

Вітте. Як то! підбурювати одну частину людкоти проти другой. Ні, при конституційнім кабінеті сього терпіти не можна.

Сатирические журналы 1905—1906 гг. переполнены остротами и всякого рода выпадами против Витте.

Умом вам Витте не понять,
Аршином чести не измерить...
Но время, кажется, сказать:
Он может только лицемерить.

А. Р.

(„Гвоздь“, 1906 г., № 2.)

В ЧУЖИЕ АЛЬБОМЫ.

Г-ну Витте.

Когда господь тебя творил,
Он миссию твою предвидел:
Стыдом тебя он не обременил,
Но языком лукавым не обидел.

Дух Банко.

(„Спрут“, 1906 г., № 2.)

Деяния его, Сергея Юльевича Витте, описаны в статье

СОТВОРЕНИЕ НЕКОЕГО ГОСУДАРСТВА.

1. Земля русская была бесправна и бесхлебна, и тьма была над нею.

2. И сказал граф: „да будет свет!“. И тотчас явились кабинет министров и казаки.

3. И увидел граф, что свет хорош, и отделил его от тьмы.

4. И назвал свет правительством, а тьму крамолою. День первый.

5. И создал он для правительства твердые меры, и стало оно твердо. И увидел он, что это хорошо. День второй.

6. И сказал граф: „да произрастит земля овес“. И Дурново нашел, что это очень хорошо¹. День третий.

7. И сказал он: „да будут светила“. И созданы были звезды, ордена и медали за усердие. День четвертый.

8. И сказал граф: „да произведет вода пресмыкающихся и гадов“. И созданы были усмирители-администраторы из нечистых животных: видимые (явные) и невидимые (тайные). И стало так.

9. И сказал им: „плодитесь и размножайтесь“. И дано было всем на сие пособие. И все сказали, что это хорошо. И появилось на свет еще сорок тысяч столоначальников. День пятый.

10. И сказал граф: „сотворим человека“. И объявлено было всем в семнадцатый день октября месяца года 1905, но до сих пор ничего из этого не вышло. День шестой.

11. И нашел граф, что это хорошо, и почил от дел своих. День седьмой.

Капля.

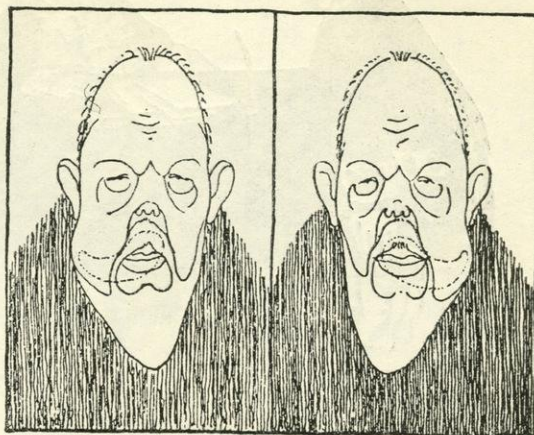
(„Спрут“, 1906 г., № 5.)

И, в восторге от величия премьеры своего, воспел вновь сотворенный человек

ВИТТЕ ПО ГОГОЛЮ.

Чуден Витте при тихой погоде, когда вольно и плавно строит он величавые планы свои. Не зашелохнет, не прогрезит.

¹ Связь между Дурново, министром внутренних дел, и кабинетом Витте, а также связь между Дурново и овсом будет выяснена в главе, посвященной Дурново.

СЕКРЕТ ГРАФА ВИТТЕ.

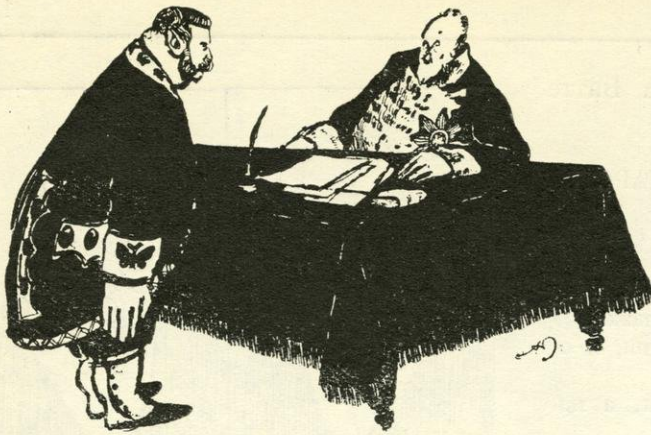
Граф Витте поправел! Граф Витте полезел! То и другое делается с помощью одного только языка, каковой здесь изображен пунктиром.

Рис. Ре—ми.

(„Газета Шебуева“, 1906 г., № 1.)

Глядишь и не знаешь: идет или не идет вперед лукавый. И чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто проклятая змея без меры в длину, без конца в ширину реет и вьется по земному миру... Любо тогда и Суворину и Грингмуту оглядеться с вышины и погрузить руки в народные деньги, и Гурьеву, и Шарапову, и Гапону осветиться лучами злата... Субсидиелюбивые!.. Они толпятся вместе с сыщиками к кассам и, наклонившись, глядят в них, и не наглядятся, и не налюбуются светлым своим зраком... И улыбаются они Витте, и усмеваются ему, и приветствуют его, кивая головами... Пышный! Нет премьеры, равного ему в мире...

Чуден был Витте и во мраке эпохи Плеве, когда все спало,—и граждане, и хулиганы, и вожди черной сотни,—и Победоносцев один величаво озирал небо и землю и величаво сотрясал ризу. От ризы сыплются циркуляры; они горят и светят над миром и все разом отдаются в руки Витте... Всю Россию держит Витте в темном лоне своем; ни один человек не убежит от него — разве сгниет в подземельях Шлиссельбурга... Черный Плеве, униженный мрачными призраками Кишинева, и древне-владычествующий Победоносцев напрасно силились прикрыть его длин-

(„Сигналы“, 1906 г. № 2.) Рис. А. Любимова.

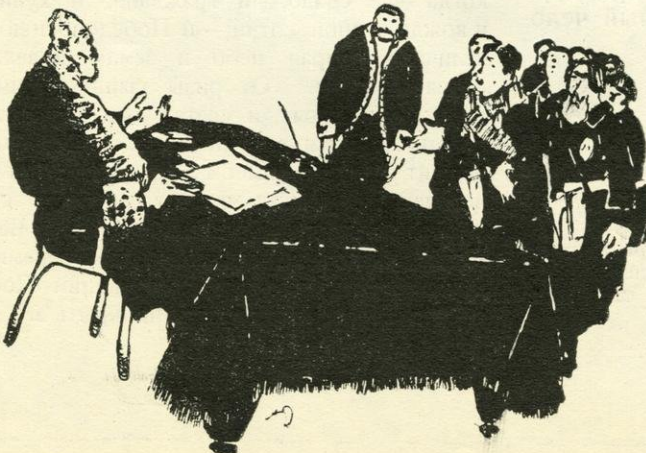
ной тенью своею... Напрасно! Нет ничего в мире, что могло бы прикрыть Витте... Хитрый, хитрый, ходит он плавною поступью, и среди ночи, как среди дня, видит за столько вдаль, за сколько видеть может человеке око... Нежась и прижимаясь то к правым, то к левым, дает он по себе кровавую струю, и она вспыхивает страшными злодеяниями, а он в стороне и снова велик... Чуден и тогда Витте, и нет премьера, равного ему в мире!

Когда же пойдут горами по небу синие тучи, старый режим качается до корня, враги народа бегут и молния революции, изламываясь между туч, разом осветит весь мир, — страшен тогда Витте! Пулеметы гремят, ударяя в безоружных, горят деревни и города, и свищут нагайки, избивая детей и женщин, и банда палачей безудержно рвет и мечет и заливают кровью несчастную страну...

Чуден и тогда Витте в полусахалинской графской короне своей... Пышный! Нет премьера, равного ему в мире...

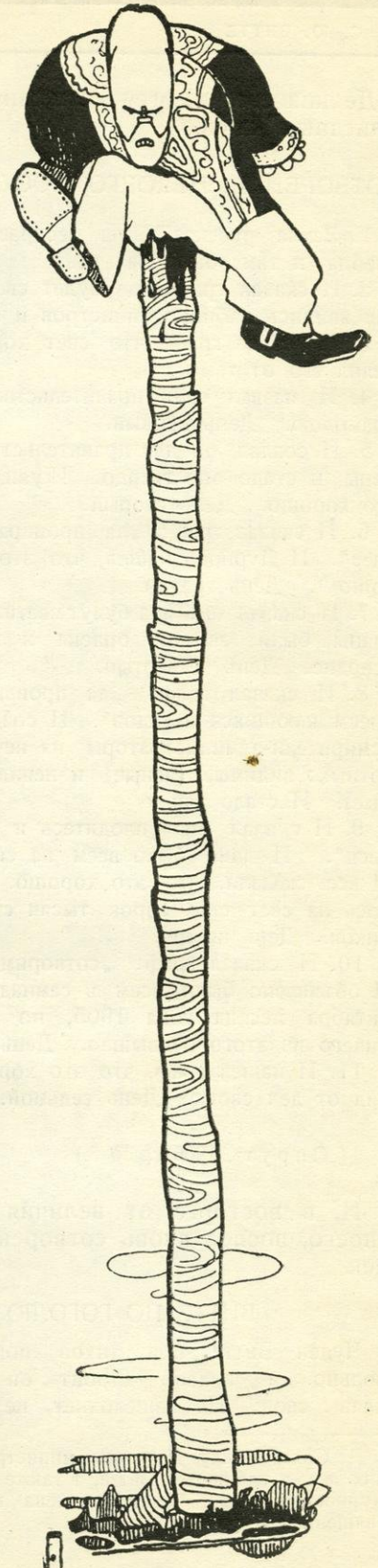
Не-Буква.

(„Пчела“, 1906 г., № 3.)

(„Сигналы“, 1906 г., № 2.)

Рис. А. Любимова.

„Я ГОВОРИЛ, ЧТО ЗНАЮ,
КАК СПАСТИ РОССИЮ“...

Рис. Перуна.

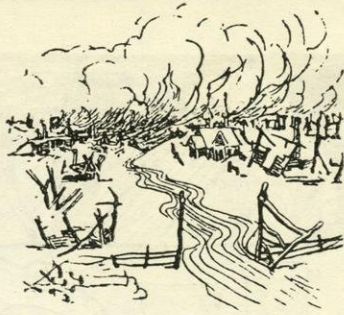
(„Спрут“, 1906 г. № 5.)

КАКЪ СПАСТИ РОССИЮ?

(СЕКРЕТЬ ГР. ВИТТЕ)

„Я знаю, какъ спасти Россію“—съ увѣренностію заявилъ графъ Витте представлявшейся ему депутаціи. Для этого необходимо:

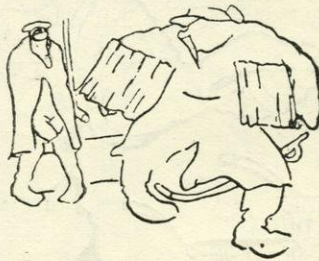
Внести побольше свѣта въ нашу темную деревню.

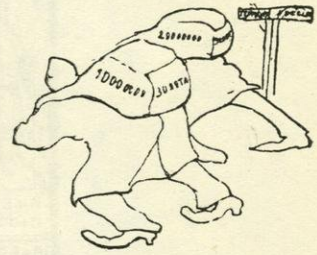
Въ городахъ искоренить очаги моральной заразы.

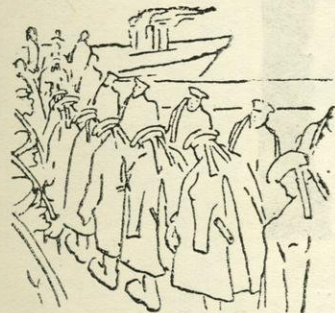
Въ учебныхъ заведеніяхъ строго охранять науку отъ внѣшнихъ вліяній.

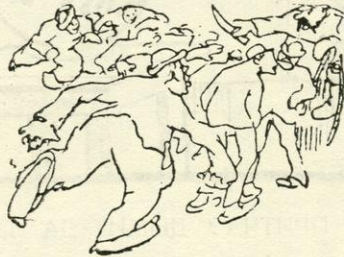
Печать и ея носителей поставить въ облегченныя условия.

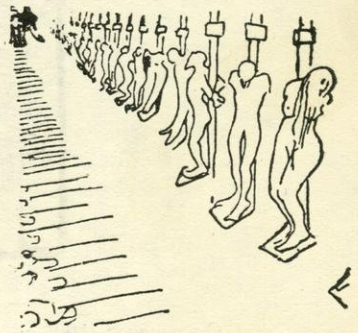
Золотой фондъ государственнаго банка для большей сохранности передать въ руки нашихъ доброжелательныхъ сосѣдей.

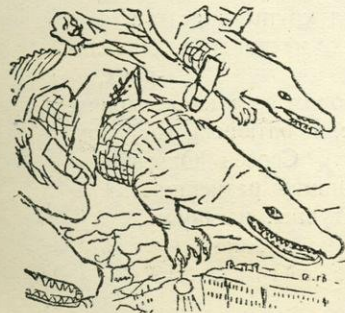
Матросовъ освободить отъ излишнихъ обязанностей.

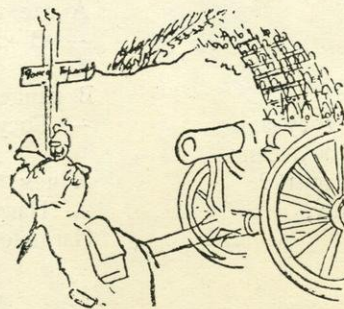
Гражданъ—сторонниковъ порядка объединять и вооружать поголовно.

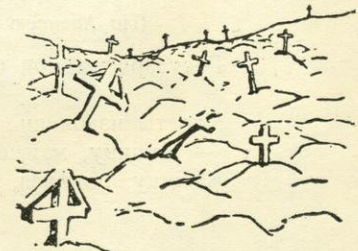
Судопроизводство для удобства населенія упростить до возможнаго.

Въ мятежныхъ областяхъ разослать милосердныхъ адмираловъ и съдѣлающихъ.

Въ крайнемъ случаѣ призвать на помощь охранителя европейскаго и всемірнаго мира.

И Россія будетъ спасена.

— ЧТО ЗА ПРИТЧА? ДЫМИТ ДА И ТОЛЬКО!..

(„Стрелы“, 1905 г., № 3.)

Рис. Ре—ми.

И запросила освобожденная Россия
у С. Ю. Витте, в котле у которого ва-
рилась

КАШИЦА.

(По Алексею Толстому.)

Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,
Что ты изволишь в котле варить?
— Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, родимая, кашицу.

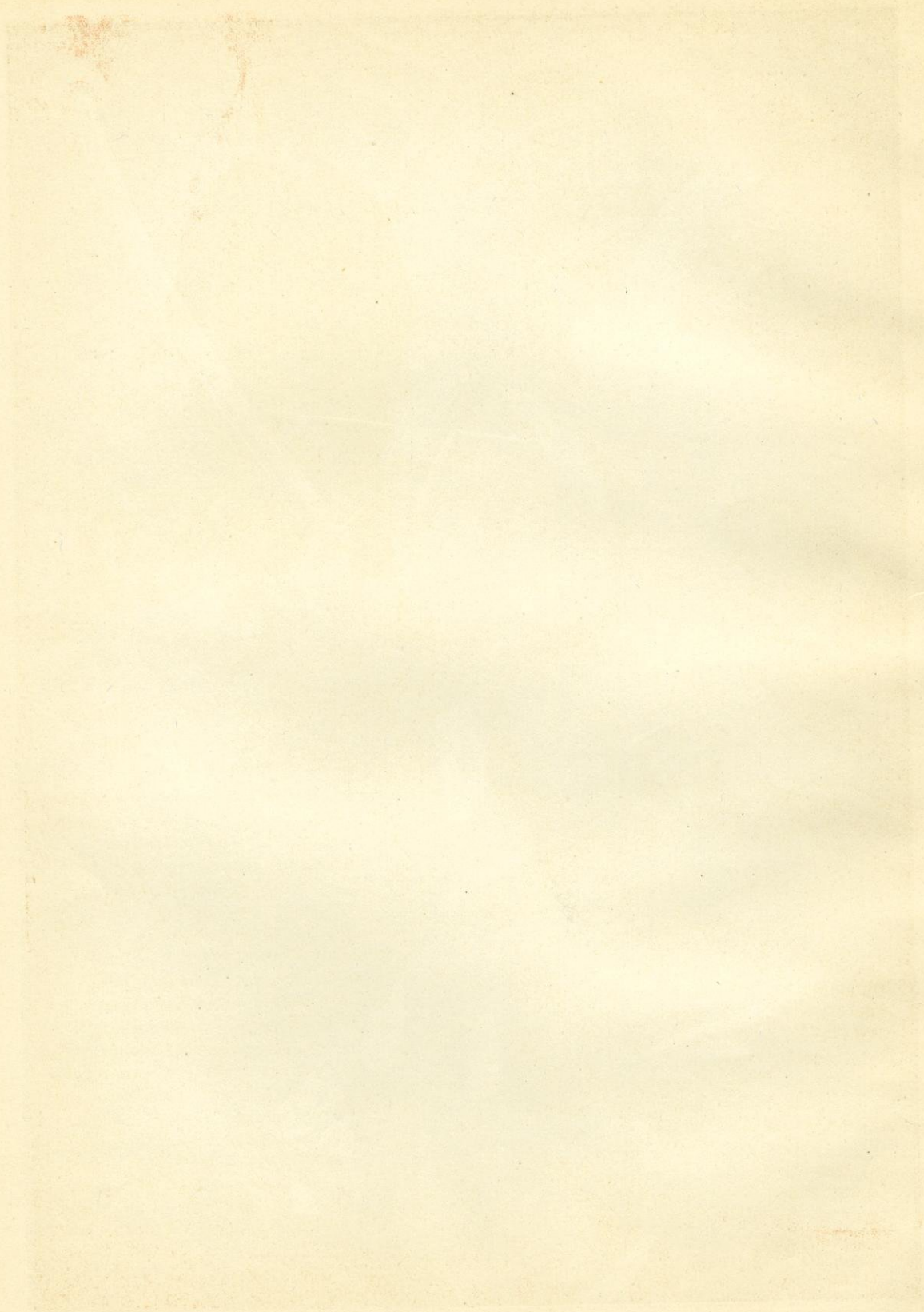
— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,
А где ты изволил крупы достать?
— В канцеляриях, матушка, в канцеля-
риях,
В канцеляриях, родимая, в канцеляриях.
— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,
А чем будешь кашицу размешивать?
— Нагайкою, матушка, нагайкою,
Нагайкою, родимая, нагайкою.

„ЗВЕЗДНАЯ ПАЛАТА“.

(„Леший“, 1906 г., № 4.)

Рис. А. Любимова.

— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,
А чем поливать будешь кашичу?
— Кровушкой, матушка, кровушкой,
Кровушкой, родимая, кровушкой.
— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,
А ведь кашича выйдет крутенька?
— Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, родимая, крутенька.
— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,
А ведь кашича выйдет грязненька?
— Грязненька, матушка, грязненька,
Грязненька, родимая, грязненька.
— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,
А сия кашича как называется?
— Конституцией, матушка, конституцией,
Конституцией, родимая, конституцией.
— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,
А кто будет кашичу расхлебывать?

На этот вопрос точный ответ даст будущее. Сергей Юльевич думает, что расхлебывать кашичу будет народ, а мы думаем, что наоборот.

Дух Банко (Д. Гликман).

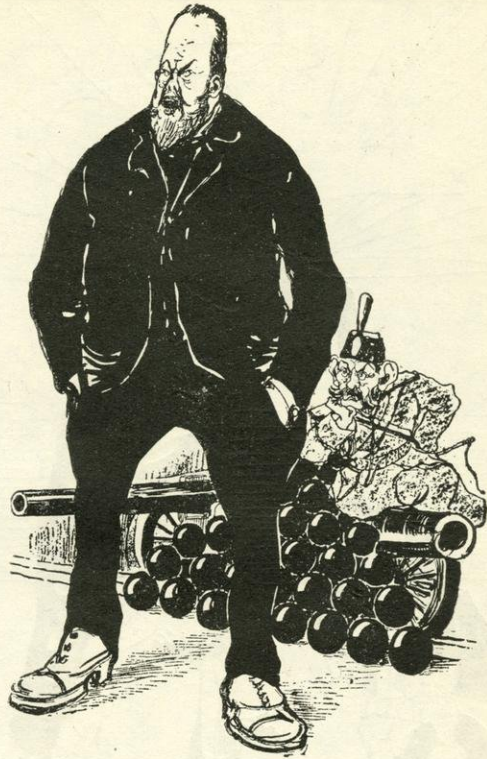
(„Спрут“, 1905 г., № 1.)

Вот почему, как срок настал сменить главу кабинета, народ в печали написал в честь графа оду. Вот ода эта:

ЕГО КАРАТЕЛЬСТВУ.

(Прощальная ода.)

Сахалинец мой сиятельный,
Монополь-премьер карательный!
Что тебя так исковеркало?
Аль гляделся часто в зеркало?
— Я задумался пред Думою,
Пред крамолою угрюмою,
Пред заимствованной суммою!
Положение неверное,
Исторически-прескверное.
— Поводырь на во беспутии,
Столп отечества в распутии,
Граф казенный от Портсмутии,
Перед Думою кадетскою
Встань-ка в позу кабинетскую!

„Я ЗНАЮ КАК СПАСТИ РОССИЮ“.

Рис. И. Грабовского.

(„Зарницы“, 1906 г., № 1.)

— Встал бы я, да мне не можется!
Уложил бы,—не уложится,
Разогнал бы,—не разгонится.
Для блюдения достоинства
Нехватает больше воинства...

— Эко дело незадачное!
Что ж, сиятельство кабачное?
Не бросать же место злачное!
Плюнь крамоле в рожу мерзкую
И держись за роль премьерскую!

— Ох, и плюнул бы внушительно!
Ох, как плюнуть соблазнительно!
Да меня, беднягу, скрючило:
Горемыкинское чучело
Предназначено премьерствовать,
А моя судьба—дерьнерствовать
С пулеметным моим сродником,
С Дурново Петром угодником.

Леший.

(„Ерш“, 1906 г., № 4.—Томск.)

— А ТЫ ВСЕ-ТАКИ ПОКЛОНИСЬ!

Рис. Д. Невского.

(„Бурелом“, 1906, № 3.)

ЧТО ДУМАЕТ ПРЕМЬЕР, КОГДА ЕМУ
НЕ СПИТСЯ.

В позднюю ночь над усталой столицей
Сон непробудный царит.
Только премьер под охраной полиции
Мучится горько, не спит.
Вертится в страхе он, охает, мается...
Что там?! Не шум ли врагов?
Вся ему долгая жизнь представляется,
Вся-то полна ведь грехов...
Ох-ти мне! Как я министром-то сделался,
Как пробивался с трудом...
Нутка-ся! С Плеве-то, с Плеве покойничком
Сколько шалили вдвоем!..

Ужас! Вот то-то... Мы смолоду лю-
тые...

Думаем: нам наплевать!..

Суд-то народный, ответ неминуемый!

Как мне его избежать?

С Победоносцевым, да и с Сипягиным,

Сколько мы бед принесли!

А Абаза-то? ведь с ним, с Безобразо-
вым

Мы до войны довели.

Ну, а валюта, казна-то несчастная,

С водкою сколько препон!

Тут и субсидии, займы злосчастные,

Гурьев, Шарапов, Гапон.

Охти мне, ох! Ухожу в место злачное...
В Портсмуте сколько я лгал,

Как добывал я корону-то графскую,

Как Сахалин продавал!..

Ну, а потом-то!.. И вспомнить-то го-
рюшко,

Как я свободу вводил,

Как с Дурново разорился я вволюшку,

Черную сотню водил...

Ужас и кровь! Генерал-губернаторы...
Штык и нагайка... Тюрьма...

Ссылка, погром... Палачи, провока-
торы...

Стонов и ужасов тьма!

То-то и грустен я, то-то расстроен я...

Денег мне негде достать...

Божия мать, святая заступница,

Как мне суда избежать!..

Не-Буква.

(„Овод“, 1906 г., № 4.)

„С Витте водиться—что в крапиву са-
диться“.

* * *

Барыня: Где Сережка?

Лакей: В кабинете-с.

Барыня: Разве место Сережке в каби-
нете? В ухо надо...

Мстислав.

(„Маски“, 1906 г., № 3.)

То граф Нирод был, а теперь граф Ирод
объявился...

(„Маски“, 1906 г., № 3.)

Нут-ка, братцы, все зараз,
Дружно, вместе, еще раз!
Жмите крепче, не плошайте,
И скорей освобождайте!

(„Пчела“, 1906 г., № 2.)

Кабинет министров.

Вынужденную немоту свою по отношению к „полковнику“ русская печать возмещала на разного рода генералах и министрах. Если „Wiener Caricaturen“ сводила роль Государственного Совета к роли „луговиц“ (см. стр. 124), то не меньше доставалось кабинету и отдельным членам его и от русской печати.

В. Какая разница между кабинетом... уединения и кабинетом министров?

О. В первом сидит тот, кому нужно; во втором—тот, кому не нужно...

(„Бурелом“, 1905 г., № 2.)

„Было бы корыто—министры найдутся“.

(„Бурелом“, 1906 г., № 3.)

ПЛЯСКА СВЯТОГО ВИТТА.

Наши новые министры, —
Слышно,—разумом не быстры,
И к тому же,—ходит слух, —
Кабинет немножко глух.

Шумно в графском кабинете!
Все собрались на урок
И потеют на паркете...
Труден модный кек-уок.

Залит блеском лент багрянца
Танцевальный кабинет...
Вместо новых темпов танца
Все выходит менуэт.

Трудны па затеи новой,
А привычка дорога,
И на темп средневековый
Все сбивается нога.

Глухи все—не слышат палки.
Топот ног, бряцанье шпор—
Все смешалось в общей свалке,
Бедный, бедный дирижер!

Нет изъяна ли в указке?
Сам то знает педагог,
Как учить новейшей пляске:
Сам танцует кек-уок!

Авель.

(„Пламя“, 1906 г., № 4.)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ
В С.-ПЕТЕРБУРГЕ.

Совсем недавно, под председательством царя, состоялось в С.-Петербурге заседание Государственного Совета, наисерьезнейшим образом обсуждавшего вопрос, давать ли права народу. Все присутствовавшие молчали, как рыбы, обращаясь за советом, как высказаться, к своим пуговицам. После долгого молчания раздался голос:

Витте: — Государь, моя пуговица говорит: *да*.

Царь: — А мне моя пуговица говорит: *нет*. А моя пуговица самая мудрая во всей России.

(„Wiener Caricaturen“, Вена, 12 февраля 1905 г.)

МИНИСТЕРСКИЕ ПЕСНИ.

(Кто о чем поет.)

Министр финансов (тенор).

Ах вы, Сашки, канашки мои,
Разменяйте-ка бумажки мои,
А бумажки-то все новенькие,
Двадцатипятирублевенькие!..

Министр путей сообщения (бас).

Где ты, леньность, где ты, нега,
Русской юности краса?

Пропадай, моя телега,
Все четыре колеса!

Министр юстиции.

Разъяснил девице я,
Разводя руками:
Есть цветок „юстиция“,
Да и тот с крючками!..

Министр земледелия.

Возле речки, возле моста,
Травка выростала,
А в итоге очень просто —
Ничего не стало.

Обер-прокурор.

На березовой печи,
Из дубовой ели,
„Аллилуйя“ кирпичи
Впередонку пели.

Военный министр (шимоза).

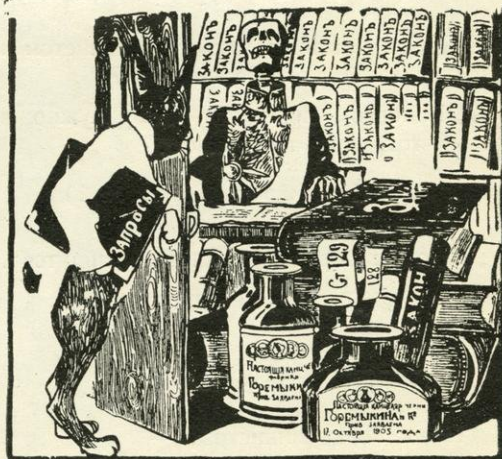
Гром победы раздавайся,
Ну а ты, мой генерал,
Хоть пять тысяч раз сдавался,
Не нарвешься на скандал!..

Министр просвещения.

Аз, буки, букашки,
Веди, таракашки,
Глагол — кишки,
Добро... служба... денежки!..

Сам-Сон.

(„Фонарь“, № 1, 3/XII, 1905 г.)

(„Пулемет“, 1906 г., № 4.)

Рис. А. Иванова.

СБЕЖАЛ НАМЕСТНИК!

кличка Алексеев! Особые приметы:
неприличны.

Нашедшего просят доставить в
НАРОДНЫЙ СУД.

(„Дятел“, 1905 г., № 1, 29/XI.)

ГАЛЛЕРЕЯ НАШИХ ЭТУАЛЕЙ.

Легче быть плохим губернатором, чем
порядочным оратором.

Рис. П. Ассатурова.

(„Буравчик“, 1906, № 3.)

И — ГНАТЬ...

(„Забияка“, 1906 г., № 1.)

У ПОКОЙНОГО ПОЭТА МИНАЕВА
СПРОСИЛИ:

— Какая может быть самая подходящая
рифма к фамилии „Игнатьева“?

Минаев, не сморгнувши глазом, ответил:

— „И гнать его“.

Пет. Газ.

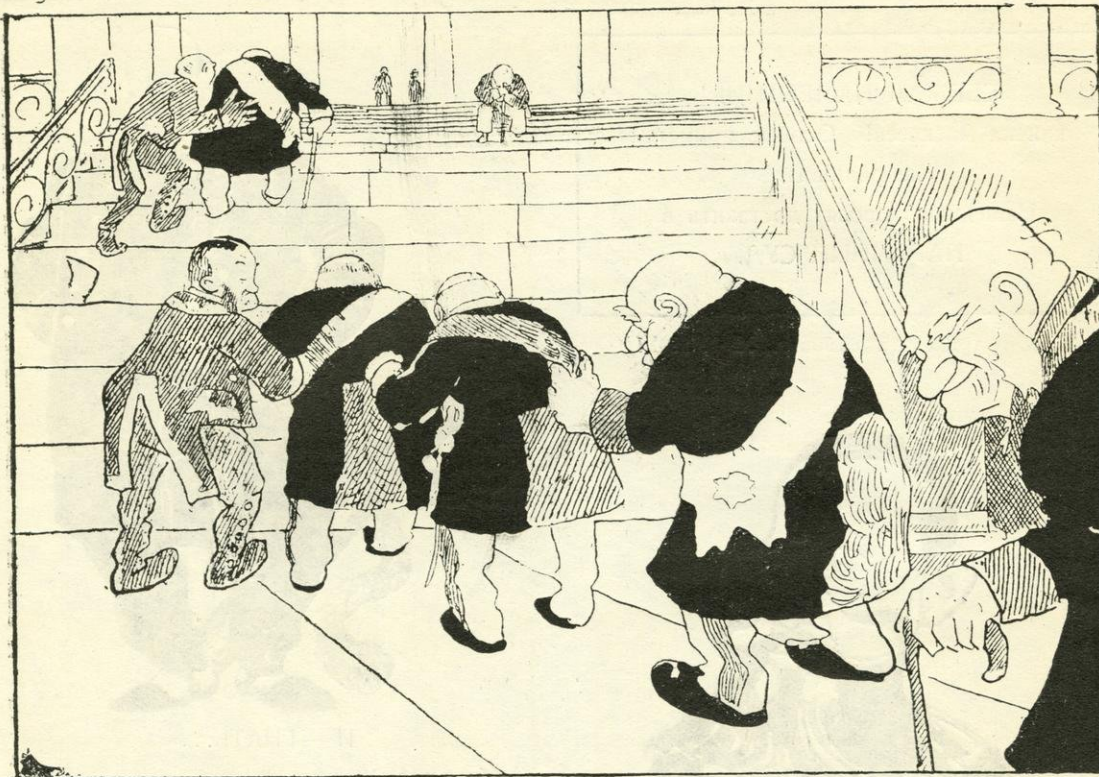
(„Клюв“, 1905 г., № 1.)

ХРОНИКА.

Нам сообщают из провокаторски-достоверных источников, что в кабинете министров в настоящее время закончен проект самых действительных гражданских свобод для того населения России, которое останется в живых по завершении полного успокоения страны. Проект этот в существенных чертах сводится к следующему:

1) Свобода печати. В силу этой свободы авторам разрешается печатать, что угодно, а полиции разрешается опечатывать, что угодно.

2) Свобода союзов. Образовывать союзы разрешено всем гражданам, за исключением лиц двух категорий: тех, которые со-

В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ.
— Учились бы, на старших глядя... („Русь“, 1907 г., № 12.)

— УРА! ПОКА НАЦА ВЗЯЛА!
(„Аргус“, 1906 г., № 9.)

Рис. Clei.

ся на свободную совесть чинов администрации.

4) Свобода собраний. Этот пункт еще не разработан, так как решение этого вопроса предполагается предоставить собранию народных представителей. С другой стороны, само собой разумеется, что собрание народных представителей не может состояться, пока не будет выработан закон о свободе собраний. Таким образом этот вопрос временно остается открытым.

(„Вампир“, 1906 г., № 3.)

стоят на гражданской службе и тех, которые на государственной службе не состоят.

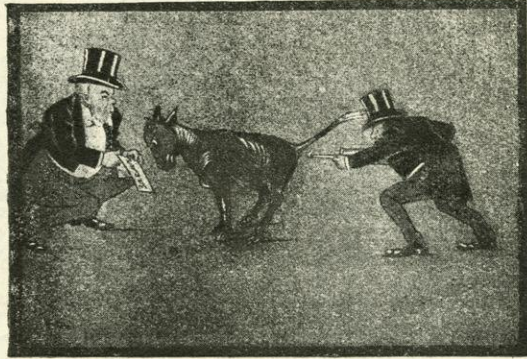
3) Свобода совести. В силу этой свободы свод законов раз навсегда отменяется, а гражданам предоставляется вполне полагать-

И по адресу нового официоза—„Русское Государство“—высказывалась печать не особо почтительно:

К Ю Б И Л Е Ю.

Министерство кривосудия.

Министерство золотого тельца.

Министерство провокации.

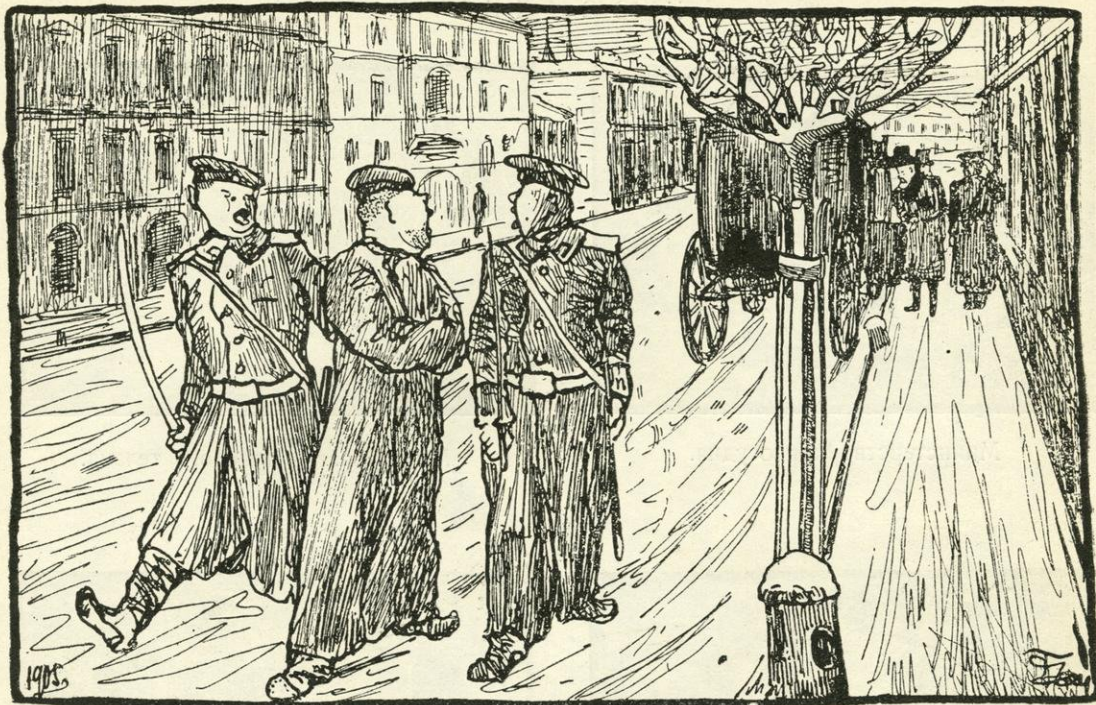
Министерство очень странных дел.

Министерство подрядов и поставок.

Министерство „утопии“.

— МОЕ ПОЧТЕНИЕ, КОЛЛЕГА!..

(„Спрут“, 1906 г., № 4.)

Рис. Г. Чайковского.

СОВЕТЫ СОВРЕМЕННИКАМ ИИСУСА СЫНА СИРАХОВА.

„Русскому Государству“.
Не противоречь истине и стыдиться своего
невежества. (IV, 29).

(„Вампир“, 1906 г., № 6.)

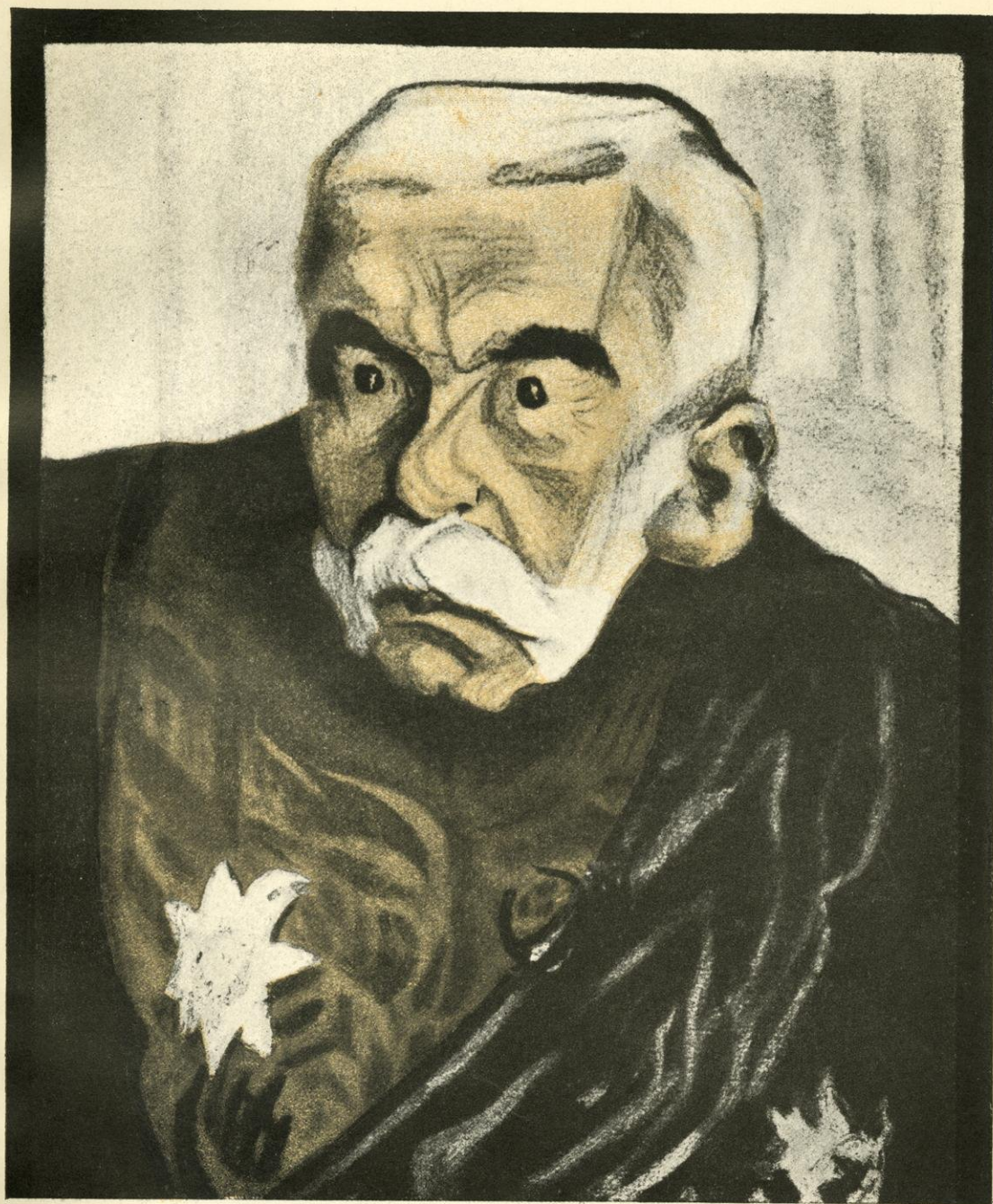
Рис. Г. Заборовского.

(„Коса“, 1906 г., № 4.)

„Правительственный Вестник“ завел собственное „Русское Государство“ — и дело! Ибо подлинное русское государство давно уж в „Правительственный Вестник“ колбасу заворачивает.

(„Маски“, № 1, 1906 г.)

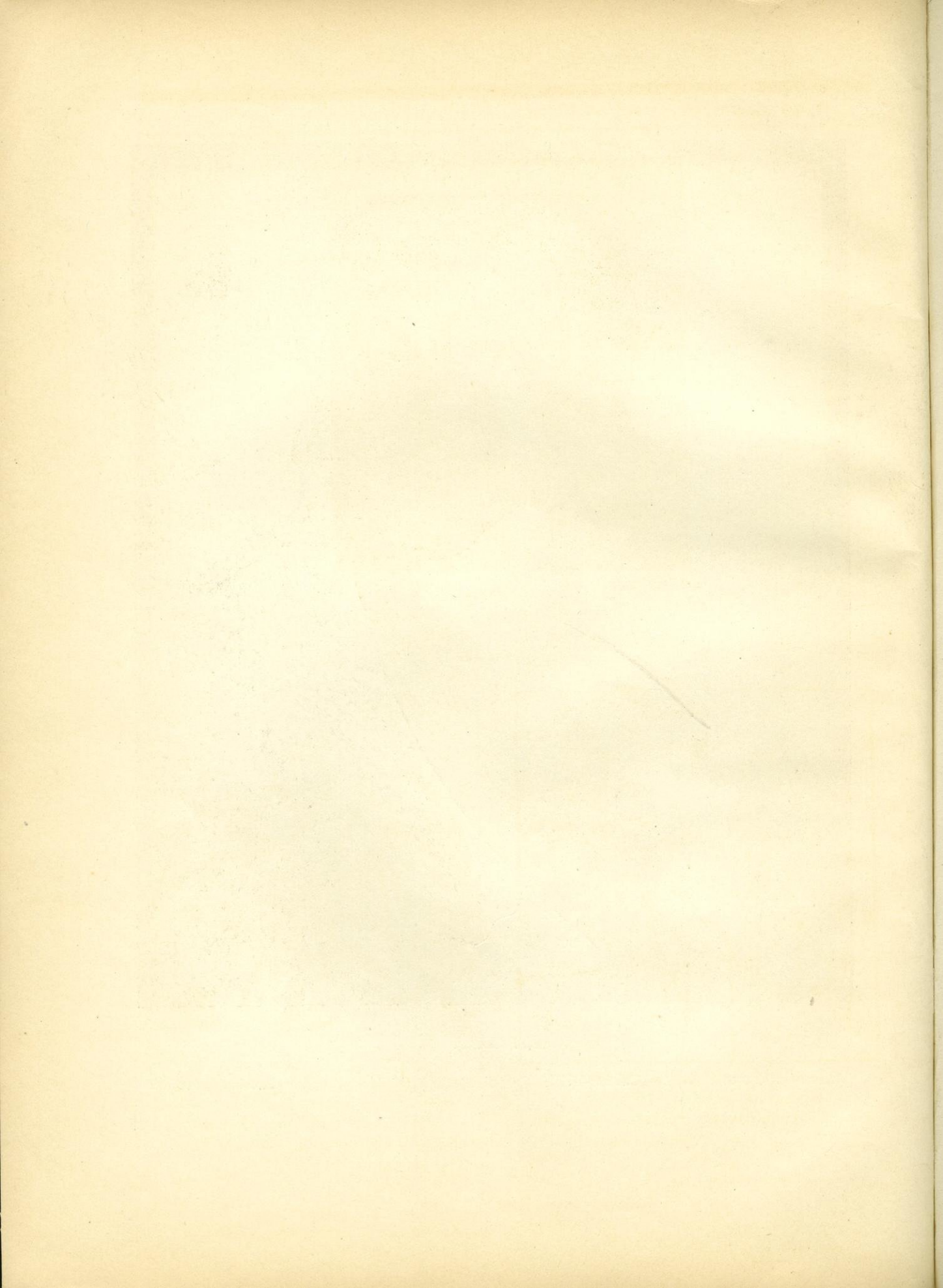
К премьеру, как мы видели, печать отнеслась достаточно внимательно. Политика его и его „кабинета“ в революционный 1905—06 г. не встретила сочувствия даже у Плеве, „отставленного“, по выражению Л. Троцкого, бомбой террориста еще в 1904 году.

ДУРНОВО.

(„Адская Почта“, № 3—„Олимп“—1906 г.)

Рис. З. Гржебина.

СВ. ХРИСТОФОР.

„И взял Витте царिशку и посадил его к себе на плечи, чтобы пронести его чрез море крови“.

(„Simplicissimus“, 1905 г.)

Рис. O. Guilbransson.

ДРЕВО РОССИЙСКОЙ СВОБОДЫ.

— Изрядно ли растенье прозябает?

— Изрядно, говорит, прозябло уж совсем.

Кузьма Прутков.

(„Леший“, 1906 г., № 3.)

Рис. Евреинова.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ И СВОБОДА СЛОВА (проект бронзовой группы).

Рис. Гамлета.

(„Волшебный Фонарь“, 1906 г., № 5.)

С О Н.

Мне снилось, что Плеве с печальным лицом
 Со мной говорил о России,
 Портсмутского графа он назвал глупцом,
 Про прочих промолвил: „Слепые!
 До мелочи вижу ошибки их тут,
 И страшно за них мне обидно:
 Они к революции сами идут,
 Забыв о последствиях, видно.
 И мне самому приходилось спасать
 Россию от вредных учений,
 Давал я приказы сажать и стрелять,
 Но мера была для гонений.
 Устроишь приличный еврейский погром,
 Закроешь три высшие школы, —
 Но нынче играют огнем и мечом
 Они, как лихие монголы.
 Они малолетних ссылают в Сибирь,
 Они города выжигают, —

И скоро вся Русь обратится в пустырь,
 Где совы одни обитают.
 Кто ж будет налоги и штрафы платить?
 Чем заняты будут жандармы?
 Кто будет начальство высокое чтить
 И строить дома и казармы?
 Нет, надо сознаться, что беден умом
 Мой новый преемник безбожно:
 Опасно играть отточенным мечом,
 Опасно, порезаться можно...“.
 И вспомнил фон-Плеве карьеру свою,
 Свои министерские розы,
 И жал он сочувственно руку мою,
 И лил крокодиловы слезы.
 Я в страхе проснулся... Уж день наступал
 (Три четверти пятого было)...
 И долго плевался и долго шептал:
 „Спаси, сохрани и помилуй!...“.

Саша Черный.

(„Вольница“, № 1, 1906 г.)

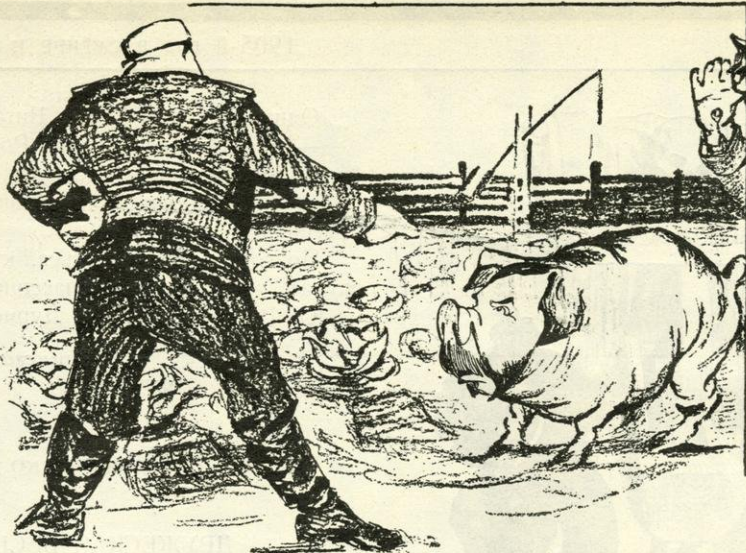

„КУЧКА ЗЛОАМЕРЕННЫХ ЛЮДЕЙ ТЕРРОРИЗИРУЕТ СТРАНУ“.

(Офиц. сообщ.)

(„Па яц“, 1906 г., № 3.)

Рис. Клеарха (Вальгис).

„НЕМЕДЛЕННО УБРАТЬ ЭТУ СВИНЬЮ“.

(„Стрелы“, 1905 г., № 5.)

Рис. Ремизова.

Дурново.

Из прочих членов кабинета особой благосклонностью печати пользовался министр внутренних дел П. Н. Дурново. Л. Троцкий в „1905 годе“ так характеризует его:

Увидя в наши дни репрессий торжество,
Вновь гражданин смущается:
Где начинается, скажите, Дурново,
И Витте где кончается?!

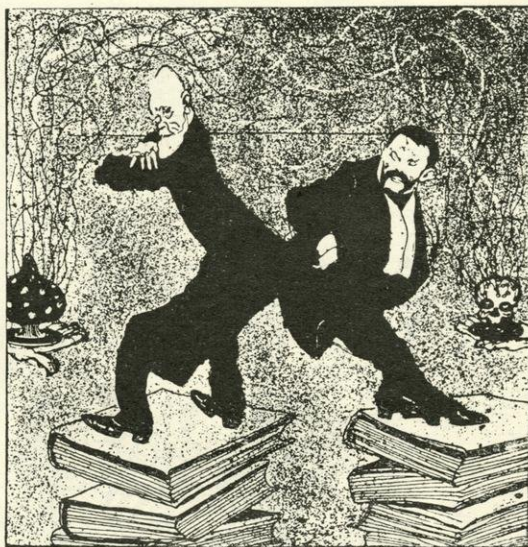
А. В. Гур.

(„Спрут“, 1906 г., № 5.)

Подлейший представитель подлых нравов русской бюрократии, проворовавшийся чиновник, которого даже Александр III вынужден был вышвырнуть энергичными словами: „Убрать эту свинью!“, Дурново был извлечен из мусорного ящика, чтобы в качестве министра внутренних дел образовать противовес либеральному премьеру. Витте принял это позорное даже для него сотрудничество, которое скоро свело его собственную роль к такой же фикции, к какой реальная практика бюрократии свела манифест 17 октября...

В качестве безвластного, всеми презираемого премьера он сохранял свой пост в течение всего декабрьско-январского периода, когда хозяин положения Дурново, засучив рукава, совершал кровавую работу мясника контр-революции...

Это сочетание несочетаемого—Витте, пользовавшегося до 17 октября репутацией либерала, и заядлого черносотенца Дурново—казалось совершенно непонятным.

РАЗБЕРИ ТУТ, КТО НА КОГО ОПИРАЕТСЯ.

(„Волшебный Фонарь“, 1906 г., № 2.)

НЕУТОМИМЫ И НЕРАЗЛУЧНЫ.
(„Вампир“, 1906 г., № 2.)

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

М. г., г. р. Я человек простой, мало понимаю толк в политике. Не откажите поэтому разъяснить мое недоумение.

ТАК ДЕЛАЮТ ВНЕШНИЙ ЗАЕМ...
(„Спрут“, 1906 г., № 7.)

Однажды граф С. Ю. Витте сказал:
— Я знаю, как спасти Россию.
В другой раз он сказал:
— Г. Дурново, если захочет, может меня повесить.

Позвольте осведомиться, кто же в таком случае знает секрет спасения России: граф С. Ю. Витте или П. Н. Дурново?..

Недоумевающий читатель.
(„Зарницы“, 1906 г. № 9.)

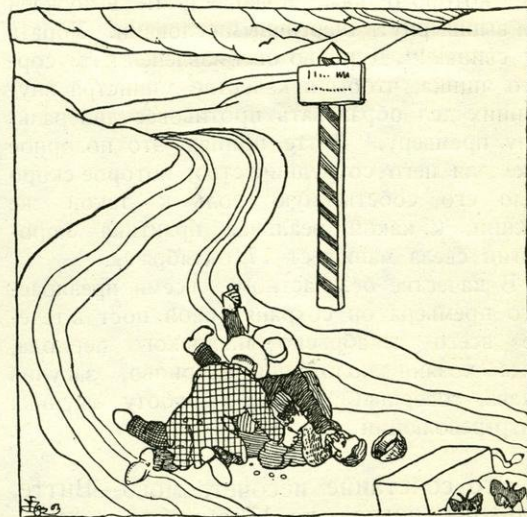
Однако, „оба-два“ легко договорились.

ДРУЖЕСКАЯ БЕСЕДА. (Историческая справка).

Витте. Ах, впервые, милый друг,
Обманул нас нюх:
Чорт нас дернул поспешать
Разнуздать печать.

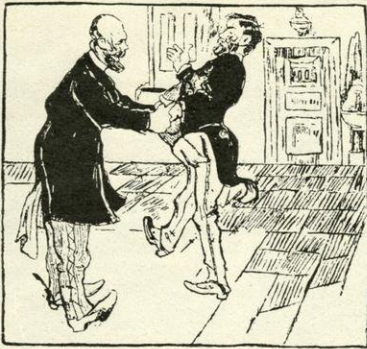
Дурново. Чтож? Я раньше говорил:
Этот крокодил
Нас с тобой в один присест
Без остатка съест...

Витте. Кабы ведать, кабы знать,
Что удастся вспять
Обратить событий ход,
Я б им дал „свобод“!

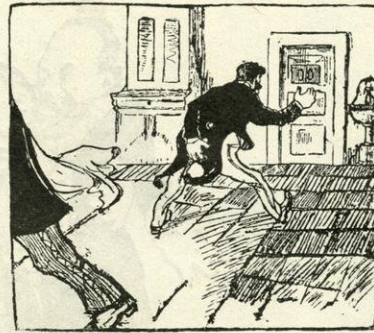

А ТАК ДЕЛАЮТ ВНУТРЕННИЙ...

Рис. Г. Чайковского.

— ПРОСТИТЕ, ГРАФ, Я СПЕШУ В МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ...

??

(„Паяц“, 1906 г., № 1.)

Дурново. Что ж, я раньше говорил
(Плеве так учил!):
Гнуть их надо в три дуги:
Пикнуть не могли!

Витте. Да, учитель наш был прав,
Не взлюбивши прав...
Я ж уйти от них не мог:
Не было дорог.

Дурново. Но зачем было спешить?
Можно б погодить;
Терпеливый наш народ
Ждать привык свобод.

Витте. Ах, рабочий напугал,
Чорт бы его взял!
Рано дал я волю, брат...

Дурново. Так бери назад!

После этого разговора господин Дурново получил портфель министра внутренних дел с открытым листом на расходование патронов и артиллерийских снарядов, русские газеты были расстреляны, а редакторы очутились в тюрьме.

Дух Банко.

(„Спрут“, 1906 г., № 5.)

Так и оставались они парой „неразлучных“. И вопрошал гражданин:

КТО ОНИ?

Их только два.
Их всякий знает.
О них молва
Не умолкает.

Один, встречая,
Вас очарует,
Наобещает
И поцелует.

Другой же в „стиле“
Совсем отличным,
Не любит пыли
Пускать публично.

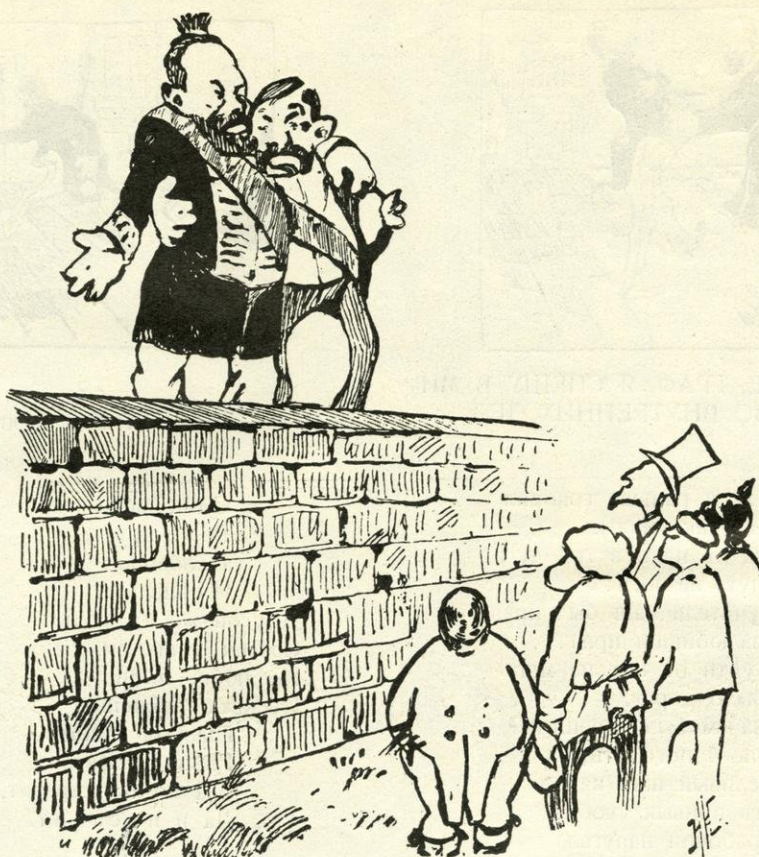
Глазком заметит,
Гонца спровадит,
Без шуму встретит,
Да и посадит.

Если трудно было разгадать, „Кто они“, то насчет Дурново ни у кого не было сомнений, „Кто он“.

ТРИ ПОЩЕЧИНЫ, ИЛИ НЕНАСЫТНЫЙ МИНИСТР.

Эта личность давно опорочена,
Но обиды покорно несл...
Первый раз прозвенела пощечина
В кабинете бразильца-посла.
Оплеуху вторую (этически)
Дал ему сам верховный глава.
Петербург хохотал гомерически,
И до слез хохотала Москва.
Но теперь популярность упрочена:
В казнокрадстве поймали его!
Эта новая, третья пощечина
Обессмертила лик Дурново!
Почему же отставка отсрочена?
Он сидит—и сажает в тюрьму...
Не смутила и третья пощечина,—
Сколько ж надо пощечин ему?.

(„Стрелы“, № 7, 22/XII, 1905 г.) *Lolo.*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.

(„Пчела“, 1906 г., № 5.)

„Н-недурно!—крикнул Дурново,
Садясь на трон министра:—
Карьеру, так сказать, того...
Я сделал очень быстро!
Из полицейских—да сюда...
Как мудр великий Витте!..
Народ свободы ждет... Ну, да!..
Дать всем им aquae vitae!“
— „А конституция?“

— „Согнем
Ее мы в рог бараний,
И Русью править так начнем,
Что даже за пояс заткнем
Быль плевовских преданий!“
Да, недурен Пьер Дурново
И в милости и в гнев!
Боюсь я, как бы с ним — тово —
Не сделали, как с Плеве.

Внук своего деда.

(„Бурелом“, № 2, 4 дек. 1905 г.)

— На безрыбьи и рак рыба,—сказал некто,
усаживаясь в министерское кресло.

(„Вампир“, 1906 г. № 3.)

ШАРАДА.

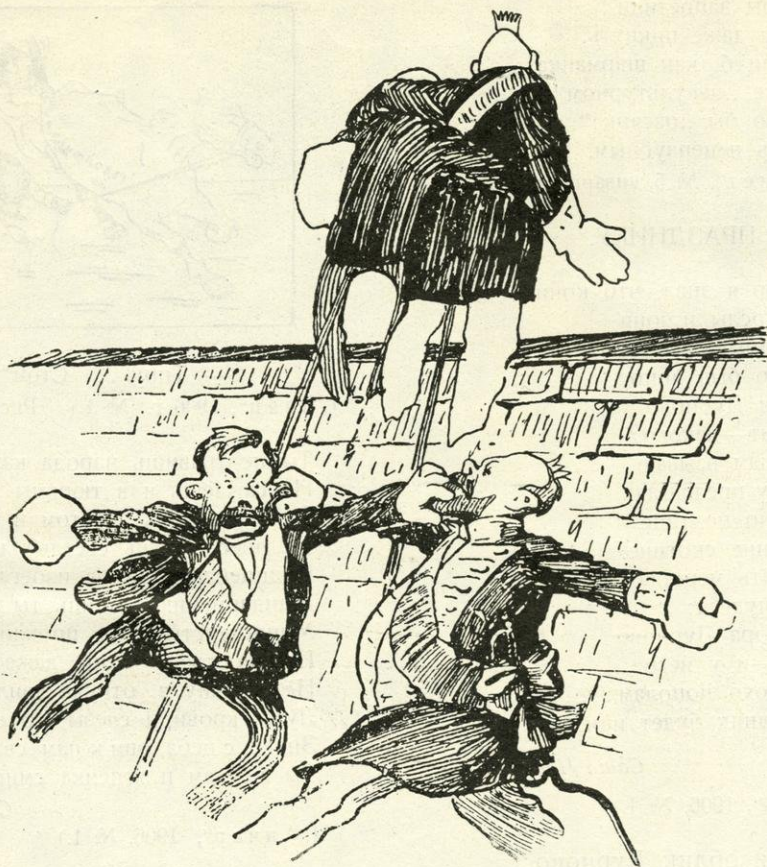
Кто он?

Хотя не травояден,
Но ест овес;
На всю Россию лает,
Но он не пес...
Пьет кровь народа,
Но не вампир,
Звонит победу,
Но он не Пирр.

Червь.

(„Жупел“, № 3, январь 1906 г.)

„Не травояден, но ест овес...“. Уполномоченный снабжением армии М. А. Стахович напечатал в 1905 году в газете

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

(„Пчела“, 1906 г., № 5.)

„Молва“ открытое письмо в редакцию, в котором выдвинул против министра Дурново обвинение в недобросовестной операции с поставкой овса для армии. Всесильный министр и это обвинение съел, как съел и овес, как съел в свое время „бразильскую“ пощечину. Никаких возражений, никаких объяснений с его стороны не последовало. Съел — и баста.

Ну, и его за это поедом ели.

СВИНЬЯ, ОВЕС И МУЖИК.
(Басня.)

Свинья в овес случайно забежала,
Дурново сделав там не мало...
Пришел мужик и, взяв дубину,
Без думы дальней выгнал он скотину.

Нравоученье хочешь знать?
Свиней повсюду надо гнать.

(„Зарницы“, 1906 г., № 1.) Шмидов.

ПО ЕВТУШЕВСКОМУ.

Хорошая ломовая лошадь съедает в день не более двух гарнцев овса и сена и весит в среднем не более шестидесяти пудов.

Спрашивается: сколько весит П. Дурново?

(„Спрут“, 1906 г., № 2.)

РАНЬШЕ ЛУЧШЕ.

Брань на вас несется градом;
Вас ругать считают спортом:
Вас крестят то овсокрадом,
То свиньей, ослом иль чортом...
Вы едва моргнете глазом,
А на вас карикатуры
В двадцати журналах разом...
Вот что значит — нет цензуры!
Нет, ей-богу, раньше жили
Втрое лучше, если вникнуть...

Об овсе бы запретили
 Циркуляры даже пикнуть,
 Не трещали б, как шарманка,
 О поступке „некультурном“...
 Даже слово бы „овсянка“
 Почиталось нецензурным.
 („Пулемет“, № 5, январь 1906 г.)

К ПРАЗДНИКУ.

До сих пор я знал, что кони,
 Жеребцы, ослы и пони
 Любят лакомый овес...
 Но недавно был донос,
 Что овес и Дурново
 Тоже любит—каково?
 К обывателям взываю
 И подписку предлагаю:
 Выносите по полтине
 На кормление скотине.
 Купим десять мер овса
 И увидим чудеса:
 Съест обжора Дурново
 Весь овес—и у него
 Лопнет брюхо пополам...
 То-то праздник будет нам!

Саша Черный.

(„Зритель“, 1906, № 1.)

И выяснился облик Дурново.

* * *

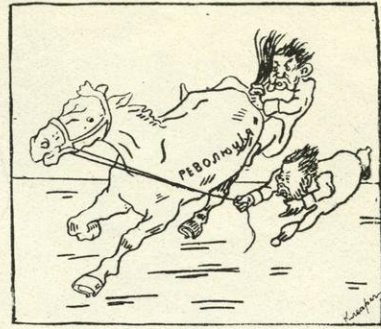
Вот он весь, как намалеван,
 Петя Дурново:
 Всею родиной оплеван...
 Нуль иль просто ничего...
 Он в своем ужасном гневе
 (Кто же Петя злей?)
 В общем копия фон-Плеве,
 Только... поглупей.

Не-Некрасов.

(„Гвоздь“, 1906 г. № 1.)

В АЛЬБОМ П. Н. ДУРНОВО.

Не теснишь ты почтовых чиновников,
 Не воруеть казенный овес;
 Ты—феномен среди всех сановников,
 Ты—„герой“ наших дней, наших грез.
 Тебе близки народа стремления,
 Ты—„сторонник“ всех прав и свобод,
 Ты—мой „друг“ по своим убеждениям,
 Самый полный средь нас „патриот“.

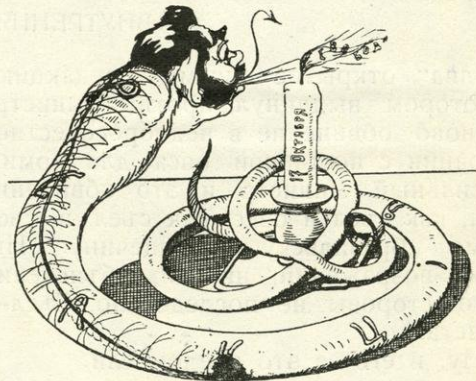
— Тпру... Стой!

(„Паяц“, 1906 г., № 1.) Рис. Клеарха.

Ты не травил народ казаками,
 Не сажаешь и в тюрьмы людей;
 Не стращаешь арестом и плахами,
 Не преследуешь светлых идей.
 Полицейских чинов избегаешь ты
 Жандармерию гонишь ты прочь,
 Министерство свое проклинаешь ты,
 И „работаешь“ дни, даже ночь.
 Не спрошу я, откуда явились
 Лужи крови и слезы людей.
 Знаю: с неба они к нам свалились,
 Ты же сам и ягненка смиренной.

Сатирик.

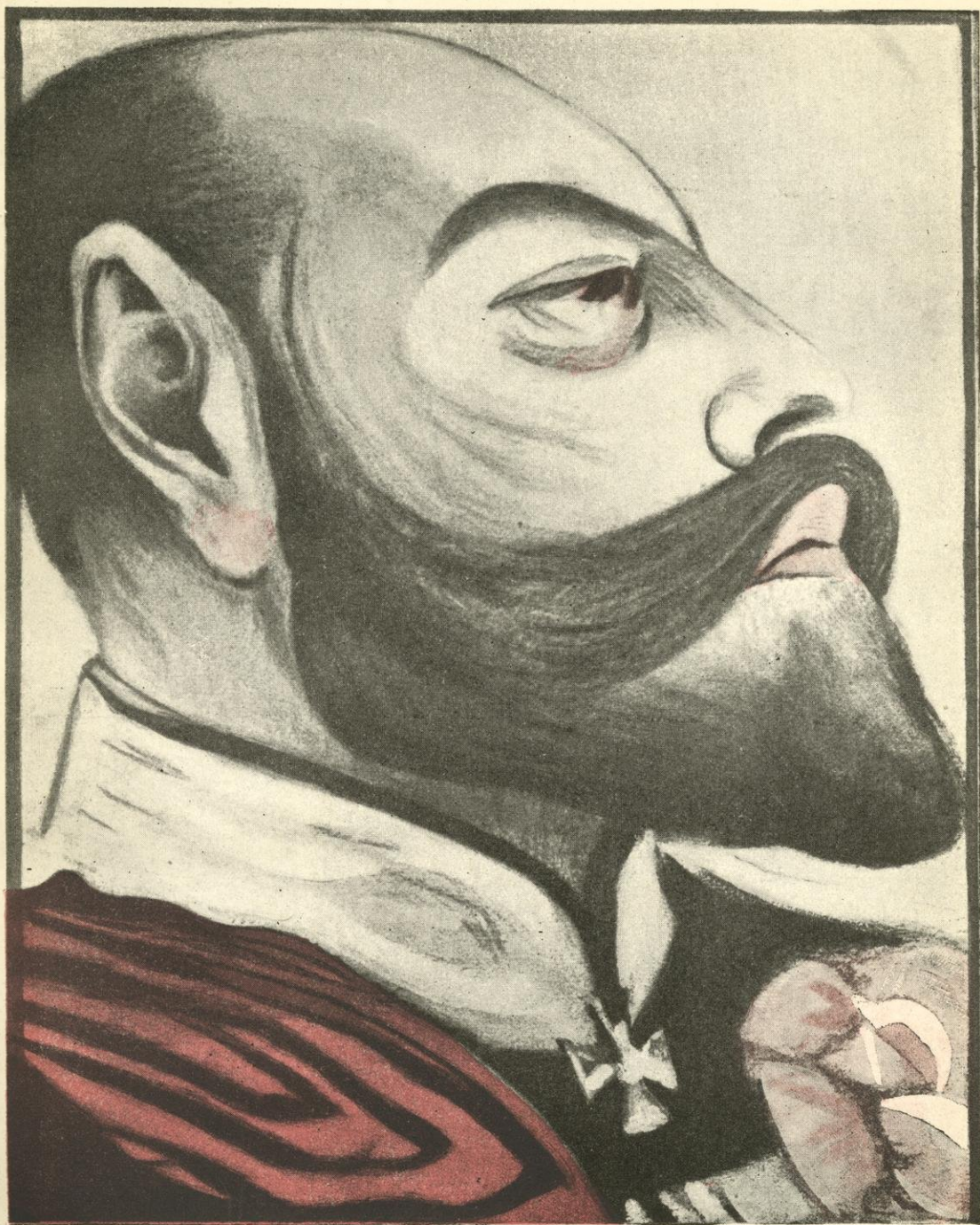
(„Анчар“, 1906, № 1.)

(„Спрут“, 1906 г., № 5.)

ВЕСТИ И СЛУХИ.

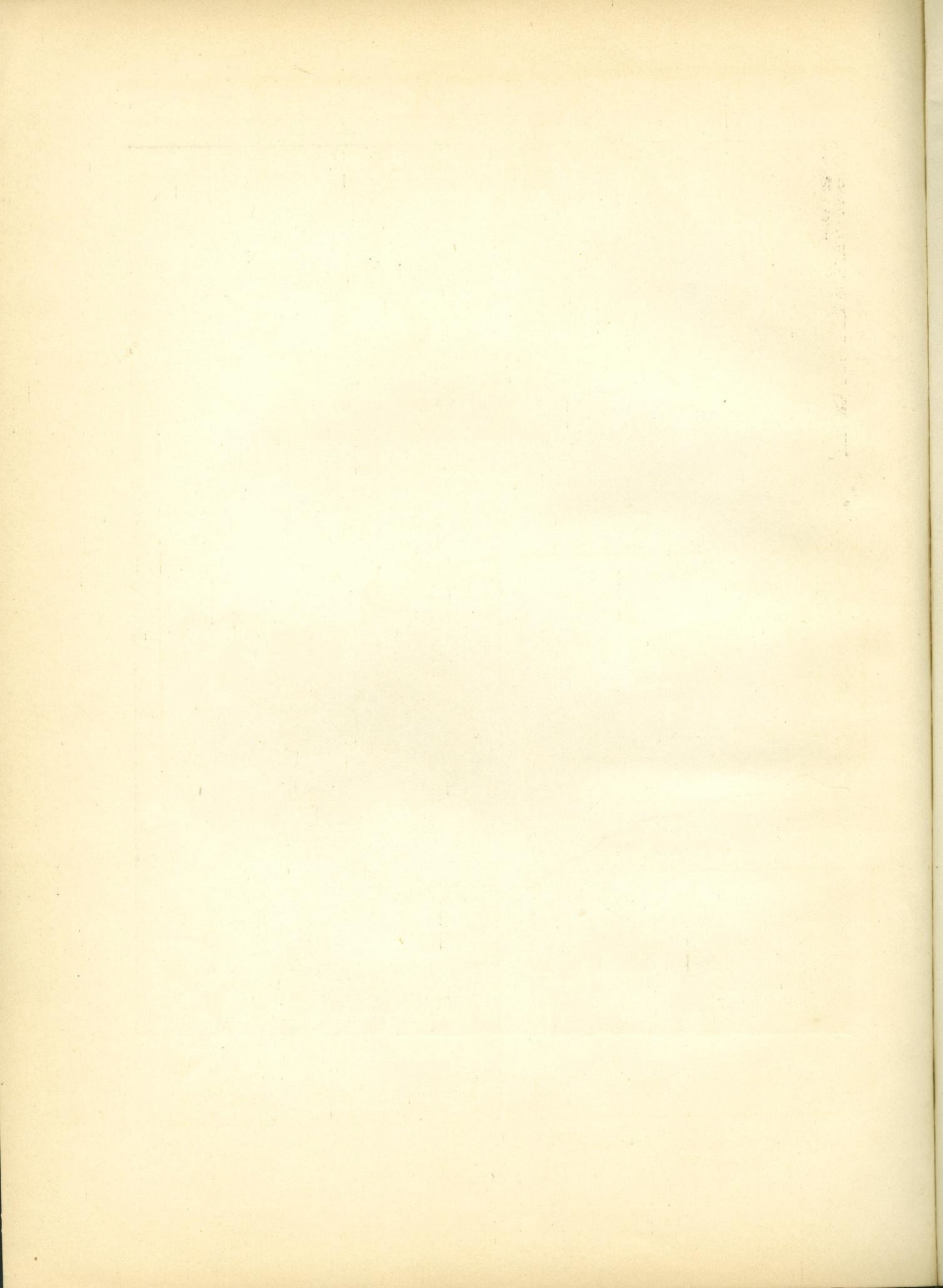
Сообщают, что господин Дурново намерен
 начать энергичную борьбу со всем „красным“.
 1) „Краснолесье“ повсеместно в империи
 вырубается, полученные дрова идут на отопление
 квартиры министра.

ТРЕПОВ.

(„Адская Почта“, № 3 — „Олимп“ — 1906 г.).

Рис. 3. Гржебина.

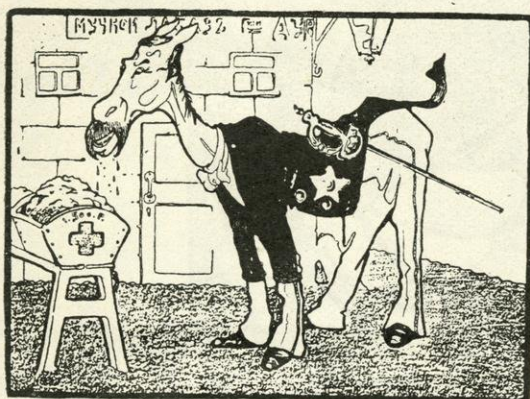

П. Н. ДУРНОВО: Меня химической обструкцией не запугаешь.
Я сам — химическая обструкция на всю Россию.

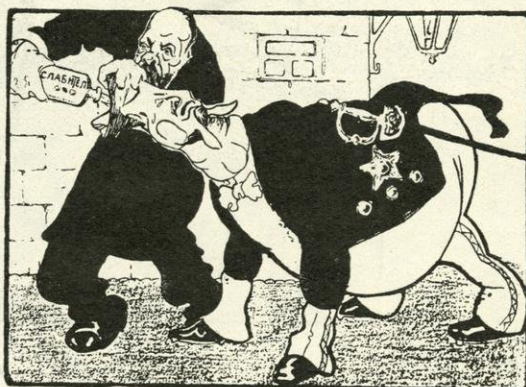
(„Стрелы“, 1905 г., № 5.)

Рис. Ре—ми.

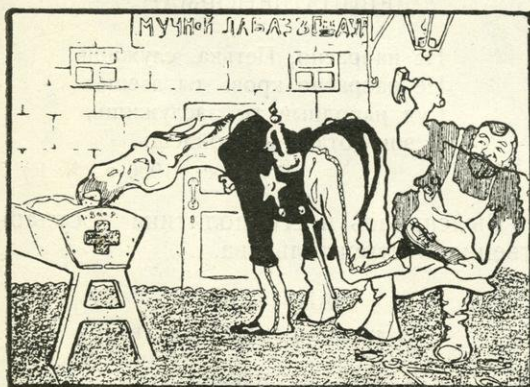
ОТ КОРЫТА ДО ЭШАФОТА.

Овес полезен для моего здоровья... Только не увидел бы Стахович...

Батюшки, об'елся... Родимые, лопну...
Выручай, Витте!..

Доканали - таки шелкоперы, бумагомаратели
проклятые!..

Так и есть! подковал фармазон!
(„Стрелы“, 1905 г., № 7.)

— Такой маленький, а такой злой и так пыжится!..

(„Спрут“, 1906 г., № 12.)

Рис. Баяна (А. Юнгер).

2) Все „красны девицы“ немедленно арестовываются и доставляются на... для непосредственного определения более виновных, то-есть более „красных“.

3) „Красные носы“, приобретенные хотя бы и при благосклонном участии казенных винных лавок, мерами полиции, при обязательном содействии более дюжих дворников, перекрашиваются немедленно в синий цвет. Недовольные цветом окраски их обладатели на квартиру министра с жалобами не допускаются.

4) В виду того, что стыд обладает свойством вызывать краску на лице, настойчиво рекомендуется забыть всякий стыд.

(„Пули“, № 4, 1906.)

Харон.

В АЛЬБОМ (ЭКСПРОМТ) ПИСАЛА ДЕВИЦА ЛЕНОРМАН.

Не напрасно, Петька, служишь,
Не напрасно кровь ты льешь:
Суд народный ты заслужишь,
С эшафота в ад пойдешь.

(„Гудок“, 1906 г., № 1.)

Выяснилась и его политика государственного строительства.

НАШИ ДНИ.

(Из дневника сына отечества.)

Обыск, провокация,
Грязный монолог.

Арест, конфискация.
 Суд... Тюрьма... Залог.
 Произвол, полиция,
 Злоба, торжество...
 Pereat iustitia,
 Fiat Durnowo!
 Школа лицемерия,
 Плевенский язык,
 Стачка... жандармерия...
 Забастовка, штык.
 Черная милиция —
 Сто на одного!
 Pereat iustitia,
 Fiat Durnowo!
 Голод, разорение...
 Подлая игра.
 Новое творение
 Графского пера.
 „Правых“ коалиция,
 Козни, кумовство...
 Pereat iustitia,
 Fiat Durnowo!
 Думы государственной
 Неизбежный срам,
 Шопот благодарственный
 „Доблестным войскам“.
 Шаткая позиция
 Графа самого...
 Pereat iustitia,
 Fiat Durnowo!

Lolo (Мушштейн).

(„Стрелы“, 1906 г., № 8.)

ДВА ПЕТРА.

Для входа в рай из тьмы —
 Ключи Петра...

(Святого).

Чтоб дверь открыть тюрьмы,
 Ключи Петра...

(Дурного).

Жак.

(„Зарницы“, 1906 г., № 5.)

ЗАГАДКА.

В. — На чем держится нынешняя реакционная
 политика?

О. — На семи устоях — глаголах:

- ? рать.
- ? бивать.
- ? езать.
- ? ауськивать.
- ? бещать.

? рать.

? бманывать.

Во избежание привлечения редактора к ответственности согласно новому закону о свободе печати, редакция нашла необходимым заменить начальные буквы слов вопросительными знаками. Догадливости читателя предоставляется заменить знаки соответствующими буквами, что дает загадке решение и единство смысла семи устоям.

Примечание. Имена приславших верное решение в редакцию „Спрута“ не будут опубликованы, в виду того же закона о свободе слова. O'V'O'H'd'Λ'Π
 („Спрут“, 1905 г., № 1.)

— И на солнце есть пятна, — сказал Дурново, посмотревшись в зеркало.

(„Вампир“, 1906 г., № 9.)

(„Стрелы“, 1905, № 6.)

В разгар правительственных репрессий, в марте 1906 г., в дни казни лейтенанта Шмидта и др., устроил П. Н. Дурново — бал. Сему знаменательному событию посвящена:

СТИХИРА БАЛЬНАЯ.

Исполняется на фестивалях господ министров внутренних дел, — не задолго до переселения оных из мира земного в мир небесный.

Давид играше,
 Давид скакаше
 Перед ковчегом
 Веселыми ногами.

(„Спрут“, 1906 г., № 3.)

Дурново играше,
 Дурново скакаше
 После расстрелов,
 Перед гробами.
 Министры не приехали,
 Послы заболели,
 Дамы не хотели.
 Ох, бал, бал, бал!
 Лучше б ты не бывал!
 Без министров, без послов,
 Праздник все же был готов.
 Гости наезжали,
 С усами, с усами,
 Гостей угощали
 Овсами, овсами.
 Дурново увещевал,
 Чтобы каждый ликовал:
 — Веселися, пристав,
 Радуйся, подчасок,
 Ходи живо, сыщик!
 Шевелись, брандмейстер!
 Поспешите, дворники!
 Танцуй, околоточный!
 И не унывай, жандарм!

Ал. Амфитеатров.

Париж, март 1908 года.

(„Акафист и стихиры“, изд. „Красное Знамя“.)

— С чего вы взяли, что Дурново воспитывался в лицее?

— А как же. Что он ни сделает, все у него выходит полицейски.

(„Стрелы“, 1906 г., № 9.)

Кажется, никого так дружно и так горячо не уговаривала печать „уйти“, как Дурново.

„Зритель“ выпустил „экстренный выпуск“ 24 ноября 1905 года со статьей: „Мы требуем увольнения П. Н. Дурново“.

„Волшебный Фонарь“ писал (1905 г., № 2):

Если у вас есть совесть, — подавайте прошение об отставке.

„Стрелы“ в № 5, 1905 г., настаивали:

УХОДИ!

(Романс.)

Пусть сияют кресты
 На холодной груди...
 Но кровавой мечты
 Не буди!.. Уходи!..
 Скоро пять уж недель,
 Как, Россию губя,
 Министерский портфель
 Опьяняет тебя...
 Мы не ждем ничего
 От тебя впереди...
 Господин Дурново,
 Уходи! Уходи!

Л. Московский.

(„Стрелы“, № 5, 1906 г., 27/XI).

А в № 9, 1906 г., те же „Стрелы“, отчаявшись в воздействии человеческих увещаний, прибегли к помощи „магических“ анаграмм:

Пророчество о Дурново. Так говорит наука слововерчения:

„Вон, урод!“.

Квак.

Однако и „магия“ не помогла. Осталось одно средство — применить урок Трепова:

Для дурново: „Патронов не жалеть!“.

Евг. С-о.

(„Гвоздь“, 1906 г., № 6.)

УГОЛ ЗАГОРОДНОГО ПРОСПЕКТА И ГОРОХОВОЙ.

Уборка раненых и убитых — жертв произвола солдат лейб-гвардии Семеновского полка.

Трепов.

Трепов, — „генерал“, что чином был выше „полковника“, — не был обойден вниманием сатиры. Ему в уста вложена была

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ.

(Музыка г.-м. Трепова.)

Спи, младенец, год за годом,
 Баюшки-баю;
 Четырем твоим свободам
 Я отходную спою.
 Я писать указы стану
 Твердою рукой,
 Дам покой тебе, смутьяну,
 „Со святыми упокой“.
 Если мало эскадронов,
 Слабо хлещет плеть, —
 Для тебя я и патронов
 Не хочу жалеть.
 Приложу к тому все силы,
 Чтоб создать покой:
 Нет покойнее могилы —
 „Со святыми упокой!“.
 Я из дядек буду старшим,
 Вот тебе мой сказ,
 И наклею над монаршим
 Треповский указ:
 Там — свобода „арестантам“;
 Здесь — свободным крест.
 Разъясню манифестантам
 Царский манифест.

Хороните павших с миром,
 Говорите речь, —
 Ей в ответ, сливаясь с клиром,
 Прогремит картечь.
 Брызнет кровь по ленте красной,
 Потечет рекой...
 Спи, младенец мой прекрасный,
 „Со святыми упокой!“.
 Я — порядка оборона,
 Всюду озарю
 Светом факела Нерона
 Конституции зарю.
 Спи, дитя, под сводом склепов,
 Нас не беспокой;
 Пропоет свободе Трепов:
 „Со святыми упокой!“.

Бой-Кот (О. Чюмина).

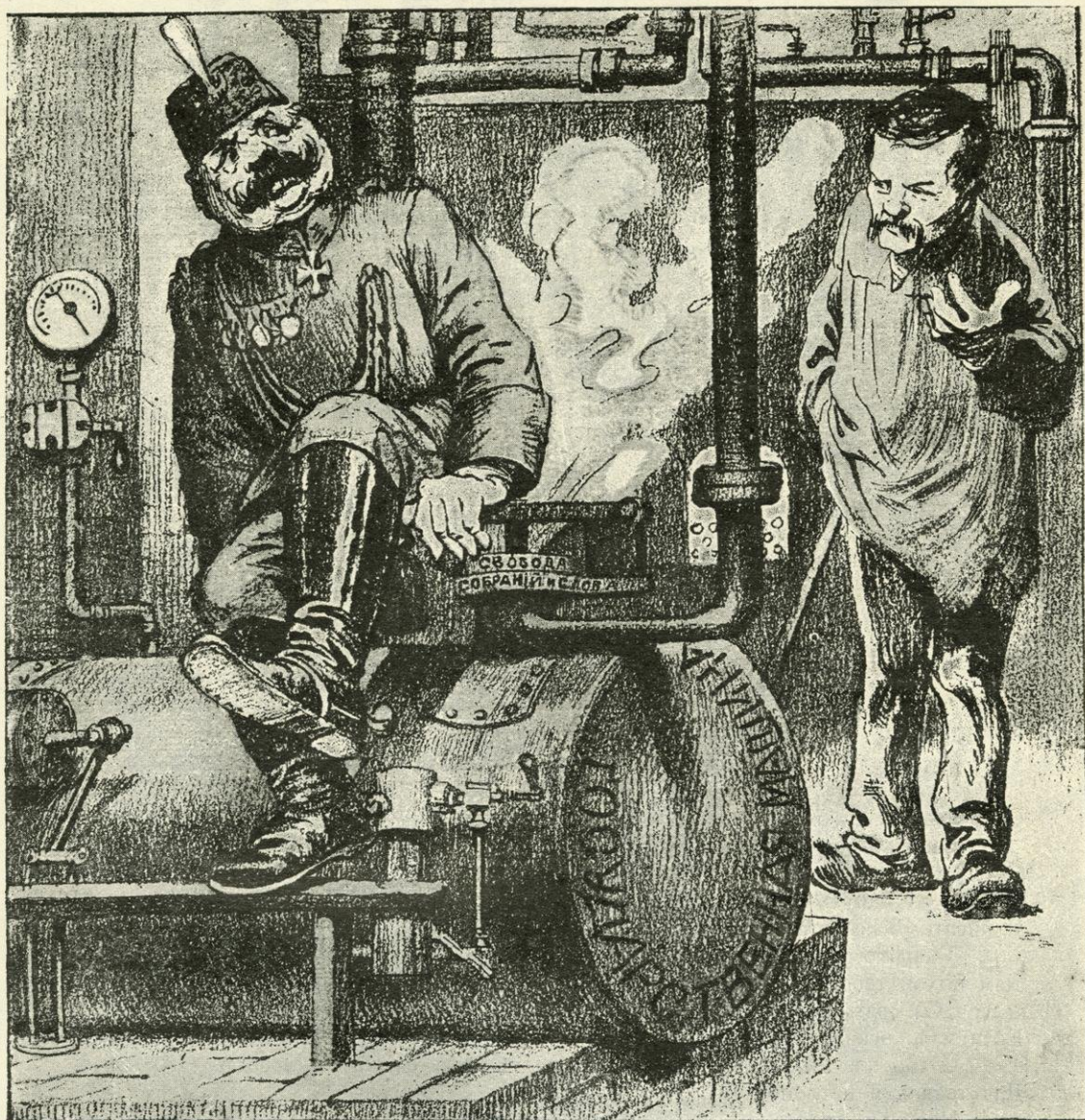
(„Песня о четырех свободах“, 1906 г.)

О нем поступали телеграммы из-за границы:

Берлин. По словам немецких газет, при переезде границы с русских государственных деятелей погромного периода берется подписка об обязательном ношении ими намордников во все время пребывания их в Германии, где, хотя хулиганов и своих много, но таких все-таки нет. При проезде Трепова по улицам Берлина матери прятали детей.

А. Б.

(„Клюв“, № 2, 1905 г.)

— А вы бы, ваше благородие, клапан-то отпустили. Неровен час—машину взорвет...
 — Что, взорвет?! Ну-ка, пусть попробует!.. Я ей взорву...

(„Вампир“, 1906 г., № 6.)

Рис. Л. Евреинова.

„Генерал Трепов, — писал „Правительственный Вестник“ — учреждает шесть стипендий для детей рабочих, убитых 9 января“.

Почему же только 9 января? А 18, 19, 20, 21 и т. д. октября? А...

Генерал Трепов (пряча кошелек). — Я против всеобщего образования в России...

(„Сигнал“, 1905 г., № 1.)

РУССКАЯ РЕАКЦИЯ СНОВА В ПЛЯС ПУСТИЛАСЬ.

(„Der Wahre Jakob“, 1906 г.)

Рис. А. Иванова.

Когда же потоки крови, пролитой по треповскому настоянию в Петербурге и Москве, заставили камни возопиять, снят был „генерал“ с должности генерал-губернатора в столице и назначен „на пост“ дворцового коменданта. И встал перед „обновленной“ Россией вопрос.

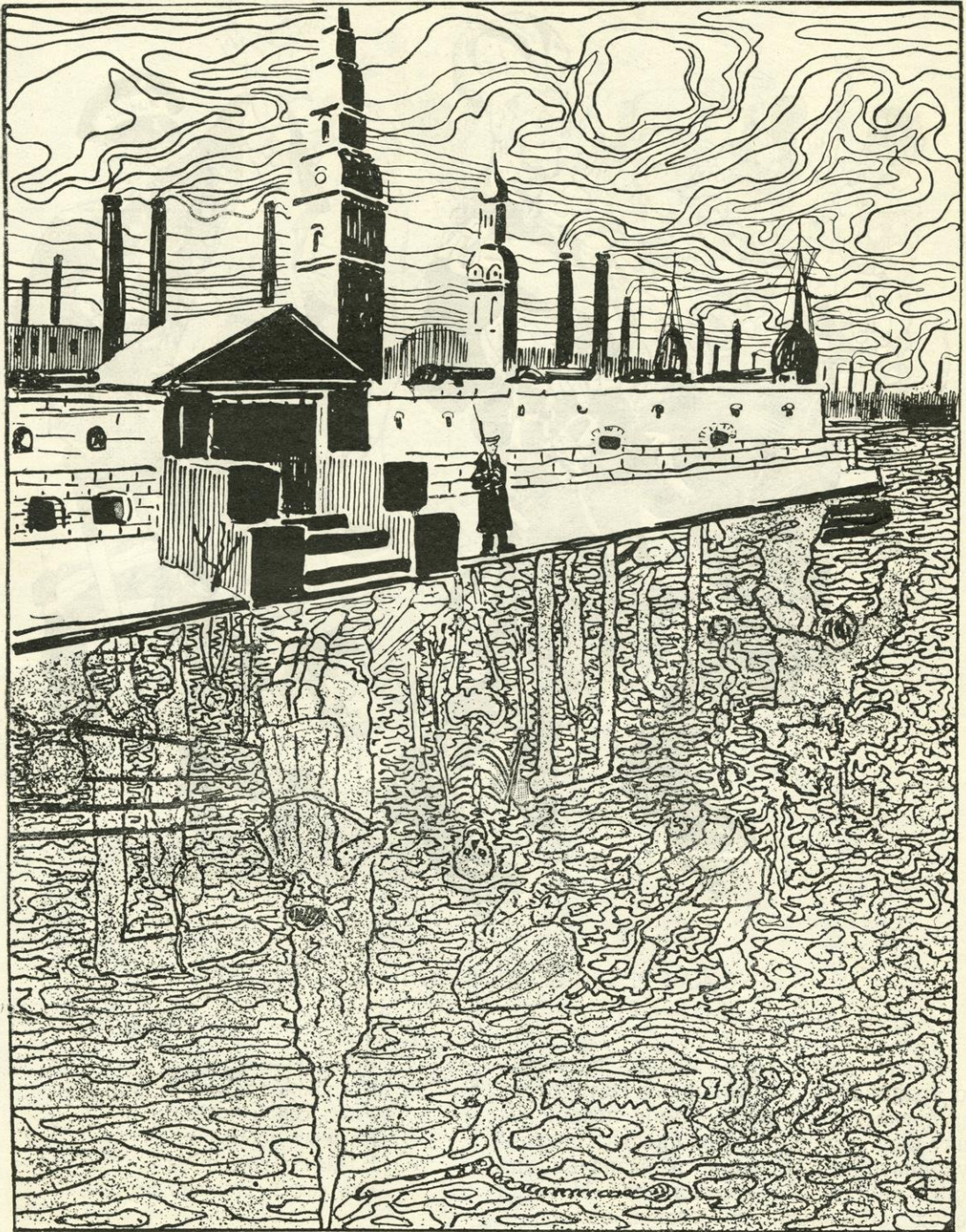
КТО ОН?

Организатор смут,
Патронов истребитель,

Реакционный кнут,
Погромов вдохновитель...
Ушел сей молодец,
Насилия поборник;
Назначен во дворец,
Как самый старший дворник.

— р — р —

(„Паяц“, 1906 г., № 1.)

ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ НЕВА ВСЕ ОТРАЗИЛА, КАК В ЗЕРКАЛЕ. (Говорящие тени).

(„Волшебный Фонарь“, 1906, № 1.)

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ.
„От Кавказа до Алтая — от Амура до Днепра...“

(„Спрут“, 1906, № 13.)

Рис. А. Г.

Высшая школа.

Генерал-майор Трепов был искренен, когда говорил: „Я против всеобщего обучения в России“. Его стараниями празднование годовщины Петербургского университета в 1906 году приняло необычайно торжественный характер:

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПРАЗДНИК.

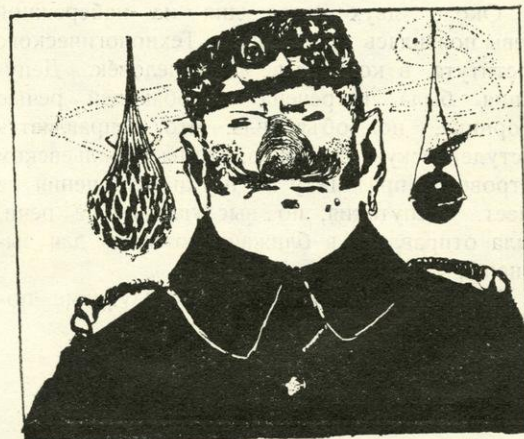
(Хроникерский отчет.)

8-го февраля Петербургский университет праздновал 87-ю годовщину своего учреждения.

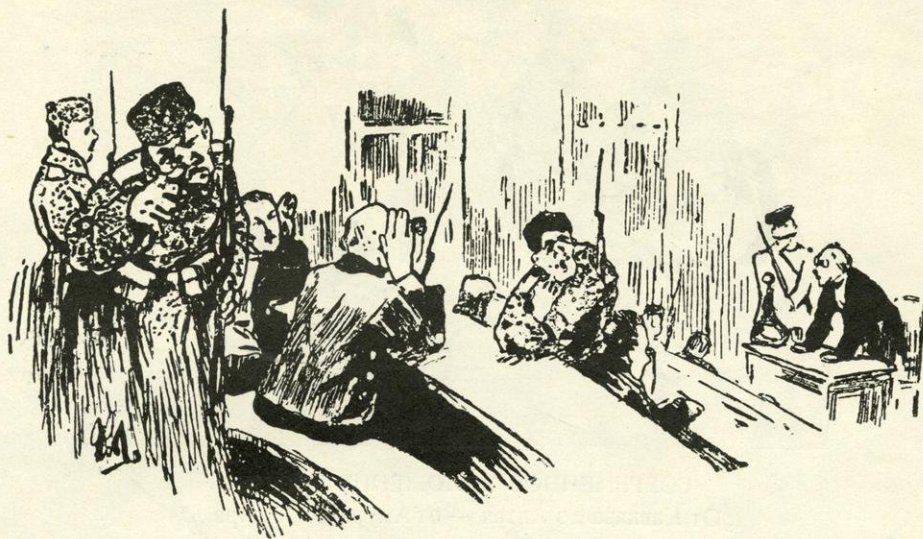
Университетское торжество удалось как нельзя лучше. С раннего утра городовые,

(„Фонарь“, 1906 г., № 1.)

(„Обрыв“, 1907 г.)

АВТОНОМНАЯ ЛЕКЦИЯ.

(„Пулемет“, № 5.)

Рис. А. Иванова.

охраняющие вход в главное здание университета, надели белые нитяные перчатки.

Всем нижним чинам, отбывающим караул в аудиториях университета со времени объявления его автономным, выдано было по чарке водки. В двенадцать часов дня на дверях университета был торжественно повешен последний бюллетень о состоянии здоровья профессора Тарле. Что касается приват-доцента этого университета Бориса Никольского, то ни бюллетень о нем, ни он сам еще не повешены.

Около двух часов дня на набережной Невы появилась депутация от Технологического института, в количестве двух человек. Депутация была встречена подобающей речью дворника, но объяснила, что направляется в студенческую столовую, что на Васильевском острове, к празднику же науки отношения не имеет. Депутация, по выслушании ее речи, была отправлена в ближайшую часть для выяснения личности...

В течение дня получены следующие поправительные телеграммы:

Из Минска:

„Приветствуем Alma mater.

Выпуск 1904 года“.

Из Красноярска:

„1265 студентов шлют привет товарищам“.

Из Олонецкой губернии:

„Мысленно с вами.

Бестужевки“.

Из московской Бутырской тюрьмы:

„В Татьянин день объявили голодовку, объявляйте и вы.

Выпуск 1903, 1904, 1905 годов.“

Из Крестов (городская):

„Голодаем“.

Из Пересыльной (городская):

„Голодаем“.

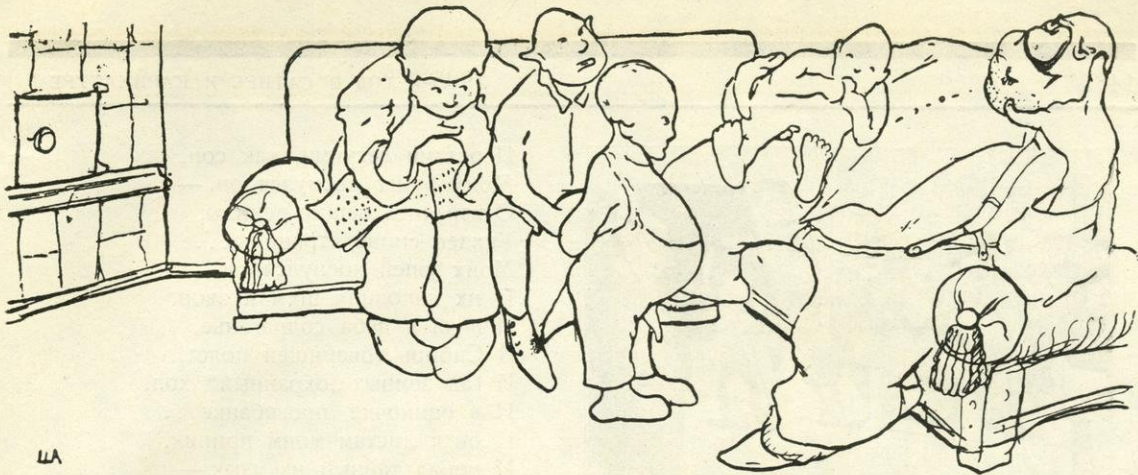
Кроме того, получено множество телеграмм из Киева, Харькова, Казани, Одессы, Риги и др.

О. Д.

Р. С. Похороны членов депутации Технологического института состоятся на-днях. Пристав и околоточный надзиратель просят никого в их смерти не винить.

Д.

(„Зарницы“, 1906 г., № 9.)

ЦА

У меня четыре сына... В нынешнее тяжелое время я буквально не знаю, какую избрать для них карьеру. Квѣмъ бы ихъ сдать?..

бщественными дѣятелями—
изъ повѣсить на фонаряхъ.

Телеграфистами—на теле-
графномъ столбѣ.

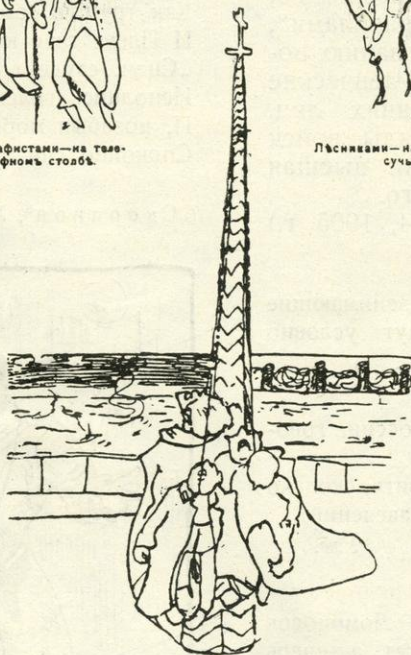
Лѣсниками—на древесныхъ
сучьяхъ.

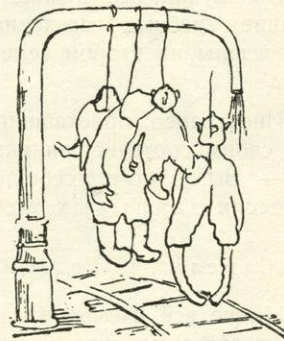
Помѣшканья—на воротахъ..

Матросами—на реяхъ.

Студентами... брр... даже страшно вспомнить.

Железнодорожниками—на водокачкѣ.

Итакъ... Я ихъ сдаю путешественниками въ Сахаръ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, не изъ чѣмъ бѣшать людей...

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ.

(„Szkoprek“, № 2, 1906, г. — Варшава).

Высшие учебные заведения Москвы и Петербурга были закрыты с октября месяца, так как, ссылаясь на автономию, данную им „временными правилами“, отказались подчиниться требованию полиции о недопущении на студенческие сходки и митинги посторонних лиц. Место студентов заняли наряды войск и полиции. В таком состоянии высшая школа пробыла довольно долго.

Не даром „Стрелы“ (№ 4, 1905 г.) писали:

По слухам, все нижние чины, занимающие высшие учебные заведения, будут условно переведены на второй семестр.

А

Иностранец, приехавший из России, говорил своим соотечественникам:

— Вы не можете себе представить, сколько в России закрытых учебных заведений!

Уж.

(„Стрелы“, 1905 г., № 2.)

Нынче всё навыворот: раньше Ломоносов из Архангельска шел в университет, а теперь Ломоносовых из университета отправляют в Архангельск.

Саша Черный.

(„Маски“, 1905 г., № 5.)

СТУДЕНТ.

Духовной жаждою томим,
Я в храм науки потащился, —
И шестиглавый херувим
В моей квартире появился...

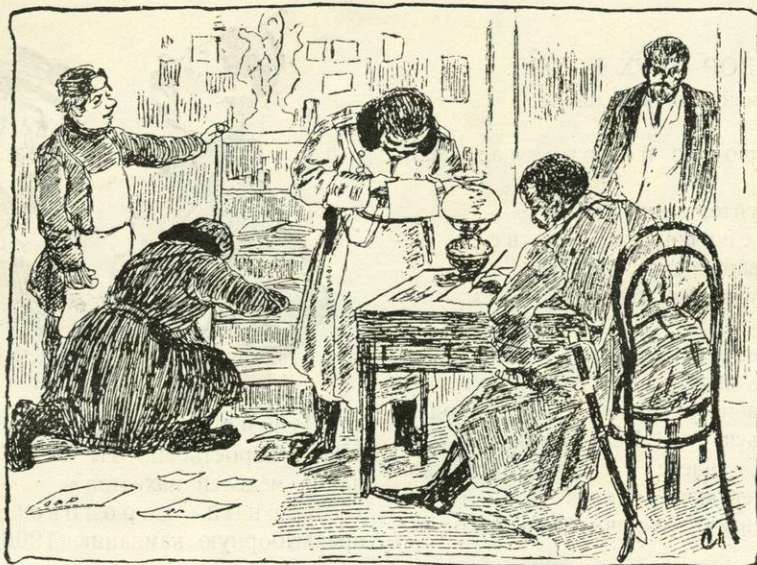
Перстами легкими, как сон,
Моих бумаг коснулся он, —
Отверзлись вещие зеницы,
Увидев синие страницы...
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон,
И внял я неба содраганье,
В Сибирь товарищей полет,
И гад земных „охранный“ ход,
И в одиночке прозябанье...
И он к листам моим приник,
И понял тайный их язык —
И празднословный и лукавый...
И жалом гадкие змеи
Бумаги, письма все мои
Скрепил десницею кровавой...
И он мне жизнь пресек пером,
И вот, когда я рот разинул
И все еще объят был сном, —
Меня в темницу он водвинул...
Как труп, в темнице я лежал,
И Плеве глас ко мне воззвал:
„Сиди, студент, не виждь, не внемли,
Исполнишь волею моей —
И, позабыв моря и земли,
Спокойно спи в тюрьме своей...“.

А. Евлахов.

(„Скорпион“, № 1, 1906 г.)

(„Водоворот“, 1906 г., № 1.) Рис. С. Прохорова.

(„Водоворот“, 1906 г., № 3.)

Рис. С. Прохорова.

ВОЛШЕБНАЯ НОЧЬ, ИЛИ НЕПОНЯТНЫЕ
ВЕЩИ.
(Обыск.)

Утром все стояло чинно,
Так же чинно, как всегда,
Тикал маятник невинно:
Тик туда и тик сюда.
Книжный шкаф с рядами полок...
Переплеты разных книг...
На кровати чистый полог...
На рояле новый Григ...
Ночью страшное случилось:
Стол стал ящички ломать,
Без матраца очутилась
И без полога кровать.
Поскакали с полок книги,
Зашуршали в них листы,
Отпечатались на Григе
Грязнобурые персты.
Застонали струны слезно,
Стул стал плакать без ноги,
И застукали серьезно
По паркету сапоги.
Заругались с кем-то шпоры,
С каждым мигом злей и злей,
И обиженные шторы
Оборвались с костылей.
На заре у двери ручкой
Прогремел ряд рукавов

И грозил тужурке взбучкой
Запах новых сапогов.
А когда взглянуло солнце
В позабытый портмоне,
Там уж не было червонца,
А обоев на стене.

Потемкин.

(„Журнал Зритель“, № 1, 11/I 1906 г.)

Репрессии по адресу студентов-демонстрантов начались на другой же день по опубликовании „манифеста“. Одним из первых разгромов было столкновение у Технологического института 18 октября. При попытке полиции рассеять митинг произошел форменный бой безоружных демонстрантов с Семеновским полком. Как известно, Семеновский полк в декабрьском восстании 1825 года стоял на стороне революционеров. Отсюда вопрос:

— Далеко ли от Сенатской до угла
Гороховой и Загородного?
— Как сказать? Семеновский полк шел
без малого 80 лет.

Квак.

(„Спрут“, 1905 г., № 1).

РАЗГОВОР ДВУХ КОБЫЛ.

(У водопойной колоды.)

Кобыла просто неприятная (жандармская):

— Здравствуйте, душечка!

Кобыла неприятная во всех отношениях (гвардейская):

— Здравствуйте, милочка.

(Обнюхиваются.)

Ж. — Орудуете?

Гв. — О, да, милочка!.. Я так рада, что наконец представился случай и нам, гвардейским, отличиться... Enfin nous voilà à la guerre. Вы знаете? Я уже заслужила почетную георгиевскую попону!..

Ж. — Поздравляю, душечка. За какое же дело?

Гв. — За лихую атаку при...

Ж. — При Сен-Прива-Ла-Монтань?

Гв. — Нет, при Сен-Ная Хулигань. Кроме того, я участвовала в кавалерийском рейде под Горным...

Ж. — Дубняком?

Гв. — Нет, под Горным институтом, милочка, и под Технологическим, против...

Ж. — Хунгузов?

Гв. — Vouopz, милочка, что вы!.. С хунгузами даже глубокая армия не могла справиться: какой же смысл нам, блестящим, с ними сражаться?! Поэтому мы специализировались на профессорах, на студентах и вообще, — простите за выражение, — на интеллигенции.

Ж. — Конечно, кроме профессоров и студентов училища Правоведения?

Гв. — Ах, конечно, милочка. Какие же они интеллигенты: они даже на митинги не ходят, чтобы не замарать честь своих брюк; это просто паиньки в треуголках...

Ж. — Не знаю, как вы, душечка, а я реформами очень довольна.

Гв. — О, да! Особенно приятен усиленный паек за наряды и патрули, милочка!

Ж. — Го-го-го!..

Гв. — Ги-ги-ги!..

Дружески обнюхиваются и скачут по тротуару, давя женщин и детей.

Термидор.

(„Зритель“, 1905 г., № 19.)

Пеший городской. — „За усердие“! „За храбрость“?! Ты это в какой же кампании медалей нахватал?

Конный городской: В славную предвыборную кампанию 1906 года...

(„Пчела“, 1906 г., № 5.)

Следствием подобных подвигов „кобыл“ явились и такого рода вопросы:

Профессор — „Какие вы знаете болезни с безусловно смертельным исходом?“

Студент — „Интеллигентность и иудейство, профессор.“

(„Стрелы“, № 3, 1905 г. 13/XI.)

В „лихой атаке“ под Технологическим корнет Фролов нанес профессору Тарле удар по голове шашкой.

* * *

Лишь обагрят руки
В крови профессоров,
Иметь касательство к науке
Способен юноша Фролов.

(„Сигнал“, 1905 г., № 1.)

Если корнет Фролов командует „Марш!“, то профессор Тарле, читая наоборот, знает что это „шрам“.

Ц.

(„Зарницы“, 1906 г., № 3.)

В Петербурге пострадал профессор Тарле, а в Москве пристав Ермолов убил приват-доцента Воробьева за то, что тот оказывал помощь раненым.

ХРИСТОЛЮБИВОЕ ВОИНСТВО!

(„Пулемет“, 1906 г., № 3.)

Рис. Грабовского.

— Ты как смел рот раскрыть? Ты, может быть, протестовать хочешь? Да я тебя... Да мы тебя...

(„Волшебный Фонарь“, 1905 г., № 3.)

Рис. Гамлета.

* * *

У пристава Ермолова,
Ей-богу, лоб из олова!
В азарте „оловянном“,
Бессмысленном и странном,
Достойном лишь Фролова,
Убил он Воробьева...

За подвиг сей и труд
Он отдан был под суд.
Но суд, властям в угоду,
Дал приставу свободу...

У пристава Ермолова
Коль лоб отлит из олова,
Какой тогда металл

На лбы судей попал?
Болтали их соседи,
Что, мол, те лбы из меди...

Другие же шли вести,
Что будто лбы из жести...
Но дело-то не в том:
Когда с подобным лбом

Судья стоит у власти —
Нет хуже той напасти!..

(„Маски“, № 1, 1906 г.)

В связи с новым подходом к делу просвещения изменился и текст учебников. Так в учебнике французского языка помещено было следующее

Упражнение. Эта конституция, довольны ли вы ею, дети? Да, господин, мы ею очень довольны, и каждый день отправляемся в больницу, где лежат наш добрый папаша и наша добрая мамаша. А ваш старший брат (братец), дети? Извините, господин, что он не говорит своего мнения о конституции, так как он уже похоронен.

Магазины, почему их заколачивают? Мы ждем манифеста, дети, о даровании свободы. Слышал ли ваш двоюродный брат холостые залпы? Нет, госпожа, наш двоюродный брат не слышал холостых залпов, но мой женатый дядя неожиданно лишился обеих ног. Был ли огорчен этим ваш женатый дядя? Да, весьма, госпожа, так как он стал ниже ростом, чего он не любит. Видела ли ваша любезная бабушка, как рота солдат отдала честь двум оборванным хулиганам? Да, полковник, она это хорошо видела. Эти угрюмые люди с трехцветным флагом, патриоты ли они? Да, они искренние патриоты, пострадавшие 9 января с участием присяжных заседателей...

(„Сигнал“, 1905 г., № 1.)

О. Д.

Действие „холостых снарядов“, от которых „женатые дядюшки становились ниже ростом“, было вскоре распространено на всю страну.

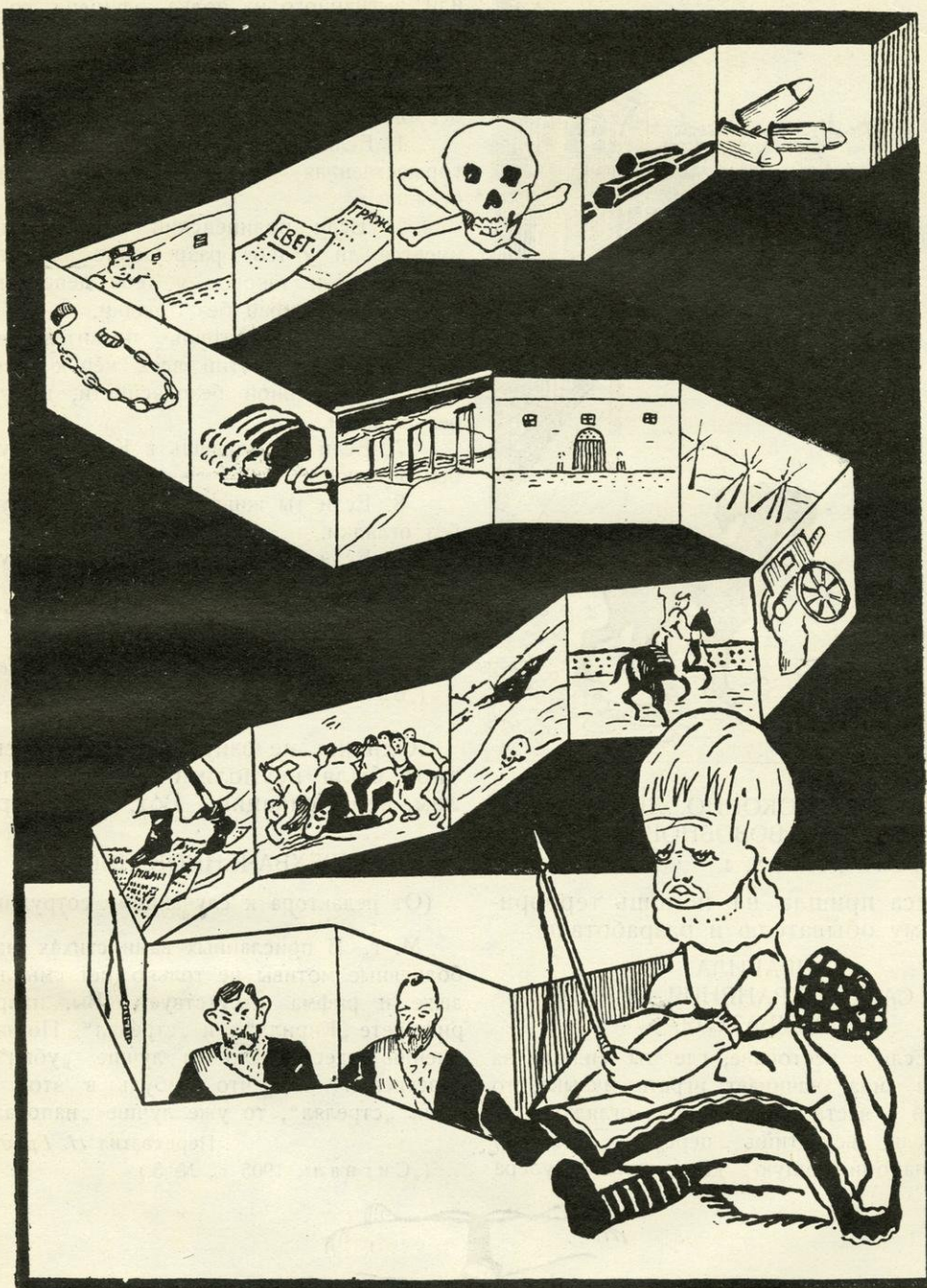
СТОЛИЧНЫЕ РИФМЫ.

В божий храм веду сестру ли —
Всё патрули да патрули!
В гости к дядюшке Петру ли —
Всё патрули да патрули!

Кучер громко скажет „Тпру“ ли —
Всё патрули да патрули!
Нос нечаянно потру ли —
Всё патрули да патрули!

Аполл. Рифмачев.

(„Зритель“, 1905 г., № 22.)

АЛЬБОМ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЫХ ГРАЖДАН.

(„Коса“, 1906, № 7.)

**В ГОРОДЕ СПОКОЙНО. ДВИЖЕНИЕ
НА УЛИЦАХ ВОЗОБНОВИЛОСЬ.**

(„Стрелы“, 1905, № 4.)

Пресса пришла на помощь терроризованному обывателю и разработала

**ПРАВИЛА
ДЛЯ САМОСОХРАНЕНИЯ МИРНОГО
ОБЫВАТЕЛЯ.**

1. Если в ресторане, где ты сидишь за бутылкой вина, начинает играть музыка, то вскакивай с места и удирай без оглядки.

2. Если встретишь персону, внешним видом напоминающую карточного шулера

или выгнанного из полка офицера, то поверачивайся и удирай без оглядки.

3. Если, проезжая на империале конки, заметишь герб на аптеке, то слезай и удирай без оглядки.

4. Если навстречу тебе мирно шествует торжественная процессия, то удирай без оглядки.

5. Если полицейский чин спрашивает, имеется ли у тебя разрешение на хранение револьвера, и такое у тебя действительно имеется, то удирай без оглядки.

6. Если прочтешь правительственное сообщение о принятии всех мер к обеспечению общественной безопасности, то удирай без оглядки.

7. Если ты живешь в Киеве, то удирай без оглядки.

8. Если ты живешь в Ростове, то удирай без оглядки.

9. Если ты живешь в Москве, то удирай без оглядки.

10. Вообще, во всех случаях жизни, удирай без оглядки.

Квак.

(„Вампир“, 1906 г., № 2.)

Однако, не взирая на все ужасы, сатира была неумолимо строга к правилам версификации. Вот, например,

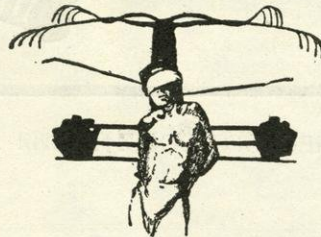
ПЕРЕХВАЧЕННОЕ ПИСЬМО.

(От редактора к случайному сотруднику.)

М. г. В присланных вами стихах на злободневные мотивы не только нет смысла, но даже и рифма отсутствует. Вы, например, рифмуете „Кирилл“... и „стрелял“. По нашему мнению здесь было бы лучше „убил“ или „застрелил“ или что-нибудь в этом роде. Если „стрелял“, то уже лучше „наповал“.

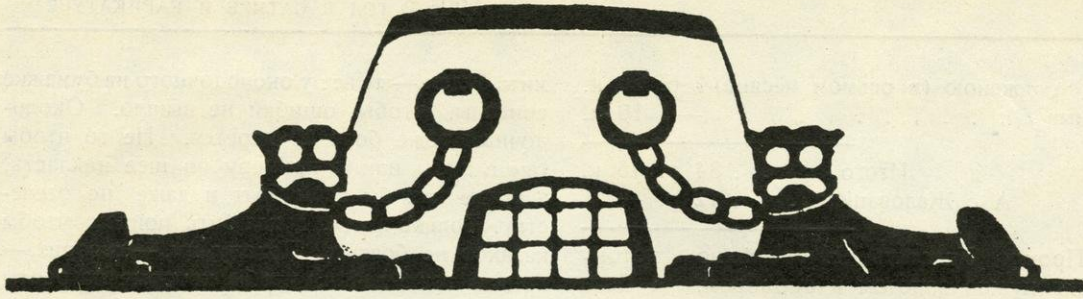
Перехватил *Н. Градов.*

(„Сигнал“, 1905 г., № 3.)

(„Маски“, 1906 г.)

Рис. А. Карева.

(„Маски“, 1906 г., № 9.)

Рис. Детерс.

Черная сотня.

Волна погромов, прокатившаяся по всей России тотчас же вслед за провозглашением свобод, обрушилась главной своей тяжестью на интеллигенцию и инородческое население, на евреев, армян и др. „Черная сотня“, возглавляемая „Союзом русского народа“, пользовалась полной безнаказанностью.

— Свет Пафнутий... слышал?
 Дьякон сообщал,
 Будто хулиганам
 Царь отставку дал...
 — Да! Держи карманы!
 Дьякон мелет зря:
 Чай, ведь, хулиганы
 Посильней царя...

Г. Э.-В.

(„Бурелом“, 1905 г., № 1.)

Что собою представляла эта „опора престола“, хорошо обрисовывает

СЧЕТ ПАТРЕОТА.

Господину пристапу — ской части от Бывшаго сына Кошевара и неизвестной Личности Женска Пола А также патреота отечества прѣлагая при сем прошу упла Тить как прочим

Щ о т.

За двухъ студѣнтов Технологиче-
 ского инсти — р. 40 к.
 Курсистку (с повреждением) . . . — „ 15 к.
 Конка — „ 6 к.

Разговоръ вобщественном мѣстѣ Ра-
 ди Отѣчества — р. 8 к.
 Разговоръ вобщественном месте Ради
 Отѣчества с упоминанием Ев-
 реевъ — „ 20 к.
 Конка — „ 6 к.
 „Ура“ на углу Гороховой и Мор-
 ской — „ 10 к.
 Тоже у Пяти Углов — „ 8 к.
 Тоже вѣчѣром трижды — „ 45 к.
 Тоже у Путиловского завода . . — „ 15 к.
 При сем получено в ухо — „ 30 к.
 Куплено мной на Пользу Отъче-
 840 №№, Русского Государ-
 ства“ по 5 коп. 42 р. 20 к.
 За чтѣние оных мною 1 р. —
 „ женою (Беременную) . 1 р. 50 к.
 При сем двое дѣтѣй Сырот . . . — „ 80 к.
 Понятой при обыске — „ 5 к.
 Тоже — „ 5 к.
 Тоже — „ 5 к.
 Тоже — „ 5 к.
 Тоже с приложен шапки караку ¹ — „ 3 к.
 При Чем шапку отобрали В Участ-
 ке — „ 75 к.
 Честн. Свидетѣль по Делу „Новая
 Жизнь“ как прыказывали . — „ 8 к.
 „ „Начало“ . — „ 8 к.
 „ „Сын Отъче“ . — „ 8 к.
 Здесь же особо — „ 10 к.
 Тоже „Молва“ экстрѣно — „ 12 к.
 За крик „Долой“ при Чем 3 арѣ-
 сто по 25 к. — „ 75 к.
 Сами знаѣтъ — „ 16 к.
 За подпись Адреса (здесь) . . . — „ 40 к.
 „ „ (в Москву) . — „ 45 к.

¹ Намек на каракулевую шапку, украденную при обыске у писателя Д. С. Мережковского.

„ женою (в осьмом месяце) 1 р. 20 к.
Разныя — „ 10 к.

Итого 84 р. 45 к.
А с Жалованіем . . . 12 р. —

Прошу Уплатить Нипримѣнно потому
Очень нужно золотом и сѣрѣбром. А Если
обождают то несогласин Вовсѣ ищити другово.

Антон Чикильдѣв.

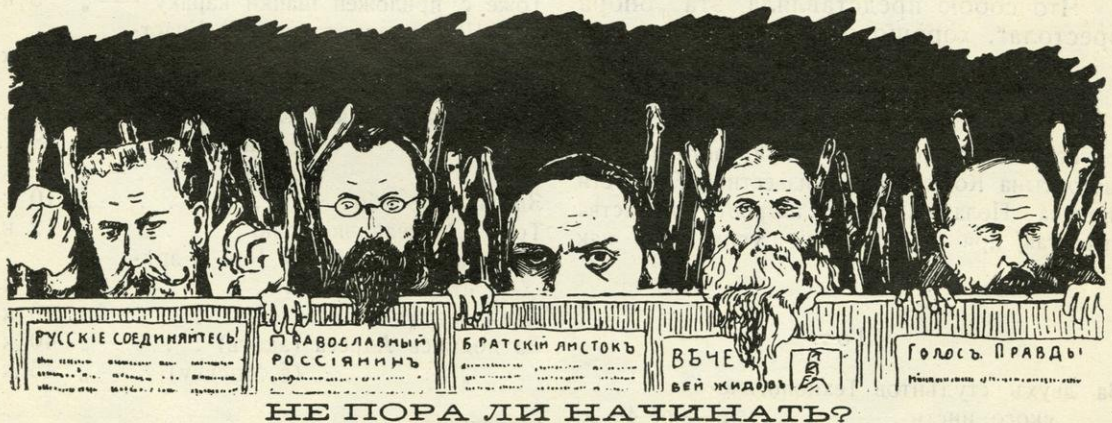
С подлинным верно: *Дымов.*
(„Зарницы“, 1906 г., № 9.)

ПИСЬМА ЧЕРНОСОТЕНЦА НА РОДИНУ.

Во-первых строках моего письма посылаю вам, дражайший родитель Кузьма Ерофеич, с любовью низкий поклон. А еще сообщаю вам, что боле пристав по морде меня не бил и даже совсем наоборот. — А сказал, что как ты, Фома, патриот, чтобы бил жидов и вообще студентов и что за это ничего не будя. И еще которые с красными флагами ходят, и тоже ничего не будя. И дал рупь денег. Кланяюсь еще дражайшей маменьке Марфе Капитоновне. И еще тетеньке Дарье Степановне. А студенты хотят, чтобы им воля была, что кто хочет, чтобы то и делать. А вперед того служили молебен и батюшка тоже объяснял по писанию, чтобы бить которые бунтовщики. И они хотят церкву ограбить. А мы того не дадим и которого поймает, тому живу не быть. Зачем бунтуете, сукины дети. Еще ученых господ, которые в очках, тоже сказано, чтобы бить. А которые лавки гро-

мить будем — те все у окологочного на бумажке списаны, чтобы ошибки не вышло. Окологочный тоже боле не дерется. Не то чтобы там в зубы или к примеру по шее накласть, а вроде как бы свой брат и даже по отечеству. Только велел, когда бить пойдем, чтобы казаков не бояться. Потому им, — говорит, — приказ тоже даден, чтобы которые патреоты и вообще священная охрана, чтобы значит и пальцем не могли. А чтобы немцев бить, на то разрешение еще не вышло, и мы не смеем. А поляков кто говорит можно, а кто говорит нельзя. И мы не знаем. И пристав не знает. Говорит, должно можно, потому такого приказу, чтобы их чертей, не бить, не было. А мы за Рассеюшку - матушку стоим и под студентом быть не хотим, а хотим под своим начальством. А мне сказал дворник: ты, Фома, будешь за десятского и тебе из казны выйдет револьверт. Вчера уж одного били, — потому черный, — да жаль уубег. А уже в воскресенье все пойдем. У меня дубина такая, что раз дам и башка пополам. И вино нам идет таперича от казны, только я пью мало. А которые охочи, те походя пьяные. И еще кланяюсь вам, дражайшие родители, батюшка Кузьма Ерофеевич и матушка Марфа Капитоновна, и пришлите мне родительское благословение ваше, навеки нерушимое и что из воли вашей никогда не выйду. Кланяюсь еще любезной тетеньке Дарье Степановне и еще супругу ихнему Фетису Иванычу. А затем прощайте. И я жив и здоров, чего и вам желаю.

Ваш сын, Фома Краснорожий, десятской.

(„Карандаш“, 1906 г., № 8.)

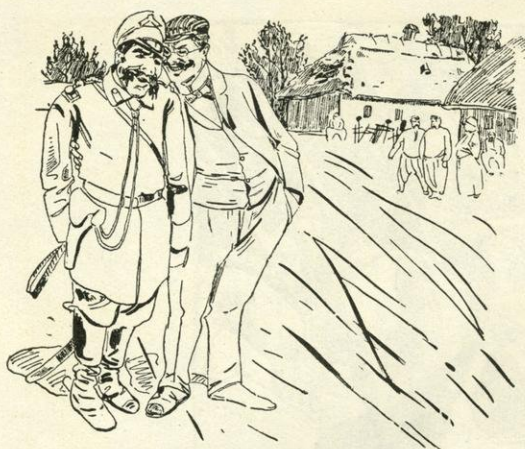

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ В ПОЛНОМ РАЗГАРЕ.

(„Вампир“, 1906 г., № 7.)

Второе письмо. В первых строках моего письма посылаю вам, дражайший родитель Кузьма Ерофеич, с любовью низкий поклон. Так что вышел один камуфлет: и теперича ничего неизвестно, а пристав опять по морде пуще прежнева. Я говорю, ваше скоблагородие, нешто вы имеете такое полное право, чтобы патреота по морде? А он, молчи, говорит, сукин сын, так тебя, да растак тебя, покелева цел. А не то, грит, я тебя через 24 часа по этапу на хулиганский манер. И стал выражаться. Из-за вас, грит, чертей кожанных, нам, грит, теперича доставается. Я к городовому нашему. Нешто, говорю, есть такой закон, чтобы опять по морде? А он (кум ведь он мне приходится): уходи, грит, по-добру, по-здорову, потому как, грит, нам приказано, чтобы которые желают студентов бить, значит, не допускать. А как же, говорю, даве велели бить? А так, грит. Даве велели, а ноне не велят. То был приказ, а нонче другой приказ. А тут околодочный

сзади. Ах ты, грит, толсторожий пес, мало тебя пристав в участке уму-разуму учил. Ты тут опять канителишься? Да как вдарит! Силища у его, что у нашего Ефрема кузнеца. Провалиться мне на етим месте—искры из глаз посыпались. Я к батюшке. К примеру, говорю, как же это, батюшка? говорили: сволочи они жиды эти самые и опять студенты и чтобы значит их бить и не сумлеваться. А ноне у меня у самого вся рожа в волдырях. А он грит: ты, чадо, меня не так, грит, понял. Я, грит, сказал, штоп по Евангелию, а штоп бить—я того не говорил. А ежели ты, чадо, упорствовать будешь, так я, грит, на тебя епитимью наложу. И ты, грит, окаянный грешник и ступай с моего дому долой, не то, грит, дворника позову, чтоп тебе ефиопу шею наkostenял, штоп ты знал, как с отцом духовным разговаривать надо, растаккой сын, прах тебя побери. Еле убог. Пошел к нашему старшему дворнику. Давай, говорю, левольверт или нож финский, чичас пойду студен-

СОДРУЖЕСТВО.

(„Шершень“, 1906 г., № 25 — 26. — Киев.)

тов резать... долго мне из-за них проклятых морду колотить будут! А он окромя прочих выражений раз мне в зубы, два мне в зубы, три мне в зубы. Коленкой под задницу значит во двор, а там подручный. Колоти его, грит, Микита, хулигана. Пристав сказывал, штоп их бить. И опять мне наклали. Пошел я, лег на сундук, сам лежу, а сам плачу. Так слезьми и обливаюсь. А у нас там, в молодцовской, старик один тоже ночует. Бывалый такой, лысый чорт. Так он грит: ты не плачь, Фома, придет еще, — грит — черед бить их проклятых. Даве, — грит, — один ихний из Адесты приехал и четыре тысячи без малого денег начальству скормил, чтоб значит погодить их бить. А как деньги пропьют, опять, грит, выйдет стало приказ, штоп бить их, и опять ты будешь десяцкой. И уж тогда, — грит, — семь ден будет дозволено бить, и только на восьмой штобы кончать, а то немецкий царь обиждается, потому, у него студент в первой чести, а жидам он деньги должен: мелион и сколько то тыщ...

Выходит дело, дражайшие родители, папенька Кузьма Ерофеевич и маменька Дарья Степановна, што надо погодить... А деньги, что дадены были в участке и что у хозяина занял, я все исхарчил, а чичас фершал велел, грит, бадаги да свинцовой, грит, примочки, а то, грит, до самого Рожества с кривой рожей проходишь. И глаз правый совсем затек, так что не видать даже сапоги одевать. И пришлите мне, дражайший папенька Кузьма Ерофеевич, хучь два целковых, а как

побьем жидов, то видит бог и чтоб мне дня не прожить, ежели я не отдам. А еще кланяюсь вам и еще тетеньке Арине Спиридоновне с супругом ихним Фетисом Ивановичем. Остаюсь жив и здоров, чего и вам желаю. А два рубля пришлите немедля, а то совсем даже разболелся, ломит всего и даже не ел.

Ваш сын Фома Краснорожий.

(„Стрелы“, 1905 г., №№ 3, 4).

Только на первых порах, когда принят был манифест за чистую монету, перепугались-было истинно-русские черносотенцы. Перепугалась-было и „охранная братия“.

ЗАПИСКИ ПРОВОКАТОРА.

Неприятная история. В высшей степени неприятная история... Думаю переселиться в страну, где царствует истинная свобода, в Австрию, что ли... Или в Турцию... Давеча пришел за инструкциями: „Пошли прочь, — говорят, — не надо вас!“ Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Выхожу на Невский, глядь — эта брюнетка идет, которую я в Кресты так ловко упрятал. Я на другой тротуар, гляжу — техник из „Предвариловки“. Я было хотел в подворотню шмыгнуть, а он тут как тут. „Здравствуйте, — говорит, — господин Николай «Золотые очки»“. Я, признаться, обомлел. „Не узнаете? — говорит. — А я так превосходно вас узнал. Спасибо за паспорт, который вы мне достали, и за деньги, которыми вы меня снабдили для переезда за границу. Надо будет нам теперь поквитаться“. Помахал этак палочкой около самого моего носа и пошел себе. Натурально, я весь в поту. Забежал к Доминику. Только это я взялся за кружку пива — сзади голос: „А, Николай «Золотые очки»! Как поживаете?“. Оборачиваюсь, ни жив ни мертв. Гляжу — Иванов из Петропаловки. „Ну что, — продолжает, — как ваша типография? Ловко вы однако тогда меня упрятали. Надо бы нам с вами счесться...“ Бросил кружку и бегом, а сзади смех, крики: „Лови его! Шпиона поймали!“ Не знаю сам, как очутился на Васильевском острове, почему-то в 9-й линии. Выходит — надо сидеть дома. Нечего сказать: положение...

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕРОИ.

(«Сатирическое Обозрение», 1906 г., № 1.)

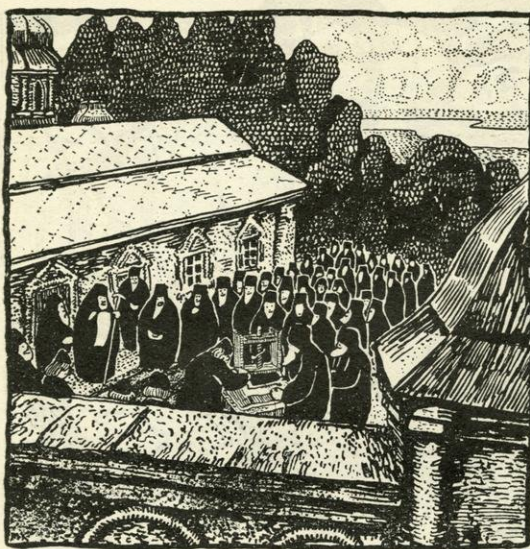
Рис. Беломорского.

Был опять „там“. Обнадежили. Обещают немедленную командировку в провинцию. Я представил резоны: как я могу действовать в Петербурге, когда „их“ всех выпустили? Ведь это, чорт возьми, кровью пахнет, не говоря уже о прочих неприятностях. Мне жизнь дорога. Я человек женатый. У меня и дети могут быть. „Он“ и говорит: „Физиономия у вас очень предательская. Легко запоминается“. Ну, однако, внял и обещал перевод. „Там, в провинции, люди теперь, — говорит, — нужны“.

Еду. Получил инструкции, рекомендательные письма, деньги. Задача — организовать повсеместно патриотические манифестации... Я развил мой проект: создавать противоположные течения среди плохо организованных рабочих и натравлять их друг на друга. Получил совершенно определенные инструкции насчет евреев. Завтра еду.

Проклятие! В вагоне столкнулся с другим Ивановым — из военной тюрьмы. И ведь как! Стою я на площадке. Один. Поезд на полном ходу. Отворяется дверь, и выходит из вагона Иванов. „А, — говорит, — Николай «Золотые очки»! Путешествуете? Куда изволите ехать? покажите-ка ваш билетец“. Я — отказываться. „Разве, — говорю, — я вам обязан отчетом?“. Вынимает из кармана револьвер и говорит одно слово: „Билет!“. Но так внушительно, что у меня рука сама полезла в карман. Посмотрел билет, отдал назад. „Хорошо“, — говорит. Повернулся и ушел. На первой же станции выхожу — он мне квитанцию показывает. „А я, — говорит, — сейчас телеграммочку послал, чтобы вас встретили достойным образом. Желаю вам веселиться...“.

Еду назад... Страшно! Не могу же я итти на верный скандал. У меня жена. Пусть мне дадут отставку и пенсию. Я не могу ведь так рисковать...

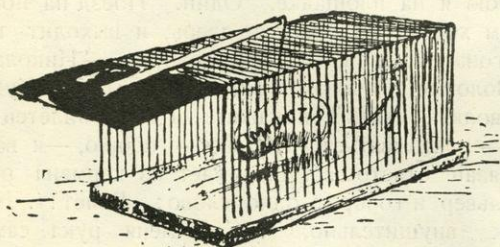

ТИПОГРАФИЯ ЧЕРНОЙ СОТНИ.

Рис. М. К.

(„Шершень“, 1906 г., № 13. — Киев.)

Караул! Доброскаков в Москве попался. На митинге. Держал речь в офицерской форме. Что ж это такое! Вот тебе и Иван Васильевич! В газетах напечатано. Что ж это такое? Что ж это за неприкосновенность личности такая? Неприкосновенность личности, а мне нельзя в публичное место показаться. Того и гляди напорешься...

СВОБОДА ДЛЯ РУССКИХ ГРАЖДАН,
ПРЕБЫВАЮЩИХ ЗА ГРАНИЦЕЙ

(„Вампир“, 1906 г., № 5.)

Говорю нынче Иванову (опять встретил его на улице):

— „Я удавлюсь, если вы будете меня преследовать“.

— Что ж, — говорит, — это дело. Один из из ваших уже удавился.

— Кто же? — говорит.
— Иуда Искариотский, — говорит.
Плюнул так неосторожно, что попал мне в лицо, и пошел...

А я остался...
Еду в провинцию. Гарантируют безопасность. Условия превосходные. И работа почти-что кабинетная: руководить главарями местной черной сотни. Я еду.

Водяной.

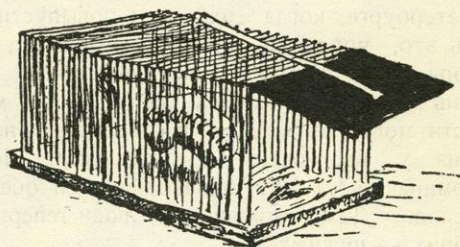
(„Стрелы“, 1905 г., № 1.)

ИЗ ДНЕВНИКА ИСТИННО-РУССКОГО
ГРАЖДАНИНА.

1906 год, 10 января.

Ну, слава богу! Теперь как будто и вздохнуть легко можно: потише стало. И казаки, вон посмотришь, по городу так это хорошо, мирно разъезжают, никого не бьют, — должно быть всех перебили. И полицейские наряды по улицам с винтовками ходят. Теперь бояться нечего.

А раньше-то, боже мой, что творилось! Я как замер тогда со страху, так до сих пор и не могу в себя прийти. Везде митинги, газеты какие-то странные, на улицах толпы страшные с знаменами. Говорят, толпы-то эти мирные, не бьют и не грабят, да нет... Я вот сам видел, как на моих глазах одну такую толпу избивали. Ужас! Ну, да что старое вспоминать!..

И ОБРЕТАЮЩИХСЯ НА РОДИНЕ.

Нам теперь, слава богу, свободу дали. Только вот, я не совсем понимаю, что в ней нового. Ведь такая-то свобода у нас словно бы и раньше была.

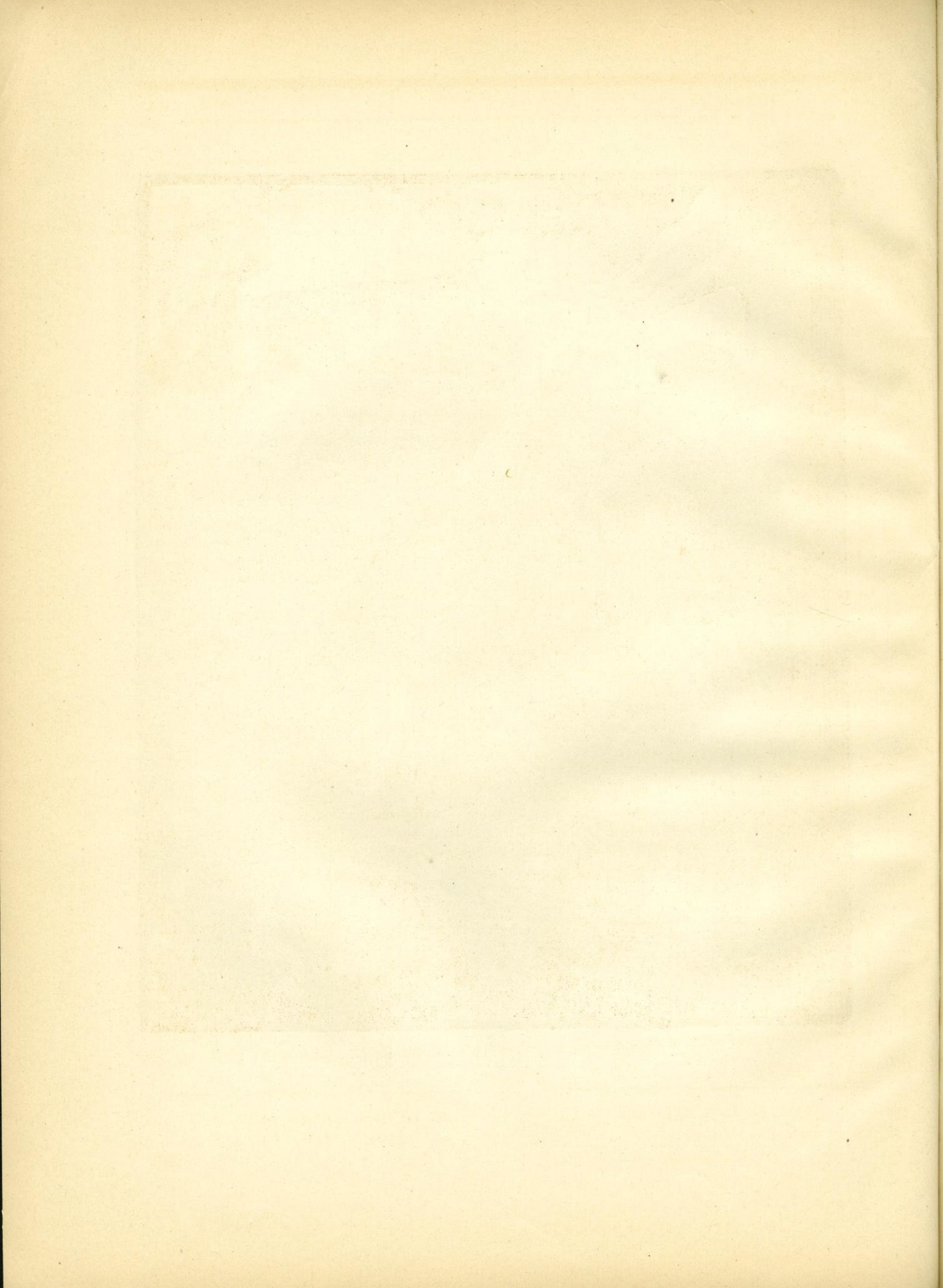
На-днях я в одной газете читал, что у нас нет никакой свободы. Ну, уж это враки. Взять хоть свободу слова. Выйдешь в другой раз

РАДОСТЬ НА ЗЕМЛЕ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ РАДИ.

(«Адская Почта», 1906 г., № 1.)

Рис. Е. Е. Лансере.

на улицу, а у тебя над ухом так свободно выражаются, как в Европе и не слыхивали.

Опять говорят — неприкосновенности личности у нас нет. А попробуйте-ка вы прикоснуться к человеку, когда его жандармы по улице ведут?

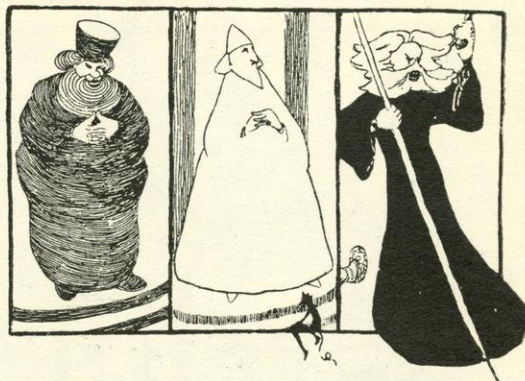
Очень-очень хорошо, что у нас и свобода и конституция есть. Конституция... Слушайте-ка, господа, — конституция. Конституция. Вот захочу — и еще раз напишу конституция, и ничего мне от конституции не будет. Тоже ценить нужно, что позволили такое слово произносить.

Говорят, что она будто бы куцая. А что такое „куцая“ вообще? Это нечто сушее, но лишенное хвоста. Так вот, нашим-то либералам, которые конституцию бранят, нужно было бы со словами побережнее обращаться. Как правильно на дело взглянуть, так и окажется, что у нашей конституции-то один именно и есть хвост. Эти либералы только народ мутят.

И до чего же этот разврат теперь усилился! Иду я как-то недавно по улице, а маленький мальчишка бежит и скулит: „Кровью народной облитые троны“... Хотел я его тут же за уши отодрать, да вспомнил про неприкосновенность личности и удержался. Таковую бессмыслицу несет. Ну, где это видано, чтобы троны кровью обливались? Троны во дворцах стоят, а кровь льется на улицах да на тюремных дворах; а то и прямо без кровопролития вешают.

12 января.

Нашел я вчера у своего племянника в кармане какую-то пакость — журнал „Спрут“. Одно безобразие: и не смешно и не остроумно. Министров да генералов бранят, а за что их бранить? Люди только и виноваты тем,

ДУШЕСПАСИТЕЛЬНЫЕ СОВЕТЫ.

Против греха — постом; против дьявола — крестом; против крамольника — пестом и шестом.
(„Скоморох“, 1907 г., № 2).

что они не на своем месте. Право, нельзя от человека требовать больше того, на что он способен. А что оклады даром большие получают, так это в их же пользу говорит: стало быть, умелые люди.

Списал с дневника своего дядюшки.

Арсеникос.

(„Спрут“, № 4, 1906 г.)

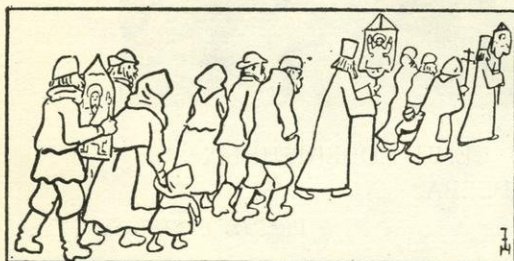
ХРАМ.

Батюшка. Возлюбленная братия! В священном писании сказано: „Возлюби ближнего как самого себя“... Сердце мое разрывается при виде распрей...

Голос среди прихожан. Значит, не надо больше бить студентов?

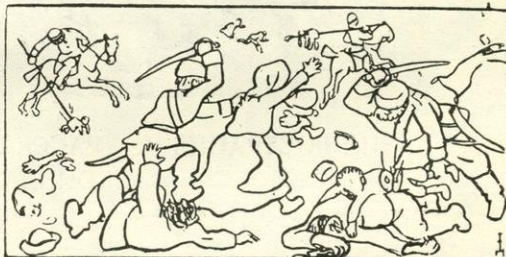
Батюшка (сокрушенно вздохнув). Есть приказ отдохнуть маленько...

(„Дятел“, 1905 г., № 1).

КАК В РОССИИ НАРУШАЮТ И („Simplicissimus“.)

1905-й год в сатире и карикатуре.

ВОССТАНАВЛИВАЮТ ПОРЯДОК.

Рис. Т. Гейне.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К „РАССКАЗУ О СЕМИ ПОВЕШЕННЫХ“
ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.

Рис. И. Е. Репина.

КАЗАК В ОПАСНОСТИ.

Желтая опасность.

Красная опасность

П о г р о м ы.

Особенно тяжело обрушились погромы на еврейское население.

Шклов, Казань, Одесса, Шавли,
Симферополь, Томск, Бахмут,
Курск, Москва, — повсюду травли,
Небывалых ужас смут...
Льется кровь! Пылают зданья!...
Гнет кошмарной нищеты...
Для еврейского страданья
Нет оседлости черты...

(„Пулемет“, 1905 г., № 1.)

ЛАБОРАТОРИЯ

„Лица“, в руках которого сосредоточены многие пружины государственного организма.

Лицо (секретарю). Вы приготовили мне точный список всех городов и местечек, лежащих в черте оседлости?

Секретарь. Извольте! (Подает список.)

Лицо (пробегая). Одесса, Кишинев, Екатеринослав, Калараш, Бельцы, Меджибош... (на Меджибоше останавливается). Скажите, тут был уже погром?

Секретарь. К сожалению, нет еще, вашество.

Лицо (укоризненно). Ай-ай-ай! Как же это маху дали... А много там евреев?

Секретарь. Тысяч пять наберется...

Лицо. Вот видите!.. Пожалуйста, распорядитесь немедленно, а то ведь обидно для других... Так нельзя... Справедливость прежде всего.

Секретарь. Слушаюсь!

Ларианц.

(„Дятел“, № 1, 1905 г.)

Черная опасность.

(„Szczytek“, № 3, 1906 г. — Варшава).

ПОГРОМОВЕДЕНИЕ.

(Составлено под редакцией Нейдгарта старшего.)

Подарок молодым губернаторам.

Для того, чтобы устроить еврейский погром, необходимо прежде всего иметь евреев. Это совсем так же, как и с рагу из зайца: прежде всего надо иметь зайца.

Евреи добываются:

- 1) высылкой из столиц,
- 2) высылкой из Сибири и
- 3) естественным путем.

Первые два способа следует предпочитать, так как при последнем способе новорожденные младенцы-евреи часто бывают мертвыми. Мертвые евреи обоих полов для устройства погромов не годятся.

При еврейских погромах весьма важно наблюдать известное время, так как в противном случае могут получиться весьма нежелательные результаты.

Укажем наиболее употребительные сроки.

Погромы устраиваются:

- 1) До средних чисел октября. И по.
- 2) До первых чисел ноября. И по.
- 3) До открытия военных действий. И по.
- 4) При победе. И при поражении.
- 5) Летом и зимою.
- 6) Весною и осенью.
- 7) И в промежуточные дни.
- 8) Днем и ночью.
- 9) В будни и праздники.
- 10) При урожае.
- 11) При неурожае.
- 12) В дождь. И в ведро.
- 13) В високосном году.
- 14) И в невисокосные года: а) первый, б) второй, в) третий.
- 15) Вообще.

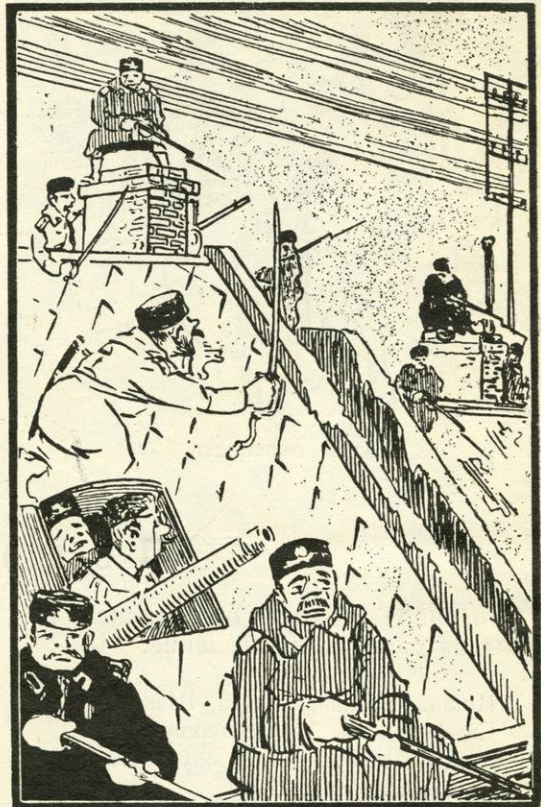
15-й § настоящей шкалы, однако, при необдуманном его применении может повлечь за собою серьезные и вредные последствия.

Отнюдь не следует распространять действие § 15 на числа, приходящиеся к первому января, ибо в этот день младшие, равно как и старшие чины полиции, поздравляя обывателей без различия вероисповеданий с Новым Годом, могут лишиться весьма нужных пособий.

Р. С. При всякого рода недоразумениях начинающие обращаются по адресу: С.-Петербург, Сенатская площадь, соб. д. Дальше укажут.

Дымов.

(„Зарницы“, 1906 г., № 8.)

ОХРАНА НА ВЫСОТЕ.

Одесская картинка.

(„Аргус“, 1906 г., № 5.)

Одесский градоначальник Нейдгарт особенно прославился своей погромной деятельностью. Он был весьма популярен.

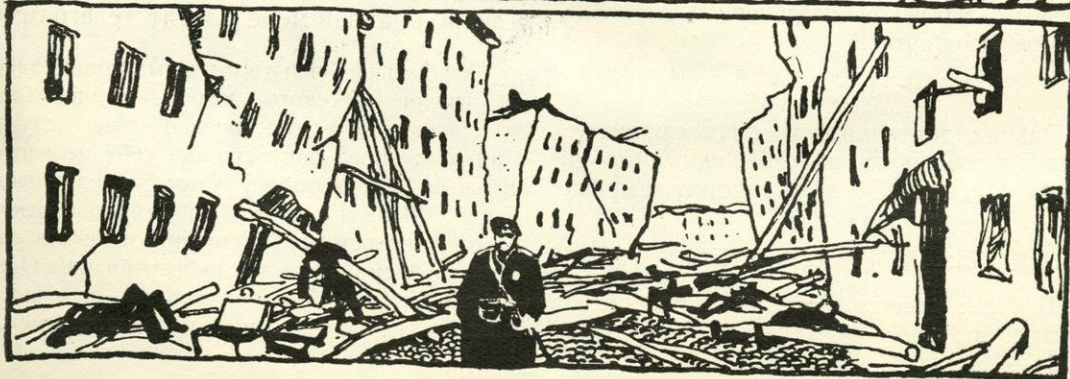
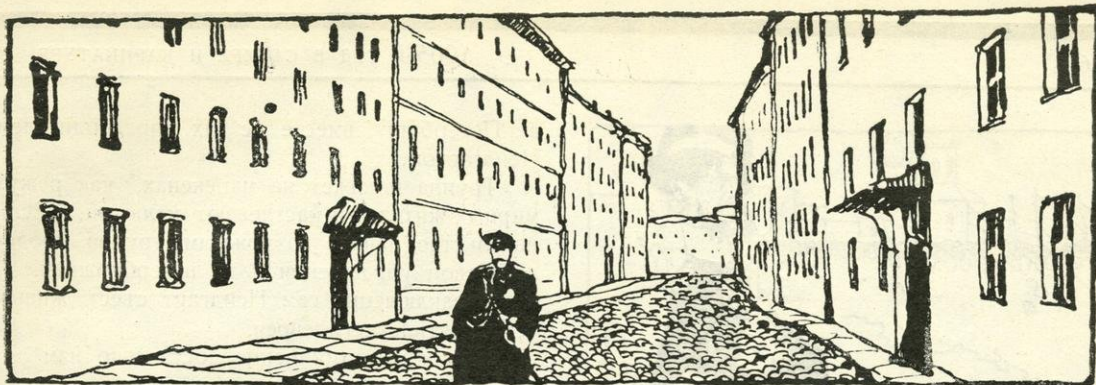
На митинге гробовщиков решено в каждом похоронном бюро повесить на видном месте портреты Трепова и Нейдгарта.

(„Пламя“, 1905 г., № 2.)

ИЗ ОДЕССКИХ ДОНЕСЕНИЙ.

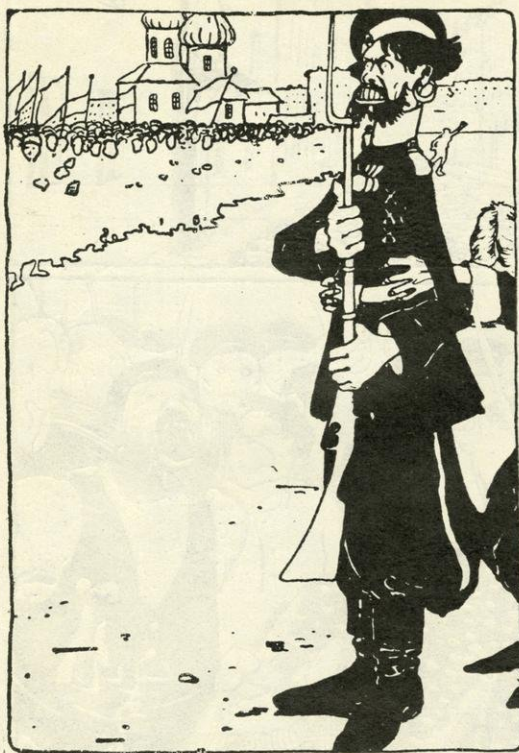
1. Изнасилованный трехлетней Ривкой Кремер Ёродовой Иван Затыка скончался в страшных мучениях, оставив несколько семейств без кормильцев. Одна половина преступницы обнаружена на месте, другой же половине, при содействии революционеров и евреев, удалось скрыться. Розыски продолжаются.

Нейдгарт.

1. В ожидании шествия. 2. Идут. 3. Прошли.
(„Серый Волк“, 1907 г., № 15.)

Рис. А. Таеиц

(„Фискал“, 1906 г., № 2.)

2. 30 000 мешан, обещавших сжечь университет, просят „на чаек“. Соболаговолите, ваше сиятельство, ассигновать потребную сумму из смет министерства народного просвещения на высшее образование.

Все тот же.

(„Сигнал“, 1905 г., № 2.)

В Одесской городской думе обсуждался вопрос об увековечении памяти бывшего градоначальника, „всемилоостивейше уволенного“. Дума постановила: назвать новую аллею на еврейском кладбище „аллеей камергера Нейдгарта“.

(„Стрелы“, 1905 г., № 5.)

Размах деятельности градоправителя стал приковывать к себе внимание не одной Одессы. Об этом говорит заметка:

НАШИ РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

В цирке на-днях состоится первый дебют труппы ашантиев из Одессы, прибывшей

в Петербург вместе с их предводителем Нейдгартом.

Труппа покажет на манекенах, как режут мирных жителей и растлевают малюток. Если начальство найдет возможным, труппа проделает свои упражнения и на петербуржцах.

В заключение сам Нейдгарт съест живым семидесятилетнего еврея.

Настоящее сообщение доставлено нам
прима-балериной Кармен.

(„Дятел“, № 1, 1905.)

О том же говорит и

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

М. Г. Не найдете ли возможным в видах охранения общественной безопасности поместить в вашем уважаемом журнале портрет одесского градоначальника Нейдгарта?

(„Зритель“, 1905 г., № 9.)

ЗАКОННОСТЬ.

— По моему, приговор сената по делам Нейдгарта и Курлова не вполне справедлив и не полон...

— Чего же ему нехватает?

— Признав этих администраторов невиновными, Сенат должен был довести справедливость до конца и признать недобросовестным поведение тех тысяч одесских и минских жителей, которые сами себя перестреляли и перерезали для того, чтобы очернить Нейдгарта и Курлова. Вот это была бы полная законность...

Парламентер.

(„Спрут“, 1906 г., № 14.)

Недоволен остался результатами трудов своих и сам погромных дел мастер. Так по крайней мере гласит телеграмма:

Аббация. Нейдгарт, отдыхающий здесь от трудов одесского погрома и уже было восстановивший расстроенное на службе здоровье, снова почувствовал себя не вполне сильным для погрома, узнав о назначении ему 6 000 оклада в год. Он глубоко оскорблен и нравственно и материально: по расчету всей суммы на число перебитых в Одессе им жителей выходит, что он получил за каждого не больше, чем по 30 коп., между

БЕЛОСТОК.

(„Dzięciot“, № 12, 1906 г.—Варшава.)

Рис. Генриха Новодворского.

ПРОГУЛКА ГУБЕРНАТОРА ПО ГОРОДУ.

Днем.

(„Вампир“, 1906 г., № 3.)

тем как одесские хулиганы получали по 50 коп. и даже по рублю за голову (не делая разницы и для младенцев). Нейдгарт начинает находить дело невыгодным.

(„Спрут“, № 4, 18/1, 1906 г.)

„Сигнал“ однако успокоил взволнованного администратора, дав ему „юридический“ совет:

Нейдгарту. В тюрьме обрешь ты право свое.

Дымов.

(„Сигнал“, 1905 г., № 3.)

Та же картина, что в Одессе, имела место и в других градах и весях России.

Из агентских телеграмм. В целях развития мясного экспорта, по инициа-

тиве истинно-русских людей и при содействии местных властей, в разных городах устроены грандиозные бойни...

Мстислав.

(„Зритель“, 1905 г., № 18.)

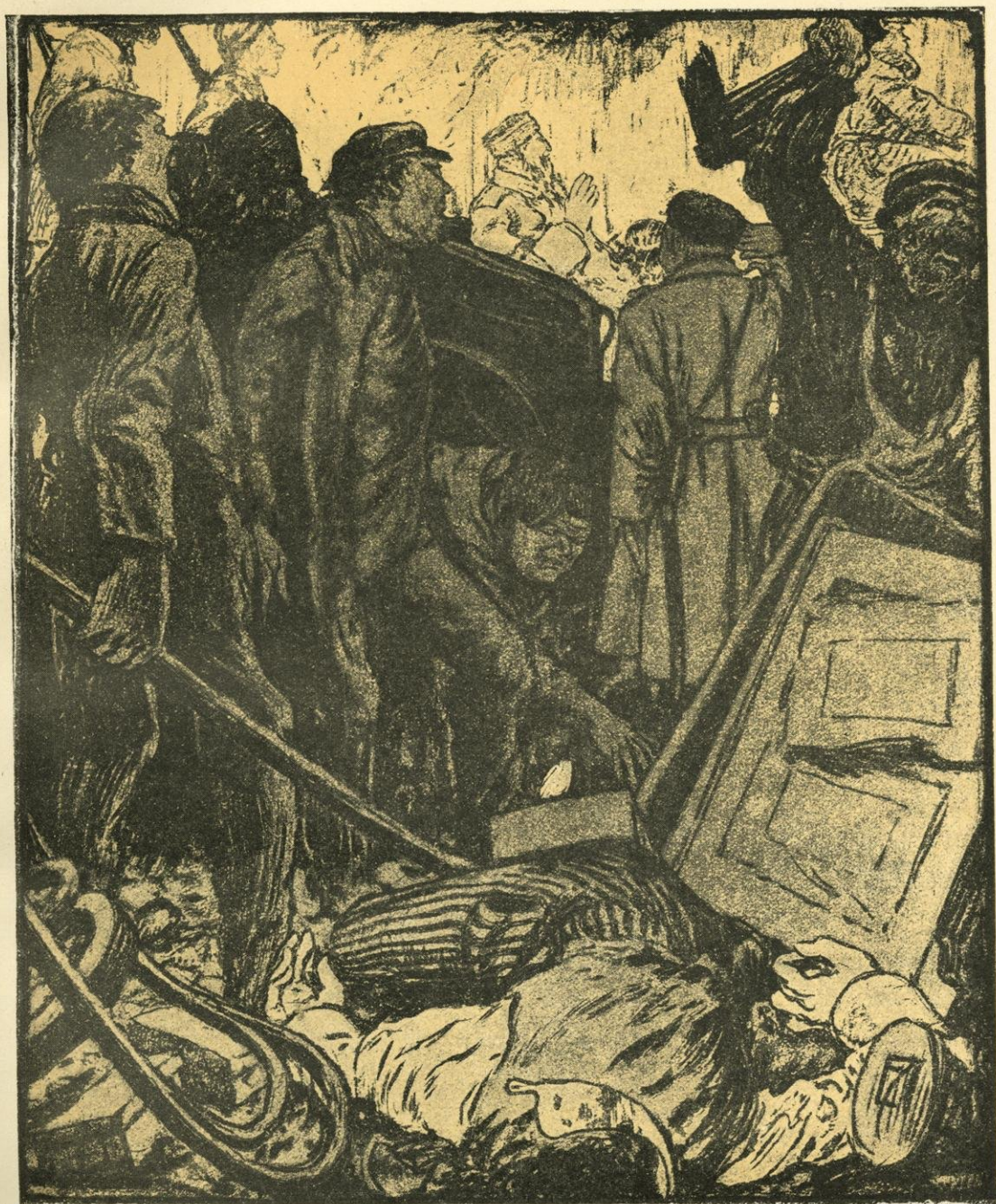
В БАКУ.

Квартира армянина. Хозяйка за столом сидит и работает. Входит татарин.

- Здравствуй, душа моя.
- Здравствуй.
- Муж дома?
- В Тифлис уехал.
- Жалко... А я его резать пришел...

(„Жупел“, 1905 г., № 2.)

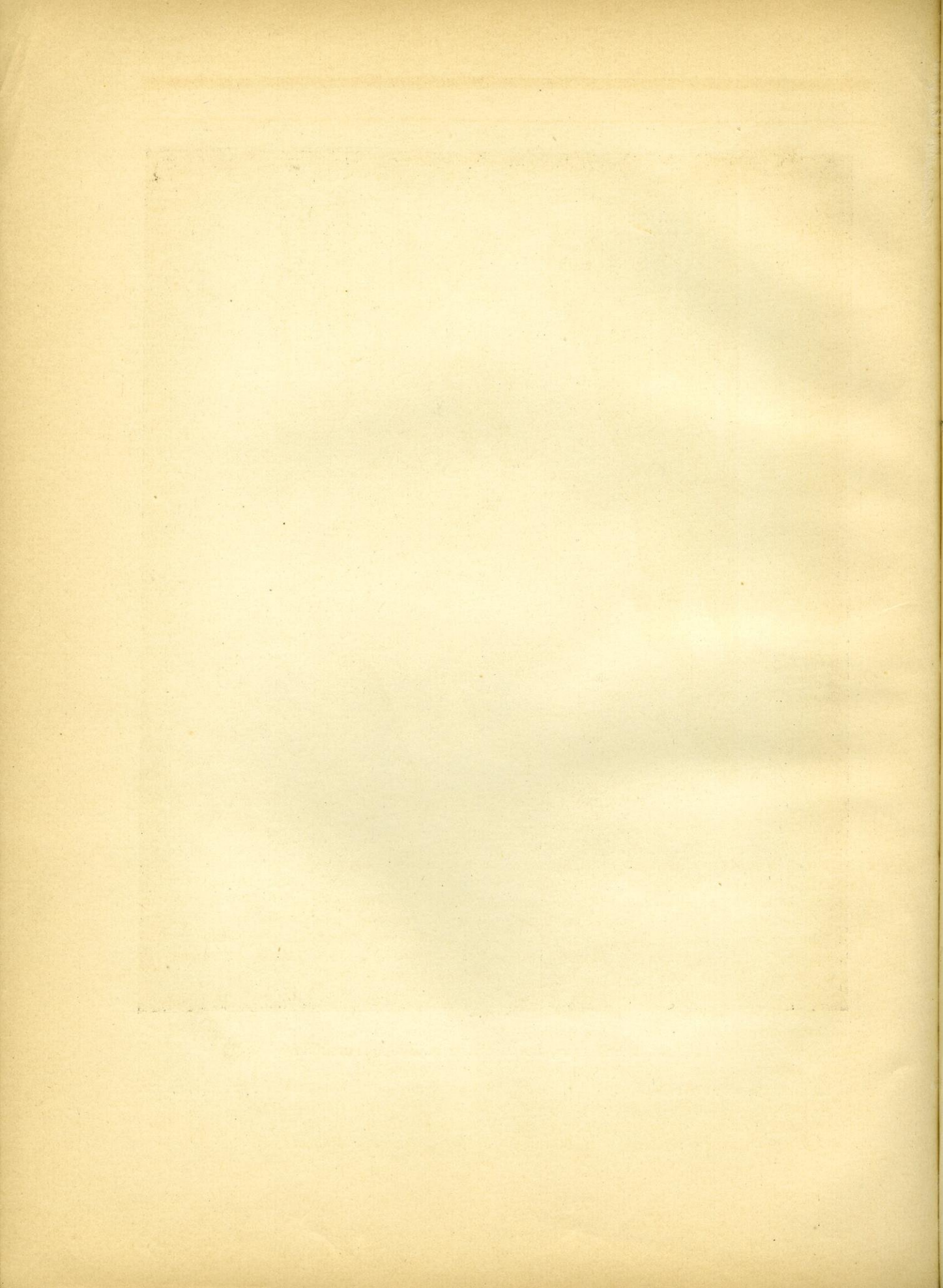
Ростов-на-Дону. Забастовали хулиганы. Выставленные ими требования: 1) увеличение заработной платы; 2) право не делиться

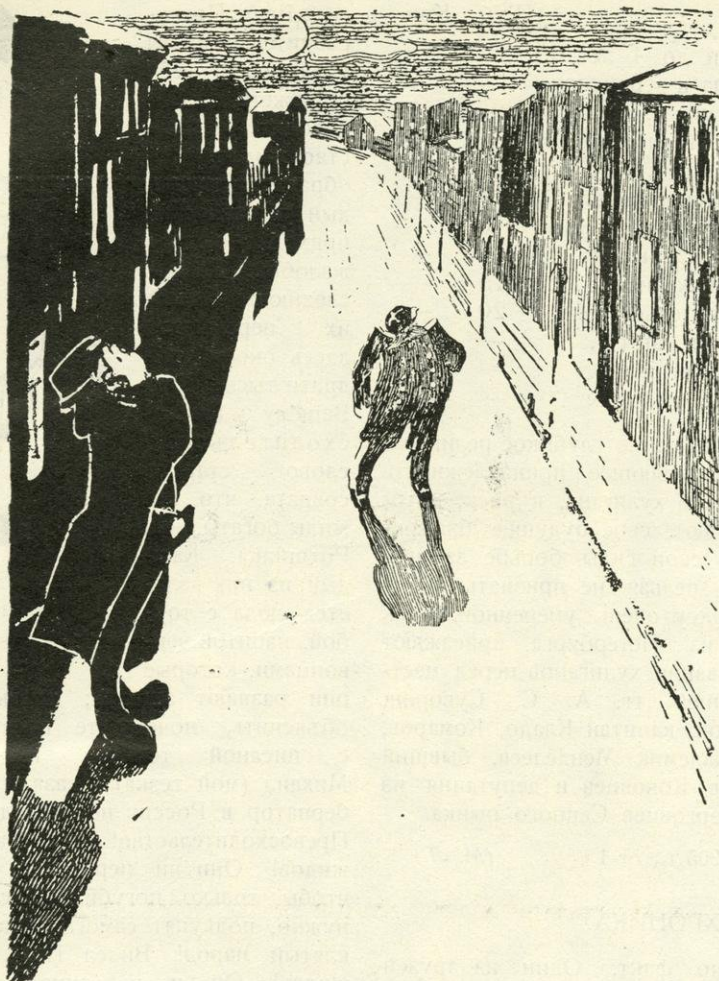

— РАДЫ СТАРАТЬСЯ, ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!..

(„Адская Почта“, 1906 г.,)

Рис. Е. Лансере.

ПРОГУЛКА ГУБЕРНАТОРА ПО ГОРОДУ.

Ночью.

(„Вампир“, 1906 г., № 3.)

с полицией и войсками награбленным имуществом; 3) страхование на случай инвалидности и смерти; 4) вежливое обращение и 5) допущение в офицерские собрания. Губернатором пока удовлетворены только два последние требования, но забастовщики категорически заявили, что не станут на работу, пока требования их не будут удовлетворены полностью. Вчера ими были сняты с работ последние товарищи, не примкнувшие к забастовке. Если администрация не пойдет на дальнейшие уступки, можно ожидать полного прекращения погромов. Экстренно вызваны войска из Нахичевани и Тифлиса. По городу расклеено обязательное постановление губернатора, которое гласит, что за каждую попытку к прекраще-

нию погрома виновные будут подвергнуты штрафу в 5 000 рублей или расстрелу. Этим надеются предупредить забастовку городских, которые грозили не-сегодня-завтра прекратить работу по симпатии к хулиганам. Сообщаем таксу, выработанную на последнем митинге хулиганов:

	Руб.	Коп.
За убитого еврея	—	50
То же с членовредительством	—	75
За убитую еврейку	—	75
То же с членовредительством	1	—
За убитого студента, тылигенца или сычилиста	1	50
То же с членовредительством	2	—

	Руб.	Коп.
За убийство детей до 4 лет без различия пола и вероисповедания за штуку	—	25
То же с членовредительством за штуку	—	40
За сожжение еврейской семьи . .	5	—
За сожжение христианской семьи	10	—
За убитого еврея в синагоге во время богослужения	15	—
То же с членовредительством . .	20	—
За нанесение легкой раны	—	10
За нанесение тяжелой раны	—	15
То же со смертным исходом	—	50

Принимая во внимание глубокое религиозное чувство, составляющее принадлежность всякого порядочного хулигана, и риск, которому они подвергают свое будущее блаженство, отдавая все свои силы борьбе за престол и отечество, нельзя не признать выработанную ими таксу очень умеренной. Как нам сообщили, из Петербурга приезжают поддержать требования хулиганов перед местной администрацией гг. А. С. Суворин, Красовский, Гучков, капитан Кладо, Комаров, проф. Янжул, академик Менделеев, бывший министр финансов Коковцев и депутация из трех членов от торговцев Сенного рынка.

(„Дятел“, 1905 г., № 1.) (М. Л.)

ХРОНИКА.

Невероятно, но факт. Один из друзей покойного губернатора Драгомирова (губернатор N-ской губернии) получил с того света интересное письмо от своего друга, которое мы приводим ниже во всей его, так сказать, замогильной свежести!

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ОДНОГО МОЕГО ТОВАРИЩА, КОТОРЫЙ ПОШЕЛ ТУДА, ГДЕ ПЕЛИ МАРСЕЛЬЕЗУ.

(„Спрут“, 1906 г., № 3.)

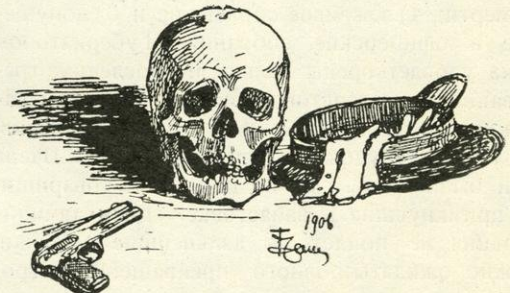
„Ваше Превосходительство! Вы представить себе не можете, до чего доходит нахальство жидов. Вообразите, что каждый убитый жид приходит сюда с жалобой. За последнюю неделю их перебивало здесь около тридцати тысяч. Даю Вашему Превосходительству слово старого солдата, что все жиды богаты, как Ротшильд. Каждый из них является сюда с торбой, набитой червонцами, которые

СИХ ДЕЛ МАСТЕР.

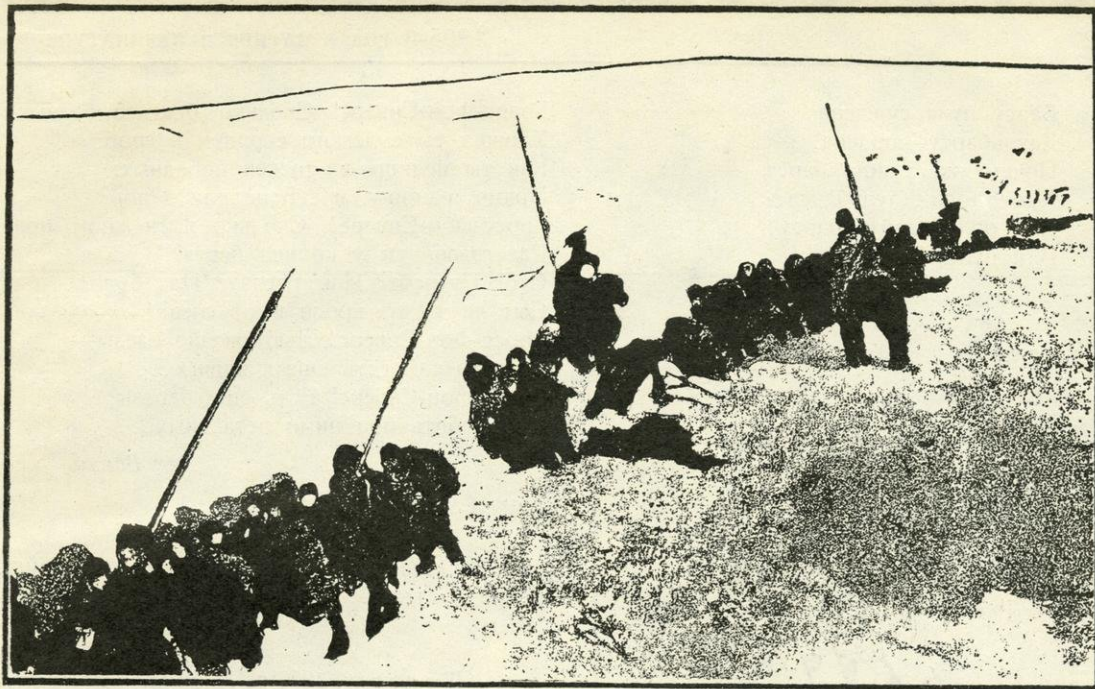
Рис. Граянского. („Серый Волк“, 1907 г., № 4.)

они раздают ангелам; только этим могу я объяснить, почему те носят с ними, как с писаной торбой. На днях Архангел Михаил (мой тезка) сказал, что ни один губернатор в России не попадет в рай. Ваше Превосходительство! Не трогайте, пожалуйста жидов! Они ни перед чем не остановятся, чтобы только погубить Вас, и, если будет нужно, подкупят самого бога. Уж такой проклятый народ! Видел Плеве. Всё выдумки жидов! Он и не думал переворачиваться в гробу. Правда, Архангел Михаил уверял меня, что он два раза перевернулся в гробу: 6-го августа—на грудь, и 17-го октября—на спину; но я ему не верю, он тоже подкуплен жидами“. („Дятел“, № 1, 1905 г.) (М. Л.)

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ДРУГОГО МОЕГО ТОВАРИЩА, КОТОРЫЙ ПОШЕЛ ТУДА, ГДЕ ИГРАЛИ НАРОДНЫЙ МАРШ.

Рис. Чайковского.

ПО СИБИРИ.

И это изо дня в день, изо дня в день... Идут, идут...

(„L'Assiette au beurre.“)

Карательные экспедиции.

Ужас, нагнанный на мирное население погромами, еще более усилился под влиянием карательных экспедиций.

СЛУХИ.

Нам передают, что несколько гвардейских полков, проявивших наиболее самоотверженную службу при поддержании порядка внутри империи, предназначены к переформированию: вместо батальонов, рот или эскадронов, они будут разделены прямо на черные сотни.

Хроникер.

(„Зритель“, 1905 г., № 24.)

— Слыхали, за доблестные действия войск внутри России учреждается орден Георгия Победоносца?

— Нет, просто оргии Победоносцева...

(„Зритель“, 1905 г., № 24.)

Россия превратилась в ряд самодержавных сатрапий—генерал-губернаторств.

Витте. Самодержавие — это я!

Дурново. Самодержавие — это я!

Дубасов. Самодержавие — это я!

(Продолжение предоставляется написать читателю, руководствуясь списком губерний и самодержавствующих там генерал-губернаторов.)

(„Знамя“, 1906 г., № 1.)

ДВА ЗВЕРЯ.

„В случае возникновения где-либо беспорядков—требую самых решительных действий оружием, так как давно пора с этим покончить. За всякое действие войск будет отвечать начальник“.

(Приказ командующего войсками Одесского военного округа барона Каульбарса.)

Жил в лесу свирепый барс,

А в Одессе Каульбарс.

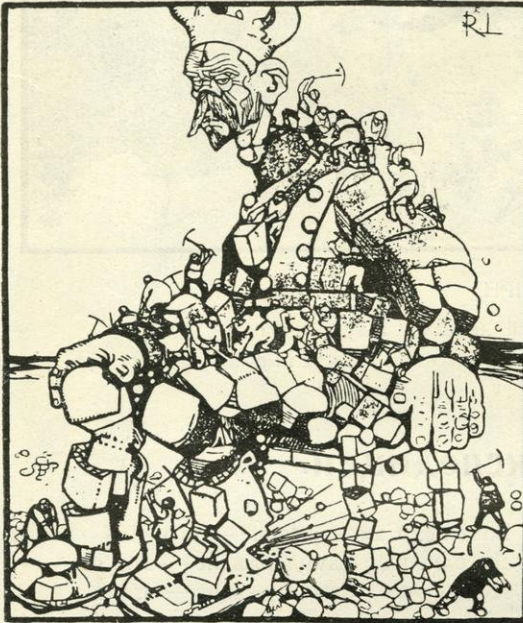
Дикий барс людей съедал,

Каульбарс в людей стрелял.

Барсу пуля суждена,
Каульбарсу—ордена.
Почему же участь барса
Хуже доли Каульбарса?
Или орден дайте барсу,
Или пулю Каульбарсу...

Пэро.

(„Зритель“, 1905 г., № 22.)

ПОЛОЖЕНИЕ ЦАРИЗМА.

Позволительно утверждать, что сооруже-
ние рассыплется в ближайшее время.

Карикатура *Рата Лонга.*

(„Asino“, Рим, 29 окт. 1905 г.)

УСМИРИТЕЛЮ ЛИФЛЯДИИ.

Штаб-ротмистру барону Гросс фон-Сиверсу.

Гросс-фон-Сиверс! Скоро ли, всевластный,
Перебьешь ты подлых бунтарей?
Скоро ли потопишь край несчастный
В крови мирных женщин и детей?
Гросс-фон-Сиверс! Гросс-фон-Сиверс! Кто ты,
Православный русский гражданин?
Кто тебя поставил в патриоты?
Чей закон блюдешь ты, паладин?

Гросс-фон-Сиверс! Сколько братьев бедных
Уложил ты с легким сердцем в гроб?
Как ты целишь из ружей победных:
Прямо в спину, в сердце или в лоб?
Гросс-фон-Сиверс! Сколько в снежном поле
Расстрелял ты у корней берез?
Сто? Пятьсот? Иль тысячу? Иль боле?
Сыт ли ты от крови и от слез?
Гросс-фон-Сиверс! Льются еще слезы—
Кое-кто там есть еще в живых...
Гросс-фон-Сиверс! Есть еще березы,
Чтоб убить под ними остальных...

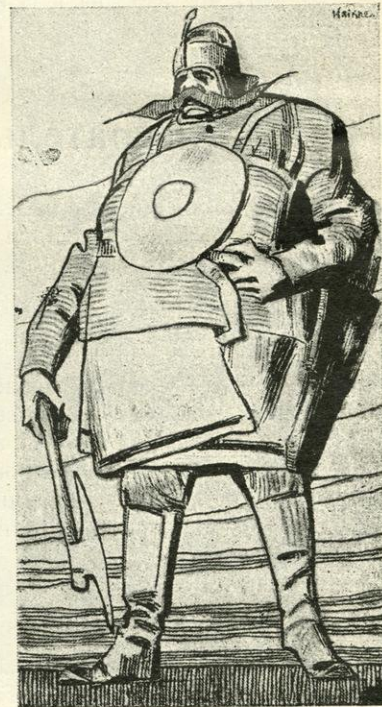
Дух Банко.

(„Спрут“, № 6, 1906 г.)

— Около скал „она“ еще, к сожалению,
не разорвалась.

Евг. С—о.

(„Гвоздь“, 1906 г., № 1.)

ГЕНЕРАЛ РЕННЕНКАМПФ. Покоритель Сибири.

Рис. Waikne.

(„Спрут“, 1906 г., № 14.)

РАССТРЕЛЫ НА СТАНЦИИ КАЗАНСКОЙ Ж. Д. ЛЮБЕРЦЫ.

(„Забияка“, 1905, № 1.)

* * *

Перед отправлением с карательной экспедицией генерал Орлов сказал: „Муравьева-Виленского помят 40 лет, меня будут помнить три столетия“.

(Из газет.)

Герострат—эфсец.

Орлов—русский.

Герострат—неопределенного чина.

Орлов—генерал.

Герострат хотел передать свое имя вообще потомству, без указания определенного срока.

Орлов—скромнее Герострата: он рассчитывал на три столетия.

Герострат сжег храм Дианы; человеческих жертв не было.

Орлов сжег несколько латышских деревень, человеческие жертвы были.

Имя Герострата благодарное потомство украсило эпитетом „Безумец“.

Каким эпитетом благодарное потомство должно украсить имя скромного генерала Орлова?

ИЗ ПОДСЛУШАННЫХ РАЗГОВОРОВ.

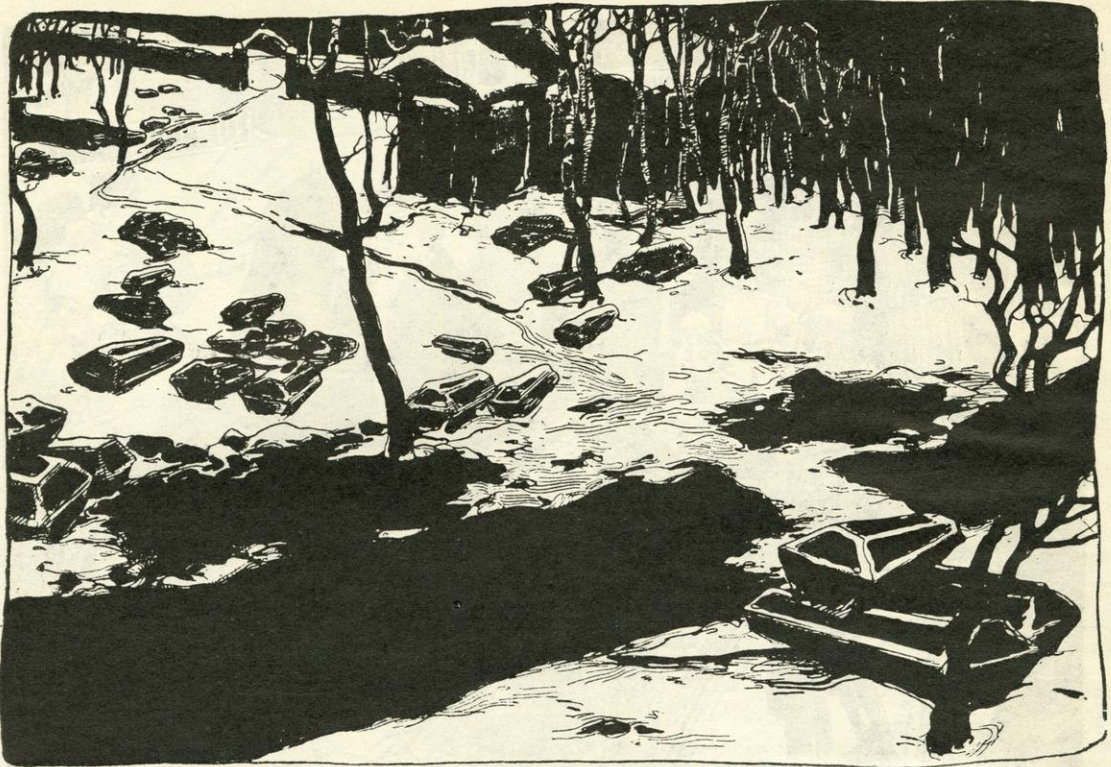
— Читали, что телеграфирует Линевиц из Харбина? „Вчера генерал Ренненкампф¹ прибыл в Читу; все обошлось без кровопролития“ ...

— Что вы говорите? Не может быть. Завтра будет официальное опровержение.

Упырь.

(„Вампир“, 1906 г., № 3.)

¹ Командующий карательными отрядами в Сибири и на Дальнем Востоке.

(„Ювенал“, 1906, № 1.)

ТИШИНА.

Рис. Н. И. Фешина.

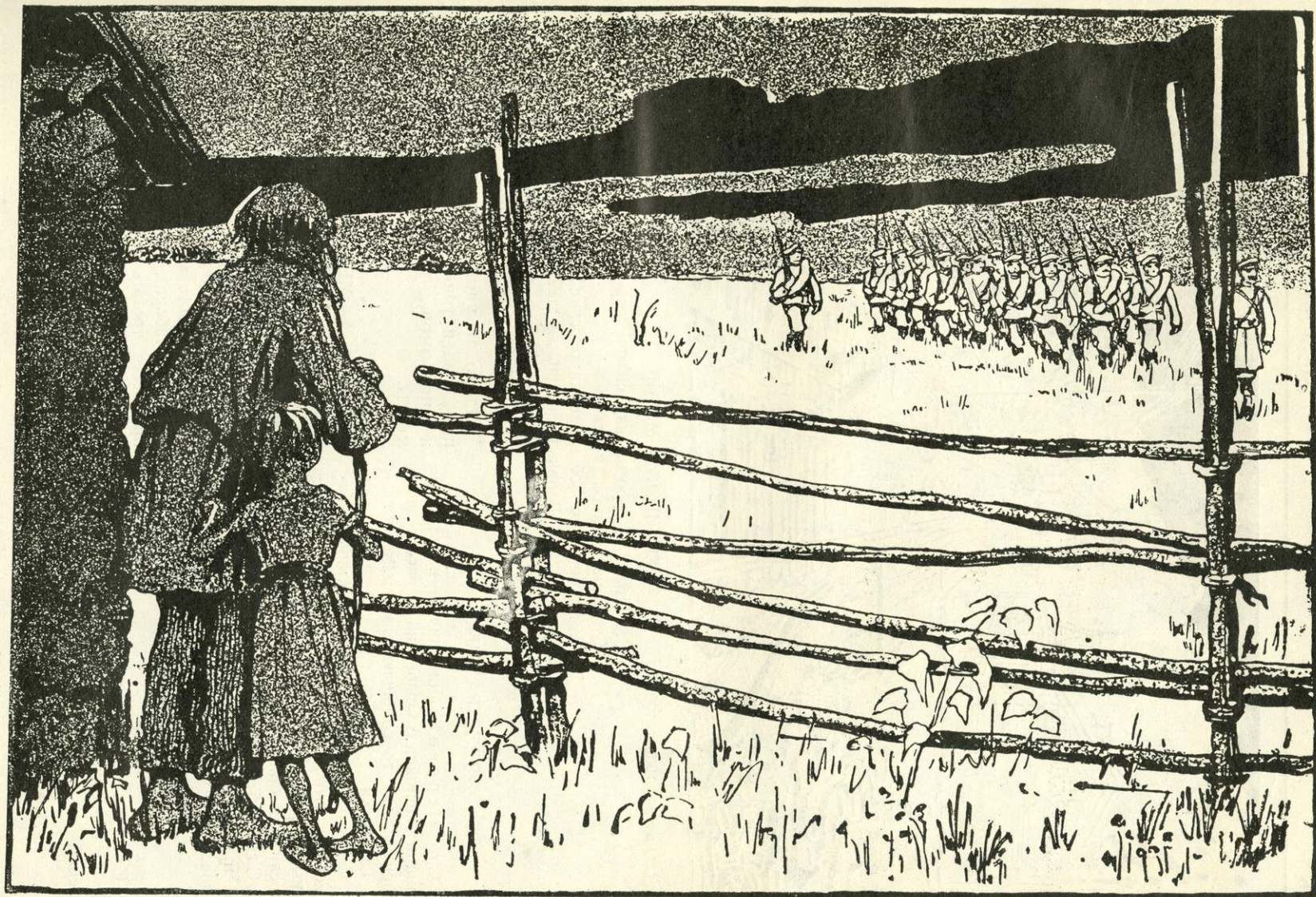
ГОЛУТВИНО, ПЕРОВО, ЛЮБЕРЦЫ.

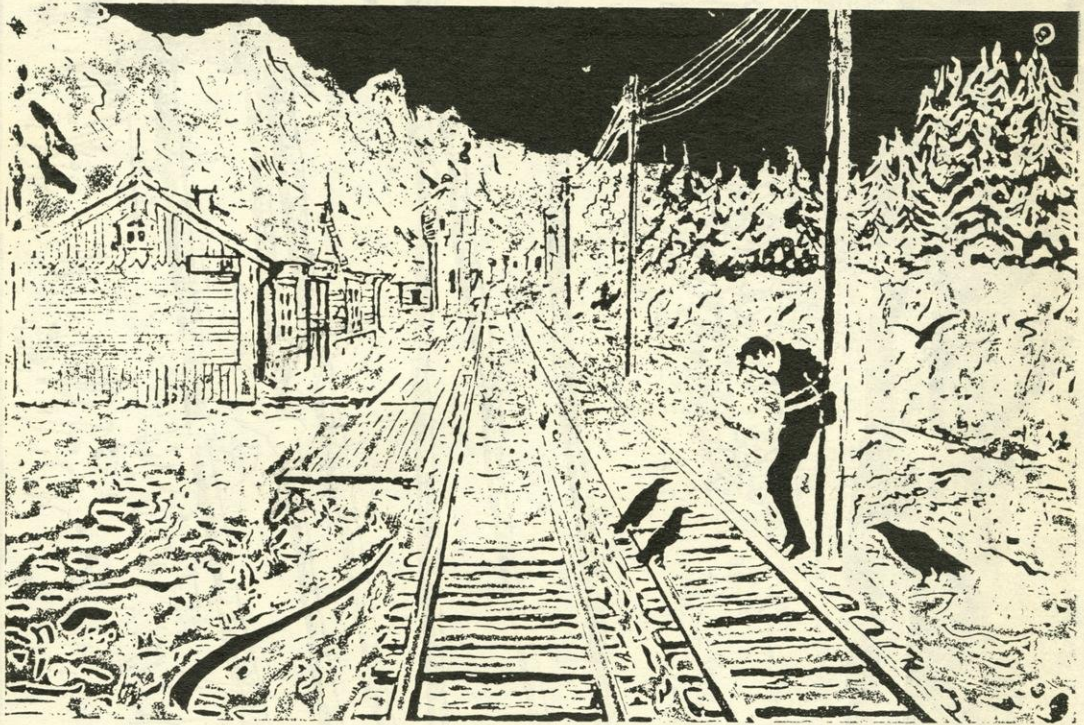
Тихо, спокойно в безмолвьи ночном...
 Снежное поле блестит серебром...
 Чу!.. Что за звук средь безмолвья встает?
 Риман с отрядом гвардейцев идет.
 Тихо... Ни звука. Погасли огни...
 Спят, как умеют в тревожные дни...
 Полон кровавых видений их сон...
 Чу!.. На яву ль этот грохот и звон?..
 Риман с отрядом стучит у дверей:
 „Эй! Кто там есть—выходи поскорей!“
 Окрик солдатский угрозой звучит;
 Новое горе он спящим сулит.
 Злобно-насмешлив полковника взгляд,
 Мрачны безмолвные лица солдат.
 Грозно сверкают штыки при луне...
 Жутко в безмолвной ночной тишине...
 „Марш!“ Окружили стеною.. Идут...
 Молча... Куда и зачем их ведут?..
 Нет им ответа... Все грозно молчит.
 Снежное поле пред ними лежит.
 Громко полковник командует: „Стой!“
 Стал неподвижно послушный конвой...

Пленники стали... Опять тишина...
 Скрылась пугливо за тучи луна...
 Пленники ждут... В них тревога и страх...
 Звякнули ружья в солдатских руках...
 Риман небрежно взмахнул палашом...
 Дрогнуло поле от треска кругом...
 Падают люди густою толпой,
 Пули жужжат словно бешеный рой...
 Верен и скор их убийственный бег,
 Тает под кровью алеющий снег.
 Ружья замолкли... Работа штыкам!..
 Вопли и стоны бегут к небесам,
 Нет им ответа... И небо молчит;
 Небо бессильно, где Риман царит...
 Стоны замолкли... Убийству конец:
 Горды убийцы; недвижим мертвец!..
 Месяц, бледнея, с тоской оглядел
 Скользкую груды истерзанных тел...
 Пьяная песня разгульно звучит...
 Риман за новой победой спешит...
 Тени убитых над полем встают,
 Плачут и стонут и небо зовут!..

Дух Банко.

(„Вампир“, 1906 г., № 4.)

(„Овод“, 1906 г., № 5.)

СИБИРСКИЙ МОТИВ.

... Прямо — дороженька, насыпи узкие,
 Столбики, рельсы, мосты,
 А по бокам-то всё косточки русские!
 Сколько их, Ваничка, знаешь ли ты?

(Некрасов.)

ТЕЛЕГРАММЫ.

Ст. Перово. Помощники начальника станции Ларионов и Орловский не расстреляны войсками, как то сообщают газеты, а подняты на штыки.

Ст. Голутвино. Начальник станции Надеждин и его помощник Калтукин не повешены, а расстреляны. Сообщение, что оба прослужили более 30 лет, верно.

Ст. Люберцы. Начальник станции Смирнов и машинист Ухтомский не расстреляны, а повешены.

(„Нагаечка“, 1906 г.)

Седлец. В городе совершенно спокойно. На кладбище замечается небывалое оживление.

(„На распутии“, 1906 г., № 6.)

Надо ли удивляться, что у населения, под воздействием карательных отрядов и погромов, родились своеобразные мечты!

МЕЧТАТЕЛИ.

— Я хотел бы быть начальником карательного отряда... Едешь себе, куда хочешь, пристреливаешь, кого хочешь, сжигаешь, что увидишь... Не жизнь, а малина...

— А я хотел бы быть чучелом казенного музея. Стоишь себе важно, а на тебе табличка с надписью: „Строго воспрещается трогать руками“. Просто зависть берет...

Тень.

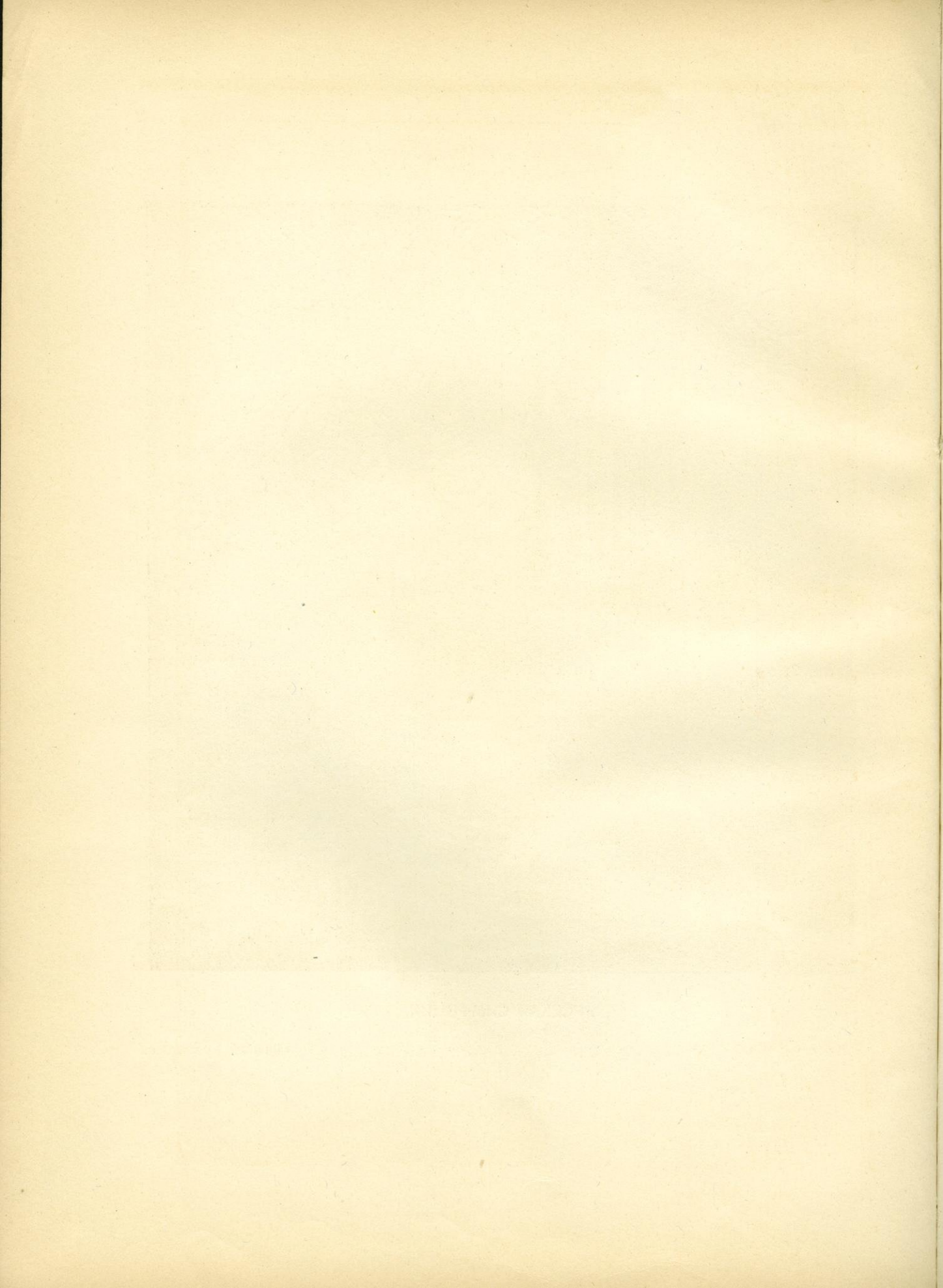
(„Вампир“, 1906 г., № 6.)

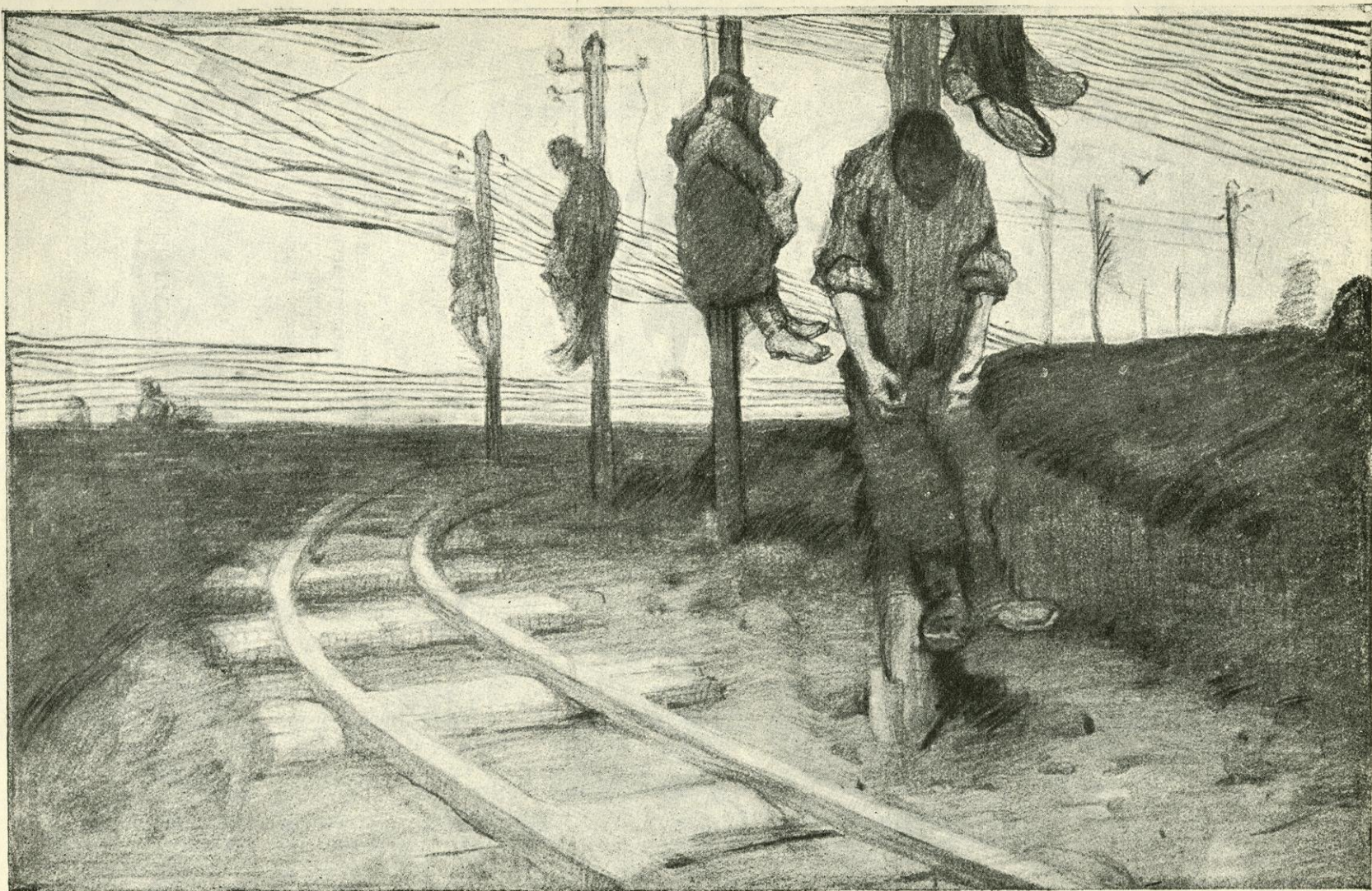

РУССКАЯ СИМФОНИЯ.

(„Леший“, 1906 г., № 4.)

Рис. И. Бродского.

— Что ты мне скажешь, если я тебя в шутку назову генерал-губернатором?

— Тогда я тебя тоже в шутку назову порядочным человеком...

(„Спрут“, 1926 г., 25/1, № 5.)

И философская мысль обывателя получила своеобразное направление.

— Хотя у верблюда и длинная шея однако, не решайся утверждать, что верблюд подобен лебедю. Также и о генералах после занятия успокоением страны; некоторые из них человекообразны, но как докажешь ты, что они не суть звери?

Иегудиил Хламида

(М. Горький).

(„Адская Почта“, № 1, 1906 г.).

„Движение восстановлено“.

Рис. Пронского.

(„Жунал Журналов“, 1906 г., № 2.)

Жандармский генерал Иванов, производивший „дознание“ по делу Совета Рабочих Депутатов, дает показания на суде.

Рис. Е. С. Зарудной-Кавос.

МИЛОСЕРДИЕ.

В виду того, что Оксенкруг, обвинявшийся в покушении на убийство минского полицмейстера, оказался непричастным к этому покушению, смертный приговор будет ему заменен 15-летней каторгой.

Тень.

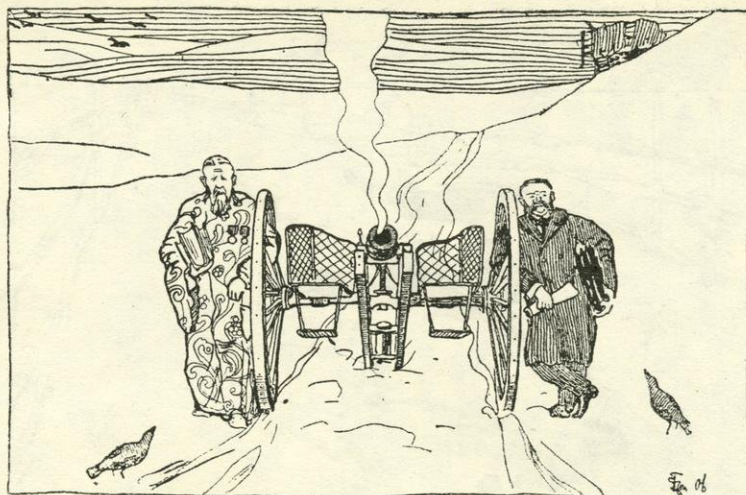
(„Вампир“, 1908 г., № 7.)

В БАКАЛЕЙНОЙ ЛАВКЕ.

— Вешать, что ли?

— Погоди, надо же рассудить...

— Чего там еще судить! Вешать, так вешать...

ТРИ РОДА ОРУДИЯ.

(„Спрут“, 1906 г., № 4.)

Рис. Чайковского.

СКОТОБОЙНЯпредлагает 36 вакантных мест бывшим
губернаторам.

(„Дятел“, 1905 г., № 1.)

МЯСНИК

ищет места генерал-губернатора.

Видеть можно каждый день на
бойнях.

(„Девятый Вал“, 1906 г., № 2.)

До бога высоко, до царя далеко, в Петро-
павловку рукой подать.

(„Спрут“, № 3, 12/1, 1906 г.)

До бога высоко, до царя далеко, а до
предварилки рукой подать.

(„Скорпион“, 1906 г., № 2.)

РЕЧЬ ПО СЛУЧАЮ УСМИРЕНИЯ БУНТА.Братцы! Гидра мятежа раздавлена! Ура!
(Громче кричите).Еще вчера улицы дымились от огня и
крови, а сегодня на земле мир и в человецех
благоволение.Правда, не мало жертв погибло за эти
тревожные дни. Но кто старое помянет, тому
глаз вон, а кто вторично помянет, того рас-
стреляют...

Воротитесь, братцы, назад! Не бойтесь. Я оговорился по привычке. Я никому не выколю глаза, никого не расстреляю. Ибо, кого нужно было и даже не нужно было, я уже расстрелял. А вас я не трону, я—против жестоких мер. Но я знаю, что только из коллизии разрушительных и созидательных стремлений выковывается гражданская свобода. И поэтому я широко разрушаю всякие дома, баррикады и фабрики и столь же широко создаю эшафоты и тюрьмы.

Вы меня, братцы, не бойтесь. Я вам открыто заявляю, что я ваш добрый гений. А кто посмеет мне не поверить, пусть поойдет ближе!..

Тень.

(„Вампир“, 1906 г., № 2.)

Да, 1905-й год — год необыкновенный. Оттого-то необычный характер носит и

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1906 г. 1**ДОХОДЫ ОБЫКНОВЕННЫЕ**

По министерству финансов.

От винной монополии 1 р. 20 к.

По министерству народного просвещения.

Залоги за редакторов
и прочих преступников 8 235 118 002 р. 05 к.

1) Маленькая фантазия. (Примеч. автора.)

Рис. Я. Р.

По министерству путей сообщения.

Штраф со стрелочников 24 000 000 000 р. 18 к.

По почтово-телеграфному ведомству.

За отклеенные марки
с конфискованн. писем . 8 800 000 р. 07 к.

ДОХОДЫ НЕОБЫКНОВЕННЫЕ.

По министерству народного
просвещения

С отдачи зданий университетов и академий под казармы, пивные лавки и прочие заведения по соглашению.

По военному министерству.

Денежная благодарность
от усмиренных губ. . . 600 000 000 р. — к.

ДОХОДЫ СОВЕРШЕННО НЕОБЫКНОВЕННЫЕ.

Пожертвования социал-демократической рабочей партии, социалистов-революционеров 3 р. 06 к.

Наследство по завещанию от имеющей усохнуть вдовствующей китайск. императрицы . . 10 000 000 000 иен.

РАСХОДЫ ОБЫКНОВЕННЫЕ

По министерству народного просвещения.

На школы 30 р. — к.

По ведомству народного здравия.

Перedelка больниц на тюремные помещения 600 000 р. — к.

По печатанию временных правил 70 000 000 р. — к.

По военному ведомству

Построчный гонорар генералу Богдановичу ¹ из расчета 2¹/₂ к. за строку 52 р. 29¹/₂ коп.

По морскому ведомству.

На содержание балета ² и других театров. эскадра.

РАСХОДЫ НЕОБЫКНОВЕННЫЕ

По почтово-телеграфному ведомству.

Чай и закуски господам добровольцам 50000 р. — к.

Возмещение раскраденного . 13000 р. — к.

¹ Генерал Богданович—издатель ура-патриотической и религиозно-нравственной литературы.

² Намек на Балетта, балерину, содержанку дяди царя—Алексея Александровича.

По министерству внутренних дел.
Четверик овса от неизвестного
(на голодные губернии) 4 р. 16 к.

По духовному ведомству.

Прогонь о. Иоанну¹ 900 р. — к.

РАСХОДЫ СОВЕРШЕННО НЕОБХОДИМЫЕ.

По министерству путей сообще-
ния.

На отъезды . . . 100 000 000 000 р. — к.

По министерству финансов.

За ликвидацию государственных ошибок
ведомств все.

(„Зарница“, № 3, 1906 г.)

Запутался обыватель в новой обста-
новке, пришлось ему переоценить все
привычные формы бытия.

ЮРИДИЧЕСКИЙ СОВЕТ.

Вопрос. Кому и в какой форме жало-
ваться на некое новое высокопревосходитель-
ство и нужны ли при этом гербовые марки,
а если нужны, то сколько?

Ответ. Искривительно в форме горя-
чей молитвы к господу-богу. Марок не надо.

(„Гудок“, № 1, 1906 г.)

ПОСЛОВИЦА.

— „В тесноте, да не в обиде“, — сказал
тюремщик, вталкивая еще одного „преступ-
ника“ в битком набитую камеру.

(„Вампир“, 1906 г., № 3.)

Сестра-гимназистка. Что это прежде
эскадры, а теперь эскадроны пошли?

Брат-кадет. Эскадры — это с судами,
а эскадроны без судов. *Мстислав.*

(„Зритель“, 1905 г., № 18).

В ЛЮБОМ ГОРОДЕ РОССИЙСКОМ.

Приезжий. Где у вас тут суд?

Туземец (изумленно). Суд... (пауза).

Может, вам охранное отделение нужно?

Парламентер.

(„Спрут“, 1906 г., № 2.)

— Из части целому не выйти! — сказал
русский обыватель, хорошо изучавший при-
кладную арифметику. *Мстислав.*

(„Зритель“, 1905 г., № 23.)

Первый шаг на улицу есть верный шаг
к смерти.

(„Забияка“, 1906 г., № 2.)

* * *

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопившие...
Но разнузданы страсти жестокие!..
Вихорь злости и бешенства носится
Над тобою, страна безответная,
Все живое, все честное косится...
Слышно только... о, ночь безрассветная...
Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого,
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются...

Из неизданных стихотворений Н. Некрасова.
(„Скорпион“, 1906 г., № 1.)

В отчаяние впал обыватель. В неи-
стовство приходил и начинал вопить:

РУБИ ЕГО.

Человек (кричит). Долой подлецов,
мошенников и убийц — всех до одного!

Полицейский (обнажая шашку). А, ты
против начальства?! Власти не признавать?!

(Свистит.) Держи! Держи!.. Руби его!..
(Рубит до сих пор.)

(„Свобода“, 1906 г., 9 января.) *Навин.*

Рис. А. Любимова.

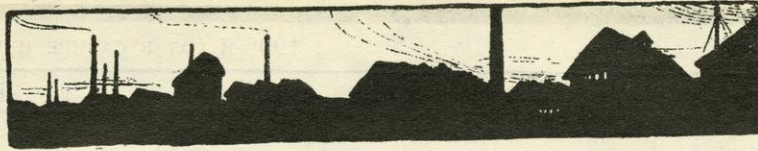
(„Светает“, 1906 г., № 2.)

¹ Кронштадтскому, удравшему из Кронштадта,
как только там началось революционное движение.

УСПОКОЕНИЕ.

(„Спрут“ 1926 г., № 11.)

(„Буревал“, 1906 г., № 2.)

Рис. А. де-Пальдо.

Рабочие.

Сатирические журналы 1905—6 гг., как было выше показано, очень далеки были в массе своей от партийной программности. Нет ничего удивительного поэтому, что главного-то двигателя революционных событий, организованного российского пролетариата, этого подлинного „слона“, они и не заметили. И иллюстративного и литературного материала на тему „рабочий“ очень немного.

* * *

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.
Песни и тревога
На пустой реке.
Входит кто-то сильный
В сером армяке.
Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил
И багор закинул,
Грудью надавил:
Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.
Вот они далеко,
Весело плывут.
Только нас с тобою
Верно не возьмут.

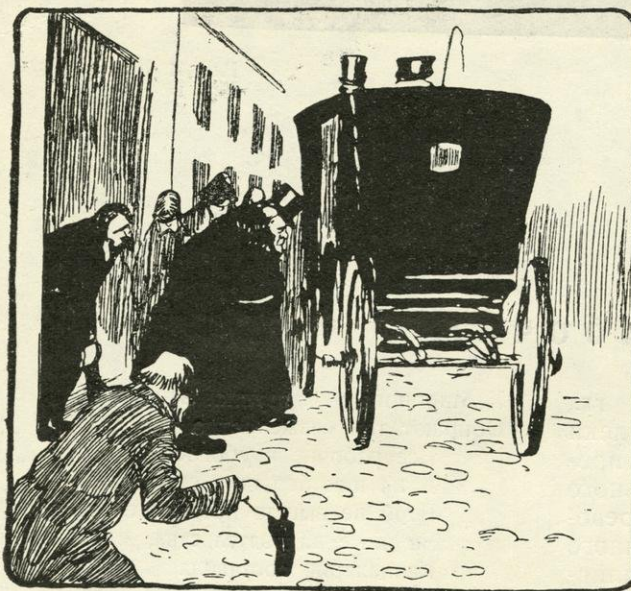
Александр Блок.

(„Наша Жизнь“, 1905 г., № 26)

ФАБРИЧНАЯ КАМАРИНСКАЯ.

Эх, и прост же ты, рабочий человек,
На богатого гнешь спину весь свой век.

У Миронова у Саввушки завод,
Обирают там безжалостно народ.
Все рабочие в убогости,
А на них большие строгости.
Чтоб не вышло препирательства
За иные надувательства,
Канцелярия составила
Для рабочих пункты, правила,
Положила кары грозные,
Наказания серьезные.
Обирают по-ученому,
Прижимают по-законному...
Загорелся раз у Саввушки завод,
Разбежаться стал испуганный народ...
Управляющий пожар тушить велит,
А рабочий люд на улицу валит...
Дали Савве знать об этом в телефон,
Как ошпаренный примчался мигом он:
„Как? Имущество мое должно гореть?
Гей, немедленно ворота запереть!“
Не велел с двора пускать он ни души,
А там хочешь, аль не хочешь, а туши.
Савва — жирная скотинушка,
В три обхвата животинушка,
Он живет себе с прохладою,
Умывается помадою,
Злой кручинушки не ведает;
По три раза в день обедает.
Обзавелся губерnantками,
Черномазыми тальянками,
Обхождения приятного,
Разговору непонятного.
Они ходят точно павушки —
Утешение для Саввушки.
Собирали как-то деньги на собор;
На заводе велел Савва сделать сбор:
„подавайте с каждой хари четвертак,
Все равно снесете деньги все в кабак“.
Духовенство умилилося,
Савве низко поклонилося,

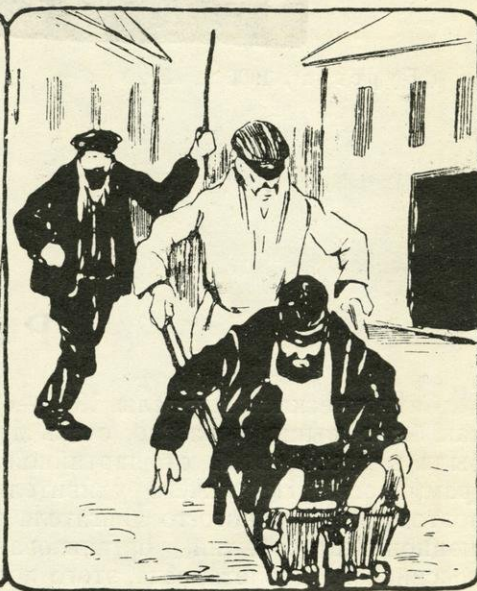

ПРЕЖДЕ.

А для нашего спасения
Поучают в воскресения,
Чтоб безропотно трудились,
Да молитвами кормилися.

Сообщил Ч.

(„Скорпион“, 1906 г.)

ТЕПЕРЬ.

(„Отбой“, 1906 г., № 1.)

Давно уж завидует гибельный ад
Твоим неизведанным тайнам.
Родных наших братьев, отцов и детей,
Что гибнут в утробе твоей,
Проклятая гидра, отдай нам!

Семен Конст—ов.

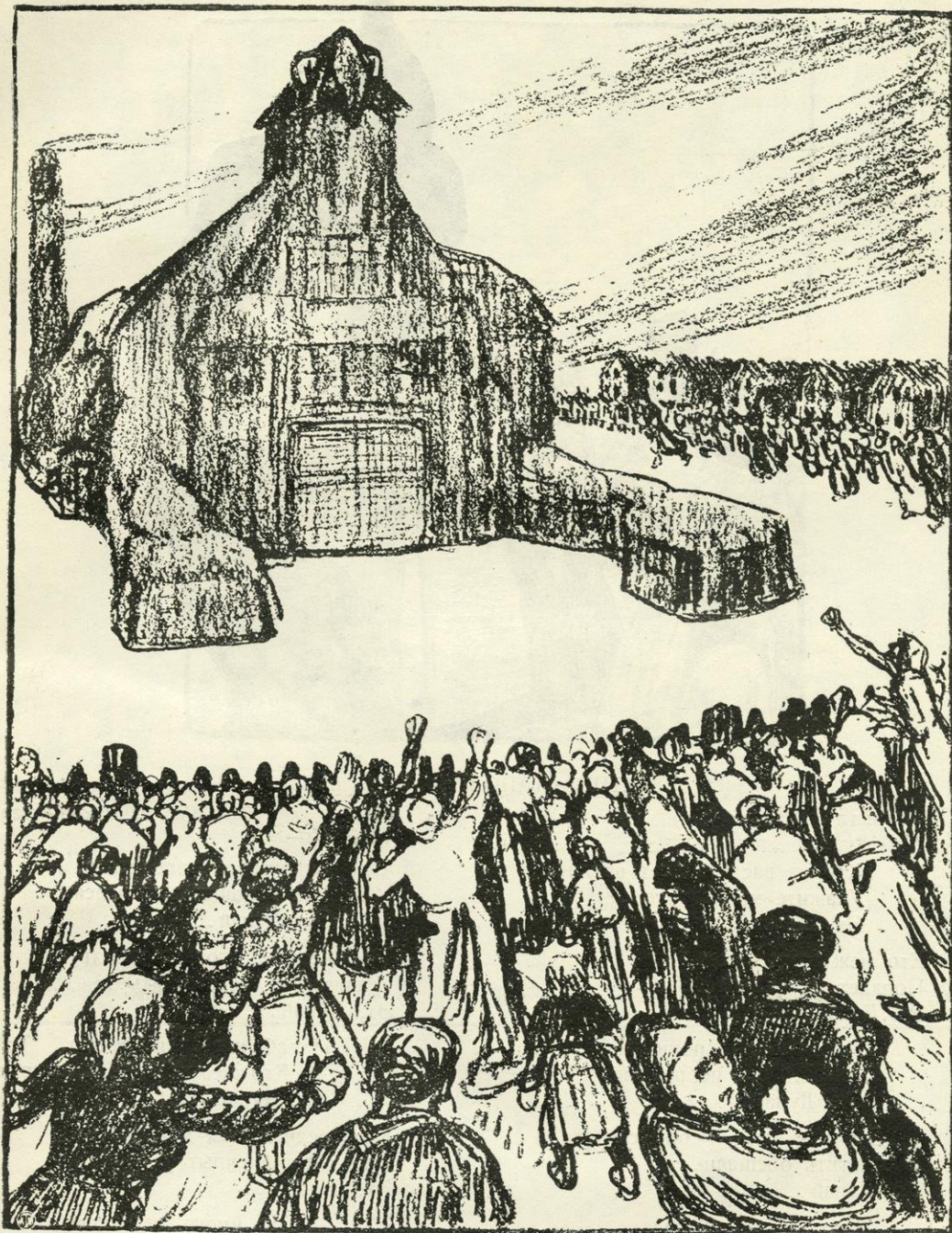
(„На распутье“, 1906 г., № 6.)

О, гидра, отдай нам отцов и детей,
Что в недрах твоих для пустых богачей
Добыли проклятое золото.
Там потом и кровью полит каждый шаг,
Там с лампой бредут в охладевших руках,
Там сердце отчаяньем сжато...
И долгие годы там бродят они.
Как черные ночи им светлые дни,
Но звезд им не видно средь ночи.
Там грохот железа, там копать и смрад,
Бессильно со мраком там борется взгляд,
И слепнут и светлые очи.
Их в недра твои загоняет нужда;
И гибнут под игом ужасным труда
Отцы наши, дети и братья.
С улыбкой безжизненной мертвенных губ
На солнечный свет увлекут только труп.
Проклятье тебе! О, проклятье!
Проклятая гидра, отдай их назад...

Одесский генерал-губернатор Карангозов, вызвав депутацию от рабочих, сделал им следующее предложение: „Прошу вас, укажите мне вредных людей, злонамеренных. Укажите их мне, дайте мне в руки негодяев“.

(Из газет.)

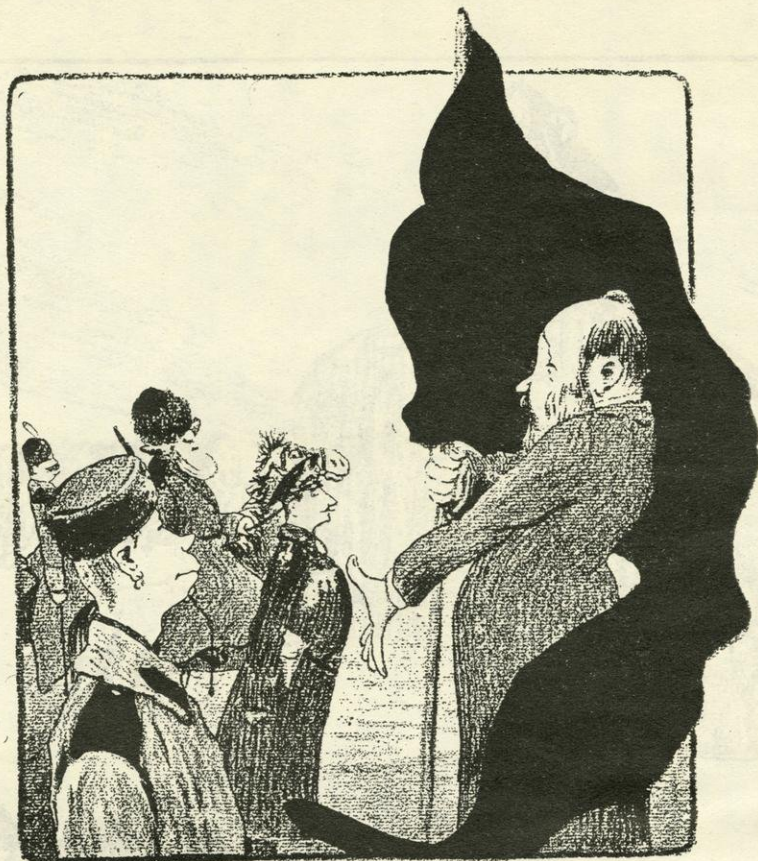
Карангозов генерал
Люд рабочий созывал...
Эх, Дунай, мой Дунай!
Развеселый мой Дунай.
Люд рабочий созывал
И с крамолой воевал...
Эх, Дунай...
— Укажите, братцы, ясно
Тех рабочих, что опасны...
Эх, Дунай...

(„L'A ssiette au beurre“.)

ШАХТА № 3-й.

Рис. *Grand Jouan.*

„БРАТЦЫ, СТАНОВИСЬ НА РАБОТУ“!

(„Сигнал“, 1905 г., № 1.)

Рис. П. Троянского.

Кто из вас тут всех вреднее,
Укажите мне скорее...
Эх, Дунай...

Кто меж вами негодяй?
Попадет ему ай-ай...
Эх, Дунай...

Люд рабочий пошептался,
Указать все не решался...
Эх, Дунай...

— Дай нам срок, — они сказали
И ответить обещали...
Эх, Дунай...

Карангозов генерал
В Петербург депешу слал...
Эх, Дунай...

Благодарный, мол, народ
Всю крамолу выдает...
Эх, Дунай...

Карангозов волновался,
Всё рабочих дождался...
Эх, Дунай...

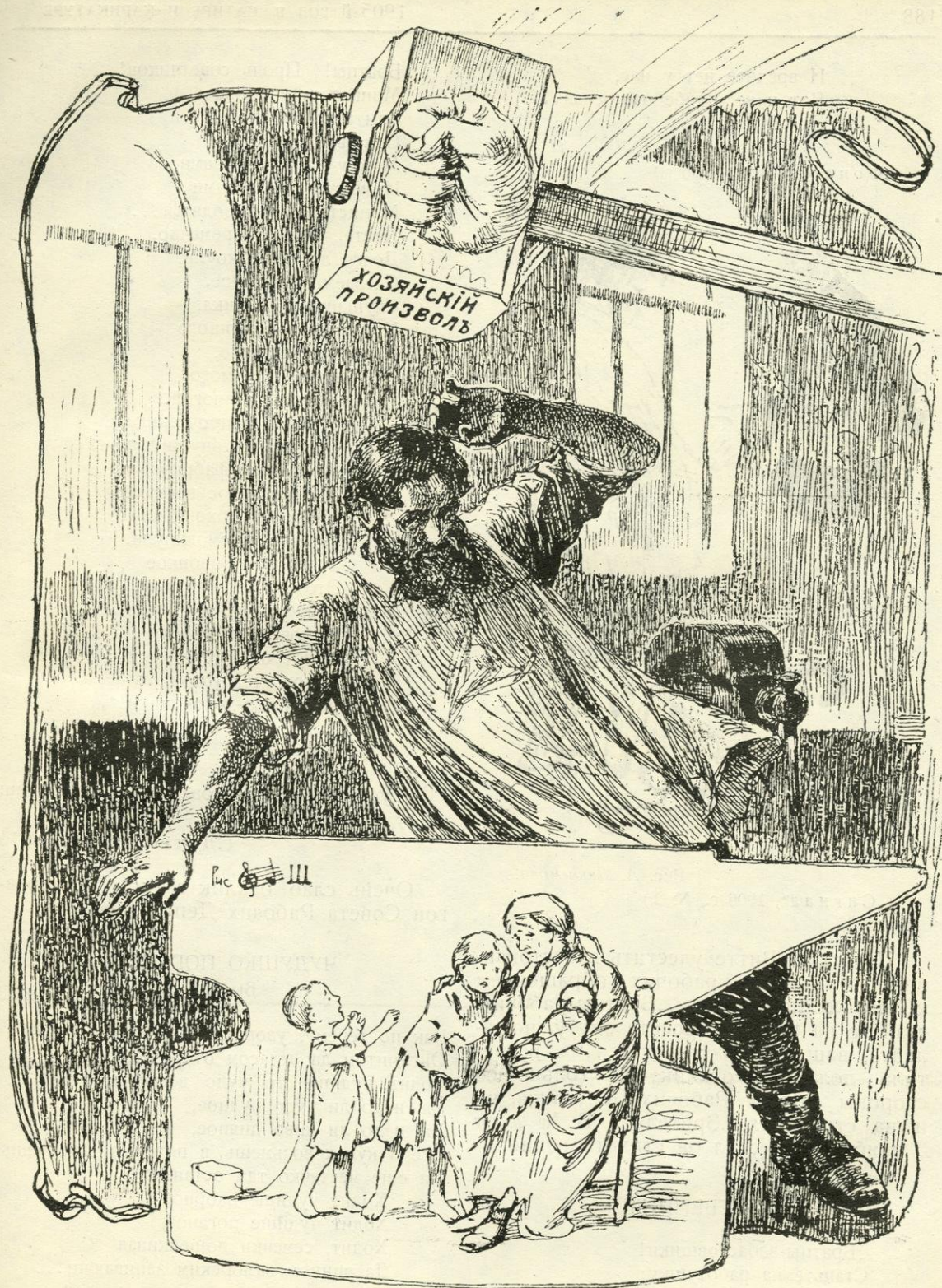
— Мне ответ только узнать
И виновных расстрелять...
Эх, Дунай...

И рабочих он встречает.
— Кто же, кто? — их вопрошает.
Эх, Дунай...

Кто вреднее всех меж вас,
Негодяй где скрыт у вас?
Эх, Дунай...

— Мы много не нашли,
К твоей милости пришли...
Эх, Дунай...

Коль хотел от нас узнать,
Нам негодней не сыскать...
Эх, Дунай...

МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНОЙ.

(„Борцы“, 1906 г., № 1.)

Рис. Михайлова.

И вреднее нет у нас,
Вот и весь тебе наш сказ...
Эх, Дунай...

Н. Б.

(„Фонарь“, № 2, 1906 г.)

Рис. А. Любимова.

(„Сигнал“, 1906 г., № 2.)

Попытка Витте улестить забастовавших в ноябре рабочих обращением к ним с призывом: „Братцы-рабочие, станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей...“ — встретила должный отклик не только со стороны Совета Рабочих Депутатов, но и на страницах „Зрителя“. В № 2, от 3 ноября, поместил он стихотворение:

РОДСТВЕННИКИ.

„Братцы-забастовщики!
Станьте на работушку;
Бросьте смуту лютую;
Пожалейте детушек!

Братцы! Прочь советчиков!
Министерство новое
Вам приготовлено:
Отношенья правые
Между вами, братцами,
И меж фабрикантами
Министерством вводятся...
Дайте, братцы, времечко.
Долго ли, коротко ли,
Сделаем возможное.
Слушайте советчика,
К вам расположенного
И добра хотящего,
Братца вам родимого,
Графа Витте славного“.

Тотчас по прочтении
Слов таких внушительных
Трубы все фабричные
В один голос грянули:
„Хо-хо-хо-хохонюшки!“.
Грянули и смолкнули.
Только эхо звонкое
Этот хохот каменный
Разнесло по фабрикам,
И повсюду носится
Хохот оглушительный,
Хохот забастовочный:
„Хо-хо-хо-хохонюшки!“.

„Гусь свинье не товарищ“, а товарищ
графу не „братец“.

(„Дятел“, 1905 г., № 1.)

Очень слаб отклик сатиры и на разгон Совета Рабочих Депутатов.

ЧУДУШКО ПОГАНОЕ.

Былина.

Как по терему, узорами расписанному,
Оксамитом да атласом отороченному,
Ходит чудище, то чудо всероссийское¹...
Уж и то ли чудо чудное,
Уж и то ли диво дивное,
Все в кулак возьмешь, в пятерню сгребнешь,
Да еще местечко там останется.
Ходит чудище озорное,
Ходит чудище поганое,
Ходит, семечки пощелкивая
Да винцом заморским запиваючи...

¹ Чудище это — Николай Романов.

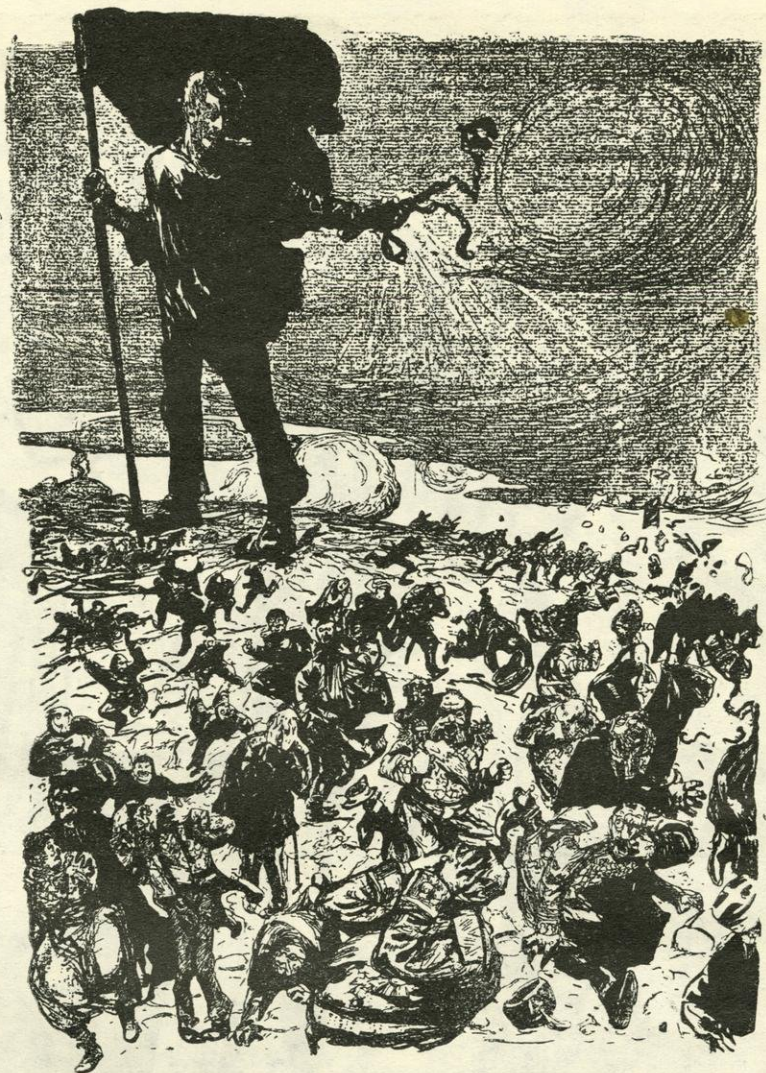

(„Буревал“, № 2.)

Рис. А. де-Пальдо.

„Ох, мне, чудушку, неможется!
Ох, мне, чуду, нездоровится!
Что мне семечки-подсолнушки?!
Что мне вина из-заморские?!

Как в столицах, градах каменных,
Близ фабричных труб заводится
Зелье страшное, рабочее —
Социало-демократское...

(„Зритель“, 1905 г., № 23.)

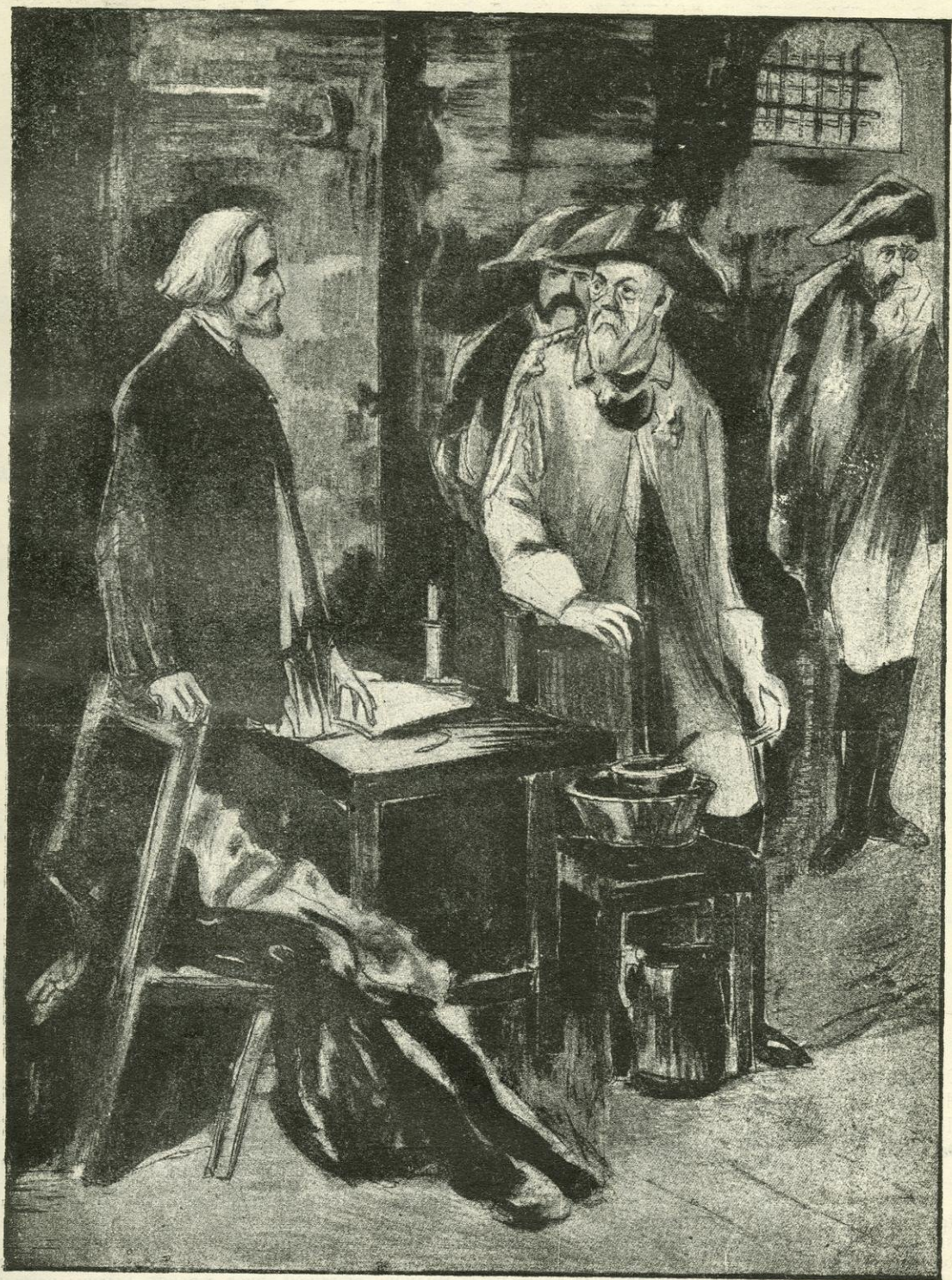
Рис. Н Шестопалова.

Собираются мятежники, собираются крамоль-
ники,
Собираются на митинги, восседают на зава-
линках,
Забастовки измышляючи, чудо-юдо прокли-
наючи,
Подрывая ренту царскую ¹

¹ Намек на так называемый „финансовый манифест“ Совета Раб. Деп. от 2 ноября 1905 г. В нем население призывалось к тому, чтобы оно требовало обратно взносы свои из сберегательных касс. Этим, действительно, имелось в виду подорвать окончательно бюджет царского правительства, которому уже был нанесен серьезный удар войной с Японией.

И хваля свободу пролетарскую.
Ох, как чуду нездоровится!
Ох, как чудушке неможется!
Уж вы, гой еси, ребяташки,
Палачи-псары, подсобнички!
Соберитесь, братцы, с силами,
Да со силами великими,
Да со силами погаными!
Соберитесь, изловите мне,
Изловите мне мятежника,
Социала-демократишку,
Хрусталева-пересмешника! ¹

¹ Хрусталева-Носарь Г. В. — председатель Совета Раб. Деп.

ДВА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТОВ.

(„Отбой“, 1906 г., № 3).

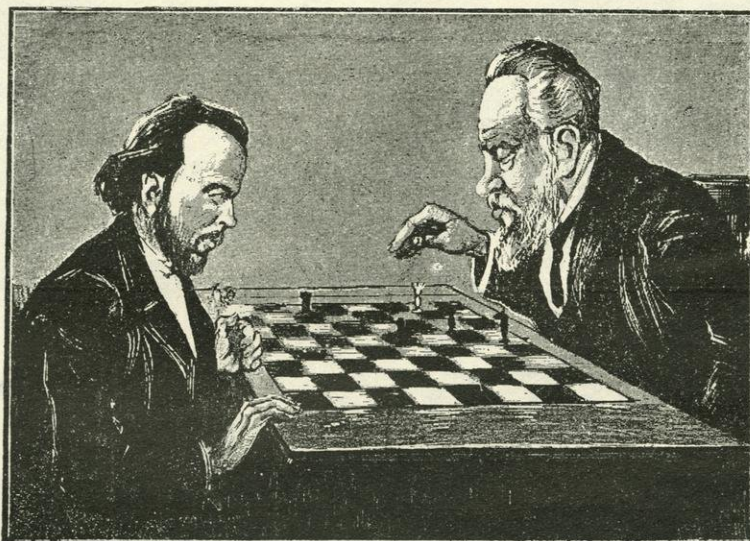
БОМБЫ

Всероссийский
ежедневный
боевой
журнал.
Ред.-Изд. П. А. Карповъ.

„Доля народа
„Счастье его!
„Свѣтъ и свобода
„Прежде всего!

Н. Некрасовъ.

ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР. В НОЯБРЕ 1905 г.

— Ваш ход, ваше сиятельство.

Ой, дурной мой, псарь препредаанный ¹,
Излови его, бесстыжего,
Посади в геену огненну,
Заточи во крепость каменну,

¹ Дурной — несомненно Дурново. Симон Дрейден, приводя это стихотворение, дает пояснение, что под „дурной“ разумеется Трепов. На такое толкование наталкивает строка со сноской ²: „Командантом во дворце опальном сделаю“, а комендантом назначен был Трепов. Тут, видимое дело, запутался несколько сам автор стихотворения. Оно было позднее перепечатано в журнале „Арабески“,

А не то я, чудо европейское,
Из псарей тебя разжалую —
Командантом во дворце опальном сделаю!..²

1906 г., № 1. И там внесено несколько редакционных изменений. Вся строка „Ой, дурной мой...“ выпущена. Противоречие этим как будто устранено. Однако связать это стихотворение с Дурново, как инициатором ареста, автору, видимо, очень хотелось, и он тотчас вслед за заглавием „Чудушко поганое“ ввел строку „Былина историческая, П. Н. Дурново посвященная“.

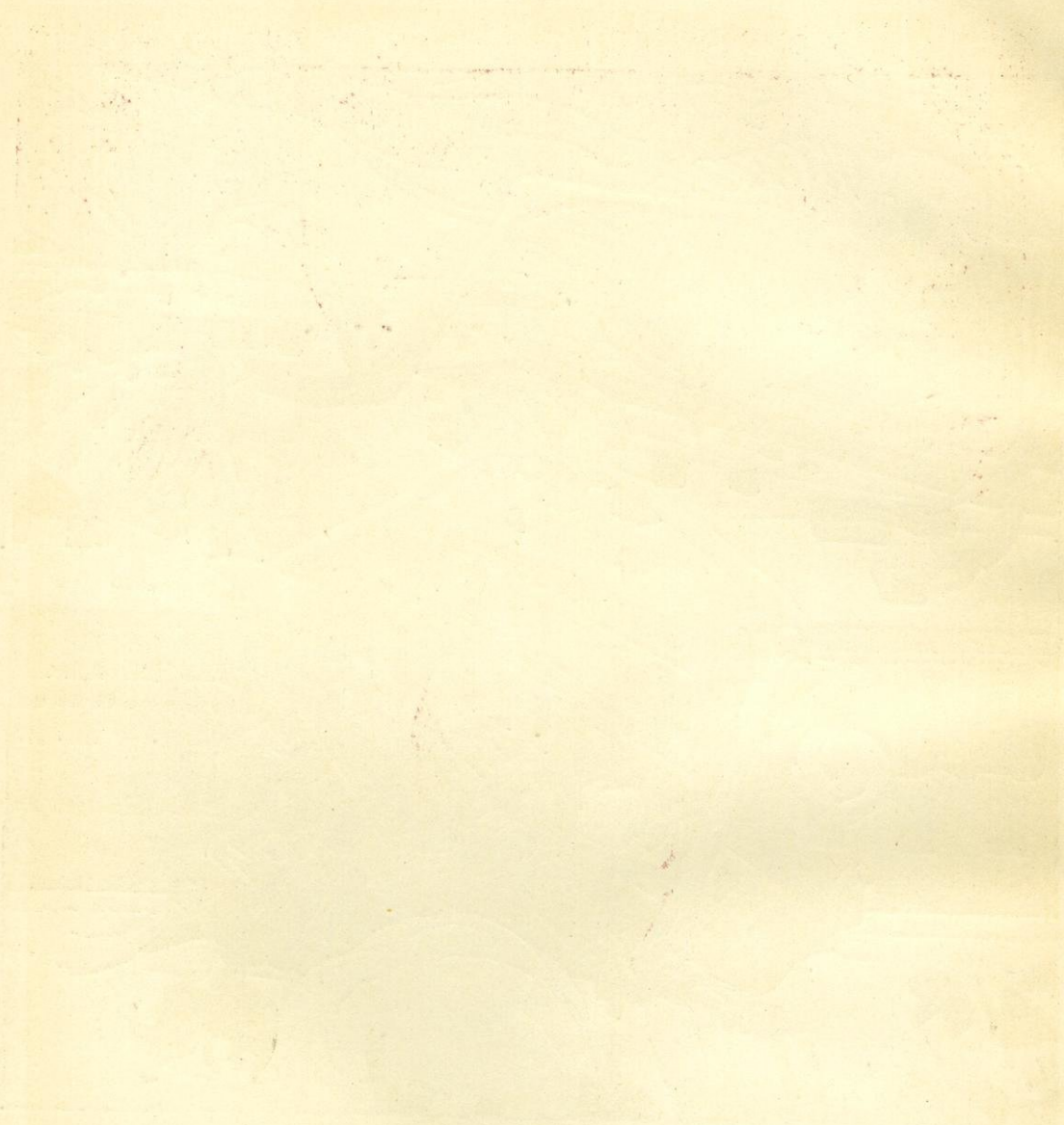
² Командантом во дворце назначен был Трепов.

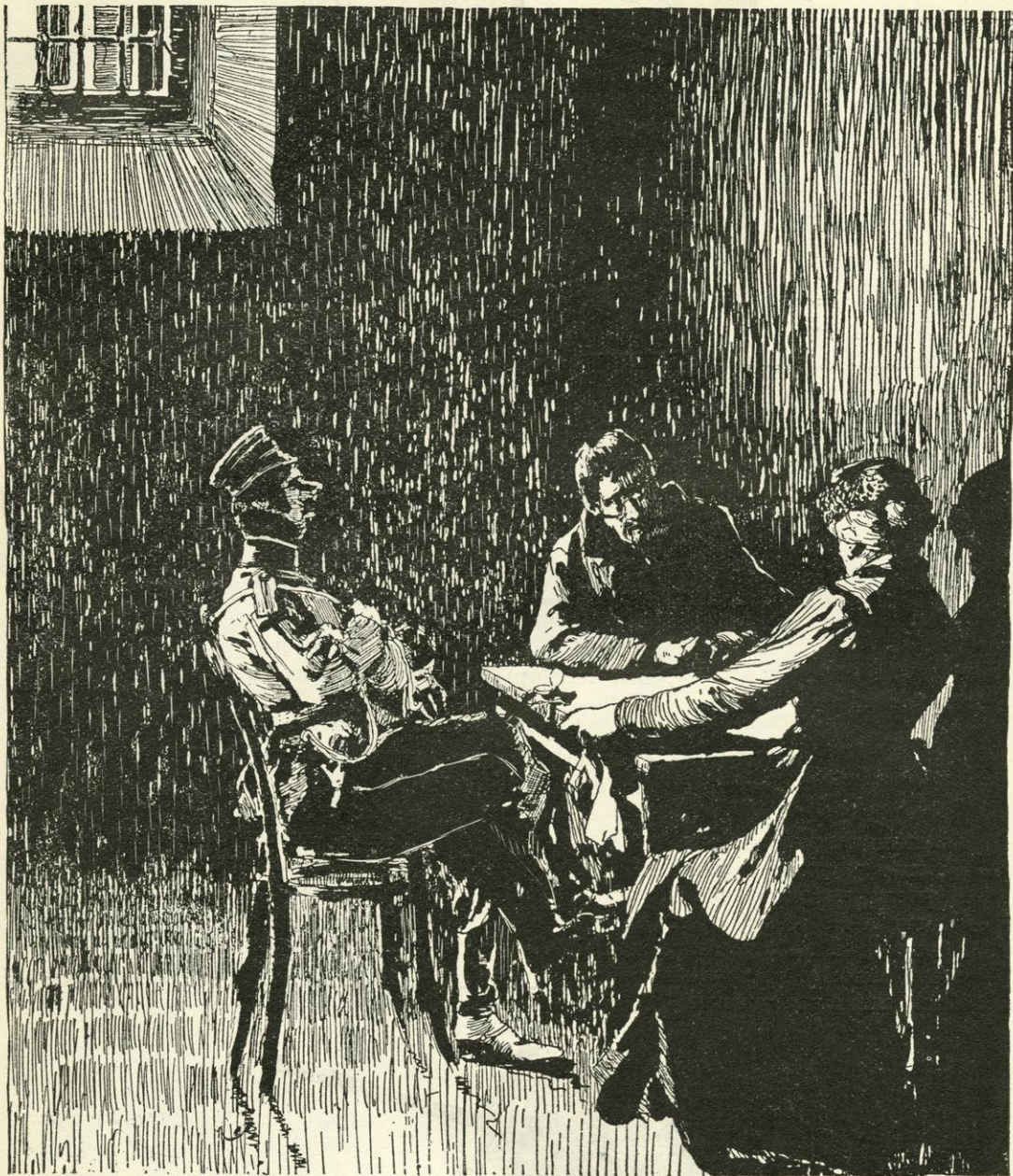

МОСКВА.
ВСТУПЛЕНИЕ.

(„Жупел“, 1905 г., № 2.)

Рис. Б. М. Кустодиева.

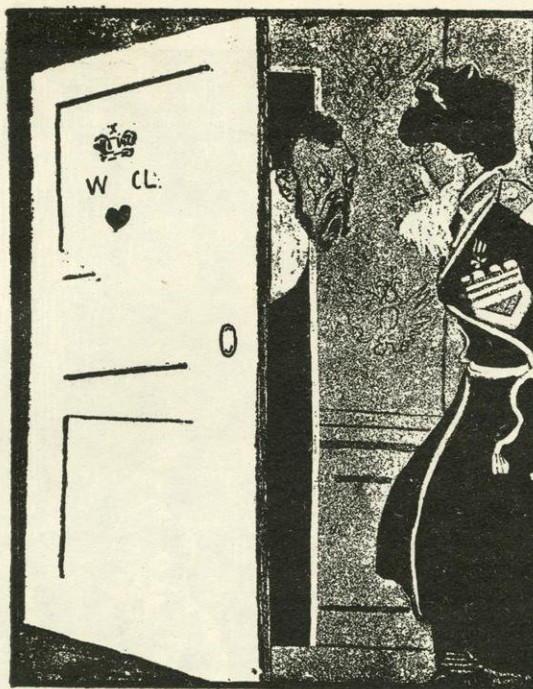

НА СВИДАНИИ В ТЮРЬМЕ.

(„Маски“, 1906 г., № 2.)

Рис. Н. Шестопалова.

— Государь! они требуют вашей головы!
 — Скажи им, что у меня ее никогда не было.

Композиция худ. Д'Остойя.

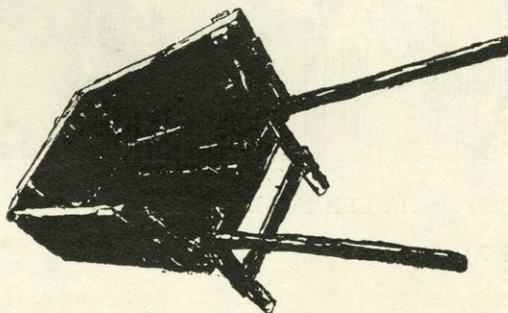
(„L'Assiette au Beurre“, номер „Святая Россия“, ноябрь 1905 г.)

Полетели черны вороны,
 Воронье ли то цесарское,
 Налетели те приспешники...
 Ох ты, гой еси, народ честной!
 И чего горевать, али долго ждать?
 Слезы высохли до капельки,
 Наши слезы кровавнистые,

В землю каменну впитались,
 А впитавшись, притаилися,
 Притаившись, ждуд времечка...
 А тем временем во тереме расписанном
 До сегодня ходит чудище поганое...

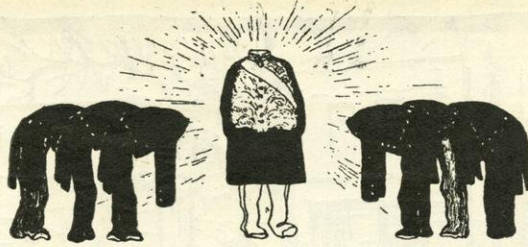
Сила Дворянинович.

(„Зритель“, 1905 г., № 25, 11 дек.)

Современный автомобиль.

(„Гудок“, 1906 г., № 4.)

П а р т и и.

Для интеллигенции, для обывателя роль социал-демократической партии в событиях 1905—6 гг. осталась совершенно неясной и даже незаметной. Работа по организации рабочих масс и по вовлечению их в сознательную революционную борьбу с самодержавно-буржуазным строем носила слишком конспиративный, невидимый характер. Иное дело эс-эры. Террористические акты, к которым прибегали они, производили огромное впечатление на обывательские круги. И эта борьба террора индивидуального с тер-

рором правительственным не могла не найти себе отражения в сатирической литературе.

ГУСЕЛЬКИ.

Плеве, Плеве, где ты был?
На Фонтанке кровь я пил:
Правил годик, правил два, —
Отлетела голова...

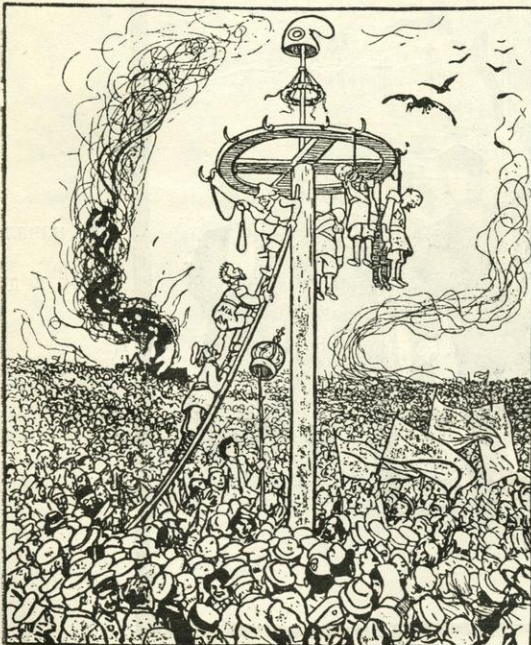
(„Зарево“, № 1, 1906 г.)

ПЕСНЯ ДЕРЖИМОРДЫ.

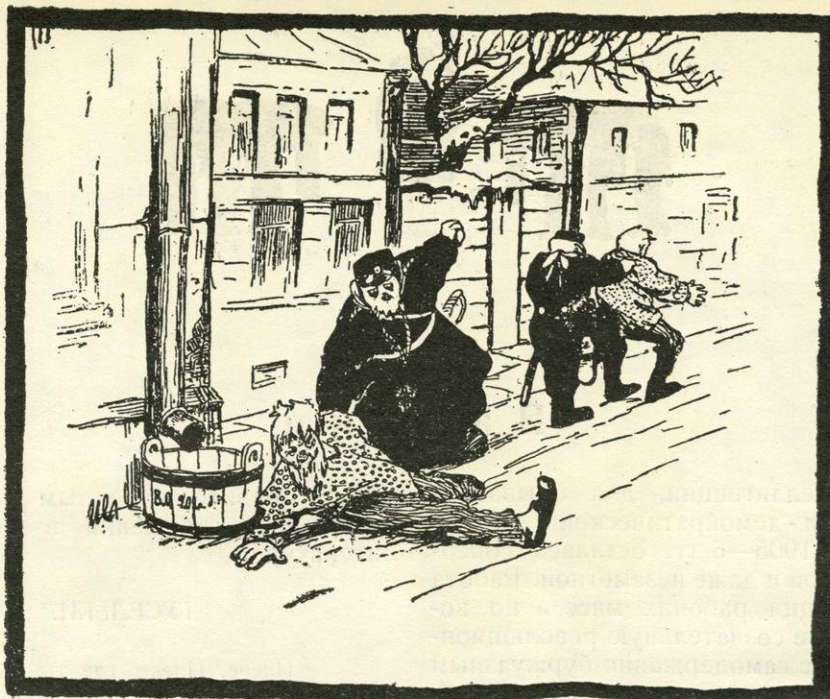
Было время в стары годы:
Не знавали мы свободы
И брожения;
Угощались, наряжались,
И на нас не совершались
Покушения.
А теперь статья иная,
Словно нация другая,
Ядовитая!
Ничего ей нет святого,
Не боится станового,
У, сердитая!
Не бояся всякой швали,
Уж мы жили-поживали,
Припеваючи.
Как из собственной мошонки,
Из казны гребли деньжонки,
Не считаючи.
Всё пугают грабежами
Да злодейскими делами
Власть господнюю.
Что ни день — дрожишь со страху,
Что отправишься с размаху
В преисподнюю.

Сильф.

(„Еж“, 1806 г., № 1.)

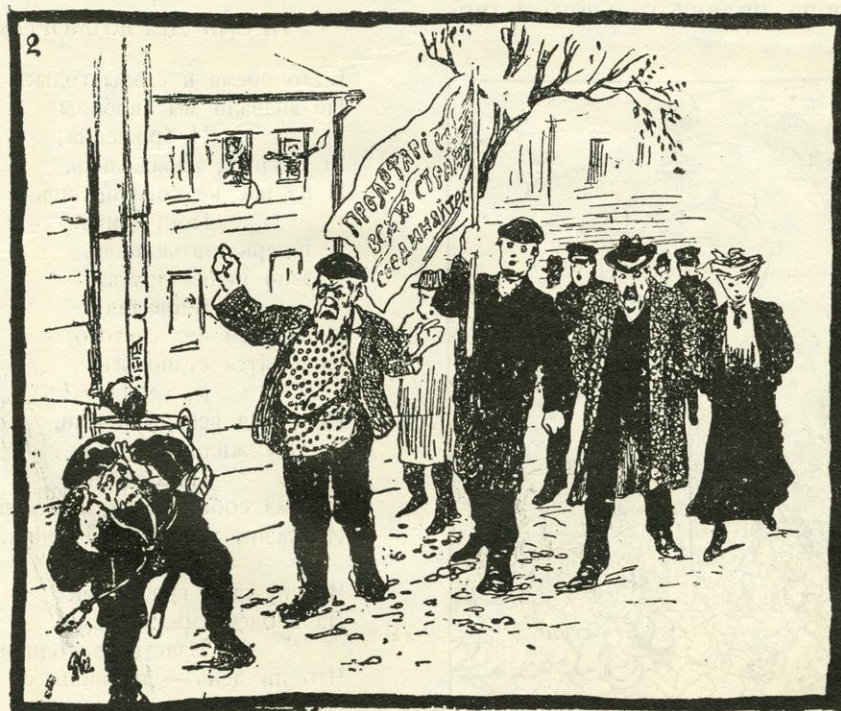

КОШМАРНЫЕ СНЫ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ.
(„Der Wahre Jacob“, Штутгарт, 1906.)

В начале
1905 года.

— Вставай, подымайся, рабочий народ!

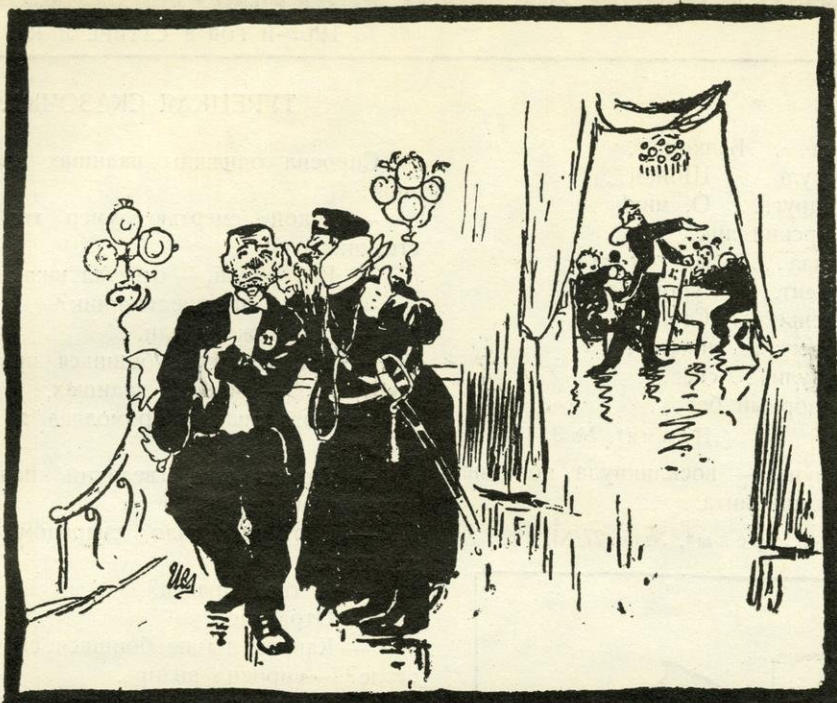

В начале
1906 года.

— Вставай, подымайся, рабочий народ!

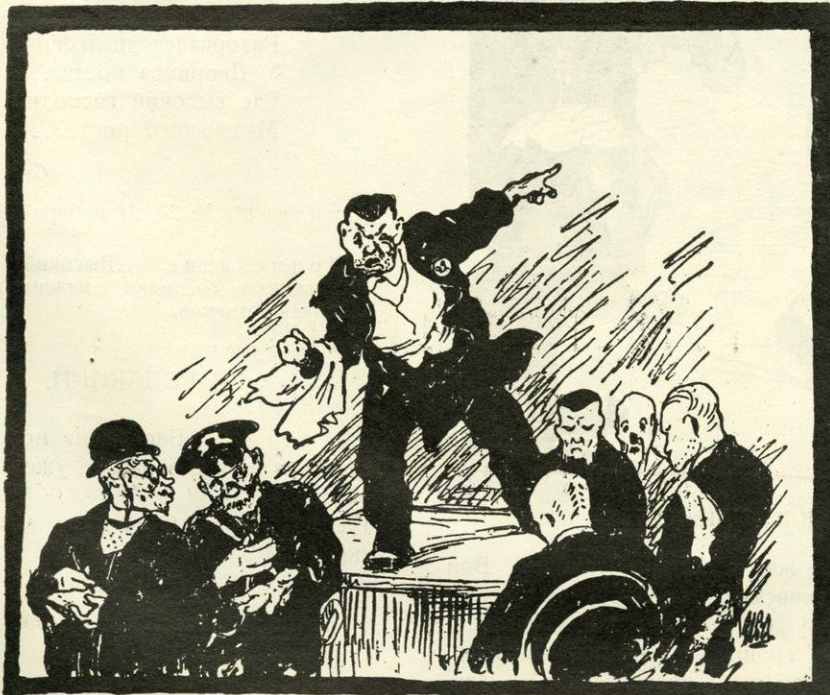
(„Пулемет“, 1906 г., № 4.)

Рис. А. Иванова.

В начале
1905 года.

— О чем говорили господа и что требовали?
-- О чем говорили — не знаю. А требовали больше нарзан...

В начале
1906 года.

— Мы требуем!.. Наша платформа!..

(„Пулемет“, 1906 г., № 4.)

Рис. А. Иванова.

* * *

Луна... Балкон...
 Патруль... Шпион...
 И вдруг... О, миг!
 Эс-эровский лик!
 Сигнал... Свисток...
 Момент... Курок...
 Паденье... Стон...
 В снегу... шпион...
 Патрули... снег...
 Проворный бег...

(„Пламя“, № 3, 1905 г.)

Вот так фунт! — воскликнула полиция,
 найдя два пуда динамита.

(„Стрелы“, № 5, 27/XI, 1905 г.)

МЕЖДУ СУДЕЙСКИМИ.

— И везет же, у кого протекция! Вон ему всё эс-дековские да эс-эровские дела дают, а нашему брату одни кадетские; по таксе цена им грош. Тут не разживешься! Что значит кончить правоведение! Ишь брюхо отrostил!

Рис. А. Г.

(„Юмористич. Альманах“, 1906 г., № 4:
 „Агитация“.)

ТУРЕЦКАЯ СКАЗОЧКА.

Спросил однажды падишах великого визиря:

— Какой смертью умер твой предшественник?

— Его убили, — отвечал визирь.

— А его предшественник?

— Его тоже убили.

— Как же ты не боишься править министерством? — спросил падишах.

Великий визирь промолчал и стал спрашивать:

— Скажи мне, великий падишах, как почил твой дед?

— Его разорвало снарядом, — ответил падишах.

— А твой прадед?

— Отравился.

— Как же ты не боишься сидеть на престоле? — спросил визирь.

— Откуда ты знаешь, что я не боюсь? — возразил падишах.

Крукс.

(„Зарево“, № 1, 1905.)

ЧЕПУХА.

Разорвался апельсин
 У Дворцова моста...
 Где высокий господин
 Маленького роста...

Саша Черный.

(„Зритель“, № 23, 27 ноября 1905 г.)

Примечание. „Высокий“ по своему положению господин маленького роста — Николай Романов.

В РЕДАКЦИИ.

Секретарь. Биография нового генерал-губернатора лежит в запасе уже третий день. Разобрать ее?

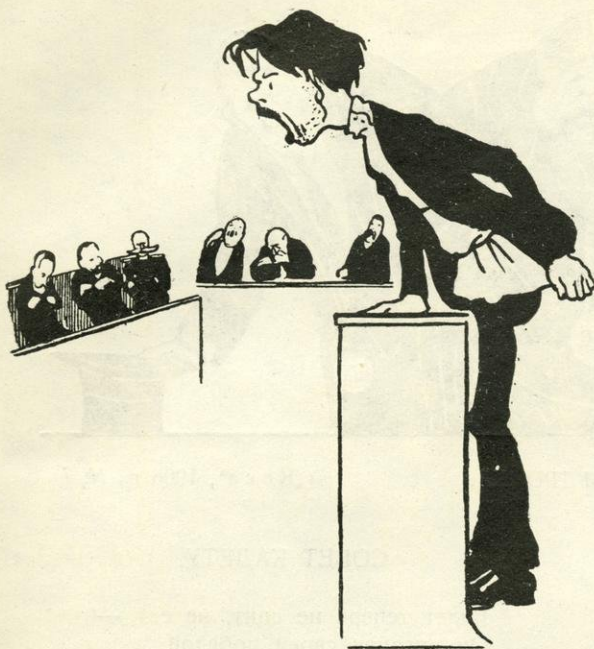
Редактор. Оставьте. Сразу пустим в некролог.

Скит.

(„Сигналы“, экстр. прил., 1906 г.)

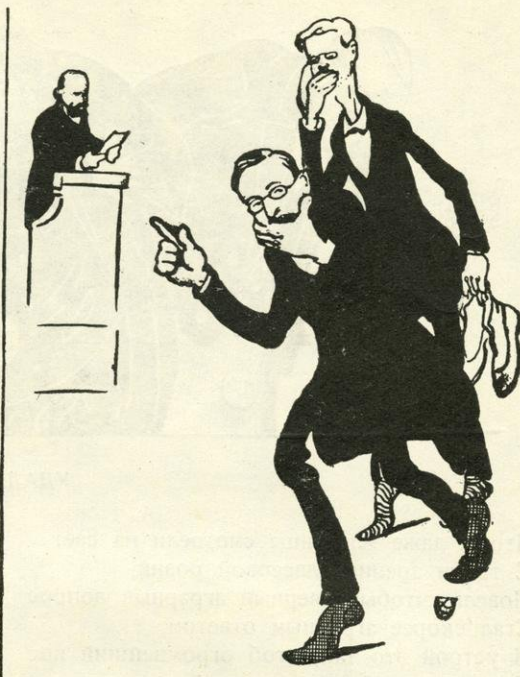
Апельсинов бояться — губернатором не быть.

(„Дятел“, 1905 г., № 1.)

Нота эс - дек - фортиссимо (контра-пункт), открытая. Высокая нота, от которой правая сторона приходит в уныние и у некоторых из них в ушных перепонках появляются трещины. В сферах носятся упорные слухи, что будто думский потолок провалился от этой иерихонской трубы.

(„Юмор. Еженед.“, № 12: „Декларация“, 1907.)

Нота пьаниссимо-эс-тэ (министерская) — без громких слов и без твердых букв (последние подразумеваются). Эта нота — верх музыкальной виртуозности. Чтобы уловить ее, необходимо идти на некоторые принципиальные уступки, например закрывать рот пальцами и прислушиваться к ней на цыпочках, чтобы не терять такта.

КУЧЕР ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА.

Удручен былым примером,
Кучер важного лица,
Обращается к эс-эрам
И стучится в их сердца:
Досточтимые эс-эры!
Пью за ваше торжество.
Но молю: примите меры
Для спасенья моего.
Я исполнен беспокойства
За грядущий мой удел...
Нет ли бомб такого свойства,
Чтоб остался кучер цел?

Lolo.

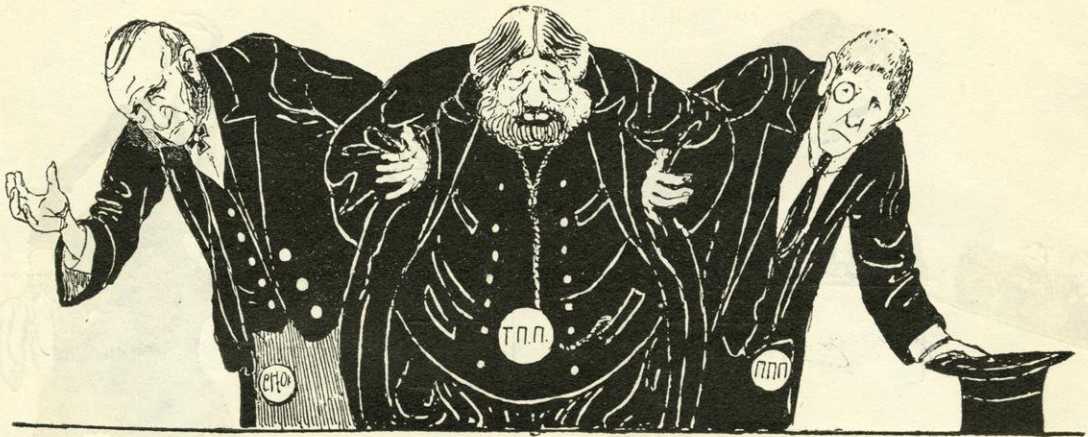
(Сигнал“, № 3, 27/XI, 1905 г.)

Роль эс-эров была преувеличена. А роль социал-демократов осталась совсем нераскрытой в сатире. Об этом

хорошо говорит перепечатанная рядом эс-эровских журналов

МОЛИТВА ЭС-ДЕКА.

Ранним утром встает социал-демократ,
Член Великой Российской Единой,
Буржуазную плоть в пролетарский халат
Облекает с суровою миной.
Поплескавши на личность небрежно водой
И подумав о массе при этом,
Опускается он пред иконой святой —
Пред великого Маркса портретом.
„О, великий учитель, — молился эс-дек, —
Ты, чья догма всегда непреложна,
Ты, чья схема всегда справедлива везде,
Чьи слова изменить невозможно, —
Повели; чтоб эс-эры не знали побед,
Чтоб эс-эров разрушились козни,

УДАЛАЯ ТРОЙКА.

(„Коса“, 1906 г., № 7).

Чтобы даже младенцы смотрели на свет
С точки зрения классовой розни.
Повели, чтобы скверный аграрный вопрос
Стал скорее аграрным ответом,
И устрой это так, чтоб огромный нос
Получили эс-эры при этом.
Повели, чтоб в деревню проник капитал,
Чтобы крупное ввел производство,
Мужика чтоб скорей от земли оторвал
И придал с пролетарием сходство“.
Так молился эс-дек, восстав ото сна,
Но в ответ на мольбы социала,
Молвил Маркс: „Отойди от меня, сатана,
И прочти третий том „Капитала“.

Овод.

(„Ерш“, № 2, 28/V 1906 г.)

НАБИВШИЙ ОСКОМИНУ ДИАЛОГ.

С.-р.

Я в вашей узости для дела вижу вред,
Я „всех трудящихся“ под знамя созываю...

С.-д.

Ты сер, а я, приятель, сед
И буржуазную твою натуру знаю...

Красный.

(„Стрелы“, № 2, 1905 г.)

„Кадеты“ стали в центре внимания
сатиры в связи с успехами их при вы-
борах в I Государственную Думу.

СОВЕТ КАДЕТУ.

Кадет теперь не спит, не ест, —
Он опьянен своей победой.
Готовит в Думу он протест...
Кадет! В тюрьме не пообедай!

(„Рабочий Юморист“, № 1, 1906 г.)

* * *

Раз спросили у „ка-дега“:

— Друг, скажи, какого цвета
Ваше знамя? — Наше знамя?..

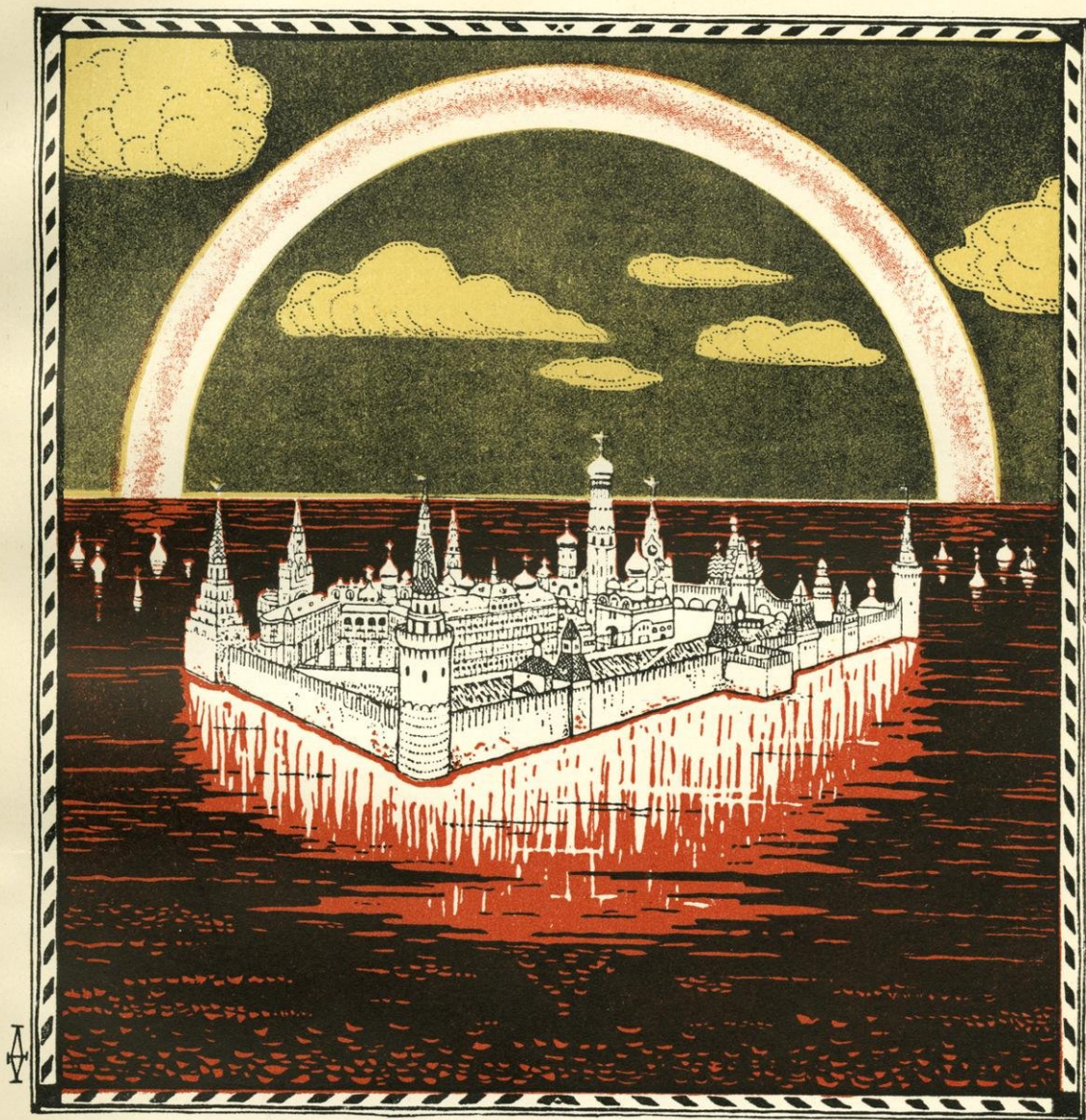
Наше знамя — то как пламя,
Розы щечек царь-девицы,
Потухающей зарницы...
То как лоск степей безбрежных...
Изумруда красок нежных...
Сквозь рассеянный туман...

— А, понятно... Цвет changeant.

 („Казанский Раешник“, № 1, янв. 1907 г.:
„Свобода и жизнь“).

ОКТЯБРИСТ.

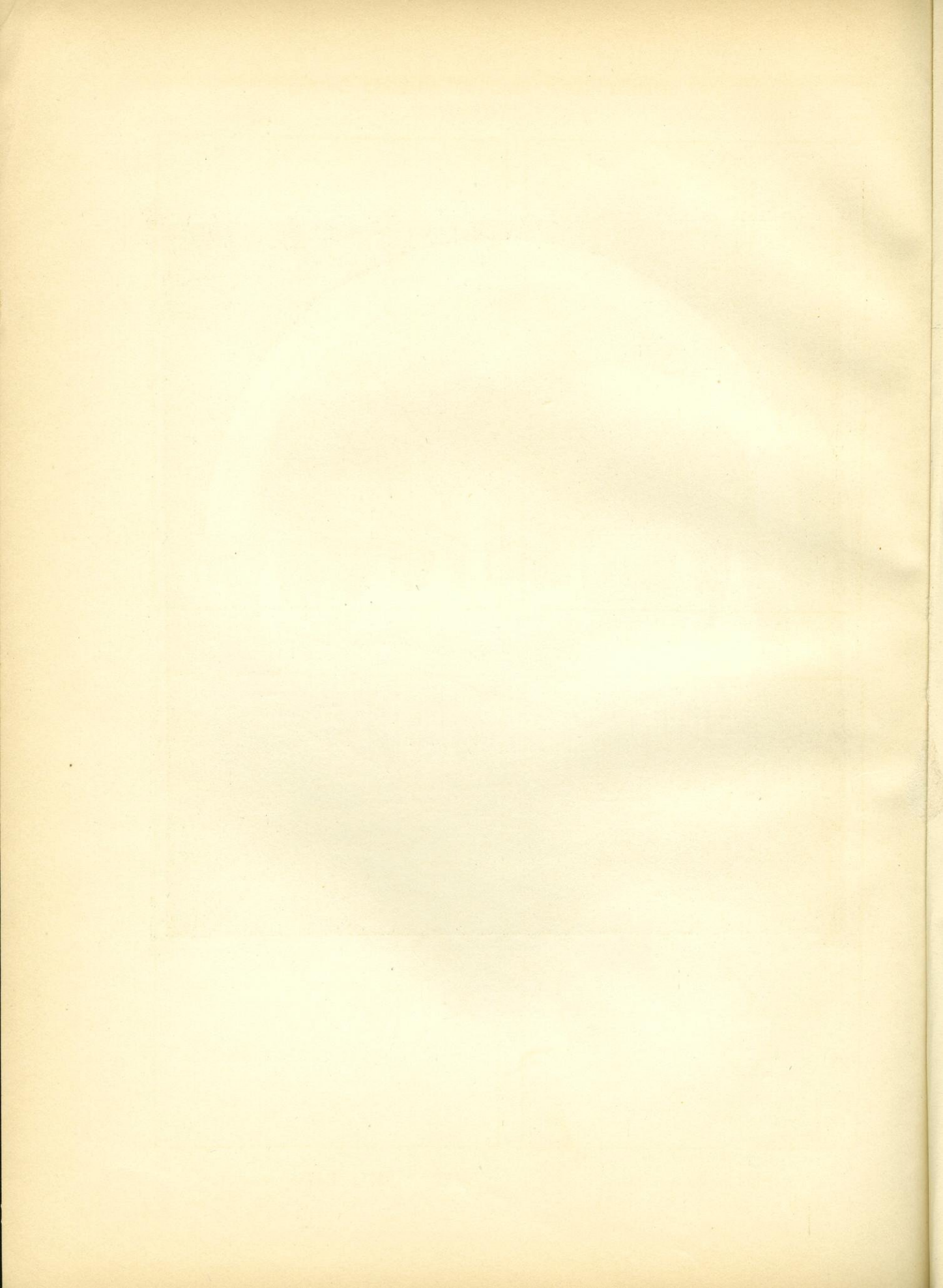
Я — октябрист. К чему секреты?
Я верю свято в манифест
И знаю: буйство и протест —
Все это ценят лишь эс-деты.
К успокоению страны
Стремиться граждане должны,
Тогда забудутся невзгоды,
И долгожданные свободы
На землю сами снизойдут...

МОСКВА
УМИРОТВОРЕНИЕ

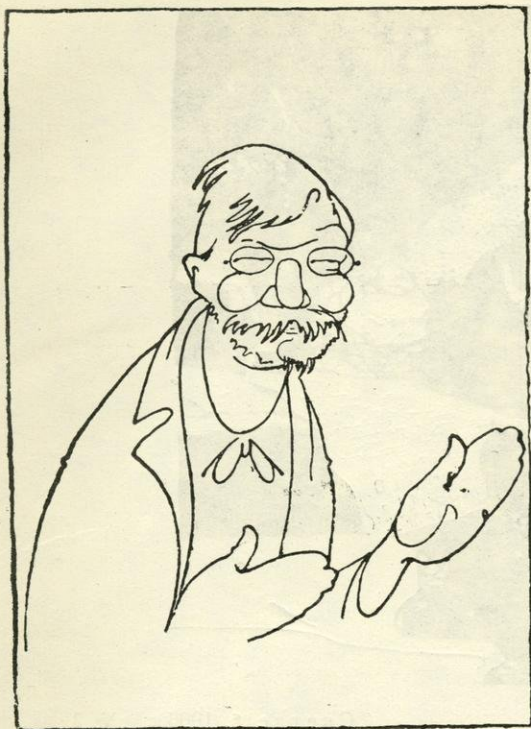
(„Жупел“, 1905 г., № 2)

Рис. М. Дебужинского.

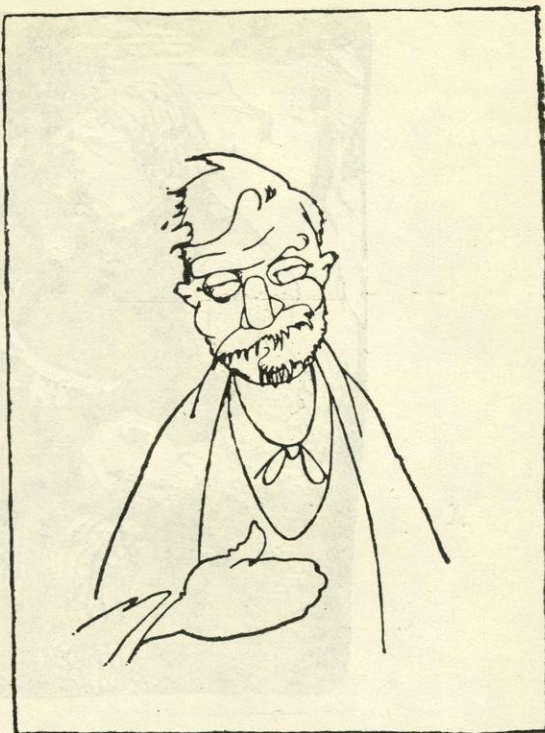

РЯД ВОЛШЕБНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ МИЛОГО ЛИЦА.

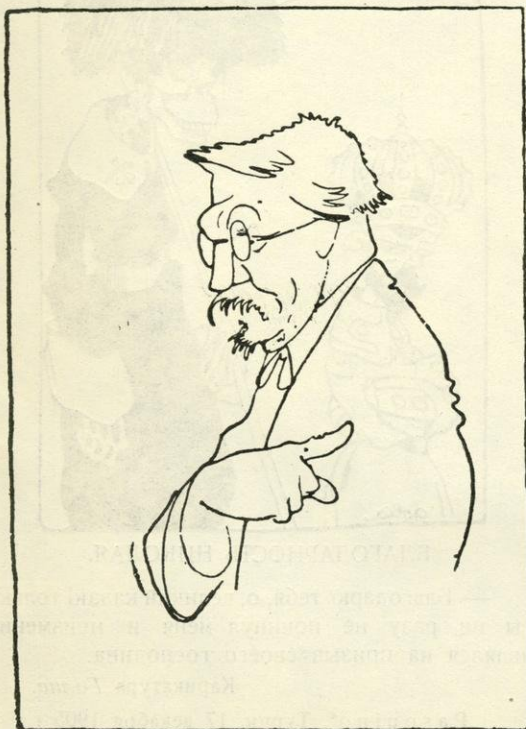
(Посвящ. П. Н. Милюкову.)

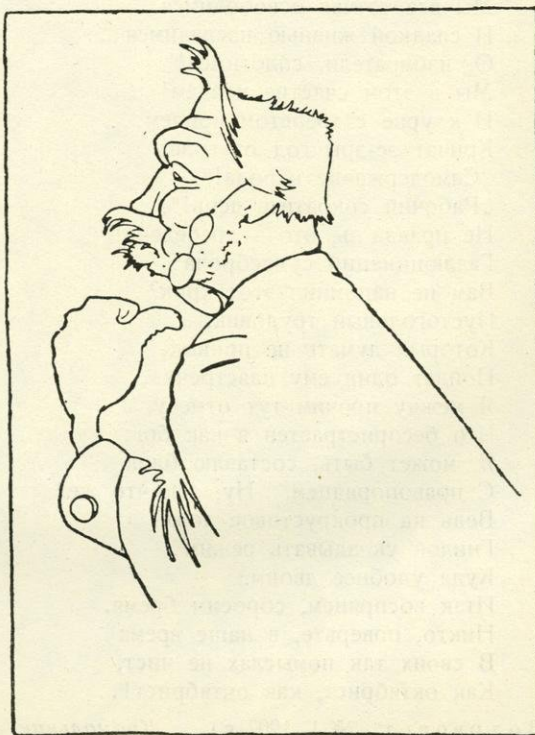
1904 г. Друзья слева.

1905 г. Друзья слева.

1906 г. Соседи слева.
(„Серый Волк“, 1907 г., № 14.)

1907 г. Враги слева.
Рис. Ре-ми.

(„Светаец“, 1906 г., № 2.)

Придет насилью капут,
 И от его несносных пут
 Мы все тотчас освободимся
 И сладкой жизнью насладимся...
 О, избиратели, сплотимся!
 Мы в этом счастье найдем!
 И к урне с трепетом пойдем...
 Кричат эс-эры год от года:
 „Самодержавие народа!“,
 „Рабочий сократите день!“.
 Не правда ль, это — дребедень!
 Галлюцинаций сумасброда
 Вам не напомнил этот крик?
 Пустоголовый трудовик,
 Который думать не привык,
 Пойдет один ему навстречу...
 Я между прочим тут отмечу,
 Что беспристрастен я как бог;
 Я, может быть, составлю блок
 С правопорядком. Ну, так что же?
 Ведь на прокрустовое ложе
 Гнилой укладывать режим
 Куда удобнее двоим.
 Итак воспрянем, сбросим бремя.
 Никто, поверьте, в наше время
 В своих так помыслах не чист,
 Как октябрист, как октябрист!..

(„Водоворот“, № 1, 1907 г.) Крамольник.

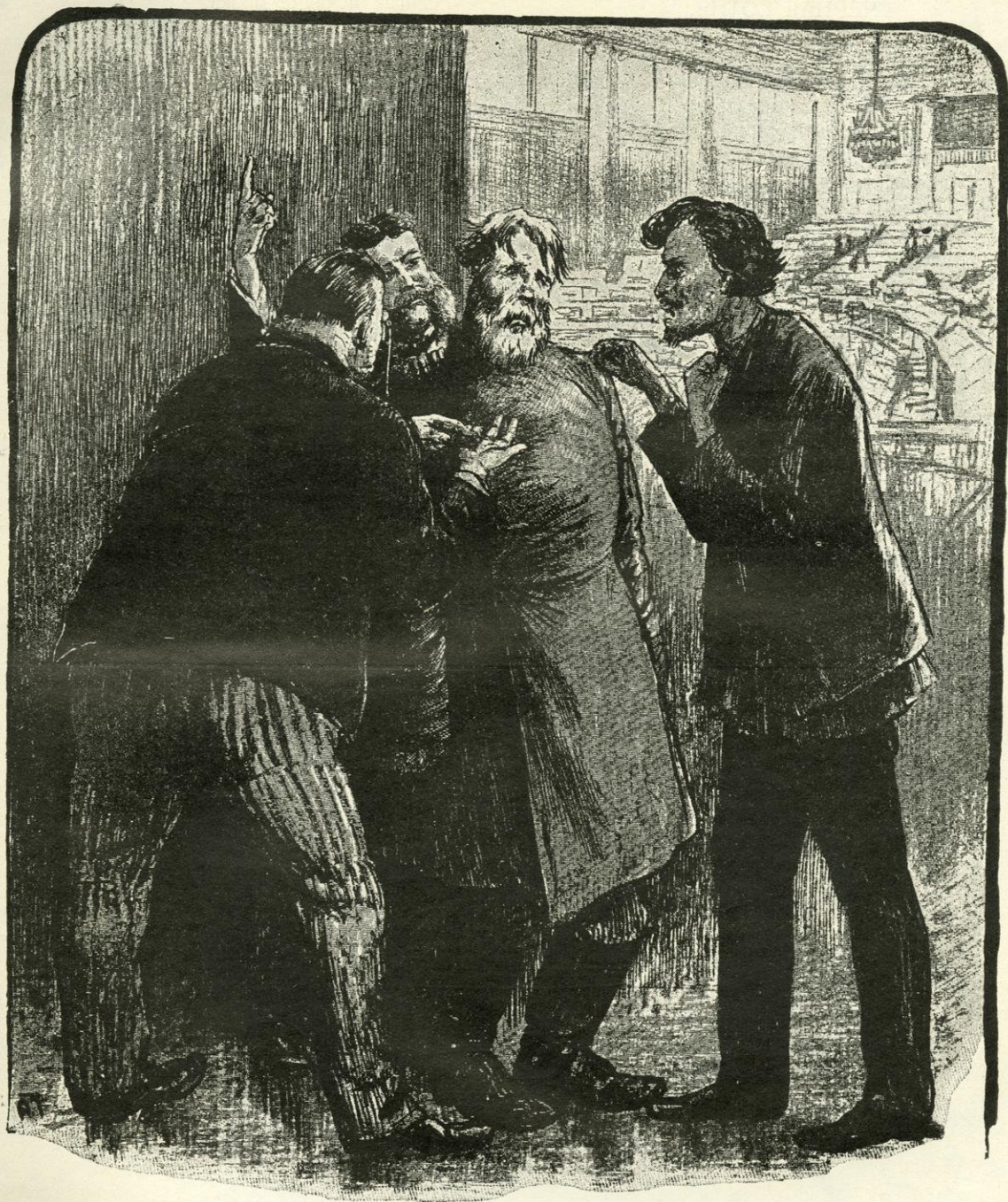

БЛАГОДАРНОСТЬ НИКОЛАЯ.

— Благодарю тебя, о, великий казак! только ты ни разу не покинул меня и неизменно являлся на призыв своего господина.

Карикатура Голиа.

(„Pasquino“, Турин, 17 декабря 1905 г.)

ЛАКОМЫЙ КУСОК.

(„Борцы,“ 1906 г., № 1.)

ЧЕРНАЯ СОТНЯ.

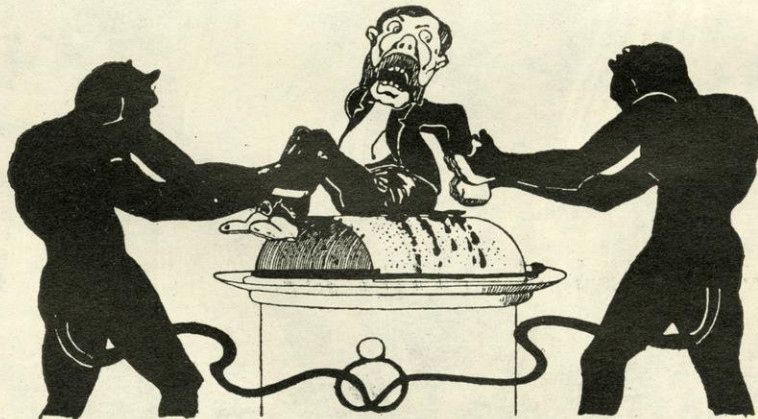
Не стая воронов слеталась
 На груду тлеющих костей —
 В манеже шайка палачей
 По воскресеньям собиралась.
 Какая смесь одежд и лиц,
 Племен, наречий, состояний!
 Здесь — и брильянты светских львиц,
 И шляпки „гибнущих созданий“.
 Здесь и Фролов, и Крушеван,
 И рожа хитрая шпиона,
 И полупьяный хулиган,
 И сын воинственного Дона,
 И Нейдгарт, и полковник Мин,
 И серый полицейский чин,
 И члены „Русского Собрания“,
 И — рышарь травли и стяжания —
 Нововременский шарлатан,

Насилье, кровь, разврат, обман —
 Религия исчадий мрака.
 Здесь озверелый ретроград
 За четвертак резать рад
 Жида, студента и поляка.
 Затихли все, и Крушеван
 Зовет к погрому без стеснения,
 И рукоплещет черный стан
 „Патриотическому“ рвению.

Проклятье ль падает на вас,
 Враги лукавые народа.
 Уж близок тот желанный час,
 Когда желанная свобода
 В кровавом зареве взойдет
 Над пробужденною страной
 И всех вас, черные герои,
 Своим дыханием сметет!

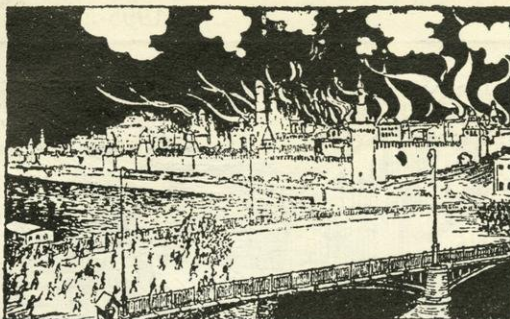
Бор. Тимофеев.

(„Стрелы“, № 8, 1 янв. 1906 г.)

НА ТОМ СВЕТЕ

(„Пчела“, 1906 г., № 3.)

ОНА ПЛАМЕНЕЕТ, А ОН...

(„Пулемет“, 1905 г., № 3.)

Рис. А. Н. де-Пальдо.

Декабрьское восстание.

Отклик сатирической печати на события „красного декабря“ насыщен двумя лейт-мотивами: преклонением перед величием восставших и бичующим гневом по адресу бесчеловечных укротителей. Если жестоки были главки карательных отрядов, то генерал Дубасов в борьбе с революционной Москвой побил все рекорды. Против баррикад двинул он артиллерию, разрушил и снес целые кварталы, перебил мирного населения свыше 1000 человек.

— Дернем про свирепость
Удалую песню.
Брали мы не крепость,
А родную Пресню.
Стоны, канонада...
— Ох, крикун, не надо,
В песне мало склада...

Не-Пресный.

(„Фонарь“, № 1, 1906 г.)

„НАД МОСКВОЙ ВЕЛИКОЙ ЗЛТОГЛОВОЮ...“

ЗАРЯ АЛАЯ ЗАНИМАЛАСЯ...

(„Стрелы“, 1905 г., № 7.)

(„Великая Москва“, 1905 г., пробный номер.)

Рис. Н. Шестопалова.

В КРАСНЫЕ ДНИ.

Под градом пуль стоят дружины,
И на вершинах баррикад,
Средь трупов павших, голос львиный
Гудит в набат...

На бой последний, бой кровавый
Он мощно, гордо нас зовет,
И этот бой, великий, правый,
Низвергнет гнет...

Земля в крови; огнем восстанья
Свирепо мчится гордый вал,
И гниль разрушенного зданья
Разносит шквал.

Борцы идут. Под их напором
Трепещут замки палачей...
Их песни льются дружным хором
Под звон мечей.

Под градом пуль стоят дружины,
И на вершинах баррикад,
Средь трупов павших, голос львиный
Гудит в в набат...

М. Мазель.

(„Великая Москва“, 1905 г.)

* * *

Слышал, видел, гудел правду колокол,
Запечатанный семью татарскими печат-
ями...

Горяча была та правда вольная,
Горяча была молитва дружная,
И холоп-звонарь усмотреть не мог:
Растопила правда вольная
Семь печатей колокольных...
Раскачался колокол—и гул пошел,
И гудит, в набат бьет вечевой язык,
Созывая рать на бойницы кремлевские,
Негодую на рабство извечное...

Сила Дворянинович (Фалеев).

(Из „Былины о вечевом колоколе“—
„Великая Москва“, 1905 г.)

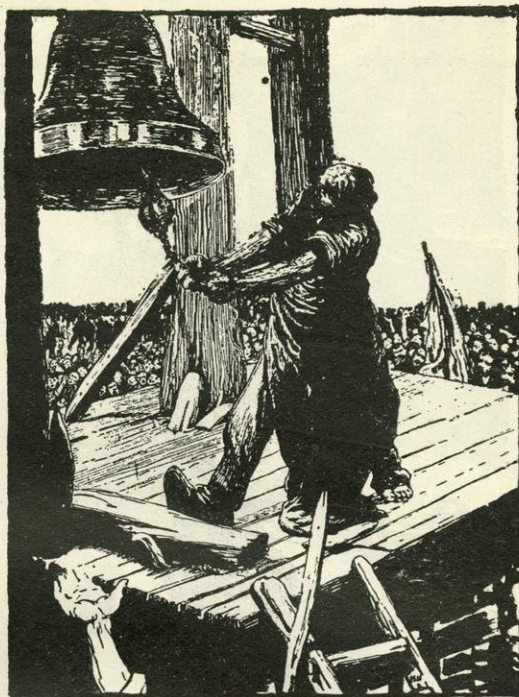

Рис. Н. Шестопалова.

(„Альманах“, 1906 г., № 4.)

Рис. Грабовского.

(„Пулемет“, 1905 г., № 3.)

* * *

„Безумству храбрых поем
мы славу“.

Горький.

Как львы, дрались они...

Под грохот канонады,
Под шум и треск пальбы, жестокой и
слепой,

Как в сказочной борьбе, воздвигли бар-
рикады

И ринулись на бой...

Как львы, дрались они...

Сквозь мглу и дым и пламя,
Сверкая и маня, колеблясь и дрожа,
Вставало вновь и вновь воинственное
знамя

Борьбы и мятежа...

Окроплено слезами, окрашенное кровью
Героев и борцов, оно звало вперед.
И шел, все шел за ним, горя к нему
любовью,

Поднявшийся народ...

И шел, все шел за ним. И крепили
баррикады,

И рос мятежный клич, и расцветала
месть.

И гордый гимн борьбе звучал как весть
отрады,

Победы светлой весть...

И падали одни—вставали вслед другие;
Как в сказочном бою, борцы росли,
росли...

У БАРРИКАДЫ — НАЧАЛО.

(„Пулемет“, 1906 г., № 5.)

Рис. Грабовского.

И в жертву родине несли мечты святые
 И жизнь свою несли!..
 О, пусть на время смолк и шум борьбы,
 и крики,
 И гордый, смелый клич восставшего
 раба..
 Да здравствует народ и гнев его
 великий,
 Да здравствует борьба!

Г. Вяткин.

(„Великая Москва“, 1905 г.)

* * *

Шли на приступ. Прямо в грудь
 Штык наточенный направлен.
 Кто-то крикнул: „Будь прославлен“.
 Кто-то шепчет: „Не забудь“.
 Рядом пал, вплеснув руками, —
 И над ним сомкнулась рать.
 Кто - то бьется под ногами,
 Кто — не время вспоминать.
 Только в памяти веселой
 Где - то вспыхнула свеча.
 И пошли, стопой тяжелой
 Тело теплое топча...

ДУБАСОВ.

(„Адская Почта“, № 3 — „Олимп“ — 1906 г.).

Рис. Б. М. Кустодиева.

Паяцы

Ведь никто не встретит старость —
Смерть летит из уст в уста...
Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста...
Что же? Громче будет скрежет,
Слаще боль и ярче смерть!
И потом — земля разнежит
Перепуганную твердь.

Александр Блок.
(„Новая Жизнь“, 1905 г., № 24.)

СОВРЕМЕННЫЙ ПИРР.

— Еще одна такая победа, и от меня
ничего не останется.

Рис. Н. Шестопалова.
(„Зритель“, 1906 г., № 19.)

БОЕВАЯ ПЕСНЯ.

От утра до утра,
Под напевы ядра
И под гром боевой канонады,
С нашим старым врагом
Бой упорный ведем,
И, как в сказке, растут баррикады.

Презираем мы страх
И несем на плечах
Светлый мир трудовому народу.

М. Ольшанский.
(„Бурелом“, № 3, 1 янв. 1906 г.)

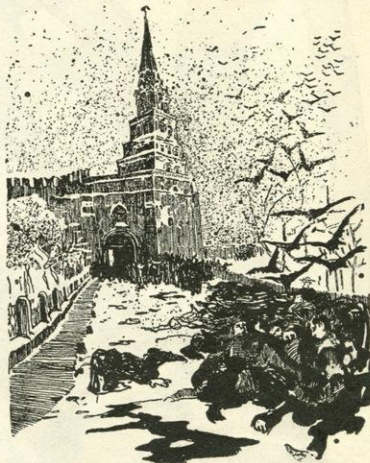

Рис. А. Н. де-Пальдо.
(„Пламя“, 1906 г., № 3.)

Настроение рабочих, по призыву Московского Совета Рабочих Депутатов, ответивших вооруженным восстанием на разгон Петербургского Совета, хорошо передано приведенными стихотворениями.

Адмирал Дубасов застигнут был новой забастовкой и баррикадами врасплох. На помощь ему из Петербурга отпра-

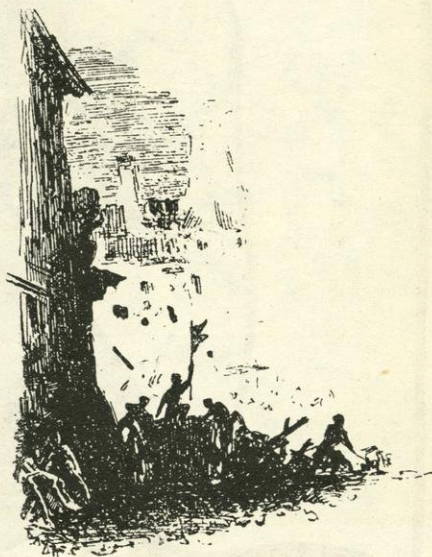

Рис. А. Юнгера (Баяна).
(„Спрут“, 1906 г., № 5.)

НА КОЛОКОЛЬНЕ СТРАСТНОГО МОНАСТЫРЯ.

(„Великая Москва“, пробный номер.)

Рис. Н. Шестопалова.

— Великий государь, новое несчастье! Выборгский полк восстал!

— Что ж я могу тут поделать? Сообщите германскому императору, он шеф этого полка!

(„Lustige Blätter“, Берлин, 1906 г.)

влен был Семеновский полк под командой генерала Мина. Эта сторона „декабрьского“ восстания отражена сатирой полно.

Разнес он древнюю столицу
И давит в Питере детей,
Он орден получил в петлицу,
Он — генерал на страх людей!

Но чует сердце, — уж недолго
Ему по Невскому гулять
И храбростью Неву и Волгу
И Рейн и Темзу удивлять.

Подложат скоро Мину мину,
Не пощадит она его,
И скорчив горестную мину,
О Мине вспомнит Дурново!

Премудрая крыса Онуфрий.

(„Ерш“, 1906 г., № 6.—Томск.)

РУССКИЙ НАРОД, ЗАГОТОВЛЯЮЩИЙ
ГРОБ ЦАРЮ

— Николай, ты сам к тому привел!

(„Avanti“, Рим, 1906 г.)

„ЗАВОЕВАТЕЛЬ“ МОСКВЫ.

Полковник Мин в Москву явился
И с гордой миною изрек:

„Кто мины класть под власть решился,
Тот ныне мертвый человек!“.

1812 — 1905 г.

Когда в неволе закатился
Наполеона грозный век,
Поэт великий вдохновился
И оду дивную изрек.
И восхищенная столица
Внимала вещие слова:
„Померкни, солнце Аустерлица,
Пылай, великая Москва!“.
И вот опять Москва пылает,
Где галл надменный умирал,
И над руинами вещает
Наш сухопутный адмирал:
„Еще гуляем по Руси мы,
А там — хоть не расти трава!
Померкни, зарево Цусимы,
Пылай, крамольная Москва!“

Квак.

(„Стрелы“, 1905 г., № 7).

МОСКВА И ДУБАСОВ.

(„Карикатурный листок Газеты Газет“, 1905 г., № 3.)

Рис. Д. Невского.

* * *

Зима. Реакция, ликуя,
Справляет свой кровавый пир.
В Москве Дубасов, кровь почуя,
Расстрелом удивляет мир.
Давя, топя, рубя, стреляя,
Бушует черных сотен стая.
Граф Витте врет про пять свобод,
Чтоб обмануть верней народ.

(„Знамя“, 1906 г., № 1.)

ДУБАСОВ И СВЕЧКА.

Придя к Дубасову, копеечная свечка
С ним о заслугах стала толковать
И утверждать,
Что он пред ней смиренная овечка.
„Превосходительный, судите сами вы,—
Так свечка говорила,—
Сожгли вы только треть Москвы,
А я так всю Москву спалила“.

Андрей Леонидов.

(„Стрелы“, 1906 г., № 1, 8 янв.).

НА МОРЕ И НА СУШЕ.

Опора власти бесконтрольной,
Наш сухопутный адмирал
Снега Москвы первопрестольной
Народной кровью замарал.
Пожалуй, в этом - то и горе
Страны, томящейся во зле,
Что трусят адмиралы в море,
И слишком храбры на земле.

В. Михайлович.

(„Стрелы“, № 8, 1 янв. 1906 г.)

ДЕМОН-ХРАНИТЕЛЬ МОСКВЫ.

Рис. Ворноа.

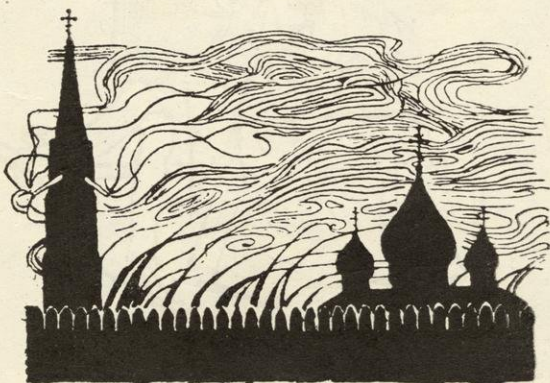
— На зимнего Николу — прячь револьвер
под полу.

(„Бурелом“, № 3, 1906 г.)

(„Пчела“, 1906 г., № 2.)

— Какой простор,—сказал адмирал Дубасов, взирая с колокольни на разрушенную Москву.

(„Скорпион“, 1906 г., № 2).

СТРАСТНОЙ МОНАСТЫРЬ В 1905 Г.

Как в Москве первопрестольной
На земь „падал“ весь народ
Перед каждой колокольней,
... Где работал пулемет.

(„Яд“, № 1, 1905 г.)

СТРАСТНОМУ МОНАСТЫРЮ.

Досель бесцветен и безлик
Среди святынь первопрестольной,
Ты разом вырос, стал велик,
Уперся в небо колокольней.

О, верь! Историк мимо стен
Твоих пройдет не без почтения
И ряд восторженных писем
Внесет потомству в удивленье...

Не за молитвы и посты
Он возгорит к тебе почетом —
За подвиг чудной красоты:
За колокольню с пулеметом.

(„Великая Москва“, 1905 г.)

„Война родит героев“,—думал московский
обыватель, удирая с Пресни на Вшивую
горку.

(„Пламя“, № 3, 1906 г.)

МОСКВА ДОВЕРЯЕТ ПЕТЕРБУРГУ.

(„Сигнал“, 1905 г.)

СПРУТЪ

Художественно-сатирический журналъ

Москва по Рѣпину.

Le ridicule tue

Какой проеторы!

ТЕЛЕГРАММЫ.

(Срочные.)

От Дубасова г-ну Дурново.
„Нету войска. Нет патронов.
Нету жизненных припасов.
Море крови, море стонов.
Я тону в Москве...“

Дубасов“.

От Дурново г-ну Дубасову.
„Море крови?.. Я не стану
Говорить вам ничего,

Ведь плыву ж по океану
Не тону я...“

Дурново“.

От г-на Дубасова г-ну Дурново.
„Жду ответа телеграфом.
Посоветуйтесь хоть с графом.
Повторяю — нет запасов.
Выручайте же...“

Дубасов“.

От г-на Дурново графу Витте.
„Адмирал Дубасов пишет,
Что в Москве он еле дышет,

В ПЕТЕРБУРГЕ.

(„Пламя“, 1906 г., № 4.)

Что сидит безо всего,—
Чем помочь бы?

Дурново“.

От графа Витте г-ну Дурново.
„Я не верю, быть обману:
Шутит верно телеграф...
Чрезвычайную охрану
Мог ввести он...“

Витте граф“.

От Дурново г-ну Дубасову.
„Граф ответил очень грозно:
Есть «охрана» для того;
Коль в Москве еще не поздно—
Объявляйте...“

Дурново“.

При передаче последней телеграммы произошло замешательство: явились телеграфисты-забастовщики „снимать“ товарищей с работы. Телеграмма была передана спешно:

Г-ну Дубасову от г-на Дурново.
„Граф ответил слишком поздно,
И охрана ничего,
Развилось движенье грозно,—
Убегайте...“

Дурново“.

Телеграф забастовал.

Перехватил В. Троф.

(„Бурелом“, № 1, 18/XII 1905 г.)

СКВОРЕШНИЦА.

Пехотный адмирал Дубасов, проезжая по завоеванной Москве и видя одно строение, не поврежденное гранатой, спросил:
— Были ли в нем бунтовщики?

Сопровождавшее же адмирала лицо ответило:

— Это скворешница, ваше-ство!

На что адмирал, строго нахмурившись, сказал:

— Дело не в названии, а в преданности царю и отечеству!

И велел оную скворешницу разрушить гранатами.

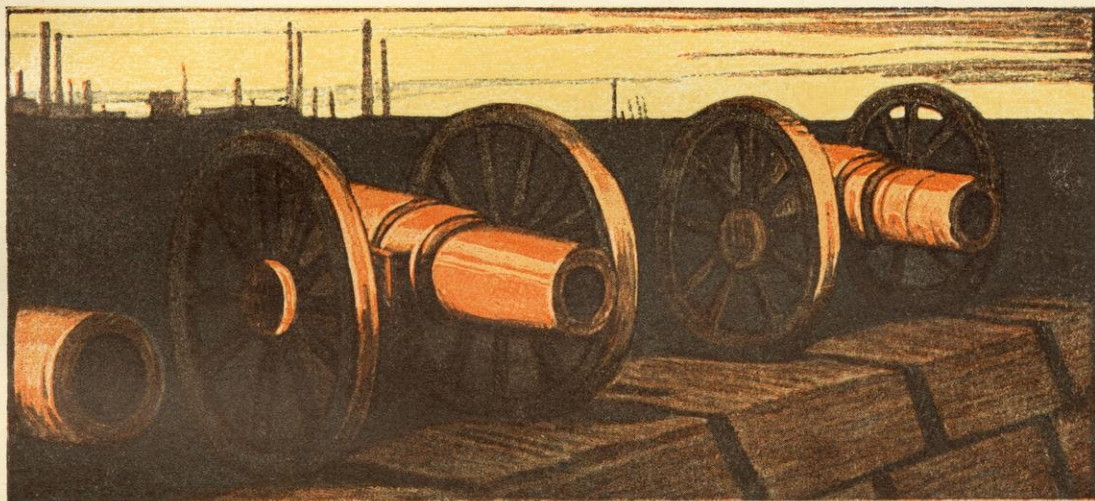
(„Жупел“, 1906 г., № 3.)

* * *

— Почему это баррикады в Москве сооружаются в одну ночь, а разрушаются в течение нескольких дней и даже берутся штурмом?

— А это, видите ли, первый практический опыт переоценки ценностей: баррикады сооружаются даровым трудом, а разрушаются платным.

(„Пламя“, 1905 г., № 3.)

(„Леший“, 1906 г., № 1.)

Рис. П. Добрынина.

В МОСКВЕ.

(„Пламя“, 1906 г., № 4.)

* * *

Москва. Слухи о расстреливании революционеров на Ходынском поле составляют чистейший вымысел. Крамольники сами по очереди расстреливают друг друга близ полицейских участков с гнуснейшей целью подорвать в народе доверие к правительству.

(„Скорпион“, № 1, 1905 г.)

* * *

Полковник Мин, обстреливавший 17 октября Технологический институт с заключенными в нем студентами, получил звание флигель-адъютанта.

Хулиган Михайлов, убивший на-днях одного студента-технолога, звания флигель-адъютанта не получил.

(„Жупел“, № 2, 1905 г.)

МИНЫ.

Пред начальством мины „белые“
Строит „красный“ радикал.
Мины рижские, дебелые
Быстро копят капитал.
Мины судно, паче чаянья,
Опрокинут кувырком.
Мины могут — вот отчаянье —
И командовать полком.

Эм-Де.

(„Стрелы“, № 6, 3/XII, 1905 г.)

* * *

В сороковой день по получении полковником Мином флигель-адъютантского звания будет отслужена панихида по чести русской армии.

(„Стрелы“, № 9, 1906 г.)

С ТЕАТРА ВОЙНЫ.

На военном совете решено Токио оставить японцам, а вместо него взять Москву. Организация побед возложена на сухопутного адмирала речной полиции Дубасова. Войска рвутся в бой. Энтузиазм москвичей неописанный.

(„Стрелы“, 1905 г., № 7.)

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА.

Где были гренадеры московского гарнизона, пехотные полки: Екатеринославский, Ростовский, Перновский, Несвижский, Киевский, Таврический, Самогитский и Астраханский во время пребывания в Москве Семеновского полка?

(„Гудок“, № 1, 1906 г.)

Московские отцы города в то время, когда на улицах лилась кровь.

(„Волшебный Фонарь“, 1906 г., № 1.)

— За что меня... Москва так не любит?!
(„Зарево“, 1906, № 1.) Рис. Д. Невского.

(„Водоворот“ 1906 г., № 13.)

* * *

Наши бюрократы прежде Красный Крест
только грабили, теперь они в него и стреляют.

(„Стрелы“, № 8, 1/1, 1906 г.)

СУХОПУТНЫЙ МОРЯК.

Маму и папашу
И сынка и дочь —
Всех я... „отдубашу“,
Но... не съеду прочь!

(„Фонарь“, № 1, 1906 г.)

Рис. Н. Шестопалова.
(„Альманах“, 1906 г., № 1.)

ПАМЯТНИК А. С. ПУШКИНУ.

(„Великая Москва“, пробный номер.)

Рис. Н. Шестопалова.

* * *

Москва (по телефону). Местные gro-
бовщики поднесли Дубасову благодарственный
адрес, который заканчивается следующими
словами: „Ваше высокопревосходительство,
коли ежели вы для нас, так и мы для вас,
не извольте сумлеваться, а воопче поддержите
коммерцию...“.

(„Вампир“, 1906 г., № 1)

* * *

Нашего Мина не проймает и дубина.

(„Волшебный Фонарь“, № 5, 1906 г.)

НЕМНОЖКО ФИЛОСОФИИ.

Говорят, что у адмирала Дубасова есть
дети. Это лишний раз доказывает, как нужно
быть осторожным в выборе родителей.

(„Спрут“, № 7, 1906 г.)

* * *

Стоит дуб, а сова — на фонарь.

Евг. С—о.

(„Гвоздь“, 1906 г., № 1.)

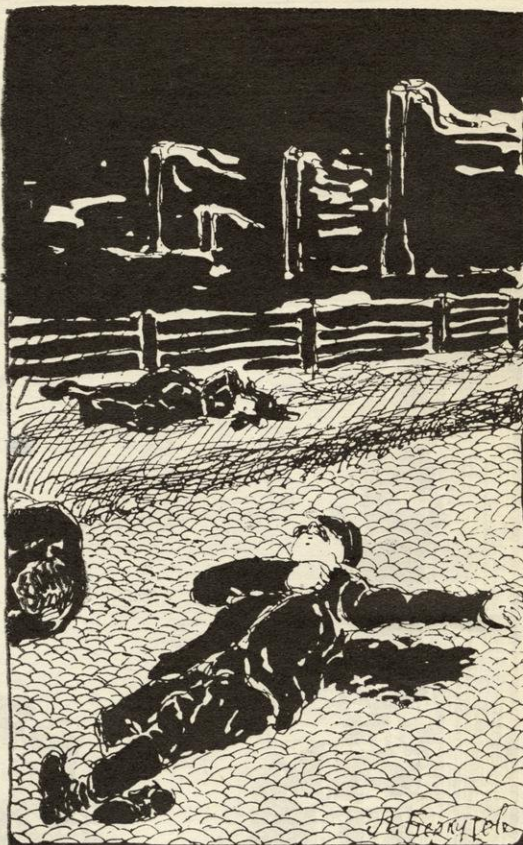

Рис. А. Беркутова.
(„Водоворот“, 1906 г., № 1.)

(„Волшебный Фонарь“, 1906 г., № 3.)

Рис. Де-Мишель.

Рис. Н. Шестопалова.
(„Альманах“, 1906 г., № 2.)

Армия.

Русская армия, формировавшаяся в массе своей из крестьян, в революцию 1905 г. не проявила должной сознательности, не поддержала рабочих в их выступлении.

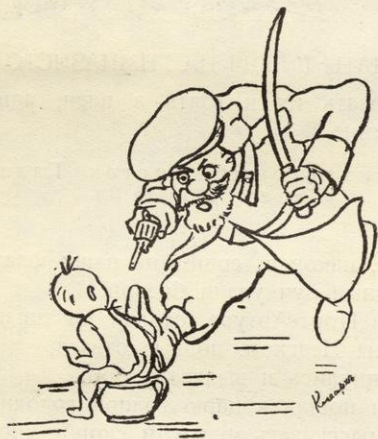

Рис. Клеарха.
(„Паец“, 1906 г., № 2.)

ПЕСНЯ СОЛДАТСКАЯ. (Унутренняя.)

Шаг назад, шаг вперед,
Полоборот направо!
Кто всех вольных перебьет,
Тому честь и слава!

Хор:

Ура, ура, ура!

Бей во славу русского двуглавого орла!

Лев! Прав! Раз! Два!
Приготовь патроны,
Будет помнить вся Москва
Красные погоны.
Ура!..

Рота стоп, рота пли
Спереди и с тыла!
Мы заслужим, ой-люли,
По кусочку мыла!
Ура!..

Женщин, старцев и детей
Настреляли кучи.
То-то полк богатырей;
То-то полк могучий!
Ура! Ура! Ура!

Бей во славу русского двуглавого орла!..

Шпак.

(„Жупел“, 1906 г., № 3. Перепечатано
в газете „Казарма“, 1906 г., № 10.)

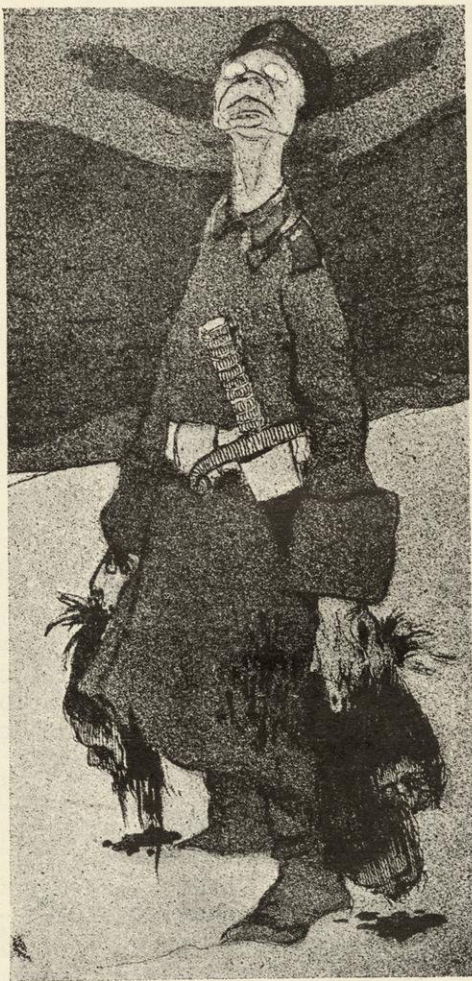
В декабрьские дни на долю темной солдатской массы выпала роль „усмирителей“. В японскую войну ей довелось играть роль „пушечного мяса“. Сатира не оставила без внимания и подвиги армии в войне.

С Порт-Артуром попрощался,
Получив большущий нос, —
„Гром победы раздавайся,
Веселися, храбрый Росс!“
Ходят пленные как тени,
Без отчизны, без семьи, —
„Эх, вы, сени, мои сени,
Сени новые мои!“
Генералов вереница,
Офицеров без числа, —
„Спой мне песню, как синица
Пышно за морем жила!“
Грустно, вяло и несмело
Наша рать пустилась в путь, —

„Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь“.
Поработал на солдата
„Интендантский“ без греха, —
„Хороши наши ребята,
Только славушка плоха!“

Сообщил *В. К. Селиванов*,

Из стихотворений, ходивших по рукам в 1904—5 гг.
(„Голос Минувшего“, 1918 г., № 4—6.)

(„Свetaет“, 1906 г., № 2.) Рис. *А. Любимова*.

А вот другое, тоже запрещенное цензурой, тоже по рукам ходившее стихотворение, на ту же тему воинских доблестей в связи с подвигами армии 9-го января:

СОЛДАТЫ (ГЛЯДЯ НА ГИМНАЗИСТОВ).

Атаковать их и взять в плен, али дать им сражение?

(„Карикатурный листок Газеты Газет“, 1905, № 3.)

Вот, наконец, сошел на наши флаги
Победный луч удачи бозвой.
Там, в Порт-Аргуре, отдали мы шпаги,
Зато на Невском, полные отваги,
Мы ринулись и выиграли бой.

Они пошли к царю толпой голодной,
Чтоб рассказать нужду и скорбь свою.
Мы бросились на них, и снег холодный
Горячей алой кровию народной
Окрасили мы в доблестном бою.

О, славный час! Победы нашей рати
Ждала вся Русь. Давно была пора!
Пускай погибнет сотня наших братьев
И Русь полна рыданий и проклятий!
Но спасена честь армии! Ура!

(Из книги Д. Сверчкова „На заре революции“.)

Однако сатира вскоре совершенно изменила свой тон по отношению к серой солдатской массе. „Товарищи по армии“ — называли солдат прокламации социал-демократов. И сатира от издевки перешла к подчеркиванию, что по психологии своей солдат такой же бунтарь, как и крестьянин, как и рабочий, и только гнет притупляющей дисциплины мешает

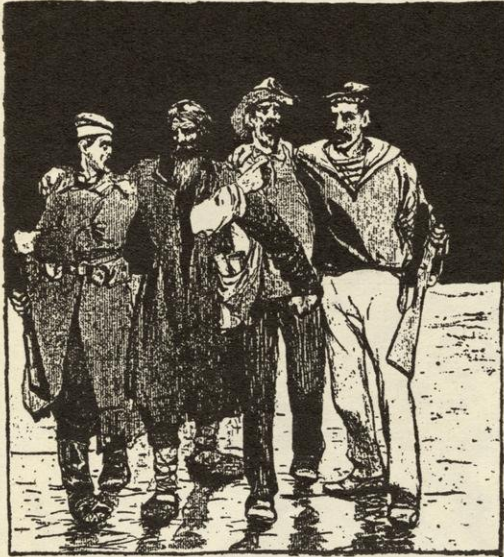

(„Ювенал“, 1906 г., № 1.)

РАЗГОНЯЮТ.

С карт. Н. Пирогова.

ему увидеть, на какой стороне баррикад его настоящее место. Появляется ряд едких, страстных выпадов против командного состава, от поручика Фролова до проповедника терпения Куропаткина, до дяди царя — Алексея Александровича, эскадру променявшего на балерину.

СОРАТНИКИ.

Рис. Н. Шестопалова.

(„Зритель“, 1905 г., № 24.)

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ.

Прощался с деревней убогой,
Как пришел мой рекрутский черед.
Уходил чужедальней дорогой
Послужить за царя и народ.

А в деревне средь белого поля
Убивались родные мои...
Ой ты, доля, солдатская доля,
Вдалеке от родимой семьи!

Побывать бы мне снова на месте,
Где любил, где не ведал оков...
Истомилась душа по невесте,
Захотелось обнять стариков.

И сбылось мне увидиться с ними...
Загудел, затрещал барабан...
Выходили путями глухими,
Усморяли голодных крестьян.

Вот в родную деревню пригнали;
Там крестьяне на сходе мирском
Зашумели, Христом заклинали
И народным и божьим судом.

Глядь, меж ними отец мой голодный...
Ой, на горе свела нас судьба!
Много пролил я крови народной,
Не осилил я сердца раба.

Как раздалась команда лихая, —
Опустился невольно курок...
Повалился отец, утихая
У моих подкосившихся ног...

И опять у далеких окраин
На чужбине в казарме томлюсь.
Понял, понял я, проклятый Каин,
Как служил за царя и за Русь!

Закались моя воля как камень!
Жди команду, винтовку готовь!
Сберегу я мой мстительный пламень
За народную кровь!

(„Казарма“, 1906 г., № 8.)

(„Кресты“, 1906 г.)

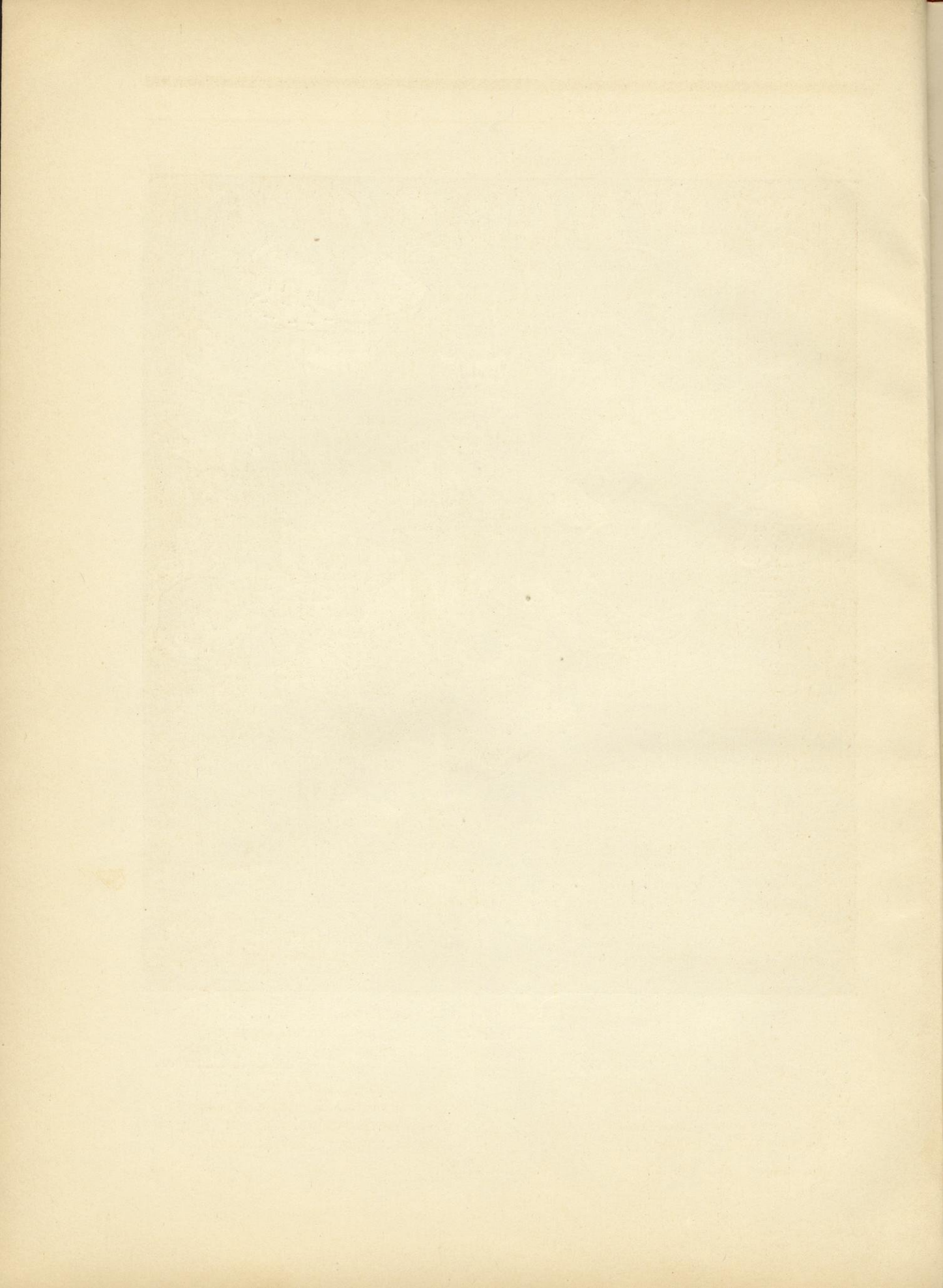
Как шло обучение этого солдата, дает представление следующая картина.

ТРИЗНА.

(„Адская Почта“, 1906 г., № 2.)

Рис. Е. Е. Лансере.

... „Нижний чин должен ходить с полным сознанием своего достоинства, как имеющий счастье состоять на царской службе; как носитель доблестного мундира, который запятнать и замарать грешно; шапка набекрень, молодцом, красавцем, шеголом, женихом, картинкой, дабы встречные военные любовались, а обыватели проникались почтением и уважением!..“

Из приказа по 1-ой гвардейск. пехотн. дивизии.

(„Адская Почта“, 1906, № 2.)

Рис. Д. Н. Кардовского.

СЛОВЕСНОСТЬ.

(С натуры.)

„Звание солдата почетно“.
(Воинский устав.)

„Всяк солдат слуга престола
И защитник от врагов...“.
„Повтори! Молчишь, фефела?..
Не упомнишь восемь слов?
Ну, к отхожему дневальным
После ужина в наряд...“.

Махин тоном погребальным
Отвечает: „Виноват“.
„Ну-ка, кто у нас бригадный?“
Дальше унтер говорит
И, как ястреб кровожадный,
Все глазами шевелит...
„Что молчишь? Собачья морда,
Простокваша, идиот!..
Ну, так помни ж, помни твердо!“.
И рукою в ухо бьет.
Что же Махин? Слезы льются,

№ 6. 3 ДЕКАБРЯ 1905 ГОДА. 5 коп.

„СТРѢЛЫ“

Журналъ саркастическій и безпощадный.

Сотрудникамъ данъ приказъ
 Патроновъ не жалѣть и холо-
 стыхъ залповъ не давать.

Вѣрное средство
 спасти... флигель-адъютантовъ.

Тихо тянет: „Виноват!..“.
 Весь дрожит, колени гнутся
 И предательски дрожат.
 „Всех солдат почетно званье,
 Пост ли... знамя... караул...“.
 „Махин, чучело баранье,
 Что ты ноги развернул?
 Повтори, собачий сын!“
 Тот в ответ все тише, тише
 Жалко шепчет: „Господин...“.
 „Ах, мерзавец! Ах скотина!“ —
 В ухо, в зубы, раз и раз...

Эта гнусная картина
 Обрывает мой рассказ...¹

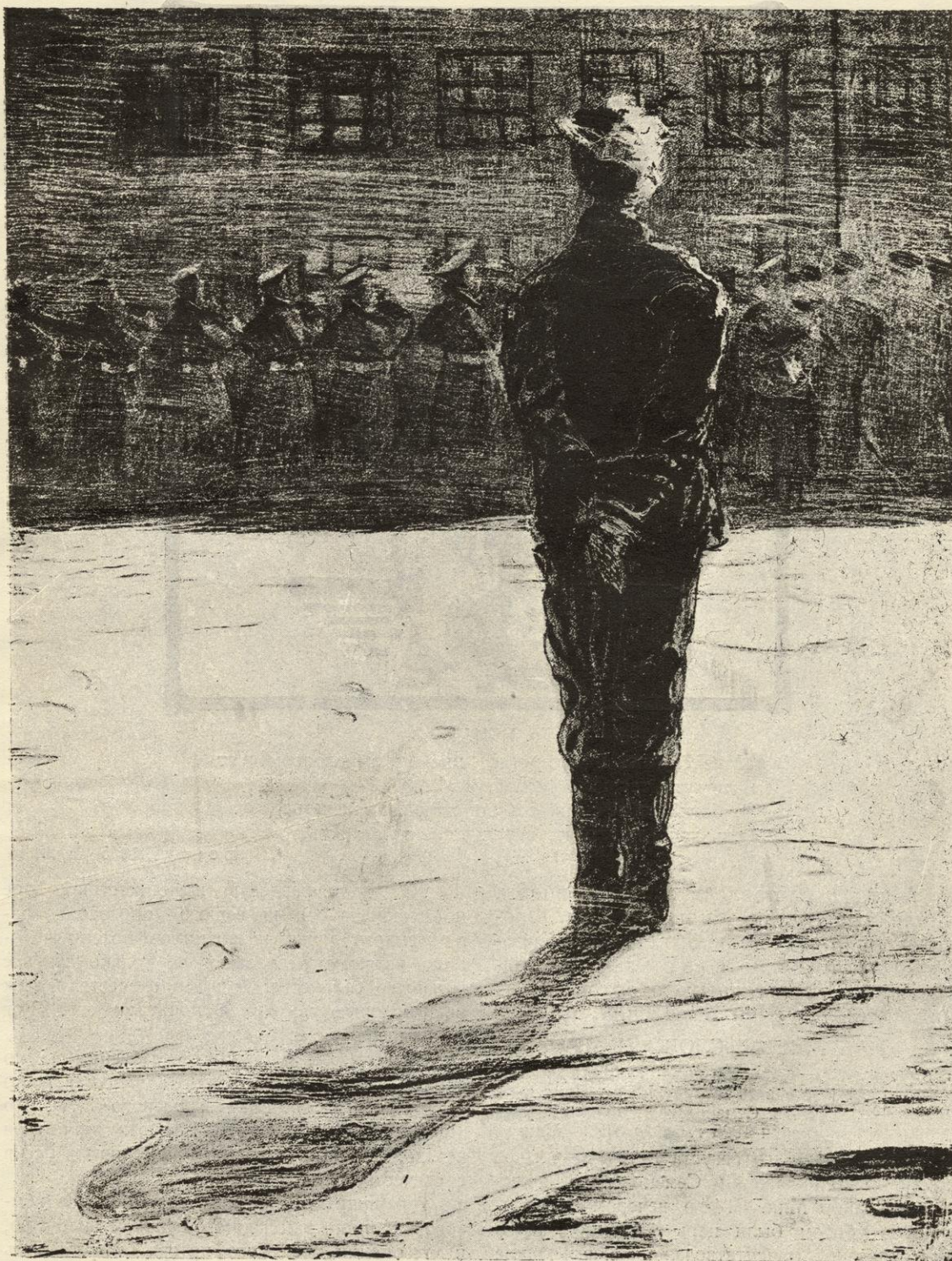
(„Молот“, 1906 г., № 2.)

А. Гл—г.

¹ В № 2 газеты „Солдатский Путь“ 1906 г. стихотворение это помещено с измененным концом:

„Махин, чучело баранье,
 Что ты ноги развернул?
 Ноги вместе! Выше харю!
 И не так еще ударю“.
 Так вчера еще учили
 И семеновцев-солдат...
 Но теперь их полюбили,

Царь готовит им наград:
 „Голубчики дорогие,
 Вы не так ведь, как другие...
 Много душ вы погубили,
 И кололи, и палили,
 Кровью всю Москву залили...
 Век глядеть на вас и рад“...

(„Гамаян“, 1906 г., № 1.)

Рис. Вахрамеева.

15*

Гр. ИГНАТЬЕВ.

„Мне скучно, мне грустно, мне некому голову снять
В минуту теснимой «свободы»!
О, боги! не вечно ж я буду напрасно желать:
Ведь годы проходят, всё лучшие годы!..“

(„Бурелом“, 1905, № 2.)

А что представляли собою офицеры, командный состав, Мины, Риманы, Фроловы, вплоть до великого стратега Куропаткина, это видно и из отклика на деятельность карательных отрядов и из нижеприводимых произведений.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО МИНУ.

„Арестованных не иметь и действовать беспощадно“. — Приказ по л.-гв. Семеновскому полку от 15 декабря 1905 г. за № 349. — Мин.

Товарищи! 13-го августа убит в Петергофе командир лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майор Мин. 14-го вечером на панихиде по убитом были царь с царицей, 16-го при отпевании присутствовали многие великие князья, а старая царица Марья прислала вдове генерала такую телеграмму:

„От души разделяю ваше жестокое горе и оплакиваю с вами вашего дорогого и возлюбленного мужа, незаменимая потеря которого является несчастьем не только для вас и вашего семейства, но и для отечества и всех нас, которые любили и почитали его. Бог да поддержит вас!“

За что же был убит незаменимый, по словам царицы, Мин? За что оплакивает его теперь семья Николая Кровавого? За что любила и почитала его вся эта дворцовая челядь, которая привыкла смешивать себя с отечеством? За что?

Товарищи! Припомним главные дела убитого, так много взысканного царской милостию, и мы оценим, для кого потеря генерала есть действительное несчастье, пойдем, кем был убитый Мин для неутешных царских плакаль-

щиц и — кем был он для всей России, для отечества.

Товарищи! Кто, отправляя под Москву карательный отряд семеновцев — для подлого отмщения восставшему за лучшую долю и счастье народу, — дал „общие указания“, — отрядом точно выполненные, — „арестованных не иметь и действовать беспощадно“?

Мин.

Кто, при посредстве гнусного убийцы Римана и подпоенных, одураченных солдат, без всякого суда и без расспроса расстрелял в Голутвине, Перове, Сортировочной и Ашиткове полтора человека и, в том числе, 129 совершенно непричастных к делу революции?

Мин.

Кто залил кровью путь на протяжении ста слишком верст? Кто зверски расправлялся с неповинными, лишив их даже маленького счастья — сказать последнее „прости“ своим родным и близким?

Мин.

Кто заставлял бежать домой лишившихся рассудка, обезумевших от страха обывателей и сладострастно посылал им пули в спину?

Мин.

Кто надругался над убитыми? Кто добивал штыками раненых? Кто не щадил попавших под руку бессильных стариков? Кто истязал солдат, вернувшихся с войны? Кто выкинул на улицу беспомощных сирот и вдов? Кто вдохновитель зверской бойни под Москвой?

Незаменимый полководец Мин.

А кто орудовал в первопрестольной? Кто пропал на Прохоровской фабрике сквозь тесный строй казачьих нагаек сестер милосердия? Кто расстрелял десятки граждан?

Мин.

Кто троекратно лобызался со стрелявшими солдатами и нагло восклицал: „Спасибо, братцы, за Россию“?

Мин.

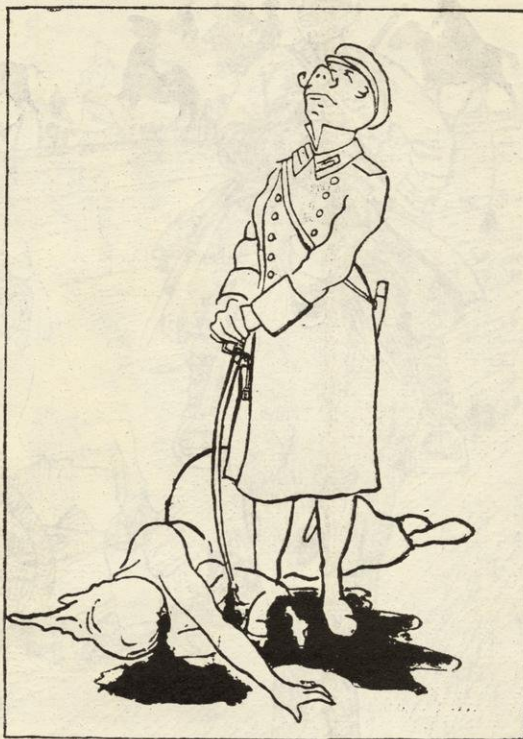
Кто самолично истязал бессильных, беззащитных арестованных во втором Пресненском участке? Кто расстрелял здесь новые десятки граждан?

Мин.

Кто снова лобызался с пьяными солдатами и, бросив поминать Россию, откровенно повторил: „Спасибо, братцы, постарались за меня!“?

Мин, Мин.

Кто, — опьяненный легкими победами над безоружными, столь взысканный щедротами

„ПОБЕДИТЕЛЯ НЕ СУДЯТ“.

Рис. Клеарха.

(„Паяц“, 1906 г., № 1.)

грабителей родного края, — кто всеми силами душил в своей казарме проблески солдатской совести? Кто беспощадно подавлял зародыши солдатской мысли?

Мин.

Кто посеивал братоубийственную рознь в войсках? Кто, не довольствуясь потоками пролитой крови, натравлял семеновцев на пробудившихся от сна преобразенцев?

Мин.

Кто, пьяный, обещал перестрелять преобразенцев? Кто на параде заявил, что он надеется в недалеком времени еще раз поработать пулеметами? Кто вечно жаждал крови?

Мин.

Кто облачался в ханжескую тогу и, обгренный кровью юношей и старцев, кровавою рукою выводил слова молитвы?

Мин.

Кто, обратив солдата в Каина, молил о здравии его домашних? Кто, вырыв бездну между солдатом и народом, кощунственно

(„Жупел“, 1905 г., № 3.)

„НУ, ТАЩИСЯ, СИВКА!..“

Рис. Д. Кардовского.

взвывал о радостном свидании с родными, о возвращении к ним со спокойной совестью?

Все тот же Мин, медоточивый псалмопевец и убийца.

А если так, товарищи, то разве не понятна вам печаль казенных плакальщиц и их несчастье? Не ясны слезы царских крокодилов, почуявших конец своим кровавым пиршествам? И разве будущий потомок, сын свободной Руси, блуждая по кладбищу прошлого, не остановится с презрением перед гробницей Каина? Не начертает на могильном камне: „Здесь царский погребен палач, отечества душитель, — здесь похоронен Мин“?

Аминь.

(„Казарма“, орган военной организации при Петербургском Комитете Р. С.-Д. Р. П. — № 7, от 5 сентября 1906 г.)

ВОЕННЫЕ КРУГИ.

Вчера в ресторане „Слава“ неизвестный статский толкнул случайно находившегося там же корнета Н. и не извинился. Корнет, бывший, по словам очевидцев, в нетрезвом состоянии, выхватил шашку и уложил несчастного на месте.

Хроника.

Мундирную честь заливают вином
И топчут в публичных домах, —

Но это зовут пустяком
В военных кругах.

Крепка дисциплина, крепка кулаком
В пехотных и конных полках, —

Но это зовут пустяком
В военных кругах.

(„Маски“, 1906 г., № 3.)

НА ЗАРЕ.

Рис. Н. Шестопалова.

И кормят солдата протухшим пшеном,
Бывает и мясо в червах, —
Но это зовут пустяком
В военных кругах.
Но если случайно заденешь плечом
Героя в орлах, —
Услышишь: „К барьеру... убьем!“
В военных кругах.

(„Молот“, № 1, 25/XII 1905 г.) Саша Черный.

ПРИСТАВУ г. СЫХРЕ.

(На добрую память.)

Ты крикнул солдатам: „стреляй!“.
Но твой провокаторский лай
Не встретил прямого ответа...
Скажи им „спасибо“ за это,
Но помни, что в будущий раз,
Когда ты стрелять им прикажешь,
Ребята исполнят приказ,
Но так, что „спасибо“ — не скажешь!

(„Стрелы“, 1905 г., № 5.) Дон-Кихот.

НЕГОДНЫЕ РУЖЬЯ.

И вот их вывели. Солдатам
Стрелять скомандовали: „Пли!“.
И дружный залп сухим раскатом
Отпрянул к небу от земли.
Но что за диво? Все живыми
Приговоренные стоят;
Лишь чье-то тело перед ними...
Негодны ружья у солдат!

(„Зритель“, 1905 г., № 24.) Прохожий.

БУНТ МАТРОСОВ.

1-ый матрос.

Что, люди мы или негодный, бесправный
скот?

2-ой матрос.

Нас кормят мерзкой солониной, гнилой,
с червем!

3-ий матрос.

Мы, вместо кислых щей и кваса, помои
пьем!

4-ой матрос.

Нам щи приносятся с костями; в них мяса
нет!

5-ый матрос.

Нам рассуждать о нуждах наших кладут
запрет!

6-ой матрос.

Нам книжек дельных не читают, как ду-
ракам!

7-ой матрос.

Семь лет мы сносим униженье, побои, срам!

1-ый матрос.

Так что ж, товарищи, ужель нам век терпеть?
Не лучше ль будет нам теперь же иль
умереть,
Или добиться, чтобы считали нас за людей?

Матросы (кричат).

Теперь же! Требовать! Добиться! Сейчас!
Скорей!

1-ый матрос.

Итак, при случае удобном мы все встаем
И приказаний незаконных не признаем!..

(Два матроса вносят котелок с макаронами.
Смрад наполняет казарму.)

1-ый матрос

(подходя к котелку и с омерзением отво-
рачиваясь.)

Друзья, глядите, что за мерзость нам есть
несут!
Долой негодных командиров! Долой! Под
суд!
Долой всех тех, кто позволяет грабеж
дневной!
Долой гнилые ма...

(Раздается выстрел.)

Все матросы (подхватывают.)

... Короны! Долой! Долой!

Жансонне.

(„Зритель“, 1905 г., № 5.)

ПАМЯТИ СОЛДАТ И МАТРОСОВ, ПАВШИХ В СВЕАБОРГЕ И КРОНШТАДТЕ.

Победа за вами осталась, враги...
Борцов за свободу разбили...
Вы в общую яму их трупы свезли
И тайно среди ночи зарыли.

Но знайте, — их дух вы убить не могли:
Он в нас, он остался меж нами...
Вам темные братья опять помогли
Свободу опутать цепями.

Но смерть не страшит нас. Мы честь воз-
дадим

Товарищам нашим убитым
И новую битвой врагам отомстим,
Солдатскою кровью залитым!

Луч истины в душу солдата проник,
Он жаждет с народом свободы:
И ваша опора колеблется — штык,
Служивший вам долгие годы.

Подмыло потоками крови столбы,
Хранившие трон ваш державный!
Мы верим в победу великой борьбы,
Мы верим в исход ее славный.

Артиллерист.

(„Казарма“, 1906 г., № 6.)

КУРОПАТКИН.

(Из новых солдатских песен.)

Куропаткин генерал
День и ночь домой бежал.
Растерял свои иконки,
Удирая от японки.

Тут мамзеля с ним скакала
И от бед его спасала.
Понахапал он денегжток
Для своих родных ребяток.

(„Пули“, 1906 г., № 2.)

* * *

— Терпение, терпение, терпение... —
сказал Куропаткин, доколачивая второй мил-
лиончик.

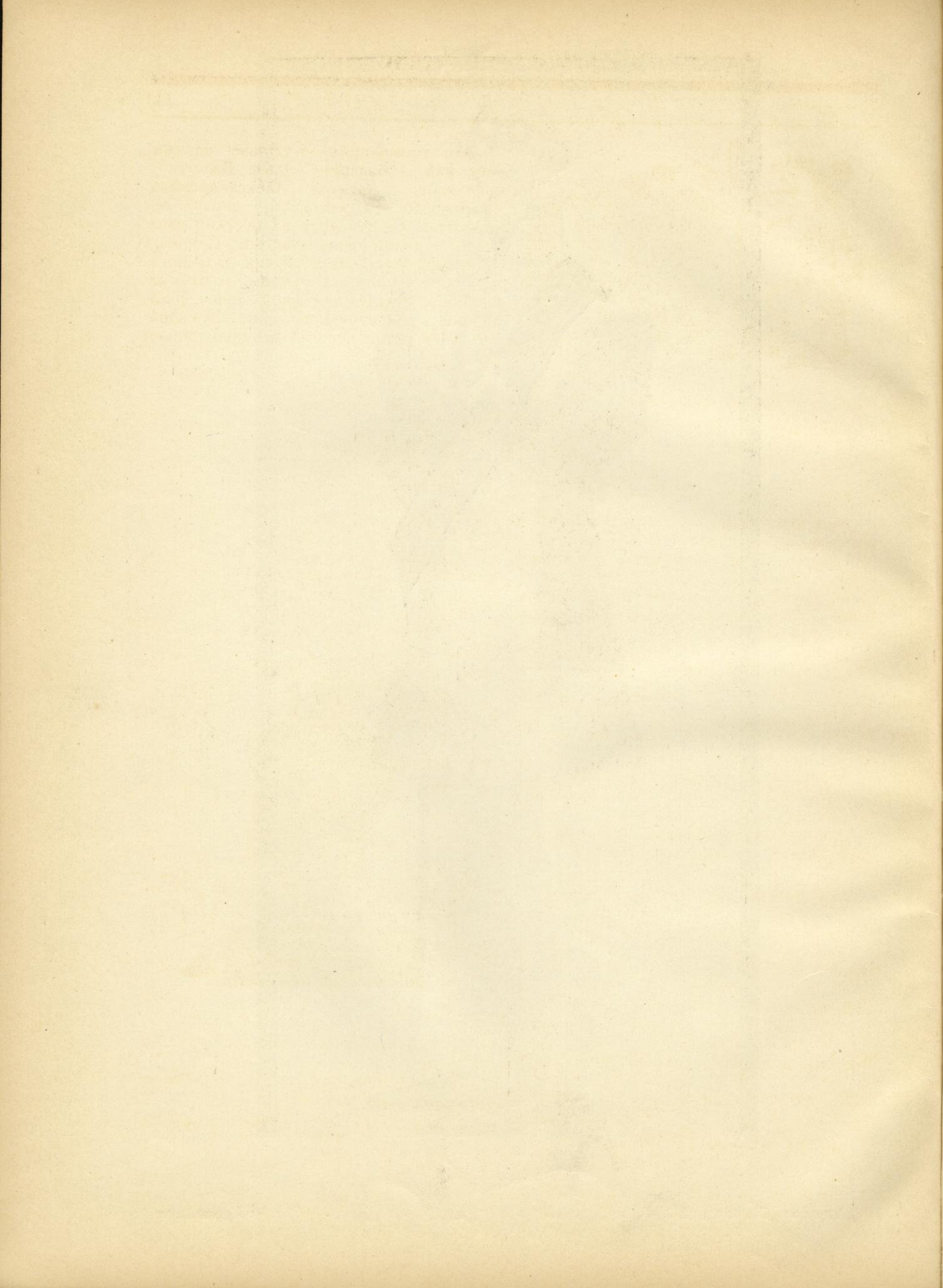
(„Скорпион“, № 2, 1906 г.)

ПОБЕДОНОСЦЕВ.

(„Адская Почта“, № 3 — „Олимп“, — 1906 г.)

Рис. Б. Кустодиева.

ВЫХОД НЕЧЕСТИВЫХ.

(Севастополь, Кронштадт, Одесса.)

(„Сатира“, 1906 г., № 1.)

СЛУХИ.

Забастовки задержали отправку жалованья фельдмаршалу Куропаткину.

Говорят, великий полководец воскликнул с раздражением:

— Неужели они думают, что я еще и теперь на полях Маньчжурии, где требовалось только терпение?

Нолик.

(„Пламя“, 1905 г., 1/XII, № 1.)

Невысоко стоял, как показывает отношение к Дубасову, и престиж адмиралов.

— Адмирал, вам славать?

— Милсдарь! прошу без намеков!

(„Фонарь“, № 1, 1905 г.)

А вот прозрачный намек на дядюшку царя, Алексея Александровича:

СТАРАЯ ПОГУДКА НА НОВЫЙ ЛАД.

Как у княжых ворот собирался народ
Густо.

Говорит в простоте, что в его животе
Пусто.

„Эх, вы, мразь!—сказал князь:—из вас дол-
жен быть всяк

В теле,
Ведь мы с Эльзою в год без труда целый
флот

Съели“.

Greatham.

(„Стрелы“, № 4, 19/XI, 1905 г.)

Это упоминание об „Эльзе“ напоминает нам о балерине Эльзе Балетта — содержанке Алексея Александровича. Французское „à bas l'état!“ звучит как „Балетта“, а в переводе на русский язык значит: „долой правительство!“ Сия игра русско-французских созвучий дала богатую пищу нашим остроумцам. К тому же Франция, родина великой революции, вообще напрашивалась на сравнение с Россией, вступавшей на революционный путь.

ПАРАЛЛЕЛИ.

Что француз нам ни сболтнет —

Выйдет деликатно.

Ну, а русский как начнет —

Берегись, понятно.

У французов шоколад,

А у нас рассольник;

По-французски депутат,

А у нас — крамольник.

СПОКОЙСТВИЕ МОГИЛЫ.

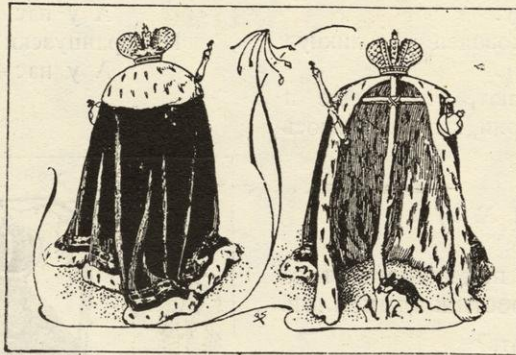
Царь. — Мне кажется, я замечательно управляю — никто даже не кашляет!

(„Der Wahre Jacob“, Штутгарт, 21 февраля 1905 г.)

По-французски — сосьете,
 А по-русски — шайка;
 У французоз — либерте,
 А у нас — нагайка.
 У французоз — пепермент,
 А у нас — сивушка;
 У французоз — парламент,
 А у нас — ловушка.
 У французоз — бюрократ,
 А у нас — мошенник;
 У французоз — друг и брат,
 А у нас — изменник.
 У французоз — дилетант,
 А у нас — любитель,
 У французоз — интендант,
 А у нас — грабитель.
 По-французски — декаданс,
 И по-русски то же;

У французоз — „вив ля Франс“,
 А у нас — по роже.
 У французоз чтут спирта,
 А у нас — налима;
 У французоз — Балетта,
 А у нас — Цусима.
 По-французски — мадмазель,
 А по-русски — милка;
 У французоз — карусель,
 Здесь же — предварилка.
 У французоз — стиль нуво,
 А у нас — мочало;
 Как дошел до Дурново —
 Начинай сначала.

Примечан'е. Стихотворение это напечатано в той редакции, которая дана ему в журнале „Мой Пулемет“, 1908 г., № 4. В журнале „Ерш“ (1906 г., № 4, Томск) оно дано было в несколько более сокращенном виде.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ РУССКИХ ВОЙСК
 В МОСКВЕ.

Снаружи. — Русский абсолютизм прочен
 как никогда.

Внутри. — Вот так так!

(„Neue Glühlichter“, Вена, 1906 г.)

Вожди краснокожих: Длинный Язык, Кривая Рука, Пустой Карман, Дырявая Пирого, Старая Шкура, Гнилая Шпала и других раскуривают „трубку мира“.

(„Вампир“, 1906, № 7.)

Бюрократия.

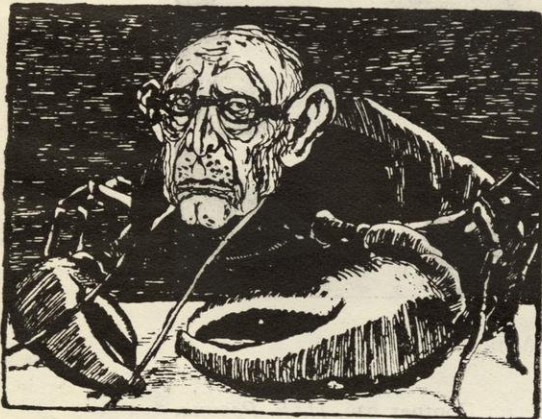
Сильно доставалось от сатиры всем представителям бюрократии.

НАПУТСТВИЕ.

(К. П. Победоносцеву.)

Благочестивый старичок,
Он вынес бы антихриста явление,
Он вынес бы и светопреставление,
Но конституции он вынести не мог.

(„Зритель“, 1905 г., № 19.) *Полумаститый.*

Я тот, кто свет и волю губит,
Я тот, кто доброе гнетет,
Я тот, кого никто не любит
И все живущее клянет.

(„Карик. листок Газеты Газет“, 1905 г., № 1.)

МУЖ СОВЕТА.

(Пародия.)

Безыдейная мертвенность взгляда,
Худоба и морщины ланит,
И шитье золотого наряда —
Все не в пользу его говорит.
Мы в него и укором не бросим,
В этом смысла, ведь, здравого нет!
Лучше мы эту мумию спросим:
„Даже ты пригодился в Совет?“.

(„Гвоздь“, 1906 г., № 3.)

Лондон. Британский музей предложил К. П. Победоносцеву 20 000 фунтов стерлингов за имеющие открыться после его смерти мощи. Бывший обер-прокурор Св. Синода отклонил однако это предложение, так как после смерти намерен обновиться в Саровском монастыре.

(„Дятел“, 1905 г., № 1.)

СБЕЖАЛО ЧУЧЕЛО ИЗ СИНОДА

кличка „ПЕРГАМЕНТ“.

Нашедшего просят хранить находку
в тайне.

(„Дятел“, 1905 г., № 1, 29/XI.)

А. П. ИГНАТЬЕВ.

Портрет раб. И. Е. Репина.

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ.

(„Гамаюн“, 1906 г., № 1.)

Скульпт. В. Симонова.

(„Рапира“, сборник, № 1.)

НОВОСТИ СПОРТА.

В Берлине есть лошадь, которая знает арифметику и безошибочно считает многозначные цифры.

В Петербурге нет такой лошади, и потому для заключения внешнего займа был избран статс-секретарь Коковцев.

(„Жупел“, № 3, янв. 1906 г.)

ГРАФ И. И. ТОЛСТОЙ

(вытalkingаемый учениками из Академии Художеств):

— Боже! Я опозорен навек! Теперь мне осталось одно: занять пост министра народного просвещения!

И занял.

(„Сигнал“, 1905 г., № 3.)

ИЗ ГАЗЕТ.

Не можем не позаимствовать из истинно-русской „России“ следующую характеристику бывшего кавказского наместника кн. Г. С. Голицына: „Он старался исполнить свой долг, как умел, и никогда не страшился исполнения своих обязанностей. Человек хорошего русского уклада. Любит охоту, любит цветы, любит дальние и опасные путешествия. Совсем не политик“.

И потому был наместником Кавказа.

(„Вампир“, 1906 г., № 5).

ПРИМЕТЫ ОСЕНИ.

„Вверху“ все осенью дышало;
А конституция мигала,

(„Паяцы“, 1906 г., № 1.)

Как плошка сала в царский день;
Свободы радостная обнажалась;
Рукой бесстыдной обнажалась;
Густел релеющий туман,
И черной сотни караван
Тянулся в Питер. Приближалась

Рис. В. Беранже.

Совсем уж скверная пора:
Стоял Игнатъев ¹ у „двора“.

(„Сигнал“, 1905 г., № 4.)

Селецкий.

¹ Игнатъев, А. П. — ярый черносотенец. Глава оппозиции Витте. Убит в Твери 9 дек. 1906 г.

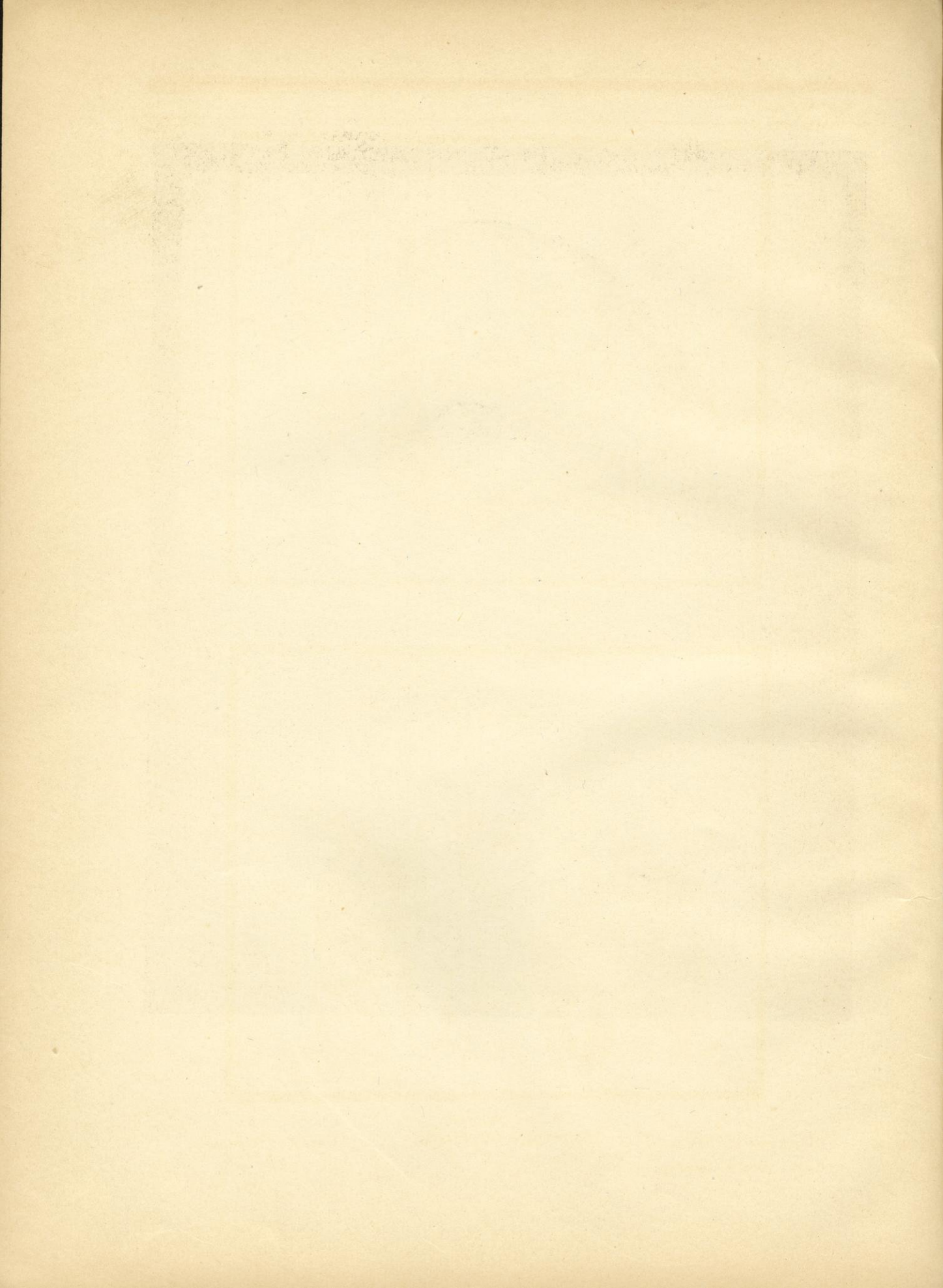

ГРАФ ИГНАТЬЕВ.

(„Адская Почта“, № 3 — „Олимп“ — 1906 г.).

Рис. Б. М. Кустодиева.

В начале
1905 года.

Бюрократы работают,
Народ наблюдает.

В начале
1906 года.

Народ работает,
Бюрократы наблюдают.

(„Пулемет“, 1906 г., № 4.)

Рис. А. Иванова.

ТЕЛЕГРАММЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Константинополь.—Султан окончательно решил не соглашаться на требования держав. Для изучения техники черносотенных погромов в Россию отправлено 5 чиновников и 2 муллы. Посланные имеют в виду посетить ген. Трепова, ген. Богдановича, Медема, братьев Нейдгартов, Курлова, Хомутова и Роговича, а также воспользоваться просвещенными советами смиренных отцов Владимира Московского, Гермогена и Иоанна Кронштадтского. Из высокоосведомленного источника сообщают, что означенные лица получают тайно приглашение перейти на службу падишаха, звезды Востока, для охранения самодержавия в Турции.

(„Дятел“, 1905 г., № 1.)

СТЕНЫ КАИНОВЫ.

Вас Каин основал, общественные стены,
Где „не убий“ блюдет убийца-судия!
Кровь Авеля размочит ваши плены,
О братстве к небу вопия.
Со смертью в союз вступила ваша власть,
Чтоб стать бессмертною. Глядите ж, люди-
братья!
Вот на челе ее печать ее проклятья:
„Кто встал на Каина-убийцу, должен пасть“.

Вячеслав Иванов.

„Адская Почта“, № 2, 1906 г.)

„КРЕСТОНОСЕЦ“.

(„Кресты“, 1906 г.)

ПАРАГРАФ ЦИРКУЛЯРОВИЧ БЮРОКРАТОВ.

Рис. R. Sarrina.

(„Swagi“, 1906 г., № 1.)

ПОСЛОВИЦА.

Всякая скотинка идет ко двору.

(„Зритель“, 1905 г., № 24.)

ЧИНОВНИКАМ.

Что вам октябрьские хартии,
Митинги, крики „ура“,
Правые, левые партии,
Et cetera, cetera?

Что вам плоды революции,
Освобожденный народ,
Разные там конституции?
Нужен вам верный доход!

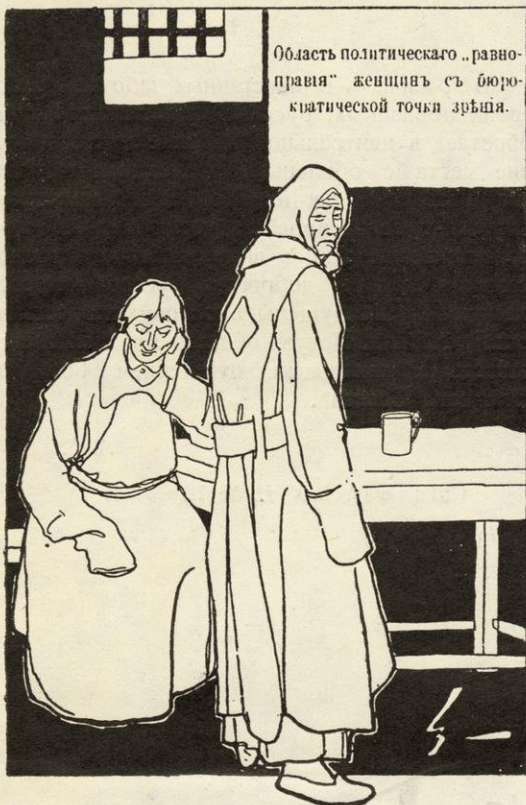
Жили вы век бюрократами,
Преданы были всегда;
Числами—только „двадцатыми“—
Вы измеряли года.

И, не вдаваясь в критику,
Вкусно кормили семью;
В жизни и в службе политику
Ведали—каждый свою.

Ваши несложны претензии,
Определенны пути:
Вам—дослужить бы до пенсии,
И—хоть трава не расти.

Юр. П.

(„Журнал-Зритель“, 1906 г., № 2.)

Область политического „равно-
правия“ женщинъ съ бюро-
кратической точки зрѣнія.

(„Аргус“, 1906 г., № 12.)

„У нас, может быть, именно, лучшие люди
страны и сидят в чиновниках... Да, это
даже наверно так“!..

Рис. А. Г.

(„Россия“.)

(Юмористический Альманах, № 65 „Современный
секрет“.)

БЛАГОДАРЮ.

(Романс.)

За то, что на войне, играя в прятки,
Храня присягу, данную царю,
Врагу вы дерзко показали пятки,
Благодарю.

За то, что вы нагайкою и пикой
Встречали обновления зарю,
За ваше зверство, за разгул ваш дикий
Благодарю.

За то, что женщин храбро вы рубили,
Что старикам кричали „запорю“,
За то, что граждан мирных победили,
Благодарю.

СТАРАЯ, НО ВЕЧНО НОВАЯ ИСТОРИЯ.

— Дайте нам что-нибудь, а то они
будут стрелять.

(„На распутьи“, № 6, 1906 г.)

Служите ж верой, правдою до гроба,
О вас молитву к небу я творю;
А за разбой, за наглость—вас особо
Благодарю.

Гильом Z. Z.

(„Зритель“, 1905 г., № 25.)

* * *

Сколько бюрократу ни давай, он все в руку
смотрит.

(„Спрут“, № 4, 1906.)

МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ.

„Заведомого вора не всегда делают губер-
натором“.

Списал из Кузьмы Пруткова

Сириус.

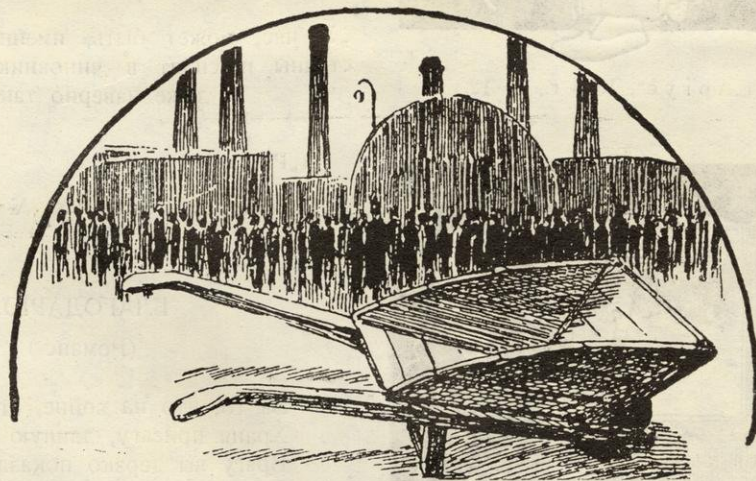
(„Спрут“, 1906 г. № 12).

* * *

Берлин. — В неустанных заботах о благе своих подданных, русское правительство приобретает в центральной Африке пустопорожние места с обильным подножным кормом для поселения тех из отставных министров, генерал-губернаторов и прочих верных слуг правительства, кои, в виду особенного расположения к ним доброго русского народа, рискуют быть задушены в рабочих и крестьянских объятых. Новую область предполагается назвать „Филиальным отделением Государственного Совета“.

А. Г.

(„Дятел“, 1905 г., № 1.)

ПОЧЕТНЫЙ ЭКИПАЖ ДЛЯ БЮРОКРАТОВ.

(„Девятый Вал“, 1906 г., № 2.)

РУССКАЯ СЕНА.

„Русская“ стена значительно превосходит столь знаменитую „испанскую“. Ее ставят перед границей, дающей заем, и проделывают за ней, что кому вздумается.

(„Ulk“, 1906 г., № 32.)

Заем и Государственная Дума.

В 1906 г. события пламенного революционного 1905 года постепенно переходят на второй план. Все внимание направляется на Государственную Думу. Общество ждало от Думы манной небесной, а правительство козыряло Думой перед границей, как гарантией под заем, заключение которого было ему необходимо для подавления „крамолы“.

Нету денег,
Берлин скупенек!
Жизнь такая совсем нестерпима!
Нет кредита,
Европа сердита
И не хочет мне дать ни сантимы...

Кикимора.

(„Стрелы“, 1905 г., № 3.)

ЗАЕМ.

(На мотив Бернса).

- Кто там стучится в поздний час?
- „Кто ж, как не я?“ — сказал Коко¹.
- Не след бы вам тревожить нас.
- „А почему?“ — сказал Коко.
- Ведь вы уж слышали отказ.
- „Что-ж из того, — сказал Коко.
- И все ж явились в третий раз?
- „Да хоть в шестой“, — сказал Коко.
- Тебе ведь только дай деньгу...
- „Ну что же, дай“, — сказал Коко.
- Пожалуй, дам, но подо что?
- „Под Думу дай“, — сказал Коко.

¹ Министр финансов — Коковцев.

(„Сигнал“, 1905 г., № 4.)

Рис. А. Иванова.

- А деньги вам нужны на что?
 — „На то да се“, — сказал Коко.
 — Вот то-то. Нужен пулемет?
 — „Да, и тюрьма“, — сказал Коко.
 — А место кто в тюрьме займет?
 — „Увидим там“, — сказал Коко.
 — Засадишь Думу вашу, чай?
 — „Коль что не так“, — сказал Коко.
 — Ну, ладно, деньги получай.
 — „Давно бы так“, — сказал Коко.
 — Вот только мне беда с молвой!
 — „Что нам молва!“ — сказал Коко.
 — Оно, положим, не впервой!
 — „И это так“, — сказал Коко.

- Стрекочет пресса-егоза!
 — „Пугни ее!“ — сказал Коко.
 — Пожалуй, плюнут мне в глаза!
 — „Утрись, как мы!“ — сказал Коко.
Бой-Кот (О, Чюмина.)
 („Песни о четырех свободах“, 1906 г., № 1.)

МЕНДЕЛЬСОН ПРИЕХАЛ.

Прибежал лакей в ливрее
 И прервал премьеры сон:
 „Граф! Проснитесь поскорее:
 К нам приехал Мендельсон!“¹

¹ Крупный берлинский банкир.

(„Леший“, 1906 г. № 2.)

ПЕРЕД ГОСПОДИНОМ СТРАЖНИКОМ.

Рис. Н. И. Фешина.

Как у нас встречают Мозеса Мендельсона из Берлина.

Бьется сердце у Шипова...
 Как обрадовался он,
 Услыхав такое слово:
 „К нам приехал Мендельсон!“
 И в собрании кабинета
 Облегченья слышен стон:
 „Как приятна весть нам эта —
 К нам приехал Мендельсон!“
 И коммерческие сферы
 Дружно тянут в унисон:
 „Ну, теперь пойдут аферы —
 К нам приехал Мендельсон!“

„Отбой“, № 3, 5/III, 1906.)

„Песня без слов“ Мендельсона.
 (Берлинское издание.)

(„Вампир“, 1906 г., № 3.)

И как у нас встречают Мойшу Мендельсона из Бердичева.

(„Вампир“, 1906 г., № 6.)

Деньгами ссудила самодержавное русское правительство республиканская Франция. В этой помощи, оказанной реакции в борьбе с революцией, сказалась подлинная капиталистическая природа западного демократического строя.

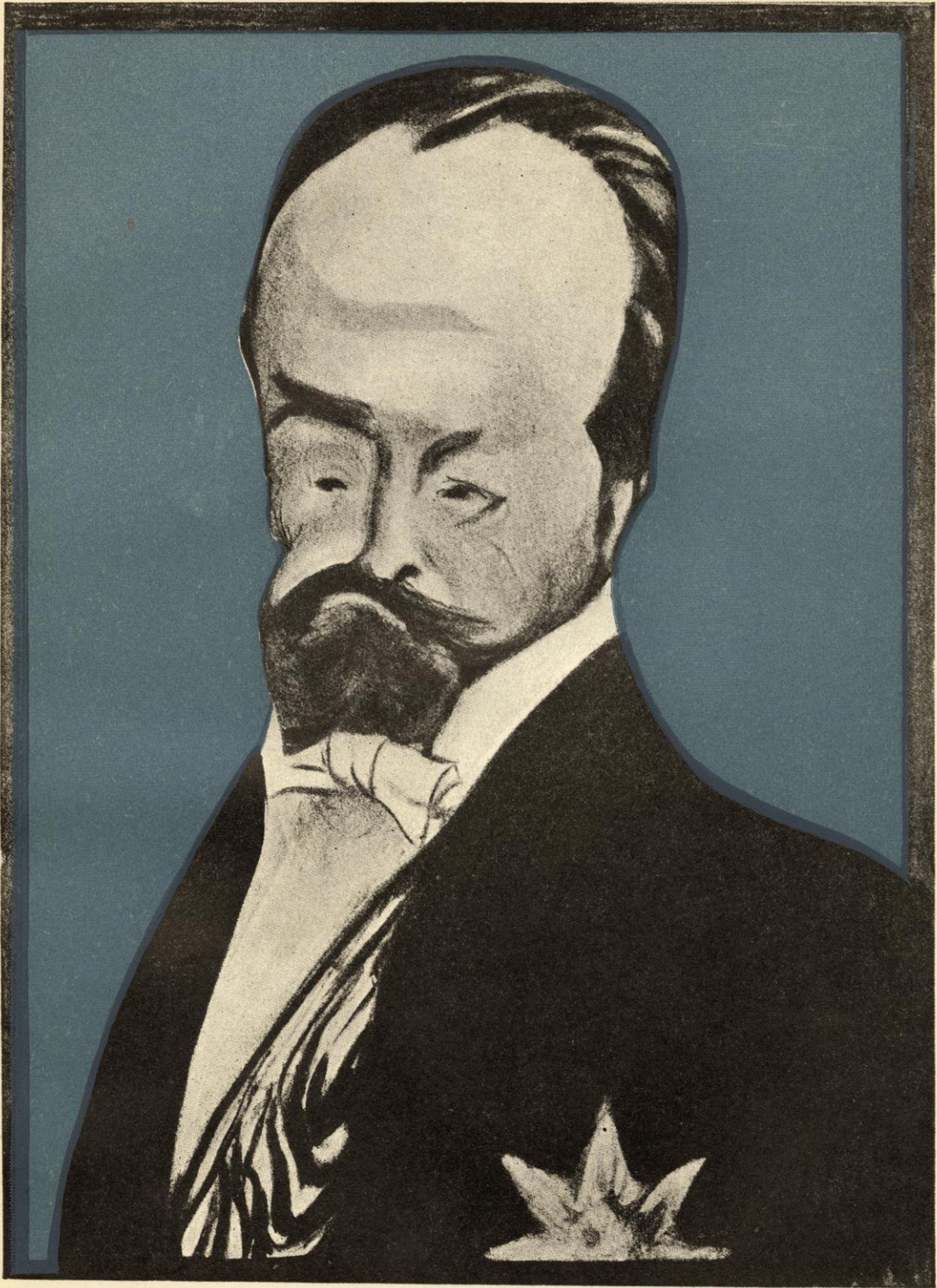

РУССКИЙ ЦАРЬ.

Царь. — Бейте крепче, друзья! Нагайки оплатит Франция!

(„Le Cri de Paris“, 20 мая 1906.)

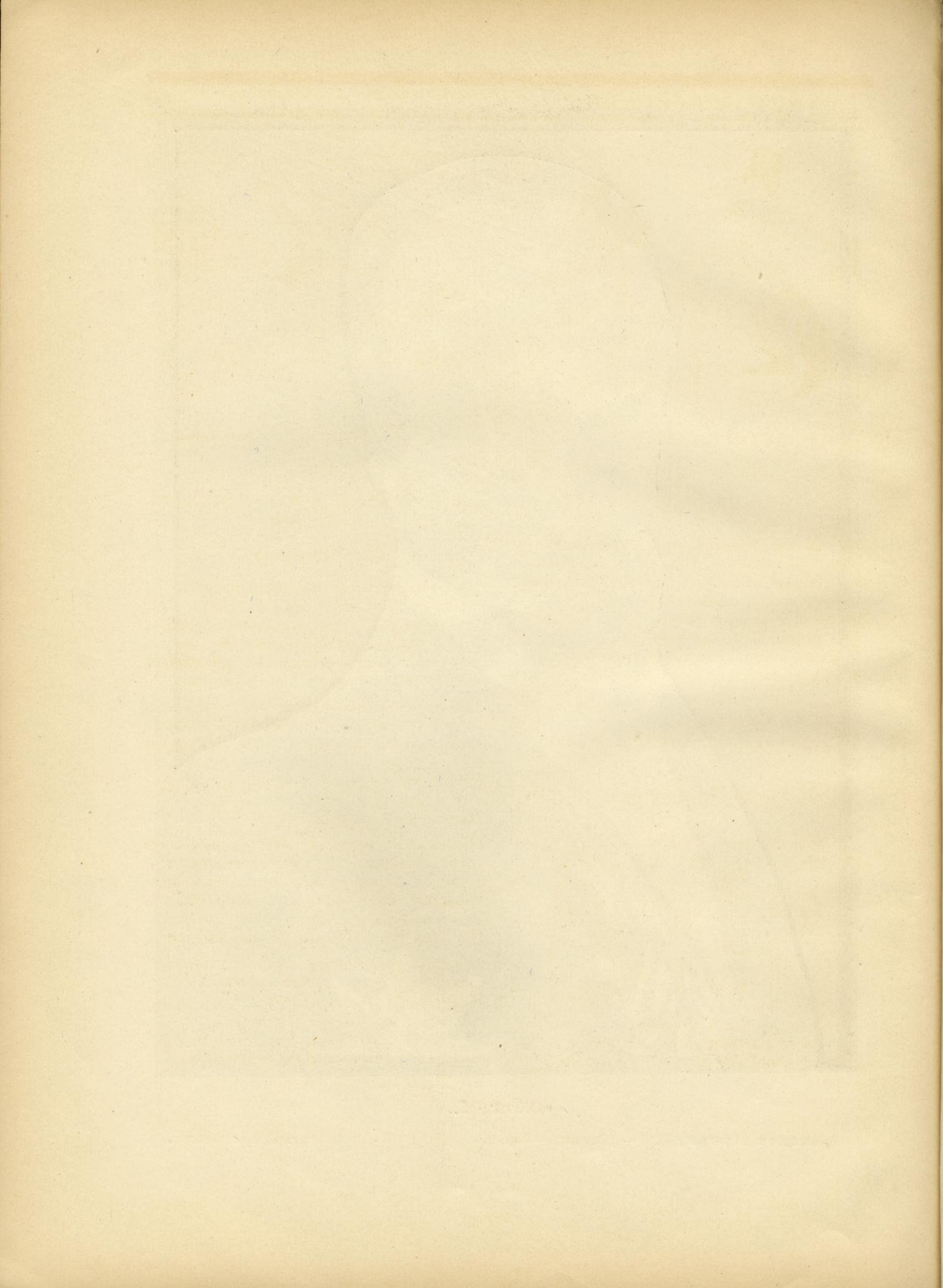
Одна из многочисленных карикатур на попытку русского займа во Франции.

КОКОВЦОВ.

(„Адская Почта“, № 3 — „Олимп“, — 1906 г.)

Рис. Б. Кустодиева.

ЗАЕМ И ДУМА.

(„Пчела“, 1906 г., № 3.)

Рис. Мавра.

ФРАНЦИИ.

Меж тем как Франция, среди рукоплесканий
Продажных маклеров, встречает свой позор;
Меж тем как наш народ, стеноя от страданий,
Ей шлет презрительный укор, —
Мне хочется сказать французскому народу:
Ты — жалкий и пустой народ!
Ты жалок потому, что русскую свободу
За золото продал, второй Искарриот...

Жало.

(„Тульская Газета“, 1906 г., № 14.)

ВЕСЕЛАЯ ПЕСЕНКА.

(Почти на мотив из „Гейши“: „За красу
я получила первый приз“.)

Под кадетов
Мы наладили заем...
Сколько новых пулеметов
Заведем!...
Пулеметы!
И кадеты!
И заем!
А на прочие предметы,
На народ и на газеты,
Мы плюем!

С. С.

(„Леший“, 1906 г., № 4.)

ВОТ СБЕРЕТСЯ ДУМА — ДУМА ВСЕ
РАССУДИТ.

(По Некрасову.)

Фабрики закрыты. Выброшен рабочий.
Нищета съедает, жить ему нет мочи;
Нет ему покою... Что же дальше будет?
„Вот сберется Дума — Дума все рассудит;
Думе станет ясно — гибнет люд фабричный“,
Обещает Витте, „братец“ их двуличный.

Бедные крестьяне! Одолел их голод;
Нет земли и хлеба; мрак кругом и холод.
Льется кровь в деревне... Что же дальше
будет?
„Вот сберется Дума — Дума все рассудит;
Дума соберется и велит дать землю!“ —
Думают крестьяне, гласу Витте внемля.

Стук замков тюремных; свист бичей казацких,
Грохот пулеметов, ряд мучений адских;
Всюду море крови, всюду стон и скрежет, —
С яростью опричник колет, рубит, режет;
Славит он победу, сердце к мести будит...
„Вот сберется Дума — Дума все рассудит;

Суд назначит правый, разберет виновных
И накажет строго, не щадя виновных!“.

.....
.....
.....
„Вот сберется Дума — Дума все рассудит...“.

А Улита едет — и когда то будет!..

Шмель.

(„Спрут“, № 7, 8/II, 1906.)

Скорей накачайте золота до двух миллионов. Иностранные корреспонденты ждут!

Пожалуйста!

(„Паяцы“, 1906 г., № 3.)

Рис. Беранже.

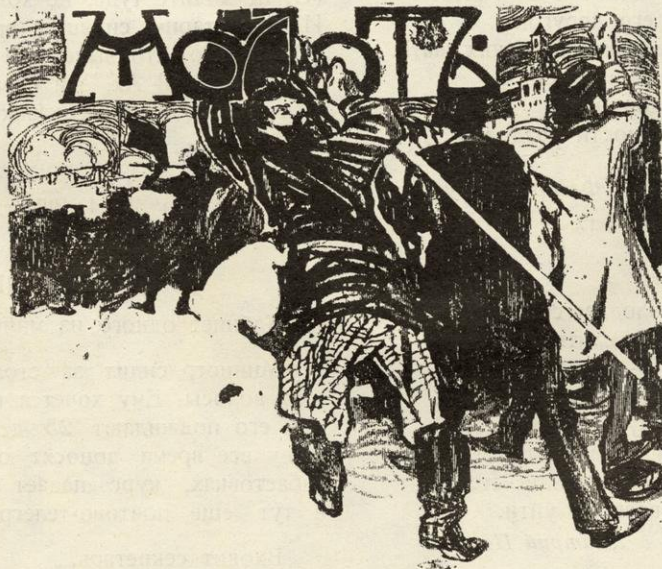
??

ПОЛОЖЕНИЕ.

— Разгонят Думу? Она так дискредитирует правительство...

— В том-то и дело, что мы нынче кредитуемся под дискредитирование. Не будет Думы,—не будет дискредитирования, но и кредита тоже...

(„Леший“, 1906 г., № 4.)

Обложка работы Н. Герардова.

(„Борцы“, 1906 г., № 1.)

Крестьяне.

Предстоящий созыв Государственной
Думы обострил и аграрный вопрос.

ЗЕМЛЕ.

В блаженном пламени восстанья
Моей тоски не утоля,
Спешу сказать мои желанья
Тебе, моя земля.
 Производительница хлеба,
 Разбей оковы древних меж,
 И нас, детей святого неба,
 Простором вольности утешь.
Дыханьем бури беспощадной,
Пожаром ярым уничтожь
Заклятья собственности жадной,
Заветов хитрых злую ложь.
 В поту идущего за плугом
 Спаси от долга и от клятв
 И озари его досугом
 За торжествами братских жатв.
И засияют светлой волей
Труда и сил твои поля,
Во всей безгранности раздолий
Твоих, моя земля.

Федор Сологуб.

(„Вольница“, 1906 г., № 1.)

* * *

Ой ты, сила, голодная сила!
Не сковать, не осилить тебя...
Всколыхнулась — и цепи разбила,
Закружилась как вихорь, губя...
Размятежилась буйной волною,
Все сметаешь на темном пути:
Не сдержат тебя крепкой стеною,
От расплаты твоей не уйти.

Дмитрий Цензор.

(Из „Песни о силушке голодной“,
„Вольница“, № 1, 1906 г.)

Как жила в разгар революционной
борьбы деревня, сатира отмечала и
раньше.

ДЕРЕВНЯ.

О деревня, о ты, трижды тихая,
О ты, трижды тихая деревня!
Там пригорки, а здесь ручейки...
И этот толстый помещик! Эти худошавые
крестьяне!
Их худошавые лошади и коровы,
И их вилы, их железные вилы,
Их остро отточенные топорики!
Эта школа! (Она не протоплена.)
Это поле! (Оно не засеяно.)
И там вдалеке волостное правление...
(О, не ходите туда, не ходите!)
И этот старик, сидящий на завалинке...
(Он только-что выпорот.)
И эти казаки! Ах, эти казаки!
Эти ужасно храбрые казаки!

Гильом Z. Z.

(„Маски“, № 4, 1906 г.)

КАРТИНКИ ПЕРОМ.

Кабинет одного из министров.

Министр сидит за столом и нервно еро-
шит волосы. Ему хочется плакать. В прием-
ной его поджидают 25 депутатий, по теле-
фону все время доносят о новых и новых
забастовках, курс падает с каждым часом,
а тут еще почтово-телеграфная забастовка.

Входит секретарь.

— Pardon.

(„Альманах“, 1906 г., № 1.)

Рис. Н. Шестопалова.

ВЕСНЯНИЙ МОТИВ.

(„Шершень“, 1906 г., № 12.—Киев.)

К АГРАРНОМУ ВОПРОСУ.

„Дело не в количестве земли, а в способе ее обработки...
Мужику надо мяту сеять“!!!

(Из доклада истинно-русских.)

(„Русь“, 1907 г., № 2.)

Рис. Г. Н. Горелова.

(„Накануне“, 1907, № 1.)

Министр (умирающим голосом). — Что такое? Телеграммы!

(Секретарь подает ворох телеграмм, полученных еще до начала забастовки.)

Министр — Еще?.. Надоело! (Читает) „Министру NN. Срочная. Село Розорви. Ради бога, немедленно сотню казаков. Все разгромлено. Помещик Кровописцев“. „Деревня Хитрово. Ради всех святых, две сотни казаков. Крестьяне обложили усадьбу. Помещик Кнутовцев“. „Деревня Бесправная. Умоляю прислать тысячу казаков! Ежели можно, пришлите также десять пулеметов и хоть один броненосец с Рождественским. Он меня знает. Помещица Коробочка“.

Министр (вспылив).—Что они, с ума сошли? Всем казаков! А мы-то что же тут будем делать?

Секретарь (почтительно).—Как прикажете ответить?

Министр.—По-куропаткински: терпение, терпение и терпение.

Карианец.

(„Дятел“, 1905, № 1.)

ВЕСЕЛАЯ ДЕРЕВЕНСКАЯ ПЕСНЬ.

(На четыре голоса.)

Что вы, старцы, заскучали?
Таковы невеселы,
Головы повесили?
— Отошшали.—
Что вы, старые старухи,
Таковы невеселы,
Головы повесили?
— С голодухи.—
Что вы, парни, тихи стали,
Не играете, не скачете,
Всё ревете, плачете?
— Тятюку угнали.—
Что вы, детки, приуныли,
Не играете, не скачете,
Все ревете, плачете?
— Мамку убили.

(„Зритель“, 1906 г., № 1.)

В ТЩЕТНЫХ ПОИСКАХ.

Крестьянин, захавший в столицу по крестьянским делам, обращается к дворнику.

— Скажи-ка, милый человек, куда мне обратиться, чтобы найти выход из нашего крестьянского положения?

— Гм, выход? Выходов - то у нас, брат, мало, про них что-то не слышно; у нас есть только входы; через участок, в Предварилку, в Кресты, в Петропавловку...

(„Аргус“, 1906, № 8.)

Всероссийский съезд русских людей в Москве объявил, что в русской деревне текут молочные реки с кисельными берегами.

Рис. Эзоп.

(„Аргус“, 1906, № 9.)

ФОМА И ЕРЕМА.

Как приехали два брата
Из родимого села.

Припев:

Ах, Дербень, Дербень, Калуга,
Дербень, Ладога моя,
Ах, Тула, Тула, Тула,
Тула, родина моя.

Одного зовут Ерема,
А другого-то Фома.

(Припев.)

Шел Ерема все по шпалам,
А Фома все пехтурой.

(Припев.)

Ну, давай-ка, брат Ерема,
Нам землицы испросить.

(Припев.)

ПІСЛЯ СКАСУВАННЯ КРЕПАЦТВА.

— Ну тепер ти, братику, цілком вільний; навіть від землі ми тебе по змозі увільнили... Працюй собі на здоровля! Та тільки гляди, викупі платежи не забувай!

— А бодай тебе...

(„Шершень“, № 7, 1906 г.)

Рис. Велентія.

(„Осы“, 1906 г., № 16. — Томск.)

Вот Ерема стал мятежник,
А Фома-то бунтовщик.

(Припев.)

Отодрал Ерему земский,
А Фому-то становой.

(Припев.)

А приехал генерал —
И обоих отодрал.

(Припев.)

Вот Ерема воет басом,
А Фома-то тенорком.

(Припев.)

У Еремы была хата,
У Фомы была изба.

(Припев.)

Только глянули назад —
Одни уголья дмят.

(Припев.)

Вот Ерема ходит босый,
А Фома-то без сапог.

(Припев.)

Вот Ерема ходит голый,
А Фома-то без портов.

(Припев.)

(„Свetaет“, 1906 г., № 1.)

Рис. А. Любимова.

Видно быть Ереме в яме,
А Фоме то на суку.
Припев;

Ах, Дербень, Дербень, Калуга,
Дербень, Ладога моя,
Ах, Тула, Тула, Тула,
Тула, родина моя.

Упырь.

(„Вампир“, 1906 г., № 6.)

(„Рубль“, № 2.)

ИЗ ДЕРЕВЕНСКИХ РАССКАЗОВ.

Расскажу я — не солгу,
Только нашим — ни гу-гу!
На деревне, говорят,
Был карательный отряд —
Счетом только три часа...
(Я успел удрать в леса).
Я пришел спустя неделю:
Встретил шурина Емелю, —
Все еще не может сесть,
Да и сядет ли, бог весть?!
Показал Ерема спину, —
Тут следы уж по аршину;
Начал-было их считать, —
Трудно в сутки сосчитать...
На палатах сват Егор
Очумелый мелет вздор...
У разбитого Варула
Колесом всю спину вздуло...
Как по шкуре барабана,
Сekli глупого Ивана...
Стонет, охает Евсей;
Плачет громко Елисей;
Филимон, Степан, Фока
Лечат травами бока.

Всем досталось мужичкам —
Молодым и старичкам.
Уцелел в хлеву Илья,
Да в лесах укрылся я...
Право, братец, я не лгу, —
Только нашим — ни гу-гу!
Коль узнают — заорут,
Всей деревней отдерут:
Сekli всех до одного,
Значит — надо и его!!

(„Заревое“, № 3, 1903 г.)

„ВОЗЛЕ РЕЧКИ“ 1.

(Народная песня.)

Возле речки за деревней,
Возле моста,
Жил в избенке старец древний,
Лет так во сто...

Да была при нем сиротка
Внучка Паша...

Жили тихо, жили кротко,
Ели кашу...

Не знавали ни печали

Ни напасти,

И на бога не роптали,

Ни на власти...

Рис. К. Горбатова.

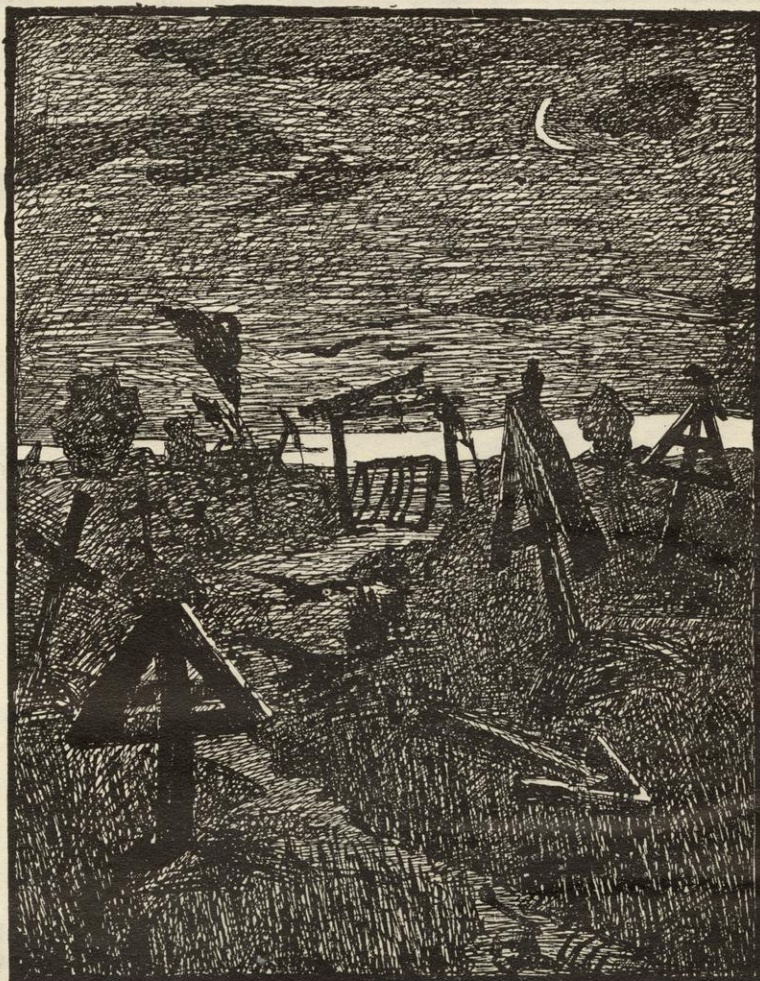
(„Жало“, 1908 г., № 1).

¹ Песенка эта была в свое время очень популярна в ряде губерний: Самарской, Пермской, Курской и др. (См. „Историч. Вестн.“ 1912 г., № 5, ст. Л—ского.)

(„Сигналы“, 1906 г., № 2.)

Рис. Любимова.

УЧАСТКИ ЗЕМЛИ ДЛЯ СВОБОДНОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН.

(„Булат“, 1906, № 3.)

Год пришелся недородный,
Сгибла каша.
Чуть плетется дед голодный,
Плачет Паша...

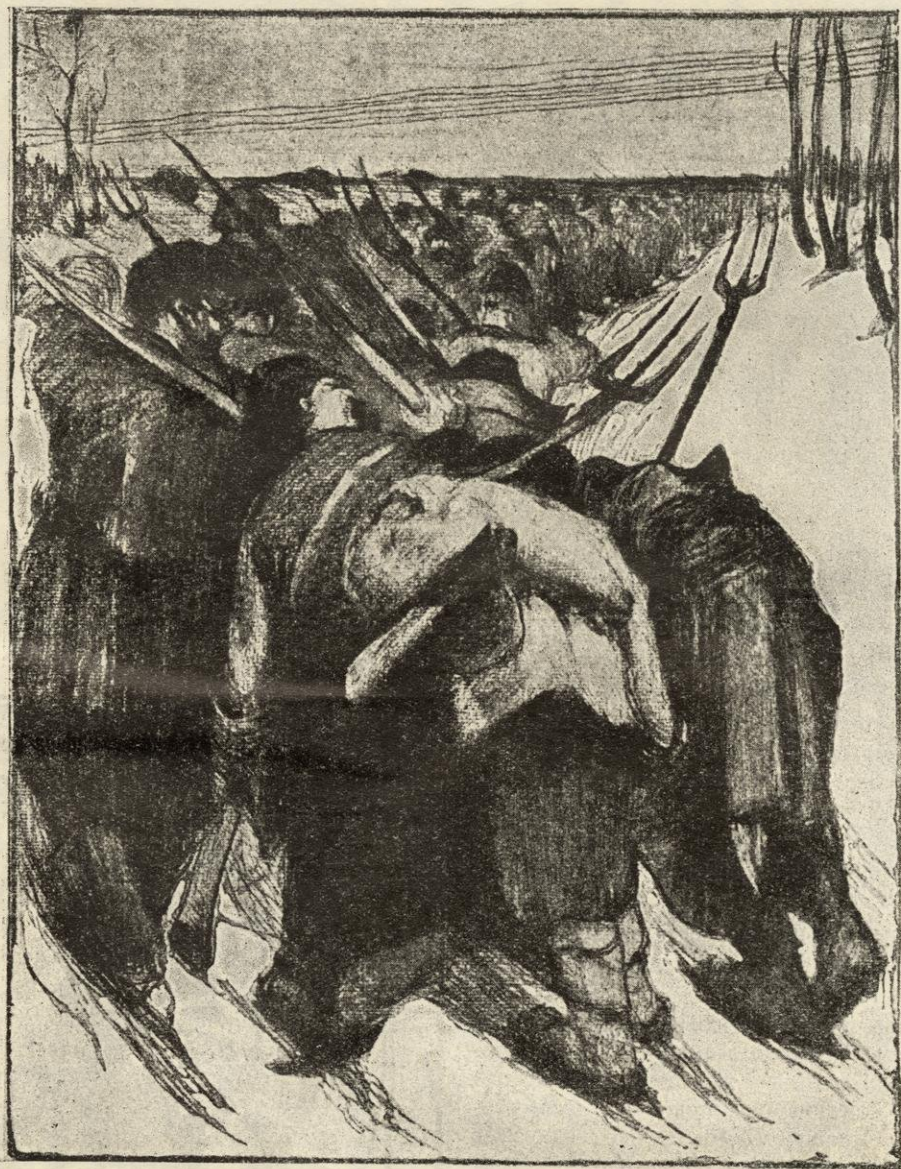
Что ни день, — попу есть треба:
Мрут как мухи...
А в деревне, вместо хлеба,
Злые слухи:

Генералы, мол, в столице
Осерчали,
Что крестьяне о землице
Забрехали...

Мужики же из озорства
Все бунтуют...
Голодают из притворства.
Не надуют!..

Врут, крамольники, что мало
Им землицы!..
И прислали генерала
Из столицы...

Возле речки за деревней,
Возле моста,
Не живет уж старец древний,
Лет так во сто.

(„Вольница“, 1906 г., № 1.)

Рис. П. Добрынина.

ПРОГУЛКА ГУБЕРНАТОРА ПО ДЕРЕВНЯМ.

(„Вампир“, 1906 г., № 4.)

Рис. Л. Евреинова.

Нету Паши... Нет избенки
Возле моста...
Две могилки есть в сторонке
У погоста...

Дух Банка.

(„Вампир“, 1906 г., № 3.)

ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ САХАРОВ.

(Некролог.)

Телеграф принес печальную весть о трагической смерти генерал-адъютанта Сахарова, павшего в Саратове жертвой злодейского убийства. Друг народа, покойный был убежденным противником всего, что действует развращающим образом на добрые нравы простых русских людей. Его особенной ненавистью пользовались те нехорошие люди, которые, преследуя исключительно личные интересы, внушают крестьянам, что у них мало земли (это в России-то—самом большом государстве в мире!), что голод возможно лечить только едой (а молитвы?) и что главное несчастье крестьян заключается в их

Селяне.— Ну що? Привіз нам землю?
Посол до Державної Думи.— Скільки в Петербурзі дали, стільки й привіз.

(„Шершень“, 1906 г., № 20. — Киев.)

— ЗАГУБИЛИ МОЕГО КОРМИЛЬЦА!

(„Сатирическое Обозрение“, 1906 г., № 2.)

Рис. Ежа.

(„Скоморох“, 1907 г., № 2.)

В голодающих губерниях решено кормить „селедкой“
златоустовского производства.

(„Пчела“, 1906 г., № 6.)

Рис. Мавра.

бедности (а разве не существует бедных дворян?). Любовь к родному народу заставила покойного генерала покинуть столицу и отправиться в глушь Саратовской губернии для искоренения среди детей народа вредных идей, грозивших совершенно расшатать добрые отношения между крестьянами и помещиками. Пылкий во всех случаях, где речь шла о спасении родины, генерал Сахаров, по приезде на место, энергично принялся за дело. Очевидцы уверяют, что его стремительность и азарт как бы заразили местных мужичков, которые с восторгом ложились под розги и пели „Боже, царя храни!“ и „Коль славен“, раскачиваясь под перекладной виселиц, сработанных их собственными мозолистыми руками из родных сосен. Умилительно было

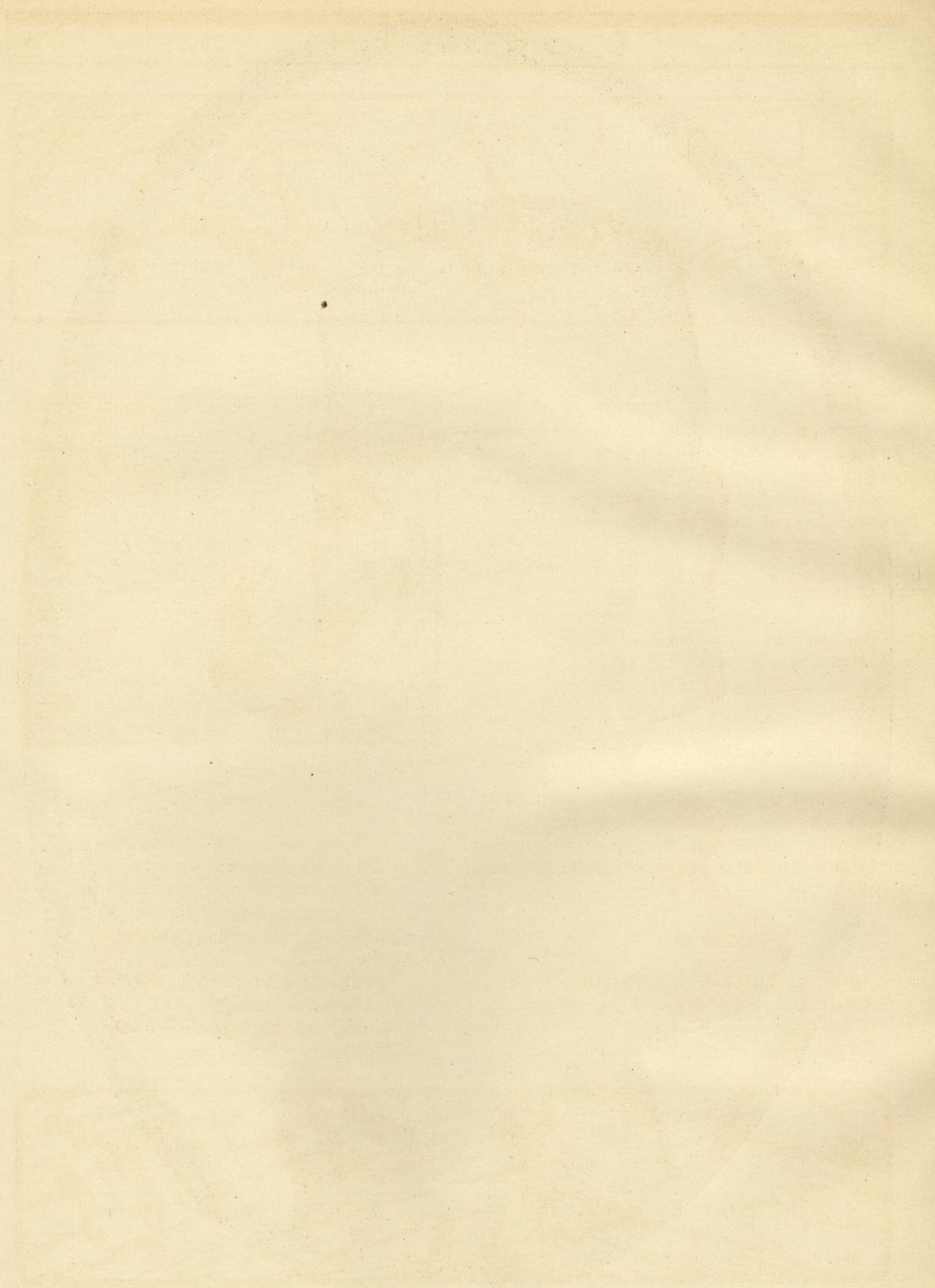
(„Скоморох“, 1907 г., № 2.)

СТОЛЫПИН.

(„Адская Почта“, № 3—„Олимп“—1906 г.)

Рис. З. Гржебина.

AMERICAN BOOK COMPANY
NEW YORK, N. Y.

(„Скоморох“, 1907 г., № 2.)

видеть иного старика с патриархальной седой бородой, со слезами раскаяния на глазах целовавшего руки покойного генерала, действовавшего только с помощью таких бесхитростных средств, как розга и виселица. Ни одного пулемета!—это было его девизом. Мир праху друга человечества!

М. Львович.

(„Дятел“, 1905 г., № 1).

Саратовская губерния объявлена неблагополучной по *diabetis'u* (сахарной болезни). Там уже наблюдался один смертный случай.

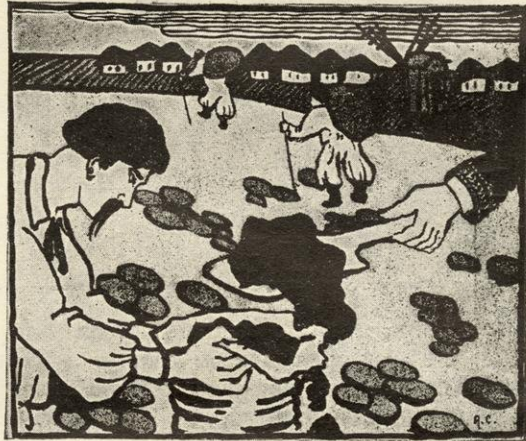
Термидор.

(„Зритель“, 1905 г., № 24.)

В связи с возрождением порки вспомнила печать про стихотворение И. С. Тургенева, остававшееся по цензурным условиям до того времени ненапечатанным:

ГИМН КНУТУ.

Ременный кнут, не безуханный,
Забитый в поле вижу я,
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

СЕЛЯН НАДІЛЯЮТЬ ЗЕМЛЕЮ.

(„Шершень“, 1906 г., № 20.)

Кто дал тебе твой вид приятный,
Тебя тесемкою обвил,
И кто твой кончик сыромятный
Так превосходно прикрепил?
Скажи мне, кто владел тобою
И что он был за человек?
С тяжелой, легкой ли рукою?
А главное—кого ты сек?
Стегал ли ты клячки жалкой
Хребет и впалые бока,

(„Скоморох“, 1907 г., № 2.)

— Эх, Митюха, что бы тебе погодить до 1907 года? Не пришлось бы давиться.

— Вестимо, не пришлось бы. Раньше с голодухи ноги протянул бы.

Рис. Ре—ми.

(„Стрелы“, 1905 г., № 3).

— Учись у птиц небесных.

(„Сатирик“, 1907 г., № 1).

Рис. П. С. Прохорова.

Иль, мирно чередуясь с палкой,
Гулял по ж... мужика?
Мужчин ли больше ты исправил,
Иль также женщин поучал?
И тот зачем тебя оставил,
Кто, кнут, тобою обладал?
Ты, громко девок вызывая —
Иль к земскому, иль на гумно,
Иль к барину под сень сарая,
Стучал ли в низкое окно?
Иль, может быть, о, бич славянский,
Вооружась тобой, холоп
Дал з понять дворянской
Тоску простых мужичьих ж...?
И, что б ни делал ты донине,
Привет тебе, усердный мой,

Символ страны моей родной.

(„Муравейник“, № 1, Саратов, 1906 г.)

(„Борцы“, 1906 г., № 1).

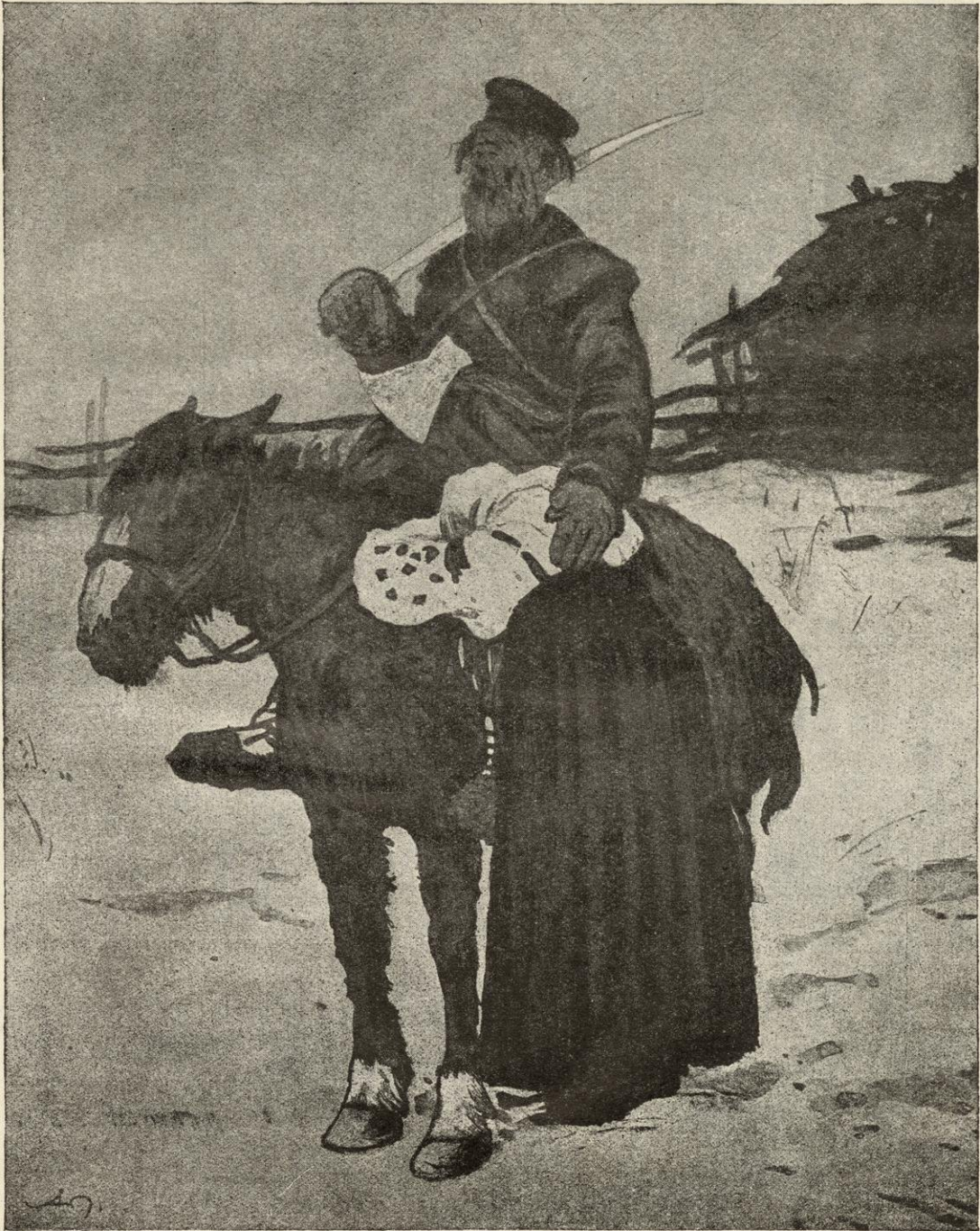
ПОКУДА.

По деревне идет барыня. Навстречу ей несколько мужиков.

— Живешь еще, барыня?

— Живу.

— Что ж, поживи покуда, ничего. Мы тобой довольны. Силой не хотим. Не продашь — и так запашем. Вот как! Поживи, поживи. Нам теперь ни к чему. Подумаешь?

РАЗЛУКА.

(„Светает“, 1906 г., № 1.)

Рис. А. Любимова.

НАРОДНЫЕ ИЗБРАННИКИ СОБИРАЮТСЯ В ДУМУ.

Представитель правый.

— Подумаю.
 — То-то. Тебе же лучше, ежели за деньги.
 Земля все одно наша. А покуда живи, бог с тобой.

В. С. Л.

(„Журнал“—„Зритель“, 1906 г., № 2.)

* * *

Деревня. В деревню въезжает генерал,
 за ним казаки и пулеметы. Вдали стоят два
 мужика и ведут разговор.

Первый: Митюха, гляди-ка, енерал
 с пулеметами.

Второй: Всам-деле. А говорили, что
 всех енералов с пулеметами японец забрал?

Первый: А этот, должно быть, убе-
 жамши.

(„Жупел“, 1905 г., № 1.)

Представитель левый.

(„Спрут“, 1906 г., № 9.)

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

М. г., г. р.!

Писатель Чириков одни сутки голодал,
 и его выпустили из тюрьмы.

Мы, крестьяне, голодаем вот уже несколько
 сотен лет, а послаблений или льгот со сто-
 роны начальства до сих пор не видали. Почему
 такая несправедливость? И скоро ли это окон-
 чится?

(„Сигнал“, 1905 г., № 4.)

Крестьянин.

РАЗРЕШЕНИЕ РУССКИМ ПРАВИТЕЛЬ-
СТВОМ АГРАРНОГО ВОПРОСА.

„Вместо того, чтобы прибавить земли,
 лучше убавить душ“.

(„Зритель“, 1905 г., № 25.)

* * *

Крестьянин + помещик = бедность.

Крестьянин — помещик = богатство.

(„Жало“, 1906 г., № 1.)

(„Момент“, 1907 г., № 3.)

Рис. М. Демьянова.

„ГОСУДАРЬ ТЫ НАШ, БАТЮШКА...“

(Вольное подражание А. Толстому.)

Государь ты наш, батюшка,
Государь Петр Аркадьевич,
Что ты изволишь в котле варить?
— Декларацию, матушка, декларацию,
Декларацию, сударыня, декларацию.

— Государь ты наш, батюшка,
Государь Петр Аркадьевич,
А ведь декларация-то выйдет кру-
тенька?

— Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька!

— Государь ты наш, батюшка,
Государь Петр Аркадьевич,
А кто ж будет ее расхлебывать?
— Думушка, сударыня, Думушка,
Думушка, родная, Думушка!

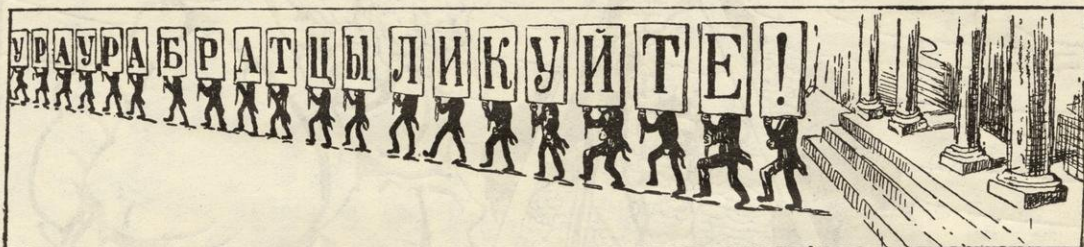
Шило.

Дума, Государственная Дума — вот кто может, кто призван разрешить большой аграрный вопрос. Так думало русское общество. Так говорила сатира, отстранявшаяся от „партийных программ“.

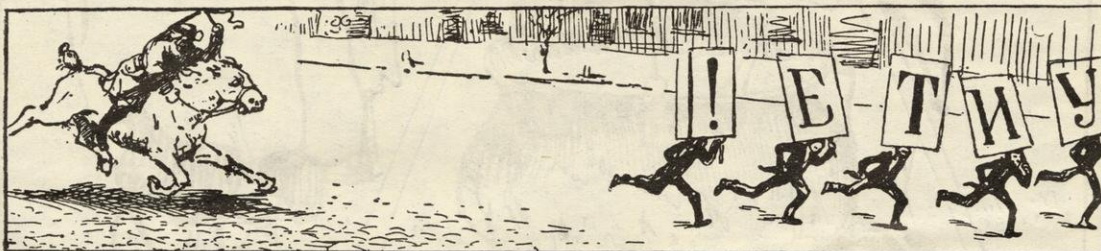
Что же всё откладывают созыв ее? Да полно, соберется ли она когда-нибудь?

КАК ПРАЗДНОВАЛИ ОТКРЫТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

(по „Русскому Государству“).

Стройная процессия мирных обывателей явилась перед зданием Таврического дворца, неся щиты с приветственной надписью.

Встреченная с подобающим почетом...

процессия почти в том же порядке проследовала обратно.

(„Вампир“, 1906, № 6.)

ОТРЫВКИ ИЗ ПОСЛЕДНИХ АНОНИМНЫХ СООБЩЕНИЙ.

... А так как Пасха, к сожалению, упадет на 2-е апреля, то, стало быть, Государственная Дума не может собраться ранее „Фоминой“ недели... А так как „новый стиль“, коим мы

на 14 дней „будем догонять Европу“, признано у нас за благо ввести в апреле, то... стало быть... Фоминой недели в этом году вовсе даже не будет... а стало быть... „не напирай“... и „пошел вон, братцы“...

(„Гудок“, № 1, 1906 г.)

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Многоуважаемый господин редактор!
 Не вышло бы ошибки! В виду того, что
 „Потемкин Таврический“ переименован в „Пан-
 телеймона“, то не попали бы случайно народ-
 ные представители, вместо Таврического
 дворца на Потемкинской улице, в департа-
 мент полиции на Пантелеймонской.

Осторожный.

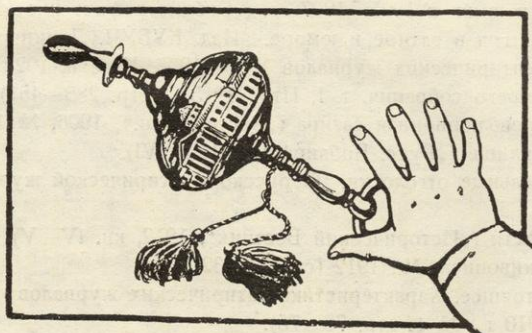
(„Спрут“, № 6, 1906 г.)

ИЗ ПИСЬМА 2-го НИКОЛАЯ II
 К ВИЛЬГЕЛЬМУ.

.....
 Скажу вам, дядя, по секрету:
 Беда вся в том, что денег нету

И, что ни день, со всех сторон
 За миллионом миллион
 Плывут, ну прямо, как вода!
 И не пойму я — как? Куда?
 Так вот, чтоб их достать без шума,
 Велел я, чтоб сбиралась Дума.
 Законом выбранным вперед
 Права народа ограничил,
 Дал черным сотням на расход
 И штат жандармов увеличил.

.....
 Прощайте, дядя! Будьте другом,
 Пишите мне, когда досугом
 Случится вам располагать.
 А я весь ваш, не стану лгать,
 Вы знаете, я не таковский...
 Царь царскосельский, петергофский
 И самодержец прочих мест,
 Что тут поблизости окрест,
 Пока спит крепко русский край,
 Все ж — император Николай.

ИГРУШКА-ПОГРЕМУШКА.

(„Гудок“, 1906, № 6.)

Библиография предмета и источники.

1. **Авель, А. А.** (Авок). Сатира в журналах и газетах. „Вестник Знания“, 1906, № 2.
 - ” ” Общественные события перед судом сатиры (там же, № 3).
 - ” ” Эхо политической сатиры (там же, № 4).
 - ” ” Отцы отечества и Дума в современной сатире (там же, № 5).
 - ” ” На Шипке все спокойно (там же, № 6).
 - ” ” Охрана и охранники в сатиристической литературе (там же, № 7—8).
 - ” ” Осколки сатиристической литературы (там же, № 12).
2. **Алфавитный указатель** книгам и брошюрам, а также номерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями по 1 янв. 1913 г. СПб., 1913.
3. **Арцыбушев, Ю.** Сатирическая литература и подготовка к перевороту (газета „Вечернее Время“ М., 1917, № 887).
4. **Боднарский.** Справочный указатель книг и журналов, арестованных с 17 октября 1905 г. по 1 мая 1907. Вып. 1. М. Б. о. г.
5. **Боцяновский, Вл.** Карикатура и цензура в начале XX в. „Былое“, 1924 г., № 26. Художник двух революций. „Былое“ 1925, № 1.
6. **Боцяновский, В. и Голлербах, Э.** Русская сатира первой революции, 1905—1906. ГИЗ, Ленинград, 1923 г.
7. „**Былое**“. Журнал 1906 г. 12 книг. (Летопись событий).
8. **Валле-де-Бар.** Свобода русской печати (после 17 октября 1905 г.). Самара, 1906.
9. **Венгеров, А.** Сатирические журналы (Допол. том Словаря Брокгауза).
10. **Виноградов, Н.** Сатира и юмор в 1905—1907 гг. („Библиографические Известия“, 1916, № 3—4).
11. **Дрейден, Симон.** 1905-й год в сатире и юморе. Изд. КУБУЧ. Ленинград, 1925 г.
12. **Дульский, П.** Графика сатирических журналов 1905—1906. Казань, 1922 г.
13. **Жевержеев, Л.** Опись моего собрания, т. I. Птр., 1915 г. (стр. 285—451).
14. **Ивинский, М.** Русская революционная сатира („Вестн. Знан.“, 1906, № 1).
15. **К. Л.** Ценное книгохранилище („Русс. Библиоф.“, 1911 г., VI).
16. **Кранихфельд, В.** Журнальные отголоски. О русской сатирической журналистике. („Мир Божий“, 1905, XII).
17. **Л-ский.** Во власти глупости („Исторический Вестник“, 1912, кн. IV—V).
18. **Лобанов, В.** 1905 г. в живописи. М., 1912 (стр. 24—32).
19. **Маляж.** Недавнее и настоящее. Характеристика сатирических журналов („Отклики художественной жизни“, 1910 г., № 1, стр. 70—75).
20. **Минцлов, С.** 14 месяцев свободы печати: 17 октября 1905 г.—1 января 1907 („Былое“, 1907, март 3/15).
21. ” Сатирические журналы (Книгохранилище С. Р. Минцлова, СПб., 1913, стр. 128—235).
22. **Чеботаревская А.** Русская сатира наших дней. „Образование“, 1906 г., V.
23. **Чуковский, К. и Дрейден, Симон.** Русская революция в сатире и юморе. Изд. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“, Москва, 1925 г.

СПИСОК

лиц, иллюстрировавших сатирические журналы 1905 — 7 гг.

Список этот далеко не полон и столь же далеко не точен. По вполне понятным соображениям, очень многие рисунки не были авторами подписаны. И теперь восстановить, кто их исполнил, крайне трудно. Чуть ли не еще больше количество рисунков, подписанных монограммами и псевдонимами. Значительную часть их удалось, при содействии художников, работавших в одних журналах с монограммистами, расшифровать, но несколько десятков остались все же нераскрытыми.

В список внесено всего лишь 4 таких загадочных автора: „Леопардус“, „Каэм“, „А. Г.“ и „Фа-соль“. Отступление сделано в виду того, что указанные псевдонимы встречаются в большом количестве журналов и, по всем вероятностям, за ними скрываются не случайные любители, под наитием революционного вдохновения дававшие в 1905—7 гг. в печать свои „милостивый государь, пробы пера“, а профессионалы-рисовальщики. Приводить же полностью весь список монограммистов¹ и укрывшихся за псевдоним было затруднительно еще и потому, что под одними и теми же инициалами зачастую скрываются разные лица. Так, литерой „В“ подписаны рисунки черносотенного „Плювиум“ и рисунки в „Зрителе“. К категории нераскрытых псевдонимов отнесены и „иностранные“ (?) сотрудники журнала „Мой Пулемет“: George Omry, Sellier, Swain, Monnier...

Не точен приводимый список и в части тех минимальных биографических сведений, которые дает он относительно ряда художников. Полное отсутствие каких-либо систематизированных указателей современных художников вынудило составителя привести местами данные, сообщенные ему „по памяти“ художниками, работавшими в сатирических журналах 1905—7 гг. Где представлялась к тому возможность, были извлечены необходимые даты из каталогов, списков учащихся Высшего художественного училища при Академии Художеств и из списков КУБУ (Комиссии улучшения быта ученых). И все же... приходится оговариваться, приходится просить снисхождения к допущенным пробелам, недосмотрам и промахам.

Хотелось бы надеяться, что художники, принимавшие участие в иллюстрированных сатирических журналах 1905—7 гг., ознакомившись с публикуемым списком, сообщат издательству обо всех усмотренных ими ошибках и недочетах и тем дадут возможность к предстоящему 25-летию первой русской революции составить действительно точный список всех лиц, профессионалов и любителей, откликнувшихся на события бурного 1905 года.

¹ Часть монограмм и автографов рисовальщиков сатиры 1905—7 гг. воспроизведена в книге В. Боцяновского и Э. Голлербаха: „Русская сатира первой революции“.

- Аверченко**, Аркадий Тимофеевич. Ум. в 1925 г. Известный писатель-юморист. Сам иллюстрировал журн. „Штык“, выходящий в 1908 г. в Харькове под его редакцией. „Штык“, 1906 г. — Харьков.
- Агафонов**, Евгений Андреевич. Р. 1879 г. Окончил Академию Художеств в 1907 г. „Вольница“, 1906 г.
- Андреев**. „Метеор“, 1906 г. — Казань.
- Анисфельд**, Борис Израилевич. Р. в 1878 г. Окончил Акад. Худож. в 1909 г. Известный художник. Подписывался литерой „А“. „Жупел“, 1905 г. „Адская Почта“, 1906 г.
- Арлюльд**, В. М. Редактор журн. „Сатира“. „Сатира“, 1906 г.
- Арнштам**, Александр Мартынович. Окончил юридический факультет. Живописи учился у Юона. График. „Сигналы“, 1906 г.
- Арцыбушев**, Юрий Константинович. Р. в 1877 г. Учился в Акад. Худож. на архитектурном отделении. Издатель „Зрителя“. Им исполнено большинство рисунков первых номеров. Подписи не ставил. „Зритель“, 1905 г.
- Ассатуров**, Павел И. Псевдоним „Поль Асс“, „Поль де Пари“, „Пеггит“. „Свободный Смех“, 1905 г. „Застрельщик“, 1906 г. „Невод“, 1907 г. „Огни Жизни“, 1907 г.
- Афанасьев**, Алексей Федорович. Род в 1850 г. Учился в Акад. Художеств. „Шут“, 1905—6 гг.
- Баян**, см. *Юнгер*.
- Беломорский**. „Сатирич. Обзорение“, 1906 г. „Журнал Журналов“, 1905 г.
- Беранже**, В. „Паяцы“, 1906 г. „Всемирный Карикатурист“, 1906 г.
- Беркутов**, Африкан. Окончил Акад. Худож. „Пули“, 1906 г. „Спб-ая Жизнь“, 1906 г. „Произвол“, 1906 г.
- Билибин**, Иван Яковлевич. Р. в 1876 г. Известный художник. „Жупел“, 1905 г. „Адская Почта“, 1906 г.
- Блазнов**, Ал-др Петрович. Р. в 1865 г. Окончил Акад. Худож. в 1893 г. „Партизан“, 1906 г.
- Бодянский**, Иван Александрович. Р. в 1875 г. Окончил Акад. Худож. в 1906 г. Офортист. „Зарницы“, 1906 г. „Русь“, 1906 г.
- Бордье**, Л. Л. „Застрельщик“, 1906 г.
- Бродский**, Исаак Израилевич. Р. в 1884 г. Окончил Акад. Худож. в 1908 г. Автор картины „2-ой конгресс III Интернационала“. „Леший“, 1906 г. „Пламя“, 1905 г. „Огни“, „Сигналы“, 1906 г. „Ювенал“, 1906 г.
- „Игла“, 1906 г. „Адская Почта“, 1906 г. „Светает“, 1906 г. „Вольница“, 1906 г. „Газета Шебуева“, 1906 г.
- Брут**, Н. Н. „Леший“, 1906 г.
- Бурячок**, Иван. Украинский художник. Театральный декоратор. „Шершень“, 1906 г. — Киев.
- Бучкин**, Петр Дмитриевич. Р. в 1886 г. Окончил Акад. Худож. в 1912 г. Офортист. „Метеор“, 1906 г.
- Быстренин**, Валентин Иванович. Р. в 1872 г. Окончил Акад. Худож. в 1902 г. Офортист. „Молот“, 1905 г. „Обрыв“, 1907 г. „Накануне“, 1906 г. „Фонарь“, 1906 г.
- Waikne**. „Спрут“, 1906 г.
- Вальгис**, Борис Карлович. Псевдоним „Клеарх“. Художник-любитель. Редактировал журнал „Паяц“ и „Паяцы“. Умер в 1908 г. „Паяцы“, 1906 г. „Пчела“, 1906 г. „Сочинения Шебуева“, „Русь“ 1907 г. „Серый Волк“, 1907 г. „Сказки“, 1907 г.
- Вахрамеев**, Александр Иванович (1874—1925). Окончил Акад. Худож. в 1903 г. „Гамаюн“, 1906 г.
- Владимиров**, Иван Алексеевич. Род. в 1869 г. Окончил Акад. Худож. в 1893 г. Корреспондент „Graphic“. „Гудок“, 1906 г. „Петербургский Листок“, 1906 г.
- Воронецкий**, Александр Никодимович. Псевдоним — „А. Колочий“. „Фаланга“, 1906 г. — Ростов на Дону.
- Г. А.** „Кресты“, „Клюв“, „Вешние Вскходы“, „Юмористический Альманах“, „Овод“, 1906 г. „Волшебный Фонарь“, 1905 г.
- Гамлет** — *Hamlet*, см. *Ридигер*.
- Герардов**, Николай Николаевич (1873—1919). Окончил Акад. Худож. в 1900 г. Офортист. Редактировал журнал „Молот“. „Молот“, 1906 г. „Альманах“. 1906 г. „Буревал“, 1906 г. „Скандал“, 1906 г. „Маски“, 1906 г. „Момент“, 1907 г. „Обрыв“, 1907 г. „Зарница“, 1906 г.
- Гинц**, Григорий Евграфович. Род. в 1879 г. Окончил Акад. Худож. в 1904 г. Архитектор-художник. „Зритель“, 1905 г.
- Гиппиус**, П. „Бубенчик“, 1906 г.
- Гомберг**, Юлий Я. „Хурма“, 1906 г. — Тифлис.
- „*Notunculus*“, см. *Эрастов*.
- Горбатов**, Константин Иванович. Род. в 1876 г. Окончил Акад. Худож. в 1911 г. Архитектор и живописец. „Секира“, 1906 г. „Жало“, 1906 г.

- Горелов**, Гавриил Никитич. Род. в 1880 г. Окончил Акад. Худож. в 1911 г.
„Русь“, 1907 г.
- Горенбург**, Николай Карлович. Род. в 1874 г. Окончил Акад. Худож. в 1907 г. Псевдоним „Еж“, „Мигуэль“, „Стриж“.
„Сатирич. Обозрение“, 1906 г. „Журнал Журналов“, 1906 г. „Волшебный Фонарь“, 1905 г.
- Городецкий**, Сергей Митрофанович. Поэт.
„Серый Волк“, 1907 г.
- Горюшкин-Сорокопудов**, Иван Силович. Род. в 1873 г. Окончил Акад. Худож. в 1902 г.
„Гамаюн“, 1906 г. „Спрут“, 1906 г.
- Гоффингер**, В.
„Всемирная Политич. Карикатура“, 1906 г.
- Грабовский**, Иван Михайлович (1878—1922). Оконч. Акад. Худож. в 1909 г.
„Пулемет“, 1905 г. „Сочинения Шебуева“, 1906 г. „Зарницы“, 1906 г.
- Гржебин**, Зиновий Савич. Учился в Акад. Худож., а затем в Мюнхене.
„Жупел“, 1905 г. „Адская Почта“, 1906 г.
- Гурецкий**, Ян. Художник-декоратор.
„Заноза“, 1906 г.
- Гусаров**, А.
„Свободный Смех“, 1906 г. „Маляр“, 1906 г.
- Де-Линь**, см. *Линский*.
- Демьянов**, Михаил Александрович. Окончил Акад. Худож. в 1910 г.
„Момент“, 1906 г.
- Де-Пальдо**, Александр Николаевич. Род. в 1876 г. Окончил Одесское худ. училище. Учился в Акад. Художеств.
„Пламя“, 1905 г. „Молот“, 1906 г. „Сигналы“, 1906 г. „Буревал“, 1906 г. „Накануне“, 1906 г. „Маленький Журнал“, 1906 г. „Буравчик“, 1906 г.
- Детерс**, Эрнст Владимировна. Ученица Репина (в школе Тенишевой).
„Маски“, 1906 г.
- Добрынин**, Петр Семенович. Род. в 1877 г. Оконч. Акад. Худож. в 1911 г.
„Леший“, 1906 г. „Вольница“, 1906 г. „Ювенал“, 1906 г.
- Добужинский**, Мстислав Валерьянович. Род. в 1875 г. Окончил университет. Живописи обучался в Мюнхене. Известный график.
„Волшебный Фонарь“, 1905 г. „Жупел“, 1905 г. „Адская Почта“, 1906 г.
- Дулин**.
„Журнал Журналов“, 1906 г.
- Евреинюв**, Леонид Михайлович. Род. в 1868 г. Окончил Акад. Худож. в 1913 г.
„Зритель“, 1905 г. „Маски“, 1906 г. „Леший“, 1906 г. „Адская Почта“, 1906 г. „Ваммир“, 1906 г.
- „Еж“, см. *Горенбург*.
- „Ерш“, см. *Кирсанов*.
- Животовский**, Сергей Васильевич. Род. в 1869 г. Окончил Акад. Худож. в 1894 г. Псевдоним „Пьеро“, „Serge“.
„Стрелы“, 1905 г. „Скандал“, 1906 г.
- „Русь“, 1907 г. „Петербургский Листок“ 1906 г.
- Заборовский**, Георгий Алексеевич. Род. в 1880 г. Окончил школу Общ. поощр. худож. Учился в Акад. Худож. Подписывался „Г. З.“, „З“ или „Г. Забо“.
„Коса“, „Петерб. Листок“, 1906 г.
- Заборовский**, Николай Алексеевич. Род. в 1887 г. Учился в школе Общ. поощр. худ. и в Акад. Художеств.
„Петерб. Листок“, „Петерб. Газета“, „Русь“, 1907 г.
- Заикина**, Людмила А. Издательница журнала „Застрельщик“.
„Застрельщик“, 1906 г.
- Замирайло**, Виктор Дмитриевич. Род. в 1868 г. Окончил школу Мурашко в Киеве в 1886 г. Иллюстратор, график.
„Зритель“, 1905 г.
- Зарудная-Кавос**, Екатерина Сергеевна. Окончила Акад. Худож.
„Леший“, 1906 г.
- Заступец**, см. *Наумов*.
- Зауерлендер**, Вячеслав Владимирович. Псевдоним „Эзон“. Род. в 1864 г. Окончил школу Общества поощрения художеств.
„Аргус“, 1906 г. „Стрекоза“, 1906 г. „Петербургская Газета“.
- Зверев**, Василий Александрович. Род. в 1883 г. Окончил Акад. Худож. в 1912 г. Псевдоним „Зверь Потапыч“.
„Огни Жизни“, 1907 г. „Водоворот“.
- Зверь Потапыч**, см. *Зверев*.
- Злотников**, Лука Тимофеевич. Псевдон. „Л. Зло“. На ряду с либеральными журналами сотрудничал и в черносотенных („Плювиум“ и др.).
„Букет“, 1906 г. „Буревал“, 1906 г. „Волшебный Фонарь“, 1906 г. „Водоворот“, 1906 г. „Зарницы“, 1906 г. „Овод“, 1906 г. „Русь“, 1907 г. „Плювиум“ (черносот.), 1906 г. „Сатира“, 1906 г. „Свободный Смех“, 1906 г. „Аргус“, 1906 г.
- Зубрилов**, И.
„Зарево“, 1906 г. „Заноза“, 1906 г.
- Иванов**, А. Псевдоним „Ива“.
„Пулемет“, 1905 г. „Фонарь“, 1905 г. „Сигнал“, 1906 г. „Светает“, 1906 г.
- Иванов**, Михаил Филиппович. Род. в 1869 г. Оконч. Акад. Худож. в 1900 г.
„Гамаюн“, 1906 г.
- Imrid**, см. *Ридигер*.
- Кардовский**, Дмитрий Николаевич. Род. в 1866 г. Оконч. Акад. Худож. в 1902 г.
„Жупел“, 1905 г. „Адская Почта“, 1906 г.
- Карев**, Алексей Еремеевич. Род. в 1879 г. Оконч. Пенз. худ. уч. в 1901 г.
„Маски“, 1906 г.
- Каррик**, Вильям Вильямович. Художник-любитель. Карикатурист.
„Леший“, 1906 г. „Жупел“, 1905 г. „Пятница“, 1907 г.
- Касаткин**, Николай Алексеевич. Род. в 1859 г. В 1893 г. окончил Московское училище живописи. Народный художник Союза.
„Маляр“, 1906 г.
- „Каэм“ или „К. М.“.
„Свобода“, 1905 г. „Свободный Смех“,

- 1905 г. „Девятый Вал“, 1906 г. „Азарт“, 1907 г.
- Киплик**, Дмитрий Иосифович. Род. в 1865 г. Оконч. Акад. Худож. в 1892 г. Профессор-исследователь техники живописи. „Партизан“, 1906 г.
- Кирсанов**. Псевдоним „Ко-кир“, „Ерш“. „Овод“, 1906 г.
- Кисличенко**, Л. „Штык“, 1906 г. — Харьков.
- Клеарх**, см. *Вальгис*.
- Клементьев**, Алексей Николаевич. Художник. Образование получил за границей. „Шут“, 1906 г.
- Клюев**, Николай. В 1905 году был студентом-гражданином. Псевдоним „Мавр“ и „Саид“. „Пчела“, 1906 г.
- Ко-кир**, см. *Кирсанов*.
- Коко**, см. *Овчинников*.
- Кольвиц**. „Свисток“, 1906 г. — Одесса.
- Колючий**, см. *Воронецкий*.
- Косвинцев**, Е. Н. „Искры“, 1906 г. „Русь“, 1907 г.
- Косин**, см. *Яковлев*.
- Костычев**. „Журнал Журналов“, 1906 г.
- Кравченко**, Николай Иванович. Род. в 1867 г. Учился в Акад. Худож. Худож. критик „Нового Времени“. „Гудок“, 1906 г.
- Krakowsky**, S. „Мой Пулемет“, 1906 г.
- Крамер**, Бенцель Данилович. Род. в 1861 г. Оконч. Акад. Худож. в 1889 г. „Красный Смех“, 1906 г.
- Красицкий**, Фотий Степанович. Род. в 1873 г. Оконч. Акад. Худож. в 1901 г. Работает на Украине. „Шершень“, 1906 г. — Киев.
- Краснов**. „Журнал Журналов“, 1906 г.
- Крессанов**, Владимир. Учился в Акад. Худож. „Маски“, 1906 г.
- Кудинов**, Александр Александрович. Род. в 1878 г. Учился в Акад. Худож. „Зритель“, 1905 г. „Маски“, 1906 г. „Альманах“, 1906 г. „Леший“, 1906 г.
- Кустодиев**, Борис Михайлович (1878 — 1927). Оконч. Акад. Худож. в 1902 г. „Жупел“, 1905 г. „Адская Почта“, 1906 г.
- Лабудзь**, Ал-др Ал-др. Художник-профессионал. Псевдоним „Овод“. „Стрекоза“.
- Лансере**, Евгений Евгеньевич. Род. в 1875 г. Учился в Париже. „Жупел“, 1905 г. „Адская Почта“, 1906 г. „Зритель“, 1905 г.
- Лаховский**, Арнольд Борисович. Род. в 1882 г. Оконч. Акад. Худож. в 1912 г. „Леший“, 1906 г.
- Лебедев**, Александр Васильевич. „Зарницы“, 1906 г.
- Левитский**, Владимир Николаевич. Род. в 1877 г. Обучался живописи в Петербурге. График. „Зритель“, 1905 г.
- Леопардус**. „Гудок“, 1906 г. „Букет“, 1906 г. „Фискал“, 1906 г.
- Лепетич**, Н. „Оса“, 1906 г. — Николаев.
- Лидочкин**, Ростислав. „Русь“, 1907 г.
- Линский**, М. С. Псевдоним „де-Линь“. „Звон“, 1906 г. — Одесса.
- Лупинский**, С. „Страж“, 1906 г.
- Любимов**, Александр Михайлович. Род. в 1879 г. Оконч. Акад. Худож. в 1909 г. „Леший“, 1906 г. „Адская Почта“, 1906 г. „Зарницы“, 1906 г. „Сигналы“, 1906 г. „Вольница“, 1906 г. „Светает“, 1906 г. „Газета Шебуева“, 1906 г. „Сочинения Шебуева“, „Момент“, 1907 г.
- Мавр**, см. *Клюев*.
- Мазин**, Константин Иванович. Род. в 1874 г. Оконч. Акад. Худож. в 1906 г. „Страж“, 1906 г. — Новгород.
- Максимович**, Ф. И. „Буря“, 1906 г.
- Малиновский**, Н. П. Редактор-изд. „Журнала Журналов“. „Журнал Журналов“, 1906 г.
- Маньч**. Писатель. „Страж“, 1906 г. — Новгород.
- Меньшов**, С. „На распутье“, 1906 г. — Москва. „Мефистофель“, 1907 г. „Сокол“, 1906 г.
- Мигуэль**, см. *Горенбург*.
- Микстен**, Д. „Буря“, 1906 г.
- Митрохин**, Дмитрий Иосифович. Род. в 1883 г. Окончил Московск училище живописи Строгановское худ.-пром. училище в 1905 г. График. „Зритель“, 1905 г.
- Михайлов**, Михаил Тимофеевич. Род. в 1867 г. Учился в школе типографов. Псевдоним: „Ми-ша“, „Miccio“. Подписывался и инициалами „М. М.“. „Анчар“, 1906 г. „Буревал“, 1906 г. „Коса“, 1906 г. „Пчела“, 1906 г. „Шут“, 1906 г.
- Миша**, см. *Михайлов*.
- Мст**, см. *Фармаковский*.
- Наумов**, Павел Семенович. Род. в 1884 г. Окончил Акад. Худож. в 1911 г. Псевдоним „Заступец“. „Шершень“, 1906 г. — Киев.
- Невский**, Вадим Николаевич. Род. в 1885 г. Учен. училища Штиглица. Подписывался: „Перун“, „В. Н. Н.“, „N“, „П“. „Спрут“, 1905 г. „Волшебный Фонарь“, 1905 г. „Стрекоза“, 1906 г. „Гудок“, 1906 г.
- Невский**, Дмитрий Николаевич. Ученик училища Штиглица. „Маски“, 1906 г. „Альманах“, 1906 г. „Зарево“, 1906 г. „Бурелом“, 1906 г.
- Николаева**, Е. Н. Псевдоним „Felis“. „Зарница“, 1906 г. „Коса“, 1906 г. „К свету“, 1906 г.
- Николаевский**. „Маски“, 1906 г. „Игла“, 1906 г. „Гудок“, 1906 г.

- Нилус**, Петр Ал-дрович. Учился в Акад. Худ. Псевдоним „Пан“.
„Звон“, 1906 г. — Одесса.
- Овод**, см. *Лабудзь*.
- Овчинников**, Николай. Сын банщика. По профессии клоун. Псевдоним „Коко“.
„Овод“, 1906 г.
- Ольд Джин**, см. *Ридигер*.
- Онегин**. Подписывался тремя буквами „Е. Н. Е.“.
„Букет“, 1906 г. „Анчар“, 1906 г.
- Остроумова-Лебедева**, Анна Петровна. Род. в 1871 г. Оконч. Акад. Худож. в 1900 г.
„Жупел“, 1905 г.
- Пан**, см. *Нилус*.
- Панкул**, И.
„Серый Волк“, 1907 г.
- Панов**, Сергей Иванович.
„Зарницы“, 1906 г.
- Пастернак**, Леонид Осипович. Род. в 1862 г. Оконч. Мюнхенскую академию.
„Русь“, 1906 г.
- Пеггит**, см. *Ассатуров*.
- Перо**, см. *Штейн*.
- Перун**, см. *Невский, В.*
- Пирогов**, Николай Васильевич (1882 — 1913). Оконч. Акад. Худож. в 1901 г.
„Гамаюн“, 1906 г. „Молот“, 1906 г. „Леший“, 1906 г.
- Плеханов**, Иван Ефимович. Окончил Пензенскую художественную школу. В Петербурге учился в школе Тенишевой у И. Е. Репина. Редактировал вместе с С. В. Чехониным журнал „Маски“.
„Маски“, 1906 г. „Паяц“, 1906 г. „Паяцы“, 1906 г.
- Познань**, Я.
„Пули“, 1906 г.
- Поль Асс** |
Поль де-Пари | см. *Ассатуров*.
- Польм**, Георгий. Подписывался „George Paulme“.
„Свободный Смех“, 1906 г.
- Порфирьев**, В. И.
„От мрака к свету“ (прил. к журн. „Стрекоза“ за 1906 г.).
- Пронский**.
„Журнал Журналов“, 1906 г.
- Прохоров**, Семен Маркович. Род. в 1893 г. Оконч. Акад. Худож. в 1909 г.
„Нагаечка“, 1905 г. „Водоворот“, 1906 г.
- Псковитинов**, Евгений. Ум. в 1919 г. Худ.-профессионал.
„Газета Шебуева“, 1906 г. „Скандал“, 1906 г.
- Пылаев**, К. Студентом Технолог. института, как любитель, работал в сатирич. журналах.
„Русь“, 1907 г. „Серый Волк“, 1907 г.
- Пьеро**, см. *Животовский*.
- Ре-ми**, см. *Ремизов*.
- Ремизов**, Николай Владимирович. Псевдоним „Ре-ми“. Окончил Акад. Худ. Один из основателей журнала „Сатирикон“.
„Стрелы“, 1905 г. „Газета Шебуева“, 1906 г. „Сочинения Шебуева“, 1906 г. „Спрут“, 1905 г. „Наше Время“, 1906 г.
- Репин**, Илья Ефимович. Род. 1844 г. Оконч. Акад. Худ. в 1871 г. Крупнейший художник группы „передвижников“.
Иллюстр. к „Рассказу о семи повешенных“ Л. Андреева. Неопубликованные сатирические рис., ныне находящиеся в Московском Музее Революции.
- Ридигер**, И. М. Псевдоним „Imrid“, „Hamlet“, „Гамлет“, „Ольд Джим“.
„Стрелы“, 1905 г. „Бич“, 1906 г. „Бомбы“, 1906 г. „Спрут“, 1906 г. „Коса“, 1906 г. „Аргус“, 1906 г. „Водолаз“, 1906 г. „Оса“, 1906 г. „Маяк“, „Стрекоза“, „Юмористич. Еженед.“.
- Ризниченко**, Федор Петрович. Род. в 1865 г. Оконч. Акад. Худож. в 1892 г.
„Петербургский Листок“, 1906 г.
- Руссо**, Василий Николаевич. Род. в 1881 г. Оконч. Акад. Худож. в 1910 г. Скульптор.
„Гудок“, 1906 г.
- Рогов**, Н.
„Коса“, 1906 г. „Маяк“, 1906 г.
- Савинова**, Мария Мануиловна. Род. в 1876 г. Оконч. Акад. Худож. в 1908 г.
„Леший“, 1906 г.
- Саид**, см. *Клюев*.
- Салтыков**, Георгий.
„На распутье“, 1906 г.
- Сварог**, Василий Семенович. Род. в 1883 г. Оконч. училище Штиглица в 1902 г.
„Волшебный Фонарь“, 1905 г. „Пулемет“, 1905—6 гг.
- Свириденко**, М.
„Пулемет“, 1905 г. „Будильник“, 1906 г.
„Serge“, см. *Животовский*.
- Серв**, Валентин Александрович (1865 — 1911). Учился в Акад. Худож. и за границей.
„Жупел“, 1905 г.
- Симаков**, Иван Михайлович (1877 — 1925). Художник-иллюстратор.
„Петербург. Листок“.
- Симонов**, Василий Львович. Род. в 1879 г. Оконч. Акад. Худ. в 1908 г. Скульптор.
„Гамаюн“, 1906 г.
- Сластион**, Афанасий Георгиевич. Окончил Акад. Худож. в 1882 г. Состоит директором худож.-пром. школы в Миргороде.
„Шершень“, 1906 г. — Киев.
- Слеі**, см. *Янов*.
- Слепян**, Михаил Герцович. Род. в 1872 г. Оконч. Акад. Худож. в 1901 г.
„Русь“, 1907 г.
- Смирнов**, Василий Иванович. Учился в Акад. Худож.
„Таран“, „Стрелы“, „Водоворот“.
- Солодилов**, К. Будучи студентом Технологич. института, как любитель занимался карикатурой.
„Русь“, 1907 г.
- Соломонов**, Михаил Исаакович. Род. в 1876 г. Учился в Одессе и у Кормона в Париже.
„Звон“, 1905 г. — Одесса. „Крокодил“, 1906 г. — Одесса.

- Спасский.** Подписывался „Z/1906“.
„Заноза“, 1906 г. „Пули“, 1906 г.
- Стеллецкий, Дмитрий Семенович.** Род. в 1875 г. Оконч. Акад. Худож. в 1903 г. Скульптор и живописец.
„Зритель“, 1905 г. „Адская Почта“, 1906 г.
- Столяр, Михаил Михайлович.** Учился в Акад. Худож. Псевдоним „Сто“.
„Водолаз“, 1906 г. „Зарницы“, 1906 г. „Буксир“, 1907 г. „Волшебный Фонарь“, 1905 г. „Накануне“, 1906 г. „Русь“, 1907 г. „Серый Волк“, 1907 г. „Сатирик“, 1907 г. „Таран“, 1907 г. „Стрелы“, 1905 г.
- Стриж, см. Горенбург.**
- Тавиц, Ал-др Иванович.** Художник-самоучка. Эстонец.
„Русь“, 1907 г. „Серый Волк“, 1907 г. „Зарницы“, 1906 г. „Пули“, 1906 г. „Коса“, 1906 г. „Заноза“, 1906 г. „Волшебный Фонарь“, 1906 г. „Аксиома“, 1906 г.
- Тильберг, Роберт Христофорович.** Латыш. Род. в 1888 г. Оконч. Акад. Худож. в 1909 г. Офортист.
„Серый Волк“, 1907 г.
- Тимрот, В.**
„Ювенал“, 1906 г.
- Тирн, П.**
„Нива“, 1906 г.
- Траубенберг, Вячеслав Иванович.** Род. в 1876 г. Окончил Казанскую худож. школу в 1900 г.
„Маски“, 1906 г.
- Троянский, Петр Николаевич.** Ум. в 1923 г. Псевдоним „Юнкер Шмидт“. Редактор „Адской Почты“.
„Сигнал“, 1905 г. „Русь“, 1907 г. „Серый Волк“, 1907 г.
- Тулин, Гр.**
„Фонарь“, 1906 г.
- Ушков.**
„Коса“, 1906 г.
- Фармаковский, Мстислав Владимирович.** Род. в 1873 г. Оконч. унив. (1895 г.) и Акад. Худож. в Дюссельдорфе (1902 г.). Подписывался „Мст“.
„Звон“, 1905 г. — Одесса.
- Фа-соль.**
„Анчар“, 1906 г. „Спрут“, 1906 г. „Свободный Смех“, 1905 г. „Свобода“, 1905 г.
- Felis, см. Николаева.**
- Фешин, Николай Иванович.** Род. в 1881 г. Оконч. Акад. Худож. в 1909 г.
„Леший“, 1906 г. „Пламя“, 1905 г. „Вольница“, 1906 г. „Ювенал“, 1906 г. „Искры“, 1906 г.
- Флере, Г.**
„Нива“, 1905 г.
- Чайковский, Георгий Борисович.** В 1905 г. был студентом-гражданином.
„Спрут“, 1906 г.
- Чемберс, Владимир Яковлевич.** Род. в 1877 г. График. Подписывался „В. Ч.“.
„Жупел“, 1905 г. „Адская Почта“, 1906 г.
- Чемоданов, М.**
„На распутье“, 1906 г.
- Чехович, М.**
„Русь“, 1907 г.
- Чехонин, Сергей Васильевич.** Род. в 1878 г. Учился в школе Общ. поощр. худож. и в школе Тенишевой у И. Е. Репина. Изв. график.
„Зритель“, 1905 г. „Альманах“, 1906 г. „Маски“ 1906 г. „Скоморох“, 1907 г.
- Чикин, Александр Андреевич.** Ум. в 1923 г. Художник-рисовальщик.
„Шут“, 1906 г. „Борцы“, 1906 г.
- Шафран, Марк Лазаревич.** Род. в 1877 г. Оконч. Акад. Худ. в 1914 г.
„Зритель“, 1905 г. „Ювенал“, 1906 г. „Памят“, 1906 г.
- Шебуев, Николай Георгиевич.** Писатель-публицист. Редактор-издатель „Пулемета“.
„Пулемет“, 1905 г. „Газета Шебуева“, 1906 г. „Сочинения Шебуева“, 1906 г.
- Шестопалов, Николай Иванович.** Род. в 1875 г. Учился в школе Общества поощрения художеств и в школе Тенишевой у И. Е. Репина.
„Зритель“, 1905 г. „Альманах“, 1906 г. „Маски“ 1906 г. „Адская Почта“, 1906 г. „Великая Москва“, 1906 г. „Вольница“, 1906 г.
- Шлинг, С. И.**
„Свисток“, 1906 г. — Тифлис.
- Школьник, Осип Соломонович** (1883 — 1926). Оконч. Акад. Худож. в 1906 г.
„Коса“, 1906 г.
- Шлуглейт, Иегошуа Моисеевич.** Род. в 1875 г. Оконч. Акад. Худож. в 1901 г.
„Гудок“, 1906 г.
- Штейн, Карл Иванович.** Род. около 1870, умер около 1917 г. Обучался живописи за границей. Псевдоним „Перо“.
„Петербургская Газета“.
- Эзоп, см. Зауерлендер.**
- Эрастов, Георгий Павлович.** Псевдоним „*Homunculus*“. Издатель журналов „Буря“, „Бурелом“. По профессии артист.
„Бурелом“, 1905—6 гг. „Буря“, 1906 г.
- Юнгер, Александр.** Псевдоним „Баян“.
„Спрут“, 1906 г. „Стрекоза“, 1907 г.
- Юнкер Шмидт, см. Троянский.**
- Яковлев, Михаил Яковлевич.** Псевдоним „Косин“. Живописец и гравер.
„Шершень“, 1906 г. — Киев. „Гром“, 1906 г. „Серый Волк“, 1907 г.
- Янов, Александр Александрович.** Псевдоним „*Clei**“, „*A. Dicstryl*“ и другие названия клеящих веществ. Род. в 1887 г. Учился у отца, в школе Об-ва поощр. художеств и в Акад. Худож.
„Зритель“, 1905 г. „Маски“, 1906 г. „Водоворот“, 1906 г. „Нагаечка“, 1906 г. „Буря“, 1906 г. „Бурелом“, 1906 г. „Зарево“, 1906 г. „Буревал“, 1906 г. „Заноза“, 1906 г. „Русь“, 1907 г. „Серый Волк“, 1907 г.

О г л а в л е н и е.

	СТР.
Предисловие <i>В. Невского</i>	3
Общий очерк <i>С. Исакова</i>	9
До 9-го января	55
9-е января	61
Духовенство	64
Николай II	67
Гапон	82
Владимир Александрович	88
Забастовка	91
Конституция	97
С. Ю. Витте	113
Кабинет министров	123
Дурново	131
Трепов	141
Высшая школа	145
Черная сотня	155
Погромы	163
Карательные экспедиции	171
Рабочие	183
Партии	195
Декабрьское восстание	205
Армия	221
Бюрократия	236
Заем и Государственная Дума	245
Крестьяне	252
Библиография и источники	272
Список лиц, иллюстрировавших сатирические журналы 1905—1907 г.г. . .	273
Оглавление.	

STATISTICS

1. The first part of the report deals with the general situation of the country in 1950. It is based on the results of the census of 1947 and the data of the various departments. It shows that the country has made considerable progress in the last few years, particularly in the field of agriculture and industry. The population has increased, and the standard of living has improved. The government has taken various measures to promote economic development and social progress. The report also discusses the role of the state in the economy and the need for further reforms. It concludes that the country is on a path of steady growth and development, and that the government's policies are generally sound.

ДВЕНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП.—ПЕРЕПЛЕТ 75 КОП.